Ц 146/613

С. И. ЛАВРЕНТЬЕВА.

И 146/613

201-84
2182-7

ПЕРЕЖИТОЕ

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ).

ИЗДАНІЕ АВТОРА.

Весь доходъ съ изданія жертвуется авторомъ на усиленіе средствъ Русскаго Женскаго Взаимно-Благотворительнаго Общества (въ С.-Петербургѣ) и состоящаго при немъ Дѣтскаго Очага для дѣтей образованныхъ тружениц.

Складъ изданія: С.-Петербургъ, Спасская, 18. Женское Общество.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1914 г.

„Сѣверная Печатня". В. О., 13 л., 2.

ИСКЛЮЧЕНА
из
Б-ки ИМЭЛ

С. С. С. Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

3175
/29

1922 I-44

Бывали свѣточи людей,
Что ярко путь ихъ освѣщали, -
А мы - лишь свѣчечку держали
Для нашихъ маленькихъ друзей!

1908 г.

С. Лаврентьева

ПЕРЕЖИТОЕ.

(Изъ воспоминаній).

I.

Я родилась въ г. Уфѣ 11-го Апрѣля 1836 года.

На этотъ разъ мое пребываніе въ родномъ городѣ не оставило во мнѣ никакихъ воспоминаній, такъ какъ меня вывезли оттуда съ кормилицей въ г. Тобольскъ, гдѣ отецъ получилъ тогда болѣе высокое назначеніе. И вотъ тамъ, съ 4-хлѣтняго возраста, память начинаетъ рисовать передо мной первыя картины, останавливаясь иногда на самыхъ ничтожныхъ подробностяхъ. Позволю себѣ остановиться на одной изъ этихъ картинъ самаго ранняго періода ясно запечатлѣвшейся въ моей памяти и имѣющей нѣкоторое психическое значеніе.

Вечеръ. Я съ меньшимъ братомъ, на семь лѣтъ меня старшимъ, сижу въ гостиной нашего большого дома. На большомъ кругломъ столѣ, передъ массивнымъ диваномъ краснаго дерева, какъ и вся мебель, горитъ масляная лампа, бросая широкій кругъ на столъ и на бѣлую бумагу, лежащую передъ братомъ. Немного важничая передъ каплюхой-сестрой, онъ бойкимъ карандашемъ чертит[illegible] на бумагѣ какія-то буквы, цифры и фигуры, на которыя [illegible], [illegible] его руки, заглядываю съ чувствомъ глубокаго уваженія къ его искусству. Снисходительно относясь къ моему вниманію, онъ, написавъ какую-нибудь букву или фигуру, передаетъ мнѣ карандашъ, заставляя скопировать написанное. Робко, затаивъ дыханіе, польщенная такимъ вниманіемъ, я стараюсь рабски передавать оригиналъ. Такъ продолжается нѣкоторое время.

— А нарисуй-ка вотъ это!—говоритъ онъ съ торжествомъ, въ которомъ звучитъ нѣкоторое злорадство, передавая мнѣ бумагу, на которой начертана страшная рожа, съ выпученными глазами и разинутымъ ртомъ.

— А-ай! — вскрикиваю я съ ужасомъ, въ неподдѣльности котораго невозможно сомнѣваться, и бросаюсь вонъ изъ-за стола.

— А-ай!—съ такимъ же ужасомъ кричитъ самъ мой маэстро, и оба мы, страшно перепуганные, влетаемъ въ слѣдующую комнату, спальню мамаши, прямо къ ней, сидящей съ книгой на маленькомъ диванчикѣ, обитомъ голубымъ барканомъ, близъ ниши, въ которой стоитъ кроватъ подъ высокимъ бѣлымъ, шелковымъ пологомъ, граціозно подхваченнымъ голубыми шнурами съ пышными кистями, а вверху поддержаннымъ бронзовымъ голубкомъ.

Я помню ясно этотъ нашъ тобольскій домъ. Помню огромную залу въ два свѣта, съ толстыми бѣлыми колоннами, съ хорами для музыкантовъ, и съ висѣвшими на блокахъ съ потолка клѣтками, въ которыхъ такъ и заливались канарейки, ввѣренныя нѣжному за ними уходу степенному камердинеру,—какъ тогда называли „дядьки“,—братьевъ, по имени Аркаша. Аркаша дожилъ до старости и подъ конецъ былъ пестуномъ дѣтей моего старшаго брата. Въ то время, какъ я стала себя помнить, этотъ братъ уже былъ офицеромъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, въ Петербургѣ. Кромѣ него и меня, младшей въ семьѣ, семья наша состояла изъ двухъ братьевъ и трехъ сестеръ. Не удивительно, что для такой семьи требовалось и большое помѣщеніе; и какихъ только комнатъ не было у насъ, въ нашемъ большомъ, хотя и невысокомъ, съ большимъ мезониномъ, домѣ: начиная съ нашей дѣтской, съ большой лежанкой, на которой зимой стояли бутыли съ различными наливками, и гдѣ по вечерамъ мы устраивали кукольные балы, которыми предводительствовала старшая сестра, въ свои 15 лѣтъ не гнушавшаяся куколъ, прекрасно ихъ вырѣзая изъ бумаги и искусно раскрашивая. Далѣе шли комнаты братьевъ, классныя, столовыя, чайныя и такъ далѣе. Кабинетъ отца былъ наверху, въ мезонинѣ.

Не касаясь родословной моихъ родителей, скажу, что отецъ мой, Иванъ Степановичъ, былъ изъ дворянъ; началъ свою службу въ Екатеринбургскомъ полку. Быстро идя по службѣ, онъ былъ сначала полковымъ адъютантомъ, далѣе бригаднымъ, дивизіоннымъ и корпуснымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ личнымъ адъютантомъ Оренбургскаго генералъ-губернатора князя Волконскаго (Григорія Семеновича, отца декабриста); а за отличіе по службѣ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ. Когда отецъ женился на моей матери,—тоже оренбургской уроженкѣ,—дочь князя очень

сдружилась съ моею матерью и, по выходѣ ея замужъ, тоже за князя Волконскаго (бывшаго потомъ министромъ Двора), привязавшись къ моей матери, стала уговаривать моего отца перевестись въ Петербургъ. Но отецъ, всегда вѣрный своимъ убѣжденіямъ, твердо рѣшилъ не оставлять стараго князя, съ знакомыми ему его чудачествами, очень къ нему привязаннаго; а по смерти его совсѣмъ оставилъ военную службу,—не имѣя къ ней расположенія, — и былъ сначала предсѣдателемъ Оренбургской уголовной палаты, а затѣмъ, въ Тобольскѣ предсѣдателемъ губернскаго суда.

Мать, Екатерина Григорьевна, урожденная Карелина (предки которой были, при Петрѣ Великомъ, выходцами изъ Швеціи-Кареліи), была изъ очень богатаго дома, главное по матери, Евреиновой, отецъ которой имѣлъ цѣлыя улицы домовъ въ Казани. Къ характеристикѣ отца и матери прибавлю, что они были не только по тому времени, но и опередивъ его, вполнѣ передовые, образованные люди, очень начитанные, съ либеральными взглядами. Отецъ въ Тобольскѣ былъ друженъ съ Сперанскимъ, состоя съ нимъ въ перепискѣ. При всей своей серіозности, онъ умѣлъ быть и шутливо-острымъ, иногда пописывая и стишки. Мать была замѣчательною красавицей и была очаровательно любезна въ обществѣ, что сохранила до своей смерти, т. е. до 74 лѣтъ. Я живо помню ее и молодою, цвѣтущею красавицей. Помню ее стоящею передъ огромнымъ трюмо въ массивной оправѣ краснаго дерева, готовой ѣхать на балъ. Помню голубой бархатный беретъ, въ видѣ тюрбана, перевитый бѣлыми бусами, на ея темнокудрой головкѣ и легкую, тонкой работы, золотую, съ камешками, фероньерку, положенную посреди лба, и длинныя, въ формѣ грушъ, брильянтовыя серьги въ ушахъ... Стоитъ она передъ трюмо, стройная красавица, сознающая свою красоту и довольная ею; а мы стоимъ кругомъ и тоже любуемся ею, и чувствуемъ, что она все же наша, и гордимся ею, и счастливы ею... И, бросившись затѣмъ къ окну, чтобы посмотрѣть, какъ она съ отцомъ сядетъ въ нашу большую теплую карету съ парой, такихъ знакомыхъ, сѣрыхъ лошадей въ яблокахъ,—мы увѣрены, что, вернувшись съ бала, она непремѣнно зайдетъ къ намъ въ наши спальни и всѣхъ перекреститъ и каждому сунетъ подъ подушку какой-нибудь гостинчикъ. Иногда, сквозь сонъ, слышишь этотъ тихій, какъ вздохъ, шелестъ ея шаговъ; ощущаешь, какъ она наклонится надъ тобой, сунетъ тихонько-тихонько руку подъ подушку; лѣнь

пробудиться совсѣмъ, и такъ хорошо, хорошо тебѣ въ этомъ полубытіи и сознаніи, что тебя любятъ!..

Вообще, надо сказать, что Богъ далъ намъ счастіе имѣть такихъ родителей, которыми въ правѣ гордиться всякій порядочный человѣкъ! Довольно сказать, что мой отецъ, пять лѣтъ занимая въ Тобольскѣ, какъ я выше писала, значительное положеніе предсѣдателя губернскаго суда, часто, за отсутствіемъ губернатора, исправляя и его должность,—былъ благословляемъ тѣми несчастными ссыльными, дѣла которыхъ проходили черезъ его руки; и что нашъ домъ былъ теплымъ очагомъ для тѣхъ интеллигентныхъ поляковъ, которые,—послѣ возстанія 1831 г.,—окончивъ свое тяжелое наказаніе, жили на поселеніи въ Тобольскѣ. Я ясно помню и симпатичнаго, очень образованнаго, графа Валицкаго, когда-то блестящаго богача, имѣвшаго свои оркестры,—теперь довольствовавшагося мѣстомъ капельмейстера одного маленькаго оркестра и дававшаго уроки фортепьянной игры, въ томъ числѣ и моей старшей сестрѣ, отдыхая душой въ нашей теплой семьѣ, какъ въ родной. Помню милаго, веселаго старичка, графа Морхотскаго, вѣчно возившагося съ нами, дѣтворой, забывая среди нашихъ ласкъ свои невзгоды и далекую семью. Моею няней была тоже полька, пани Терлецкая, дворянка-помѣщица, державшаяся у насъ въ домѣ на „господскомъ положеніи". Любила она меня до обожанія; учила меня пѣть польскія пѣсни и нерѣдко водила меня съ собой въ костелъ, гдѣ, въ подражаніе ей, я усердно била себя крошечнымъ кулачкомъ въ грудь. Мои родители глубоко религіозные, но широко смотрѣвшіе на религію, ничего противъ этого не имѣли; тѣмъ болѣе, что это нисколько не мѣшало мнѣ такъ же усердно класть поклоны во время нашихъ домашнихъ молебновъ и всенощныхъ, справлявшихся на всѣ большіе праздники.

Обставлялось это всегда очень торжественно. Столъ, покрытый бѣлой скатертью, заставлялся старинными иконами, въ тяжелыхъ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ, которыхъ,—особенно у матери, получившей ихъ въ приданое отъ своей богатой семьи,—было много, и хранились онѣ свято въ большомъ кіотѣ, гдѣ царила большая, очень древняя икона въ тяжелой золотой, украшенной жемчугомъ и аметистами, ризѣ, Божіей Матери Ѳедоровской, копіи въ натуральную величину, той костромской, которою былъ благословленъ на царство Михаилъ Романовъ. Въ кіотѣ, кромѣ другихъ святынь, особенно благоговѣйно хранился очень старинный мѣдный складень, сопровождавшій отца во всѣхъ его

поѣздкахъ. Вотъ эти то святыни и выставлялись на столъ во время домашнихъ молебствій. Послѣ молебновъ былъ всегда обильный завтракъ, изъ скоромныхъ и постныхъ блюдъ, такъ какъ нерѣдко пріѣзжалъ и очень любившій отца архіерей; и духовенство съ большимъ стараніемъ налегало на глыбы семги, балыка и всего прочаго. Молельщиковъ на этихъ службахъ всегда было много, такъ какъ, кромѣ нашей семьи и нѣкоторыхъ знакомыхъ, тутъ присутствовала бо́льшая часть нашихъ дворовыхъ, а ихъ у насъ съ дѣтьми было 30 человѣкъ.

Не могу, при этомъ, не упомянуть о той гуманности, съ которою отецъ и мать относились къ прислугѣ: гуманность, на которую нужно было особенно указать въ это время крѣпостнаго права, когда на прислугу смотрѣли, какъ на скотовъ, которымъ бросали ни на что другое негодные отброски. У насъ ихъ кормили, что называется, до отвала и обращались съ ними по-человѣчески. Мы, дѣти, тоже были очень ласковы и вѣжливы съ прислугой и дружили съ дворовыми ребятишками. Насколько не было въ насъ барской замашки другихъ дѣтей того времени, приведу одинъ фактъ изъ своей жизни позднѣйшаго времени, когда мнѣ было уже семь лѣтъ,—фактъ, въ которомъ въ моей маленькой душѣ впервые проявилось чувство сознаніе своей виновности и раскаяніе.

Надо сказать, что взрослую, служившую непосредственно намъ, прислугу, мы всегда называли уменьшительными именами: Аркаша, Петруша, Тиша и т. д. У немолодого, немного хмураго, стоявшаго при столовой, Петруши, былъ сынъ Алешка (еще по лѣтамъ не доросшій до Алеши), мой ровесникъ, котораго въ семь лѣтъ, къ великой его радости и гордости, облекли въ сѣрый фракъ и красный жилетъ съ бронзовыми пуговицами и снарядили служить за моимъ стуломъ въ столовой и принимать грязныя тарелки, при чемъ онъ охотнѣе бралъ тѣ, на которыхъ оставалось что-нибудь вкусненькое. Но самымъ излюбленнымъ дѣломъ Алешки было—ставить передъ обѣдомъ стулья къ обѣденному столу. Разъ, придя въ столовую въ это время, я соблазнилась пріятнымъ занятіемъ Алешки и тоже потащила къ столу одинъ стулъ. Алешка возмутился и, вырвавъ у меня стулъ, наговорилъ мнѣ дерзостей. Въ этотъ драматическій моментъ въ столовую вошелъ Петруша, и я, еще въ пылу негодованія, пожаловалась ему на маленькаго грубіана, какъ бы пожаловалась и на кого-либо изъ своихъ товарищей! Не удивительно, что за этимъ послѣдовалъ отъ родительской руки поря-

дочный подзатыльникъ по гладко остриженной головѣ Алешки, а затѣмъ его плачъ... Но когда Алешка, тихонько всхлипывая, полѣзъ въ карманъ и вытащилъ оттуда какую-то пеструю, кажется кисейную, тряпочку, сталъ ею вытирать слезы,—эта-то тряпочка и эти тихія слезы охватили мое сердце такою жалостью и раскаяніемъ за мою жалобу, что я почувствовала себя просто преступницей и не знала, какъ загладить свою вину передъ Алешкой,—что было далеко не трудно.

Наша семья была вполнѣ типомъ патріархальной семьи того времени со всѣми ея традиціями. У насъ соблюдались всѣ исконные, старинные обычаи, вошедшіе въ плоть и кровь. Когда, послѣ широкой масляницы приходило заговѣнье, мы вечеромъ этого „прощеннаго“ дня, всѣ, какъ дѣти у родителей, такъ и вся прислуга у господъ, просили прощенія, кланяясь въ ноги. Весь великій постъ мы, даже дѣти съ двухлѣтняго возраста, постились первую, четвертую и послѣднюю недѣлю, также, какъ каждую среду и пятницу,—даже безъ рыбы. Въ среду на четвертой—„крестопоклонной“ — недѣлѣ у насъ пеклись изъ сдобнаго на постномъ маслѣ тѣста кресты. Во внутренность одного изъ нихъ запекался серебряный пятачокъ; и съ какимъ трепетомъ сердца и осторожностью каждый взламывалъ свой крестъ, пока пятачокъ не обрѣтался въ рукахъ нашедшаго его у себя счастливца! Девятаго марта, въ день начала весны, у насъ пекли, изъ такого же тѣста, жаворонка, въ видѣ матки, съ широко-растопыренными крыльями, на каждомъ изъ которыхъ лѣпились крошечные жаворонята. Съ этими жаворонками въ рукахъ мы бѣгали по комнатамъ, дружно выкрикивая: „Жаворонки прилетѣли! Жаворонки прилетѣли!“ Въ вербную субботу тѣ вербочки, съ которыми стояли у всенощной, приносили домой и ими тихонько похлопывали по спинѣ дѣтей, приговаривая: „Верба хлестъ, бей до слезъ, на доброе здоровье!“ А въ великій четвергъ, послѣ стоянія у всенощной, за чтеніемъ двѣнадцати Евангелій, старались донести съ огнемъ до дома тѣ свѣчи, съ которыми стояли въ церкви, чтобы отъ этого огня зажечь теплившіяся передъ образами лампады, которыя передъ тѣмъ нарочно тушили. А свѣчи эти потомъ сохраняли, зажигая ихъ во время грозы, чтобы отвратить „гнѣвъ Божій,“ т. е. молнію.

Страстная недѣля была посвящаема канительной предпраздничной чисткѣ всего дома, при чемъ днемъ, въ великій четвергъ, чистили ризы иконъ, а также дѣлали „четверговую соль“, нѣко-

торыми очень любимую съ крутыми яйцами, на Пасху. Послѣднiе дни Страстной недѣли отдавались приготовленiю всевозможныхъ снадобiй въ огромномъ количествѣ, какъ для господъ, такъ и для всей дворни. Чего-чего тутъ ни было! Пасхи изъ творога и сырого и заварного; куличи разныхъ сортовъ и формъ; барашки изъ сливочнаго масла, съ круто-завитою шерсткой и ленточкой на шеѣ. Колоссальные окорока и снѣжно-бѣлая, вскормленная на молокѣ, телятина, украшенные вырѣзанными изъ бумаги горжетками и розовыми галстучками; фаршированныя индюшки, гусиные полотки и пр. и пр. Мы, дѣти, изощрялись въ крашенiи яицъ, употребляя на то: разноцвѣтные лоскутки, луковыя перья, листья березы, взятые изъ вѣниковъ, синюю сахарную бумагу и пр. Большинство яицъ красили краснымъ сандаломъ, такъ какъ позднѣйшихъ разноцвѣтныхъ красокъ въ порошкахъ и жидкостяхъ тогда еще не существовало. Катанье яицъ на пасхальной недѣлѣ у насъ очень практиковалось.

Коснувшись игръ, скажу, что мы вообще любили игры и не гнушались ими. Мы, дѣвочки, очень любили и долго играли въ куклы, прiучаясь на нихъ и шить, изощряя свой вкусъ въ отдѣлкахъ ихъ комнатъ или въ устройствѣ ихъ садовъ, мѣсто для которыхъ намъ отводилось на широкихъ подоконникахъ. Вмѣстѣ съ братьями и приходившими къ намъ маленькими гостями, мы заводили болѣе шумныя игры, какъ: „весь туалетъ“, „жмурки“, „кошка и мышка“, „веревочка“, „краски“ и пр. Помню, что одною изъ нашихъ любимыхъ игръ, когда мы были одни, была игра, называвшаяся „Кащей безсмертный“, для большей таинственности происходившая въ полутемной комнатѣ, гдѣ стояли какiе-то сундуки и откуда шла лѣстница наверхъ, въ кабинетъ отца; а затѣмъ игра въ дорогу, когда изъ опрокинутыхъ стульевъ устраивались сани, въ которыя, предварительно закутавшись, усаживалась дорожная семья. Кучеръ очень исправно управлялъ тройкой лошадей, тоже изображавшихся стульями, въ то же время исправляя и должность бубенчиковъ, звонко выкрикивая: „динь-дилилинь! Диль-динь, диль-динь!“ Самый интересъ заключался въ дорожныхъ происшествiяхъ, главнымъ изъ которыхъ было нападенiе волковъ, что производило чисто паническiй страхъ на всю компанiю!

Такой же страхъ внушала намъ другая игра, происходившая лѣтомъ въ саду и называвшаяся „разбойники“, въ которой главную роль игралъ крестъ, начертанный на пескѣ дорожки, который нужно было тщательно избѣгать, а замѣтя его, съ крикомъ: „Ай,

крестъ!“ спасаться бѣгствомъ. Упоминаніе о садѣ возстановило въ моей памяти пріятные для насъ тамъ моменты варки мамашей вареній. Живо представляется мнѣ наша красавица-мамаша въ широкомъ бѣломъ капотѣ, будто пиѳія, возсѣдающая передъ треножникомъ, на которомъ, на огнѣ, стоитъ мѣдный тазикъ, откуда до насъ доносится невыразимо-сладкій ароматъ: малины, вишни или смородины... Величаво, будто совершая какое-то таинство, мамаша ложкой мѣшаетъ въ темноаломъ соку варенья, въ которое, стоящая подлѣ нея, ея главная горничная, длинноносая Марья Ивановна, подкладываетъ то ягодъ, то мелкаго сахару, то подставляетъ блюдечко, куда мамаша кладетъ снятыя съ варенья пѣнки... Эти пѣнки и служатъ тою приманкой, къ которой мы льнемъ, какъ мухи, съ невыразимою быстротой съ блюдечка Марьи Ивановны исчезающія въ нашихъ ртахъ!..

Снова перейдя къ нашимъ играмъ, остановлюсь еще на играхъ святочныхъ, на рождественскихъ праздникахъ, въ которыхъ принимали участіе и большіе, какъ: „рубликъ“, „курилка-мурилка“, а также разныя гаданья, въ которыхъ мы, дѣти, не участвовали, но о которыхъ много вокругъ насъ говорили, особенно наши горничныя, таинственно шушукавшіяся о томъ, какъ онѣ бѣгали слушать къ церкви, какъ ставили мостки, смотрѣлись въ зеркало и прочее, мало насъ интересовавшее и потому пропускавшееся мимо ушей.

Не такъ было передъ Рождествомъ, когда, шопотомъ же, заходила рѣчь о приготовленіи къ елкѣ!.. Бывала она у насъ всегда въ сочельникъ. Утромъ мы, бывало, постились „до звѣзды“. Проголодавшись, мы безпрестанно подбѣгали къ окну посмотрѣть, не появилась ли на небѣ звѣзда, о появленіи которой радостно провозглашали, вслѣдъ затѣмъ садясь за обѣдъ, конечно постный, даже безъ рыбы, третьимъ блюдомъ къ которому подавались или пышки съ медомъ, или левашники съ макомъ. Всѣ украшенія къ елкѣ дѣлались у насъ дома и были очень незатѣйливы; такъ какъ, во-первыхъ, насъ, дѣтей,—несмотря на то, что домъ былъ полная чаша, — не баловали излишествомъ, дающимъ пресыщеніе дѣтямъ нынѣшняго времени; а во-вторыхъ, еще не была изобрѣтена та масса причудливыхъ елочныхъ украшеній, которыя только портятъ красоту самаго деревца, нелѣпо сжатаго, будто задавленнаго ими! Наша хорошенькая елочка, стоявшая на своей подставкѣ на столѣ, покрытомъ длинною, бѣлою скатертью, украшалась только свѣчами и мѣшечками, искусно самимъ отцомъ вы-

рѣзанными изъ разноцвѣтной бумаги такимъ образомъ, что они имѣли видъ продолговатыхъ, прозрачныхъ сѣтокъ, наполненныхъ: миндалемъ, изюмомъ, шепталой—называвшейся въ Сибири „урюкомъ“,—и прочими сушеными фруктами. Было и нѣсколько висѣвшихъ румяныхъ яблочковъ, составлявшихъ въ Тобольскѣ, при его климатѣ,—гдѣ яблоки росли, какъ и у насъ, въ оранжереѣ,—большую драгоцѣнность! Насколько было просто украшеніе нашей елочки, настолько же были просты и разложенные подъ ней подарочки намъ, дѣтямъ.

Но раньше, чѣмъ начать любоваться какъ елочкой, такъ и подарками, мы, введенные отцомъ въ залу, должны были встать передъ висѣвшимъ въ углу образомъ и хоромъ спѣть рождественскіе гимны. При этомъ нужно замѣтить, что хотя стояли мы чинно, но кто-нибудь, старательно вытягивая: „Дѣва днесь Пресу-ще-ственнаго рож-да-а-а-етъ...“ невольно косился на весело сіявшее деревцо. Такъ же патріархально соблюдались у насъ и семейные праздники: дни рожденья и именинъ отца и матери, къ которымъ мы всегда приготовляли, сообразно своимъ силамъ, подарочки. Кромѣ того, говорились, заученные къ этому дню, стихи. Но этимъ торжество не ограничивалось. Дальнѣйшее предоставлялось тому изъ родителей, кто не былъ виновникомъ торжества, а устраивалъ его для другого, и заключалось въ вечернемъ спектаклѣ, для чего такъ удобна была наша большая зала, ярко освѣщенная и уставленная рядами стульевъ. Гости съѣзжаются рано и размѣщаются передъ тихо колыхавшеюся занавѣсью. Слѣдуетъ музыкальная интермедія, или на роялѣ, стоявшемъ въ залѣ, или, если послѣ спектакля былъ балъ,—то оркестра, помѣщеннаго на хорахъ. Играли, кромѣ нашихъ, и другія знакомыя дѣти; особеннымъ знатокомъ дѣла былъ отецъ—и спектакли шли прекрасно. Конечно, иногда были маленькіе, непредвидѣнные инциденты, какъ слѣдующій.

Въ одной пьесѣ, гдѣ братъ Саша игралъ старика, съ роскошною сѣдой, сдѣланной изъ пакли, бородой, и устало лежалъ въ лѣсу, составленному изъ растеній въ кадкахъ, вынесенныхъ изъ нашей оранжереи,—у него въ корзинѣ лежали, якобы набранные имъ, грибы, которые нашъ поваръ Родіонъ очень искусно сдѣлалъ изъ тѣста. Но когда почтенный старецъ хотѣлъ подѣлиться своими грибами съ пастушкой, искавшей свою овечку,—грибовъ въ корзинѣ не оказалось, такъ какъ ихъ съ аппетитомъ скушала незамѣтно подкравшаяся собака Дамка, привлеченная вкуснымъ

ароматомъ печенаго хлѣба! Эти спектакли были первыми проблесками, развившими впослѣдствіи мою страсть къ театру, тутъ впервые проявившейся импровизированнымъ дебютомъ.

Увлеченная общею театральною горячкой, я упросила, на одномъ изъ нашихъ спектаклей, дать мнѣ какую-нибудь должность; но такой оказалась только раздача писанныхъ афишъ входившимъ гостямъ, при чемъ я должна была держаться впереди, у самой сцены. Чтобы придать болѣе интереса этой скромной должности, мнѣ, по моей просьбѣ, устроили какой-то фантастическій мужской костюмъ, самую заманчивую часть котораго представлялъ головной уборъ въ видѣ чалмы, кажется устроенный изъ чайнаго полотенца, съ красною каймой и длиннымъ концомъ съ бахрамой. Очень довольная, я быстро вошла въ свою роль и сначала увлекалась ею. Но когда всѣ гости уже были на мѣстахъ и всѣ афишы розданы, мнѣ оставалось скучать бездѣйствіемъ, стоя подлѣ спущеннаго въ антрактахъ, занавѣса... И вотъ, подзадоренная первымъ дѣйствіемъ спектакля и успѣхами исполнителей, я рѣшила во время антракта, изъ пассивной роли перейти въ активную и, не долго думая, бойко вставъ передъ спущеннымъ занавѣсомъ, лицомъ къ удивленной такою неожиданностью публикѣ, начала продѣлывать пируэты и антрша самаго фантастическаго танца, вызвавъ громъ одобренія, не только меня не смутившаго, но еще болѣе подбодрявшаго мое усердіе; и, вполнѣ удовлетворенная, я отошла въ сторону, на прежнее мѣсто.

Но вскорѣ мнѣ пришлось парадировать болѣе торжественно. Иногда вмѣсто спектакля въ такіе дни бывали балы, а вначалѣ—дивертисменты изъ характерныхъ дѣтскихъ танцевъ. И вотъ, въ такомъ-то дивертисментѣ въ день именинъ мамаши, 24 ноября, я, въ красномъ сарафанчикѣ, обшитомъ золотымъ позументомъ, и голубой повязкѣ, плясала русскую, а потомъ сказала стихи.

Но этотъ, вполнѣ удачный, настоящій дебютъ, имѣлъ неудачный финалъ. Упоенная своимъ успѣхомъ, я испросила разрѣшеніе остаться до конца бала, т.-е. дождаться ужина, казавшагося чѣмъ-то необычайно заманчивымъ! Хотя тогдашніе балы не походили на нынѣшніе, начинающіеся тогда, когда тѣ, бывало кончались, но все же для пятилѣтней каплюхи дотянуть до 12 часовъ,—было слишкомъ поздно! Вначалѣ, заинтересованная танцами большихъ и музыкой, я, подъ конецъ, стала уныло слоняться по залѣ, все болѣе удаляясь. Заглянула въ столовую, гдѣ толпа слугъ все окончательно сортировала, кинула полусонный взглядъ на соблаз-

нительныя пирамиды розоваго, бѣлаго и пестраго мороженаго, окруженнаго конфетами, и, незамѣтно очутилась въ спальнѣ мамаши, этой уютной, голубой спальнѣ, освѣщенной одною висячею лампой... съ этимъ нѣжнымъ голубкомъ надъ пологомъ и привѣтливо манившимъ голубымъ диванчикомъ... Отчего же и не отдохнуть на немъ, немножечко, въ ожиданіи ужина?.. Музыка доносится издалека такъ мягко и нѣжно... Голубокъ, кажется, начинаетъ ниже спускаться ко мнѣ... А лампа немного потускнѣла... Музыка становится тише... все тише... А голубокъ совсѣмъ низко, низко спустился... сѣлъ мнѣ на плечо...

— Софичка! Пойдемъ баиньки! Дай я тебя раздѣну! — слышу я нѣжный голосъ мамаши...

Я проспала ужинъ!..

Не могу не упомянуть еще объ одномъ изъ нашихъ наслажденій. Это были сказки, особенно когда ихъ разсказывала мамаша, имѣвшая особенный даръ вкладывать въ нихъ, помимо поэзіи, много сердечнаго и таинственнаго! Сколько слезъ пролили мы, слушая раздирательные вопли братца „Алешеньки“, взывавшаго къ сестрицѣ „Аленушкѣ“: „Кипятъ котлы кипучіе... Точатъ ножи булатные“... Съ какимъ интересомъ слѣдили мы за похожденіемъ „пирожка-колобка“, что былъ „на маслѣ печенъ, на сметанѣ мѣшенъ...“ Сколько было смѣху при всѣхъ неудачахъ „Ивана-дурачка“, за всю его глупость искренно нами любимаго! А далѣе вставали образы другіе: „Котъ въ сапогахъ“, „Милонѣга-бѣлоручка, васильковенькій глазокъ“, „Семь Симіоновъ“, „Конекъ-горбунокъ“, авторъ котораго, Ершовъ, былъ хорошо знакомъ моимъ родителямъ.

На меня особенное, совсѣмъ отличное отъ другихъ сказокъ, впечатлѣніе производила одна, названіе которой, также какъ и ея подробное содержаніе, я не помню. Помню только, что была въ ней рѣчь о странствіяхъ какого-то витязя, и въ этихъ странствіяхъ большую роль, какъ бы непремѣнный припѣвъ, — играла фраза, произносимая мамашей особенно таинственно, немного нараспѣвъ: „Я-асно, я-асно небо чи-и-стое... Ѣ-ѣдетъ, ѣдетъ добрый мо-о-лодецъ!..“ Эта фраза схватывала мое маленькое сердце чѣмъ-то грустнымъ и въ то же время таинственнымъ, и вмѣстѣ такимъ поэтичнымъ, чего я не могла еще тогда ни понять, ни оцѣнить, но что инстинктивно затрогивало фантазію и манило вдаль и ввысь... что было схоже съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое гораздо позже произвела на меня картина Васнецова: „На рас-

путьи"... И я потомъ, уже лежа въ своей бѣленькой постелькѣ, еще думала объ этомъ „добромъ молодцѣ"... Въ моемъ воображеніи такъ ясно рисовался его темный силуэтъ на ясномъ, еще окрашеннымъ желтымъ закатомъ, вечернемъ небѣ, и я засыпала, отъ души пожелавъ ему добраго пути!..

Самый городъ Тобольскъ я помню мало. Помню только, что былъ онъ построенъ въ два яруса: верхній и нижній городъ. Особенно помню это по одному нашему паломничеству, въ вечерній часъ, въ верхній городъ, въ какой-то монастырь. Монастырь стоялъ на самомъ верху и туда надо было всходить по широкой лѣстницѣ съ отлогими ступенями и частыми площадками, на которыхъ стояли скамейки для отдыха. Я была по природѣ мистикъ и все таинственное чѣмъ-то близкимъ, будто давно знакомымъ, обвѣвало мою душу съ младенчества... И вотъ, ясно помню, что такою таинственностью пахнуло на меня при входѣ въ церковь, гдѣ была чудотворная икона Богоматери. Церковь была почти темна, только ярко пылали свѣчи передъ иконой, не освѣщая черныхъ угловъ, въ которыхъ чуть виднѣлись фигуры богомольцевъ, остававшихся на всю ночь для ранней обѣдни. Помолившись, мы вышли изъ церкви и присѣли отдохнутъ на скамейкѣ площадки. Было уже поздно и кругомъ тихо-тихо. Вверху безоблачное, необычайно свѣтлое, какъ бываетъ только въ сѣверныхъ, бѣлыхъ ночахъ, небо. Внизу — патріархально рано спящій городъ, весь, какъ бы покрываломъ, закутанный сѣдымъ туманомъ. И вдругъ мнѣ показалось, что я страшно далеко отъ этого туманнаго города и гораздо ближе къ этому ясному небу; а что еще выше этого неба есть что-то такое, до чего я тогда додуматься не могла. И такъ и вернулась домой съ этою думой, которую приняли за усталость, потому что дѣтскую душу разгадать трудно!..

Перейдя теперь къ бытовой патріархальности города, отмѣчу слѣдующій случай, взволновавшій мирныхъ его жителей. При насъ пріѣхалъ туда новый комендантъ, Хвитскій. Жена его, на которой онъ только-что женился вдовцемъ, съ взрослою дочерью,— тоже вдова съ двумя взрослыми дочерьми, была уже очень не молода, хотя и имѣла привилегію, вслѣдствіе недавняго новаго замужества, именоваться „молодою", барынька очень томная и тонная, очень молодившаяся,—произвела бурный фуроръ въ мирномъ городѣ, устроивъ кавалькаду и сама съ дочерьми красуясь на конѣ. Простой народъ, не видавшій до того, чтобы барыни

ѣздили верхомъ, пришелъ въ неописанное удивленіе и толпами преслѣдовалъ кавалькаду криками: „Комедьянты! Комедьянты!“ Впрочемъ тонная камендантша задала гражданамъ Тобольска и другое зрѣлище: вздумавъ, по пріѣздѣ, дѣлать визиты въ шубкѣ изъ золотого глазета, опушенной горностаемъ, съ казакомъ на запяткахъ, разыгравъ роль губернской императрицы. Помню еще открытіе памятника Ермаку. Яркое голубое небо съ горячимъ солнцемъ, что бьетъ лучами на несмѣтную толпу, собравшуюся на берегу Иртыша. Кругомъ войска. Молебствіе. Вѣчная память Ермаку и, при крикахъ толпы и ружейной пальбѣ, пала завѣса съ памятника, воздвигнутаго на высокомъ берегу Иртыша, что-то въ родѣ пирамиды.

Климатическія условія Тобольска весьма не удовлетворительны, и это очень повліяло на слабое сложеніе моего отца. Несмотря на частые уговоры матери перемѣнить мѣсто служенія, отецъ, всегда ревностный въ исполненіи своихъ обязанностей, видя, какую пользу онъ приноситъ на этомъ мѣстѣ дѣлу и подвѣдомственнымъ ему людямъ, все отказывался и уступилъ только тогда, когда представилась необходимость подумать о болѣе обширномъ образованіи братьевъ, уже ходившихъ въ тобольскую гимназію, но записанныхъ на поступленіе въ заведеніе Петербурга. Отцу на выборъ представили два очень значительныхъ мѣста: въ Петербургѣ и Гродно. Несмотря на болѣе мягкій климатъ Гродно, Петербургъ манилъ его возможностью ближе слѣдить за воспитаніемъ сыновей, и онъ выбралъ Петербургъ, куда мы и стали собираться.

Можно себѣ вообразить сборы большой семьи, поднимавшейся на далекій путь съ тѣмъ комфортомъ, безъ котораго трудно было себѣ представить путешествіе того времени: съ прислугой, массою вещей и провизіи; въ трехъ тяжелыхъ возкахъ, съ ночевками на станціяхъ, и все на лошадяхъ, такъ какъ въ то время въ Россіи не существовало еще ни одной желѣзной дороги! И притомъ, путешествіе зимой, при 40 градусахъ сибирскихъ морозовъ! Нашъ милый, уютный домъ купилъ декабристъ Анненковъ, жившій уже на поселеніи въ Тобольскѣ. Отправляютъ обозы съ вещами впередъ. На полу разбросаны чемоданы и перины, для укладки ихъ въ возки; и на одной изъ нихъ, валяюсь я, утопая въ горькихъ слезахъ, первыхъ горькихъ слезахъ разлуки, разставаясь со своею возлюбленною няней, еще не имѣвшей права покинуть Сибири. Мы выѣзжаемъ вечеромъ въ сочельникъ, 24 декабря 1841 г., но на ночь остановились въ деревнѣ, въ славной избѣ

зажиточнаго крестьянина, гдѣ и встрѣтили Рождество, разговѣвшись своими пельменями, которые, замороженными, были, какъ орѣхи, ссыпаны въ мѣшки и потомъ, разогрѣтые ѣхавшимъ съ нами поваромъ, были еще вкуснѣе и сочнѣе. Въ такомъ же замороженномъ видѣ ѣхали съ нами и щи, которыя, по мѣрѣ надобности, раскалывались топоромъ.

На одной изъ недалекихъ станцій мы должны были распроститься съ отцомъ и братьями, отправлявшимися въ Петербургъ, тогда какъ мы, съ мамашей, ѣхали сначала въ Уфу, чтобы продать бывшее тамъ у насъ, подъ городомъ, небольшое имѣньице, и тамъ ожидать устройства отца на новомъ мѣстѣ, и тогда уже съ нимъ соединиться. Мы и не предчувствовали, что не увидимъ болѣе нашего добраго, благороднаго отца!..

И вотъ началось это длинное путешествіе, съ жестокими морозами! Ужъ, кажется, изрядно были укутаны! На мнѣ, напримѣръ, поверхъ ватнаго капотика, была надѣта мѣховая шубка, подпоясанная кушакомъ, а сверху еще мѣховой салопикъ. На головѣ красная шапочка-капоръ съ лебяжей опушкой; мѣховыя рукавички и мѣховые сапоги. Притомъ, сидя на перинѣ, въ тепломъ возкѣ, имѣвшемъ видъ Ноева ковчега, среди груды подушекъ, мы были прикрыты мѣховыми одѣялами; а, бывало, пріѣдемъ на станцію, и я пищу: „У меня ноги замерзли!“ Зато, какъ хорошо было войти въ теплую, русскую избу! Такъ и обдастъ тебя теплымъ паромъ и запахомъ хлѣба и щей. Пойдетъ раскутыванье, а тамъ чай, ужинъ и размѣщеніе на ночь. Утромъ, чуть солнышко обольетъ розоватымъ свѣтомъ морозное, бѣлое небо, мы уже снова въ путь. И какъ не хочется разставаться съ теплымъ пріютомъ и снова залѣзать въ холодный, тяжелый возокъ! И опять заскрипятъ полозья и окоченѣютъ ноги... Тащились мы долго и тихо-тихо. Возокъ тяжелый, поклажи много. Дорога такъ занесена сугробами снѣга, что иногда ѣхали шагомъ, а иногда и совсѣмъ останавливались посреди дороги, несмотря на то, что случалось впрягать по шести лошадей. И морозъ, морозъ!..

Доѣхали мы до Уфы уже раннею весной и едва успѣли устроиться, какъ получили изъ Петербурга извѣстіе о постигшемъ насъ тяжеломъ горѣ: дорогой нашъ отецъ, только успѣвъ опредѣлить въ заведенія мальчиковъ, и еще ничего не рѣшивъ со своей службой,—очень значительной въ Петербургѣ,—тихо скончался 7-го апрѣля...

Часть лѣта мы провели въ своей деревенькѣ, въ ея малень-

комъ, только что отстроенномъ, совсѣмъ простомъ домикѣ, и я впервые познакомилась съ русскою деревней и ея жителями, съ перваго же дня вступивъ въ большую дружбу съ деревенскими ребятишками. Посѣщали мы и помѣстья нашихъ, дружескихъ намъ, еще по прежнему пребыванію родителей въ Уфѣ,—знакомыхъ. Особенно часто гащивали въ прекрасномъ селѣ Никольскомъ, принадлежавшемъ моей крестной матери, Глазовой, прелестной старушкѣ-хлопотуньѣ, образцовой хозяйкѣ и благодѣтельницѣ всѣхъ обездоленныхъ и безпріютныхъ. Въ своемъ домѣ она давала пріютъ и безпомощной вдовѣ, и малюткамъ-сиротамъ, давая имъ образованіе, а потомъ дѣвушекъ выдавала замужъ и надѣляла ихъ приданымъ, а мальчиковъ опредѣляла на службу.

Село Никольское было богатое; но для насъ, дѣтей, въ немъ была особенная, соблазнительная приманка, состоявшая въ необозримыхъ поляхъ, сплошь покрытыхъ не саженной, а самимъ Богомъ выращенной, вишней, то на низкихъ кустикахъ, то стлавшейся совсѣмъ въ травѣ, обагряя, будто кровью, своимъ сокомъ, колеса, проѣзжавшихъ по полю, экипажей. Соберемся мы утромъ,—уничтоживъ за чаемъ сдобныхъ лепешекъ съ густыми сливками,— и усядемся въ длинныя линейки, называвшіяся „дрогами", отправляясь на вишневыя поля, во время сбора поспѣвшихъ вишенъ. Поле оживлено толпами крестьянъ, въ перемѣшку съ татарками, приглашенными на сборъ. Къ нимъ присоединятся и наши пріѣхавшія дамы и дѣти. Меня, какъ самую маленькую и самую баловницу, не хотятъ затруднять хожденіемъ по полю, а удобно усаживаютъ въ тѣни куста и я, не трогаясь съ мѣста, рву спѣлыя, сочныя ягоды, посматривая по сторонамъ, на всю красу Божьяго міра. А вечеромъ въѣзжаютъ во дворъ телѣги, верхомъ нагруженныя темно-красною вишней, изъ которой чего-чего только не дѣлали! И водку гнали, и вишневку-наливку дѣлали, и смоквы, и варенья, и соленья, и сушили ее, и продавали, и раздавали.

Совершенною противоположностью истинно гуманной Глазовой были другіе знакомые, люди еще болѣе богатые, но принадлежавшіе къ разряду тѣхъ помѣщиковъ, которые въ тѣ времена крѣпостного права были бичемъ своихъ крестьянъ! Хотя и давнишніе знакомые, но, сколько я замѣтила, они не пользовались симпатіей моихъ гуманныхъ родителей, и мы и теперь лишь изрѣдка бывали у нихъ и гащивала недолго въ ихъ роскошномъ имѣніи. Самъ старикъ Пекарскій, когда я увидѣла его, былъ уже старикомъ 80-ти лѣтъ; но, благодаря темному парику, съ кокетли-

вымъ хохломъ и выправкой стана, кажется, стянутымъ корсетомъ, — имѣлъ видъ чуть не 40-лѣтняго браваго, румянаго, всегда съ утра щегольски одѣтаго, молодца, съ непремѣннымъ Анненскимъ крестомъ на шеѣ, быстро вертѣвшимъ длинными пальцами выхоленныхъ рукъ большую табакерку съ эмалевымъ на ней изображеніемъ дамы.

Въ одинъ и тотъ же часъ, ни минутой больше или меньше, утромъ, онъ являлся у окна, выходившаго на дворъ, и передъ нимъ дефилировали конюхи съ лошадьми, каждый взъерошенный волосокъ шерсти которыхъ, не пропущенный бдительнымъ взглядомъ барина, стоилъ, недосмотрѣвшему конюху десятка плетей на конюшнѣ. Затѣмъ баринъ появлялся на верхней ступени крыльца, выходившаго на дворъ, и зоркимъ глазомъ осматривалъ, разставленныя ниже, на ступенькахъ, кушанья для различныхъ собакъ и кошекъ, сообразно ихъ положенію въ домѣ, породѣ и возрасту. Бѣда, если что не будетъ одобрено, ничего не прощавшимъ бариномъ: не понравившееся кушанье собственноручно выливалось, или вываливалось на голову виновному поваренку, что все же не спасало его отъ дальнѣйшаго тѣлеснаго наказанія. Въ 60 лѣтъ, будучи вдовцомъ, съ взрослою дочерью, Пекарскій женился на 18-тилѣтней дѣвушкѣ, на нѣсколько лѣтъ моложе своей падчерицы. Теперь г-жа Пекарская была красивая, полная дама; большая хохотушка, казавшаяся, несмотря на нѣкоторую жеманность, очень добродушною. Но она потеряла въ нашихъ дѣтскихъ глазахъ весь престижъ, когда мы случайно, гостя у нихъ, подсмотрѣли, какія звонкія пощещины раздавала она своимъ горничнымъ; и мы потомъ съ большимъ предубѣжденіемъ смотрѣли на ея бѣлыя, пухлыя руки, унизанныя дорогими перстнями!..

Своихъ несчастныхъ горничныхъ она замучивала надъ плетеньемъ кружевъ, начавъ приготовлять приданое для своей единственной родной дочери съ перваго дня ея рожденья. Но это приданое, стоившее потери глазъ не одной кружевницѣ, такъ и осталось не употребленнымъ, такъ какъ ея некрасивая, не интересная, больная дочь, замужъ не вышла. Оба Пекарскіе были очень тщеславны и били на „бонъ-тонъ“, угощая у себя на-славу всѣхъ пріѣзжавшихъ изъ Петербурга чиновниковъ. Живо помню, какъ она ломалась, разсказывая про свое свиданіе съ присланнымъ въ Уфу, для какой-то ревизіи, сенаторомъ, безпрестанно вклеивая въ разговоръ слово „сенаторъ“. Этотъ „сенаторъ“ сильно взволновалъ тогда уфимскихъ дамъ, вполнѣ олицетво-

рявшихъ дамъ Гоголевскаго „Ревизора“. Не только самъ „сенаторъ“ былъ принимаемъ по-царски, даже его чиновникъ, какая-то ничтожная канцелярская букашка, былъ предметомъ овацій, чему мы были свидѣтелями на обѣдѣ, дававшемся ему доброю Глазовой, тоже увлекшейся примѣромъ Пекарскихъ,—на которомъ присутствовали и мы, дѣти, заинтересованныя не петербургскимъ гостемъ, а удивительнымъ пирожнымъ въ формѣ пряничной горы, съ летящими съ нея катальщиками, красовавшейся посреди обѣденнаго стола на огромномъ блюдѣ, края котораго были обложены нашими любимыми розовыми „зефирами“.

Заканчивая съ Уфой, остановлюсь на двухъ важныхъ событіяхъ: на одномъ, имѣвшимъ общее значеніе, а на другомъ, касавшимся лично меня. Къ первому относится бывшее въ то лѣто полное солнечное затмѣніе, вызвавшее большую панику въ жителяхъ! Мы тогда были въ городѣ и сидѣли за обѣдомъ, подававшимся въ два часа. И вдругъ ясный безоблачный день, съ ярко улыбавшимся солнцемъ, сталъ тускнѣть, больше... больше, до того, что пришлось подать зажженыя свѣчи. Мы, дѣти, были предупреждены и потому, не боясь, вышли съ большими на дворъ. Тамъ была полная суета! Кругомъ безпорядочно метались, безпокойно клохча, куры. Между ними, тревожно стрекоча, метались и воробьи. Вверху носились другія птицы, съ отрывистымъ крикомъ торопясь по гнѣздамъ, застигнутыя врасплохъ этою страшною, преждевременною ночью. Дворовая собака, пугливо поджавъ хвостъ и тихонько подвывая, залѣзла поглубже въ свою конуру. Мимо проходившіе мужики и бабы, съ непонятнымъ ужасомъ, смотрѣли на все болѣе исчезавшее въ непонятномъ, безоблачномъ небѣ, еще недавно тамъ ярко блестѣвшее солнце, теперь представлявшее только узенькій тусклый серпъ—и торопливо крестились. А серпъ становился все уже, и на темной глубинѣ неба показались яркія звѣзды... Блистательное свѣтило спасовало передъ неисповѣдимыми силами природы...

Второе событіе, касавшееся собственно меня, было результатомъ одного изъ самыхъ драматическихъ моментовъ въ моей жизни! Надо сказать, что насъ, дѣтей, не начинали учить рано. Ровно въ шесть лѣтъ,—отслуживъ въ самый день рожденья молебенъ,—на другой день наша первая учительница, мамаша, садила за азбуку, и когда ребенокъ выучивался читать безъ складовъ,—которые были непремѣнны при той методѣ,—онъ переходилъ къ учителю. Я, хотя и была бойкою болтушкой, училась лѣниво и

ненавидѣла свою толстую азбуку, несмотря на то, что она была въ красной, глянцовитой обложкѣ и была полна ярко-раскрашенными картинами. Нужно при этомъ сказать, что раскраска ихъ была такъ небрежна, что красныя, желтыя и синія полосы, совершенно произвольно протягивались черезъ весь рисунокъ, такъ что въ отдѣлѣ „Священной исторіи ветхаго завѣта“ у Авраама, смиренно приносившаго въ жертву Исаака, полъ-лица было ярко-синее, дружно слившееся съ его синею одеждой и такою же бородой, а полъ-лица кирпично-розовое, захватившее и его встрепанные кудри. Чтобы избѣгнуть урока, я часто пускалась на всевозможныя выдумки. Разъ даже прикинулась сумасшедшею и до того удачно, что страшно напугала сестеръ, бросившихся къ мамашѣ съ этимъ печальнымъ извѣстіемъ. Однако мамаша усомнилась въ разстройствѣ моихъ умственныхъ способностей и ненавистная азбука появилась на столѣ. При этомъ замѣчу, что наказаній у насъ въ домѣ никакихъ не практиковалось.

И вотъ эта-то самая лѣнь, мѣшавшая мнѣ подвигаться въ чтеніи и дольше, чѣмъ слѣдовало, державшая на складахъ, и привела меня къ такому моменту, который можетъ быть названъ однимъ изъ самыхъ драматическихъ моментовъ моей жизни!.. Слишкомъ годъ проведя въ Уфѣ, мать моя стала собираться въ Петербургъ, имѣя въ виду и находившихся тамъ сыновей и возможность опредѣлить въ заведеніе и дочерей. Старшая уже окончила свое воспитаніе дома. Имѣньице наше было продано; проданы были и вещи, которыя неудобно было тащить въ такую даль, опять-таки на лошадяхъ. Отпустили на волю и еще находившуюся при насъ прислугу, оставивъ немногихъ, ѣхавшихъ съ нами. Разговоровъ о предполагаемомъ путешествіи и о самомъ Петербургѣ было столько, что я стала себѣ его изображать какимъ-то Эльдорадо, чѣмъ-то сказочнымъ, гдѣ всего вволю, все чудесно, гдѣ почти что, какъ въ сказкѣ, „въ кисельныхъ берегахъ текутъ медовыя рѣки“!... И вотъ, въ одинъ теплый, августовскій день, незадолго передъ нашимъ отъѣздомъ, помню я себя, стоящую на зеленомъ дворѣ нашего дома, любопытно слѣдя за работой мастера, отдѣлывавшаго заново карету, предназначавшуюся собственно для насъ. Еще разъ проведя артистическою кистью по блестѣвшей, какъ зеркало, лакированной поверхности экипажа, мастеръ, съ гордостью, отошелъ въ сторону, проговоривъ именно эти слова: „Ишь блеститъ, какъ зеркало!“ Да, она блестѣла, какъ зеркало, цѣликомъ отразивъ мою крошечную фигурку, когда я подошла къ ней.

И вдругъ, въ эту минуту, вспомнивъ о томъ волшебно-сказочномъ Петербургѣ, въ который мы поѣдемъ въ этой каретѣ, меня, будто ударъ грома, поразила мысль, что я ѣду въ это Эльдорадо—не умѣя еще читать безъ складовъ!!... Не знаю, какихъ размѣровъ было тогда мое сердце, но оно заныло тоской... Сознаніе это показалось мнѣ такъ ужасно, что я почувствовала себя глубоко несчастною! И, еще недавно считая почти невозможнымъ,—до того это казалось труднымъ,—читать безъ складовъ,—теперь, приложивъ все стараніе я, менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ, именно къ нашему отъѣзду, могла уже бѣгло читать.

О нашемъ путешествіи у меня сохранилось очень смутное представленіе. Ѣхали мы долго, опять-таки на ночлегъ останавливаясь на станціяхъ. Помню, какъ въ лунную ночь переѣзжали Каму, потомъ взбираясь пѣшкомъ по крутизнѣ, утопая въ сыпучемъ пескѣ. Помню, что Волга встрѣтила насъ непривѣтливо. Какъ бурныя волны, кивая сѣдыми головами, качали деревянный плотъ, вмѣщавшій насъ и наши экипажи, такъ что подъ конецъ, чтобы не упасть, мы стояли на колѣняхъ, держась за колеса нашихъ, крѣпко привязанныхъ экипажей; что сами перевозчики, съ сомнѣніемъ покачивали головами, повторяя, что врядъ ли доплывемъ! Но мы все же доплыли; а доплывъ до города Свіяжска, пошли прямо въ какой-то монастырь, съ мощами какого-то святого, помолиться и поблагодарить Бога за наше спасеніе.

Болѣе всего памятна мнѣ Казань, гдѣ мы остановились на нѣсколько дней у близкой подруги мамаши, съ которою мы осматривали городъ. На меня особенное впечатлѣніе произвела Сумбекина башня, но еще болѣе церковь внѣ города, на полѣ, въ склепѣ которой въ одномъ гробѣ погребены кости русскихъ витязей, павшихъ при взятіи Казани. Видѣли мы и этотъ гробъ и эти кости и прислушивались къ эху вѣтра, распѣвавшаго, подъ сводами, уныло-уныло: „Со святыми упокой",—что, говорятъ, было задачею акустики и передается гипнозомъ посѣтителямъ. Но была ли то акустика или гипнозъ, на меня это произвело сильное впечатлѣніе, и долго послѣ того въ ушахъ моихъ раздавалось унылое пѣніе подъ аккомпанементъ заунывнаго вѣтра; а въ памяти рисовался мрачный склепъ, озаренный тусклымъ свѣтомъ лампады, и этотъ гробъ, и эти пожелтѣвшія кости, бывшія когда-то людьми, а теперь сваленныя въ одну безобразную кучу, изъ которой смотрятъ на живыхъ людей безглазые, страшные черепа.

II.

И вотъ, въ одинъ ясный сентябрскій день, именно 17-го числа, мы черезъ Тріумфальныя ворота Московской заставы въѣхали въ волшебно-сказочный, по моимъ представленіямъ, Петербургъ; и я, хотя болѣе смѣло со времени чтенія безъ складовъ, но все же, съ нѣкоторымъ уваженіемъ, граничившимъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ, посматривала по сторонамъ на высокіе дома и на высокіе, торчащіе палками, черные султаны на лакированныхъ киверахъ солдатъ и офицеровъ.

Мы, дѣти, какъ-то скоро привыкли къ новой жизни, тѣмъ болѣе, что первое время были еще всѣ вмѣстѣ. Большое оживленіе въ нашу жизнь вносили приходы по субботамъ, на воскресенье, братьевъ: одного изъ гимназіи, а другого изъ V кадетскаго корпуса (позднѣе Константиновскаго училища). Они хотя немного и „финтили“ передъ нами, дѣвочками, но затѣмъ начинались безконечные разсказы, школьные анекдоты и, наконецъ, устраиванье для насъ кукольныхъ домовъ и театровъ. Братья, погодки и большіе друзья, были славные мальчики: сердечные, дѣльные. Страстно любя книги, они всѣ свои крошечныя деньги употребляли на покупку книгъ, за которыми, чтобы купить подешевле, отправлялись въ свободные дни на „Толкучку“ (грязныя лавчонки Щукина двора,—нынѣ Апраксина рынка). Вскорѣ и я сдѣлалась страстною любительницей чтенія; но раньше, чѣмъ перейти къ этому, разскажу, какъ я окончательно одолѣла грамоту послѣ чтенія безъ складовъ, укрѣпилась въ писаніи, которое еще хромало.

Первое лѣто по пріѣздѣ въ Петербургъ мы жили на дачѣ въ Петергофѣ. Въ числѣ его достопримѣчательностей, въ то время славилась гранильная фабрика, которую пошли осматривать и мы. Я разсѣянно слушала нашего проводника... Вдругъ, глаза мои жадно остановились на цѣлой грудѣ небрежно брошенныхъ, крошечныхъ тетрадочекъ красно-оранжеваго цвѣта, между прозрачными листиками которыхъ до того хранились листки сусальнаго золота. Нашъ проводникъ замѣтивъ мой, краснорѣчиво-выразительный взглядъ, подарилъ мнѣ порядочно-большую кипу соблазнительныхъ тетрадочекъ, которыя я затѣмъ съ восторгомъ несла домой.

— Что же ты съ ними будешь дѣлать?—спросила меня дорогой старшая сестра.—Надо въ нихъ, что нибудь писать!

— „Что нибудь писать?!“ Легко было это говорить ей, давно уже писавшей свой дневникъ!.. „Но отчего же и мнѣ не писать

свой дневникъ?.. Но что писать?.. Какъ писать?.. Меня, крошечнаго человѣчка, часто укоряли за обѣдомъ, что я мало ѣмъ... Чего же лучше? Такъ я докажу имъ, что я все ѣмъ и много ѣмъ!" Вопросъ былъ рѣшенъ, и на другой же день на красно-оранжевыхъ страничкахъ кривыми, косыми, немного расплывшимися и бѣжавшими, то вверхъ, то внизъ,—буквами, было написано: „пять ложекъ супу скушила, семъ кусочковъ титерки скушила" и т. д. Счетъ велся очень добросовѣстно и, вмѣстѣ съ правописанiемъ, это было примѣнимо и къ самостоятельному изученiю математики, никогда, увы, не пустившей во мнѣ глубокихъ корней. Сюжетъ, какъ видите, для дневника былъ недостаточно интересенъ; но, тѣмъ не менѣе, дѣло постояло за себя, и дневникъ произвелъ эффектъ! Но скоро я пришла къ заключенiю о слишкомъ бѣдномъ его содержанiи, и онъ былъ оставленъ, а вмѣсто него на страницахъ красно-оранжевыхъ тетрадочекъ появился „романъ". Романъ этотъ тоже остался безъ окончанiя и, къ сожалѣнiю, совсѣмъ погибъ для потомства; но я помню, что тамъ фигурировали какiя-то великосвѣтскiя дамы въ раззолоченныхъ салонахъ.

Однимъ изъ важныхъ для насъ, дѣтей, событiй было первое знакомство съ „настоящимъ" театромъ, и первымъ спектаклемъ была опера Мейербера „Робертъ", дававшаяся на русской сценѣ въ тогдашнемъ, предоставленномъ русской оперѣ, театрѣ-циркѣ. Спектакль произвелъ на насъ чарующее впечатлѣнiе! Конечно, мы тогда не могли дать себѣ яснаго отчета о музыкѣ и исполненiи, хотя роль Бертрама исполнялъ Петровъ, бывшiй въ полной силѣ своего могучаго голоса и артистическаго исполненiя; но мы были въ полномъ восторгѣ и отъ самой театральной залы съ ея ложами, и отъ декорацiй, и особенно отъ танцевъ. Былъ моментъ, когда, при одной перемѣнѣ, вмѣсто занавѣса, стали снизу подниматься облака, все болѣе застилавшiя сцену,—мнѣ сдѣлалось настолько жутко, что даже возникло желанiе попроситься домой. Но, пересиливъ въ себѣ обуявшiй, было, меня страхъ, я была вполнѣ вознаграждена послѣдовавшимъ затѣмъ балетомъ въ развалинахъ стараго кладбища. Этотъ балетъ завершилъ очарованiе, и долго послѣ того, передъ сномъ, уже полураздѣвшись, мы изображали изъ себя возставшихъ изъ гробницъ дѣвъ. Съ той поры театръ сталъ моею мечтой; и въ праздники для насъ не было большаго удовольствiя, какъ поѣздка въ театръ, при чемъ главное посѣщался Александринскiй.

Весной 1845 г. насъ постигло первое въ Петербургѣ горе: умерла моя старшая, 18-лѣтняя, сестра, прелестная дѣвушка. Вслѣдъ затѣмъ другія двѣ сестры, одна на два года старше меня, а другая на четыре, были приняты, по заслугамъ отца, пансіонерками Государя: одна въ Екатерининскій институтъ, а другая—въ Смольный (нынѣ „Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ“, тогда называвшійся „благородной“ половиной, въ отличіе отъ другой—„мѣщанской“—нынѣ „Александровской“). Я осталась одна. Въ это время со мной, вообще, начиналъ совершаться поворотъ къ чему-то болѣе мечтательному, сосредоточенному, какое-то броженіе, не находившее выхода. Въ моемъ дѣтскомъ сердцѣ шелъ какой-то разладъ, сталкивавшійся часто на совершенно противоположныхъ полюсахъ. Страстно полюбивъ чтеніе, я просто глотала книги, среди которыхъ у меня были такія любимицы, что я, перечитывая ихъ, знала нѣкоторыя страницы наизустъ. Особенно увлекалась я всѣмъ таинственнымъ, какъ древніе замки съ ихъ рыцарями, и романическими, и фантастическими приключеніями; и излюбленная тогда моя книга, старинное изданіе, въ переплетѣ изъ толстой кожи, подъ названіемъ: „Дѣянія древняго рыцарства“, съ картинками, гдѣ я особенно любила юнаго Баярда,—жива у меня до сихъ поръ. Но я зачитывалась и книжками дѣтскихъ журналовъ, изъ которыхъ тогда были: „Звѣздочка“ и „Лучи“; а въ десять лѣтъ начала читать романы, въ перемежку со сказками, какъ русскими, такъ и французскими. И рядомъ со всѣмъ романтизмомъ и фантазіей, поглащаемыхъ мною изъ этихъ книгъ, я, усѣвшись укромно въ уголку мамашиной спальни, часами просиживала неподвижно, жадно вслушиваясь въ житія святыхъ, читаемыхъ вслухъ мамашѣ жившею у насъ бѣдною вдовой, изъ огромной, въ деревянномъ, обтянутомъ темной кожей переплетѣ, книги Четьи-Минеи. И мое дѣтское воображеніе ярко рисовало себѣ этихъ святыхъ аскетовъ, отказавшихся отъ свѣта и его соблазновъ и, съ экстазомъ, шедшихъ на муки за своего Христа. И въ моей душѣ тоже вспыхивало желаніе пострадать за Христа; и, разыгрываясь, воображеніе рисовало мнѣ уже мои собственныя муки и такъ ярко, что я иногда проливала слезы надъ собой!

Но въ праздники приходили знакомыя дѣти; моя прежняя живость пробуждалась на время, а фантазія, ища пищи, сосредоточивалась теперь на самой излюбленной игрѣ, замѣнившей всѣ другія. Это была страсть устраивать вполнѣ импровизированные

спектакли, когда я тутъ же, сочинивъ сценки, со словъ заучивала ихъ моей маленькой труппѣ, и мы тутъ же ихъ и разыгрывали, часто не имѣя другой публики, какъ мамашину компаньонку, старшую горничную Марью Ивановну и молодую Пишу (Олимпіаду).

Я занималась сначала съ жившими у насъ гувернантками, а потомъ съ приходящими учительницами. Занималась я и музыкой, но моя учительница не была на высотѣ, что понимала даже я сама; и хотя я и выучилась музыкѣ настолько, чтобы впослѣдствіи разыгрывать, въ пору моего увлеченія итальянскою оперой, любимыя оперы, но музыкантшей я не сдѣлалась, страстно любя музыку и кое-что въ ней понимая, имѣвъ случаи въ продолженіе всей моей жизни слышать много хорошей музыки и всѣхъ знаменитостей, какъ музыкальныхъ, такъ и вокальныхъ, подвизавшихся какъ въ Петербургѣ, такъ и въ тѣхъ заграничныхъ городахъ, гдѣ я перебывала. Но о томъ рѣчь впереди.

Теперь же мнѣ придется упомянуть еще объ одномъ нашемъ семейномъ горѣ — о смерти второй моей сестры, послѣдовавшей черезъ три года послѣ кончины первой. И безъ того здоровья некрѣпкаго, она въ институтѣ (Екатерининскомъ), во время одного переполоха, выразившагося въ бѣгствѣ дѣвицъ, какъ Панургова стада, при какомъ-то вздорномъ перепугѣ, упала и ушибла бывшею у нея въ рукахъ рабочею шкатулочкой грудь, на что въ лазаретѣ обратили серіозное вниманіе только тогда, когда у нея пошла горломъ кровь, и сказали о томъ мамашѣ, которая тотчасъ же взяла ее домой. Но, вначалѣ запущенная, болѣзнь не поддалась лѣченію и тщательному домашнему уходу, хотя длилась болѣе года, и сестра умерла 16 лѣтъ. Смерть ея произвела на меня сильное впечатлѣніе. Во-первыхъ, потому, что я всегда была дружна съ нею болѣе, чѣмъ съ другою сестрой, а во-вторыхъ, потому что тутъ я какъ-то сознала смерть, и на меня пахнуло ея неразрѣшимою загадочностью, своею таинственностью, и пугающею, и влекущею къ себѣ... Я въ первый разъ видѣла тогда смерть, и не испугалась, а заинтересовалась ею. Когда сестра умерла и уже лежала на столѣ въ залѣ, я въ первую же ночь тихонько прокралась туда, воспользовавшись уходомъ на отдыхъ читальщика, и долго-долго оставалась подлѣ нея. Я пристально всматривалась въ ея красивое, тонкое лицо; всматривалась въ эти длинныя рѣсницы плотно прикрытыхъ глазъ, желая угадать: видятъ ли теперь что-нибудь эти закрытые глаза тамъ,

куда она, какъ мнѣ говорили, ушла? Я нѣжно прикладывала руку къ ея холодному лбу, къ блѣднымъ щекамъ, и маленькое сердце билось не горемъ по усопшей, а страстнымъ желаніемъ что-то узнать, куда-то проникнуть... Я и потомъ, когда ее уже похоронили, по часамъ сидѣла въ той комнатѣ, гдѣ она умерла, мечтая о томъ, чтобы она мнѣ явилась. Воспитанная среди мамушекъ и нянюшекъ, пичкавшихъ насъ, какъ сказками, съ разными волшебствами, такъ и всякими ужасами, гдѣ играли роль привидѣнія и мертвецы, я совсѣмъ не боялась послѣднихъ, не боялась и столь страшной дѣтямъ темноты. Я, напримѣръ, еще маленькою дѣвочкой, лѣтъ восьми, пробравшись въ темную гостиную, садилась въ уголъ и, устремивъ глаза въ другой, совсѣмъ темный, страстно желала увидѣть тамъ что-нибудь сверхъестественное.

Теперь мнѣ приходится перейти къ эпохѣ моего поступленія въ институтъ („Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ"— Смольный). Этотъ вопросъ тяжелымъ гнетомъ лежалъ на сердцѣ моей матери. Мысль разстаться со мной, со своей, какъ меньшой, любимицей, считавшейся, по своей миніатюрности, дѣвочкою слабенькой, да еще послѣ смерти сестры, заболѣвшей въ институтѣ, угнетала ее до крайности; а между тѣмъ, заканчивать воспитаніе дома было трудно, такъ какъ средства мамаши очень поуменьшились благодаря всѣмъ длиннымъ переѣздамъ и сопряженныхъ съ ними расходовъ, а главное столькихъ лѣтъ содержанія старшаго сына въ гвардіи!.. А тутъ еще сынъ этотъ, жившій до того у матери, женился и, перемѣнивъ службу, уѣхалъ въ провинцію, оставивъ ее, привыкшую къ тихой провинціальной жизни, въ своихъ домахъ, съ экипажами и обширною дворней, одну среди шумнаго Вавилона, къ которому она никакъ не могла привыкнуть! И вотъ тутъ-то благодаря нѣкоторымъ знакомымъ, надоумившихъ мамашу, оба вопроса соединились въ одно и разрѣшились. Она узнала, что при Смольномъ монастырѣ, составлявшимъ цѣлый городокъ, съ различными отдѣльными заведеніями, находился „Вдовій домъ" съ квартирами для благородныхъ вдовъ, желающихъ жить подъ охраною казеннаго учрежденія, съ платою за свое помѣщеніе, — что совершенно устраивало мамашу въ тихомъ пристанищѣ со своей прислугой, съ церковью, которую можно было посѣщать, ходя по корридору и, при желаніи, имѣть пріятное общество. Но, главное, ей посовѣтывали обратиться съ просьбой въ управленіе института, чтобы мнѣ быть тамъ приходящей. Хотя до того такими приходящими были только

дочери служащихъ въ различныхъ учрежденіяхъ института, но мнѣ, по примѣру моей сестры, уже имѣвшей право поступить пансіонеркой Государя, на „благородную половину“, опять-таки по заслугамъ отца, позволили быть приходящей, т.-е., живя у мамаши, ходить, по корридорамъ же, въ институтъ. Казна даже выгадала, не питая меня и не одѣвая, такъ какъ форменное платье я должна была имѣть свое; но выѣзжать въ форменномъ платьѣ я не имѣла права, а выѣзжала въ свѣтскомъ.

Мы переѣхали во „Вдовій домъ“ въ концѣ декабря 1849 г., а 11-го января 1850 г. я въ первый разъ пошла въ классъ, поступивъ, по моей подготовкѣ, въ „голубой“ классъ, на его третій годъ.

Въ то время въ Смольномъ было три класса: „кофейный“, „голубой“ и „бѣлый“, и въ каждомъ оставались по три года, такъ что и выпуски были черезъ три года. Поступивъ на послѣдній годъ „голубого“ класса и перейдя въ старшій, „бѣлый“, гдѣ оставалась до выпуска, я провела въ институтѣ всего четыре года, и это были очень пріятными для меня годами, такъ какъ я не испытывала вполнѣ затворнической жизни института, правила котораго въ то время были очень строги. Всѣ годы затворничества (а для нѣкоторыхъ, поступившихъ въ младшій классъ, они были девятью годами) не пускали не только на каникулы, но и на одинъ день пускали домой исключительно по причинѣ смерти кого-нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ. Не удивительно, что при такой замкнутости институтки очень мало были знакомы съ дѣйствительною жизнью, создавая себѣ совершенно превратное понятіе о жизни вообще, а часто и о своей семейной; тѣмъ болѣе, что нѣкоторые родители—преимущественно родительницы—не желали познакомить своихъ дочерей съ прозой жизни, оставляя ихъ въ блаженномъ невѣдѣніи съ тѣмъ, чтобы послѣ выпуска прямо съ облаковъ спуститься часто въ самый неказистый міръ! Неудивительно также созданіе цѣлыхъ томовъ разсказовъ—часто преувеличенныхъ до анекдотовъ—о превратныхъ понятіяхъ смолянокъ о жизни, ими не знаемой дальше институтскихъ стѣнъ, чѣмъ особенно отличались смолянки первыхъ выпусковъ,—временъ Екатерины, Павла и даже Александра I, когда родныхъ совсѣмъ не пускали на свиданіе въ продолженіе 12-ти лѣтъ институтской жизни или пускали очень рѣдко. Это были точно полудикіе субъекты, какъ могла я судить по разсказамъ лично мнѣ, смолянкѣ 4-го выпуска, милѣйшей старушки—Варвары Еро-

феевны Остенъ-Сакенъ, сестры извѣстнаго генерала-чудака, подвизавшагося во время Крымской кампаніи.

Я была совсѣмъ въ другихъ условіяхъ, съ полудомашнимъ воспитаніемъ, даже идя рядомъ съ общественною жизнью и, хотя, разъ въ институтскихъ стѣнахъ, и подчинялась очень строгому тогда режиму съ полусолдатскою выправкой „николаевскихъ" временъ, но въ то же время пользовалась въ свободные часы обществомъ милыхъ, юныхъ, веселыхъ, несмотря на ихъ затворничество, подругъ, а разъ дома,—сбрасывала съ себя, вмѣстѣ съ форменнымъ платьемъ, всю казенную формальность и была вольнымъ человѣкомъ. Вотъ почему институтъ оставилъ во мнѣ очень пріятныя воспоминанія! Сколько у насъ тамъ бывало разговоровъ, особенно интересныхъ въ старшемъ классѣ, когда молодыя головки уже начинали мечтать... А какъ онѣ мечтали! Боже мой, какъ онѣ мечтали, эти бѣдныя затворницы, ожидавшія вѣчнаго праздника и часто натыкавшіяся на самые черствые будни! Какъ часто я, фантазерка, начитавшаяся романовъ, грѣшила, выводя затѣйливые узоры на канвѣ этихъ бѣдняжекъ, бѣдныхъ фантазіей, но жаждавшихъ романтическихъ картинъ въ ихъ будущемъ. Усядемся, бывало, въ свободные часы въ рекреаціонной залѣ кружкомъ на полу.

— Лаврюша, разскажи, что-нибудь про меня!—молитъ какая-нибудь романтическая, но бѣдная фантазіей, подруга:—Какъ я послѣ выпуска встрѣчу его и буду выходить замужъ...

И вотъ, на сцену является этотъ „prince charmant", и картина разрисовывается такими радужными красками, фантазія такъ разыгрывается, что увлекаетъ не только самое героиню и разсказчицу, но и всѣхъ слушательницъ, изъ которыхъ нѣкоторыя уже записываются кандидатками на слѣдующія, столь же привлекательныя, картины ихъ будущаго; и мои фантазіи были неистощимы, всегда готовыя къ услугамъ другихъ, никогда не сосредоточенныя на себѣ самой. Ихъ рисовка для другихъ, казалось, интереснѣе. Также было широко поле моей фантазіи уже въ другой области, именно на поприщѣ литературы, когда, на заданную тему я, кромѣ собственнаго сочиненія, писала пять-шесть и болѣе сочиненій для подругъ, лишенныхъ фантазіи, считаясь въ классѣ одною изъ „знаменитыхъ сочинительницъ". Лѣтомъ наши бесѣды происходили въ саду на горкахъ, возвышавшихся на зеленыхъ лужайкахъ среди густыхъ кустовъ сирени. Я почти цѣлый день бывала съ ними въ этомъ тѣнистомъ саду съ широкими аллеями

столѣтнихъ липъ. А то проберемся на каменную галлерею въ глубинѣ сада у стѣны, выходившей на Неву. Заходящее солнце мягко золотитъ быстро бѣгущія струйки величавой рѣки, по которой скользятъ ялики къ тому берегу, что тонетъ въ зелени садовъ. Мимо, совсѣмъ близко, тянется барка. Высоко, въ воздухѣ, съ рѣзкимъ крикомъ, парятъ стрижи и ласточки. Изъ сада несется ароматъ сильно цвѣтущихъ липъ... А юныя затворницы, слѣдя за полетомъ жизни по ту сторону стѣнъ, уносятся мечтами высоко, высоко, даже выше полета ласточекъ и стрижей, и фантазія разыгрывается, рисуя имъ яркія картины, большинству которыхъ приходится потомъ поблекнуть въ тинѣ повседневной жизни!..

Перейдя на нашу домашнюю жизнь, скажу, что она оживилась съ 1851 года, когда вышла изъ института моя, единственная теперь, сестра—Лиза. Это была красивая дѣвушка, очень живая, веселая, умная и съ прелестнымъ голосомъ, высокаго soprano, которымъ отличалась, какъ солистка, и въ институтѣ. Она любила выѣзды и много выѣзжала, изрѣдка съ мамашей, которая все болѣе и болѣе уходила отъ свѣта, довольная своею замкнутой жизнью, но болѣе съ родными, любя и балы и вечера, на которыхъ много пѣла. На этихъ вечерахъ она познакомилась съ композиторомъ А. С. Даргомыжскимъ, плѣнившимся ея пѣніемъ, и часто посѣщала его музыкальные вечера, на которыхъ распѣвались его оперы цѣликомъ; онъ занялся голосомъ сестры, благодаря чему и я, слушая дома ея пѣніе, подъ конецъ знала наизусть, съ музыкой и словами, всѣ ея партіи въ операхъ Даргомыжскаго. Въ институтѣ же я совершенно небрежничала классами пѣнія, считая это лишнимъ баластомъ, отнимавшимъ у меня время отъ другого, и часто ихъ пропускала, такъ же какъ и танцклассы. Позже сестра начала, по совѣту Даргомыжскаго, брать уроки пѣнія у извѣстной тогда учительницы Ниссенъ-Саломанъ, ставшей профессоромъ пѣнія въ Консерваторіи. Благодаря пѣнію сестры, я тоже вошла въ музыкальный міръ, все болѣе и болѣе проникаясь его красотой, и такимъ образомъ имѣла счастіе познакомиться съ тремя свѣтилами, озаряющими жизнь и возносящими ее въ высь: поэзіей, музыкой и живописью; но болѣе подробная о томъ рѣчь—впереди.

Въ томъ же 1851 году еще болѣе оживленія въ нашу жизнь внесъ пріѣздъ въ Петербургъ меньшого брата, Александра. Въ 1849 г., выйдя изъ корпуса въ артиллерію и прямо отправившись въ тылъ Дебричинскаго сраженія Венгерской компаніи, онъ, два

года пробывъ затѣмъ въ строю на югѣ, пріѣхалъ теперь для поступленія въ „Военную Академію“, откуда послѣ поступилъ въ Генеральный Штабъ. Это былъ вполнѣ прелестный молодой человѣкъ, красивый какъ лицомъ, такъ и душой, откликавшійся на все высокое и прекрасное! Очень серіозный, несмотря на свою молодость, онъ не любилъ свѣтской жизни и отъ своихъ занятій отдыхалъ среди насъ, отдавая намъ одинъ день недѣли, что было для насъ вполнѣ праздникомъ. Для меня онъ былъ не только братомъ и другомъ, но и моимъ воспитателемъ, закончившимъ мое воспитаніе, пополнивъ тѣ пробѣлы, что не давалъ тогда институтъ... Слѣдя за всѣмъ, что выходило въ литературѣ, братъ привозилъ намъ всѣ тѣ перлы беллетристики, которыми тогда была такъ богата наша литература, и, самъ прекрасный чтецъ, прочитывалъ намъ ихъ. Даже теперь встрепенется сердце восторгомъ, какъ вспомнишь имена всѣхъ этихъ гигантовъ, послѣднихъ могиканъ отечественной литературы, съ уходомъ ихъ въ вѣчность погрузившейся въ непросвѣтный мракъ!

Каждая книжка „Современника“, „Отечественныхъ Записокъ“, даже Катковскаго „Русскаго Вѣстника“, куда помѣщалъ свои повѣсти и романы И. С. Тургеневъ, приносила намъ массу наслажденій! Тогда билъ ключъ живой воды изъ-подъ пера Л. Н. Толстого; благоухалъ весной, какъ букетъ бѣлыхъ розъ, опрысканныхъ утреннею росой, поэтическій талантъ И. С. Тургенева. Оставя въ сторонѣ великосвѣтскіе салоны, Д. В. Григоровичъ показалъ настоящихъ, хотя и смахивавшихъ немного на оперныхъ „пейзановъ“, людей въ своихъ „Рыбакахъ“. Смѣло взошелъ, въ самые укромные уголки нашей души, какъ искусный хирургъ со своимъ скальпелемъ, „мучительный“ талантъ Ѳ. М. Достоевскаго... А далѣе: Глѣбъ Успенскій, И. А. Гончаровъ, Помяловскій, Писемскій, Авдѣевъ... все это проходило передъ нами съ живыми образами живыхъ людей, которыхъ не нужно было, для возбужденья къ нимъ любви, вымазывать ихъ грязью „со дна“ помойной ямы, но которыхъ любили и понимали, какъ умѣли любить и понимать люди этого времени, идеалисты 40-хъ годовъ!.. Съ этою любовью идеалисты 40-хъ годовъ старались людей, павшихъ въ грязь помойной ямы, поднять оттуда до себя, а не погрязать въ ней вмѣстѣ съ ними; и это рождало людей 60-хъ годовъ,—людей, имѣвшихъ идеалы, умиравшихъ за идею, а не желавшихъ только, подъ видомъ любви къ меньшей братіи, „ловить рыбу въ мутной водѣ“...

Вообще, это было хорошее время и для искусства, рождавшее новые таланты, которые работали, не размѣниваясь на гроши; когда у насъ была и историческая живопись, и бытовая, и идейная, не обозначавшаяся только „мальчикомъ съ книгой“ или „дѣвочкой съ куклой“; когда бездарность не прикрывалась пошлостью и безобразіемъ, такъ называемыхъ, „декадентскихъ“ картинъ, а незнаніе рисунка не старалось драпироваться въ слишкомъ дырявый плащъ, именуемый ими „настроеніемъ“...

Вернувшись еще къ моей институтской жизни, скажу, что она до выпуска шла такъ же гладко, съ бо̀льшими или меньшими успѣхами въ томъ или другомъ предметѣ. Не было у меня никакихъ ссоръ съ подругами; а со многими я была и дружна; и нѣкоторыхъ изъ нихъ, на послѣдній годъ, когда было уже немного посвободнѣе, на короткое время даже отпускали ко мнѣ на домъ. Конецъ года (1853 г.) ознаменовался въ Смольномъ большимъ торжествомъ по случаю 25-тилѣтія принятія Императрицею Александрой Ѳедоровной института подъ свое покровительство, когда ей былъ у насъ устроенъ вечеръ съ нашимъ пѣніемъ и танцами, который посѣтила вся Царская Семья, начиная съ Государя. Вечеръ закончился общими танцами, въ которыхъ приняли участіе и молодые Великіе Князья, эти красивые птенцы красавца Николая I, сразу намѣтившіе красивыя личики между юными смоляночками, что повторили и на другомъ вечерѣ уже въ Зимнемъ дворцѣ, куда насъ возили передъ выпускомъ на „Soirée Impériale“.

Выпускъ нашъ былъ 25 Февраля 1854 года. Утромъ пріѣхала съ нами проститься и насъ благословить Императрица, и это прощанье было очень трогательно! Много пролили мы искреннихъ слезъ въ прощаньи затѣмъ съ подругами. И вотъ онѣ разлетѣлись, кто куда, эти неопытныя, совсѣмъ не подготовленныя къ жизни, не научившіяся летать, птички, полныя несбыточныхъ иллюзій, не предвидя ни силковъ ни бурь!..

Мой выпускъ не перемѣнилъ ни въ чемъ мою жизнь, за исключеніемъ того, что я перестала ходить въ классы. Я осталась среди прежней домашней обстановки, прежнею домосѣдкой, имѣя только болѣе времени для чтенія и рисованія. Надо сказать, что рисованіе было моею страстью съ дѣтства, когда я, разгородивъ листъ бумаги на квадратики, рисовала на нихъ длинныя исторіи какой-нибудь дѣвочки, начиная со дня ея рожденія. Въ институтѣ рисованіе у насъ тогда поставлено было плохо, безъ всякой системы и методы, съ кропотливою тушевкой тонкоочиненнымъ

карандашикомъ. И вотъ я и принялась и дома кропотливо, такимъ въ остріе иголки отточеннымъ, карандашикомъ, рабски копировать „Женщинъ Шекспира“ и прочія тонкія гравюры, а также пристрастилась къ рисованію перомъ. Но старая истина, что никакой трудъ не пропадаетъ, оправдалась на мнѣ и въ этомъ кропотливомъ трудѣ, о чемъ я буду говорить позже. Тогда же это было для меня большимъ рессурсомъ, наполняя, вмѣстѣ съ чтеніемъ, мою жизнь домосѣдки. Кромѣ легкаго чтенія, я пристрастилась къ естественной исторіи, къ чтенію, привозимыхъ мнѣ братомъ книгъ, съ которымъ мы вмѣстѣ занимались и съ микроскопомъ, что тоже мнѣ впослѣдствіи очень пригодилось и помимо интереса знанія.

О переѣздѣ нашемъ изъ „Вдовьяго дома“ не было и рѣчи. Жизнь тамъ вполнѣ удовлетворяла мамашу, совсѣмъ удалившуюся отъ свѣта, вполнѣ удовлетворенную и тѣмъ, что, помимо платежа за свою квартиру, она не имѣла никакихъ хлопотъ, и тѣмъ, что имѣла подлѣ и церковь, и пріятное общество, среди котораго и мы находили милыхъ молодыхъ особъ, жившихъ тамъ съ матерями. Тѣмъ болѣе что сестра, любившая свѣтскую жизнь, не была лишена возможности выѣзжать. Чтобы ей сопутствовать, выѣзжала иногда съ нею и я на небольшіе вечера, хотя самыми любимыми моими выѣздами были тѣ вечера, когда мы, вскладчину со знакомыми, жившими тутъ же, брали ложу и ѣхали въ театръ, именно Александринскій, драматическая труппа котораго блистала тогда талантами!

Довольно назвать такую удивительную троицу, какою была семья Самойловыхъ! Геніальный во всѣхъ роляхъ Василій Васильевичъ, вполнѣ жившій на сценѣ какъ въ комедіи, такъ и въ драмѣ и въ классической трагедіи. Игривая, какъ сама радость, Надежда—полная того забористаго веселья,—какъ въ пѣніи, такъ и въ игрѣ,—въ водевиляхъ, которое захватываетъ, а не отталкиваетъ вульгарностью, замѣнившею эту игривость тою пошлостью съ цыганскимъ пошибомъ, что теперь царитъ и въ водевиляхъ и даже на эстрадахъ большихъ концертовъ! И Вѣра, вполнѣ обаятельная въ драматическихъ роляхъ, съ ея изяществомъ, огнемъ, неподражаемою дикціей, чудною модуляціей и чудными, выразительными черными глазами, заглядывавшими въ вашу душу! А далѣе—передъ вами являлся еще геніальный артистъ Мартыновъ, этотъ истинный, высокій комикъ, избѣгавшій всякаго шаржа, всякаго дешеваго эффекта для потѣхи райка; комикъ, не разъ

заставлявшій плакать; комикъ, силою своего таланта создавшій позже типъ, потрясавшій своимъ драматизмомъ въ роли станціоннаго смотрителя въ комедіи Островскаго: „Не въ свои сани не садись“. Упомянувъ объ этой комедіи, я должна упомянуть другую артистку, впослѣдствіи въ этой пьесѣ захватывавшей своею драматическою игрой въ роли „Дуни“,—именно о Читау, дебютъ который я видѣла въ драмѣ „Бенвенуто Челлини“. Тутъ въ заглавной роли былъ очень хорошъ Каратыгинъ 1-й, этотъ колоссъ-красавецъ, съ его нѣсколько приподнятымъ паѳосомъ, но безспорно большимъ драматическимъ талантомъ, особенно для сильныхъ ролей, къ которымъ такъ шли его величавая фигура и пластическія позы. Не дуренъ былъ въ водевиляхъ—тоже и писавшій для сцены—его братъ, Каратыгинъ 2-й. А далѣе: Максимовъ 1-й, умный, тонкій, образованный артистъ, равно изящный и умѣлый въ водевиляхъ и драмахъ. А тамъ—партнерами Мартынова въ его комическомъ репертуарѣ были: Гусева, двое Смирновыхъ—мужъ и жена—и прочіе, тогда второстепенные, но всегда дополнявшіе общее!

Покончивъ съ драматическимъ искусствомъ нашей русской сцены пятидесятыхъ годовъ, приносившимъ столько наслажденій, упомяну объ одномъ спектаклѣ, оставившемъ во мнѣ, въ концѣ этихъ годовъ, незабвенное впечатлѣніе. Это былъ спектакль на нѣмецкой сценѣ Михайловскаго театра гастролировавшаго тамъ знаменитаго трагика-негра Айра-Ольдриджъ. Мнѣ пришлось только разъ видѣть его въ роли Шекспировскаго „Короля Лира“, гдѣ ему пришлось тщательно измѣнить свою природную физіономію, даже надѣвая искусственный носъ. Говорили, что лучшею его ролью была роль Отелло; но и тутъ онъ произвелъ на меня потрясающее впечатлѣніе силою своего высокаго таланта, несмотря на плохую, окружавшую его, труппу.

Теперь я перехожу къ тому, какъ я погрузилась въ міръ музыкальный, уже упомянувъ о томъ вскользь, по поводу пѣнія сестры.

Въ 1859 г. Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, подъ покровительствомъ Великой Княгини Елены Павловны и при ея содѣйствіи, положилъ начало „Русскому Музыкальному Обществу“, при чемъ всѣ спѣвки и репетиціи устаиваемыхъ имъ концертовъ происходили во дворцѣ Великой Княгини, подъ руководствомъ Рубинштейна. Моя сестра тоже начала посѣщать эти спѣвки, такъ же, какъ раньше Даргомыжскаго, плѣнивъ Рубинштейна своимъ прелестнымъ

голосомъ, упорно пристававшаго къ ней съ уговорами, чтобы она шла на сцену. Сестра была бы не прочь отъ того; но тогда еще не настало время, чтобы на сцену смотрѣли, какъ на высокое искусство, и артисты, въ общественной жизни, смахивали немного на паріевъ; поэтому неудивительно, что мамаша, человѣкъ стараго строя, не могла относиться къ этому сочувственно! Итакъ, сестрѣ было предоставлено менѣе широкое поле—въ посѣщеніяхъ вечеровъ Даргомыжскаго и спѣвокъ и концертовъ, въ которыхъ участвовали всѣ извѣстные люди изъ общества. Я постоянно сопровождала сестру на всѣ эти спѣвки н генеральныя репетиціи. Особенно интересны были послѣднія, на которыхъ Рубинштейнъ не такъ „люто" распекалъ милыхъ дамъ; а то на первыхъ имъ иногда приходилось не сладко, отъ порою слишкомъ рѣзкихъ замѣчаній маэстро съ его львиною гривой и Бетховенскимъ складомъ лица! Но этому колоссу, отмѣченному Божьимъ перстомъ, прощалось все!

Нечего говорить о томъ, какъ интересенъ всегда былъ выборъ пьесъ для исполненія, въ которыхъ я впервые познакомилась съ классическою музыкой, хотя, признаюсь, что сначала не очень ею восхищалась, еще не уразумѣвъ всю ея красоту, болѣе склонясь къ итальянской, какъ болѣе легкой и доступной. Въ числѣ исполнителей и исполнительницъ были красивые голоса. Къ лучшимъ можно отнести личныхъ пѣвицъ Великой Княгини, большой любительницы и знатока пѣнія, тоже исполнявшихъ сольное пѣніе. Одною изъ лучшихъ была Штуббе, съ чуднымъ бархатнымъ контральто и прекраснымъ прочувствованнымъ пѣніемъ, прелесть котораго еще довершала ея обаятельная и представительная наружность. Никто послѣ нея такъ не захватывалъ меня исполненіемъ Шумановскаго „Ich grolle nicht", въ которое она вкладывала столько души, что это прямо лилось въ душу! Вскорѣ она вышла замужъ за Абазу, кажется въ то время служившаго при дворѣ Великой Княгини. Черезъ много, много лѣтъ, когда она была уже вдовой и старушкой,—да и я была далеко не молода,—мы свидѣлись съ нею и вспомнили старые годы и ея незабвенное: „Ich grolle nicht"!..

Чуднымъ контральто, еще болѣе густымъ, хотя менѣе чарующимъ, обладала и другая пѣвица Великой Княгини—Зубинская, не такая строгая музыкантша, какъ Штуббе, и не вкладывавшая въ свое пѣніе столько выраженія, какъ та; живая, хорошенькая дѣвушка, наивно „флиртовавшая" съ Рубинштей-

номъ, называя его попросту: „Рубини“, на что онъ отвѣчалъ: „Зубини“. Прелестною салонною пѣвицей была (бывшая передъ тѣмъ при Великой Княгинѣ, но тогда уже замужемъ) Лешетицкая (жена извѣстнаго піаниста, профессора нашей консерваторіи, по дѣвичьей фамиліи Флидбергъ), прелестно исполнявшая романсы и плѣнившая меня Шумановскою: „Die Forellen“. Съ нею мнѣ тоже пришлось свидѣться много позже, когда она уже была извѣстною преподавательницей пѣнія, именно „салоннаго“, и уже разошлась со своимъ мужемъ, женившимся на извѣстной впослѣдствіи піанисткѣ Есиповой, позднѣе тоже съ нимъ разставшейся, смѣненная имъ на болѣе молодую свою ученицу при Вѣнской Консерваторіи, гдѣ въ качествѣ профессора подвизается и до нынѣ. Съ г-жею Лешитицкой № 1-й мы свидѣлись на маленькомъ музыкальномъ вечерѣ въ домѣ превосходнаго артиста, баритона нашей итальянской оперы (о чемъ рѣчь далеко впереди), Мореля, гдѣ она пѣла дуэты съ нашимъ извѣстнымъ художникомъ Константиномъ Маковскимъ, владѣвшимъ пріятнымъ баритономъ, и тоже пришлось съ нею вспомнить доброе старое время!..

„Русское Музыкальное Общество“ было первообразомъ вслѣдъ затѣмъ открывшейся Консерваторіи, помѣстившейся въ зданіи, принадлежавшемъ къ театральной дирекціи, сзади Александринскаго театра. Уже втянувшись въ музыку, я оставалась вѣрна и Консерваторіи, во время экзаменовъ имѣя билетъ на посѣщенія ихъ всѣхъ, но отдавая преимущество классамъ пѣнія и фортепіано. Зала тамъ была небольшая, а желающихъ присутствовать на этихъ экзаменахъ такъ много, что, чтобы получить мѣсто приличное, а не стоять позже, въ тискахъ, въ проходѣ, приходилось часами простаивать передъ запертыми дверями зала. Но зато сколько удовольствія ожидало впереди! Какъ блистательны были эти первые выпуски, давшіе намъ, начиная съ П. И. Чайковскаго, такіе таланты, какъ Есипова, Терминская, Киндъ (впослѣдствіи Бенуа), Лавровская, Стравинскій, Матчинскій, Габель, Самусъ, Славина, Раабъ и цѣлую плеяду другихъ, блиставшихъ потомъ или на оперной сценѣ, или на концертной эстрадѣ, или въ профессорской и композиторской сферѣ. Живо помню на одномъ экзаменѣ тріо,—если не ошибаюсь, изъ „Matrimonio Segreto“ Чимарозы,—исполненное ученицами: Лавровскою, Бѣлоха и Раабъ. Помню совсѣмъ юную, красивую Славину, пѣвшую арію Амнерисъ изъ „Аиды“.

Какъ интересны были ученическіе оперные спектакли, происходившіе въ Большомъ театрѣ. А что за профессора были въ Консерваторіи, съ директоромъ А. Г. Рубинштейномъ во главѣ! Лешетицкій, Кроссъ, Гензельтъ. По пѣнію: Ниссенъ-Саломанъ, Эверарди и т. д. Съ того времени начались и блистательные симфоническіе концерты, дававшіеся въ залѣ Дворянскаго Собранія съ ея превосходною акустикой, гдѣ я потомъ была постоянно абонирована на хорахъ. Что это было за высокое наслажденіе, когда дирижерами превосходнаго оркестра являлись такіе колоссы, какъ А. Г. Рубинштейнъ, этотъ, царившій надъ оркестромъ, музыкальный гигантъ съ его львиной гривой, и Бетховенскою физіономіей и Бетховенскимъ вдохновеніемъ! Послѣдній, десятый концертъ, почти каждый годъ завершался девятою симфоніей Бетховена, этою геніальною эпопеей энтузіазма, съ ея неподражаемымъ scherzo и неудержимымъ полетомъ въ небо! А сколько наслажденія приносила вдохновенная игра самого Рубинштейна,—игра, уносившая далеко отъ нашей будничной, сѣренькой жизни въ тѣ сферы, гдѣ звучатъ лиры безсмертныхъ духовъ; игра, въ которой, по словамъ критика Лароша, лучшаго музыкальнаго критика, писавшаго въ газетѣ „Голосъ" (тоже лучшей у насъ газетѣ, — „Голосъ", которой замолкъ подъ давленіемъ черныхъ силъ), соединялись „сила львиная и кротость голубиная".

Я уже упомянула выше о томъ, что несмотря на то, что я, благодаря сопутствованію сестрѣ въ ея спѣвкахъ и пр., сразу окунулась въ болѣе серіозную классическую музыку, всю прелесть ея я стала понимать гораздо позже, и что меня болѣе тянуло къ итальянской музыкѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ, начиная съ осени 1861 г., я по-уши влѣзла въ нее, благодаря той чудесной итальянской оперѣ, что царила на императорской сценѣ Большого театра. До того, еще въ дѣтствѣ, до института, меня раза два возили на сборные спектакли, въ которыхъ пѣли знаменитыя тогда звѣзды: Медори, Де-Мерикъ, Лаблашъ, Дебассини, и я такъ была ошеломлена ихъ пѣніемъ, что даже не могла разобраться хорошенько въ своихъ впечатлѣніяхъ, не отдѣляя исполненіе отъ исполнителей и обстановки.

Первымъ для меня спектаклемъ въ Октябрѣ 1861 г. была „Травіата" съ Фіоретти, Кальцолари и Граціани. Некрасивая толстуха Фіоретти, съ тяжелою походкой и неловкими манерами и отсутствіемъ всякаго таланта въ игрѣ, была все же любимицей публики ради ея прелестнаго голоса, мягкаго бархатнаго

тембра, и прелестнаго пѣнія. Вслѣдствіе ея неловкости, обусловленной еще близорукостью, съ нею случались разные курьезы, вызывавшіе даже смѣхъ публики. Такъ разъ, въ „Динорѣ“, съ нею разыгралась такая же мимическая сценка, какъ и съ ея козочкой. Въ началѣ перваго акта, пробѣгая черезъ сцену, козочка, не добѣжавъ до кулисъ, что-то заупрямилась и остановилась, несмотря на усиленныя приглашенія скрывавшагося за кулисами и напрасно тянувшаго ее на веревкѣ субъекта, который, наконецъ, высунувъ изъ-за кулисъ руки, схватилъ ее за рога и втянулъ за кулисы. Вслѣдъ за козочкой, какъ извѣстно, на сцену вбѣгаетъ сама Динора, милая неуклюжая Фіоретти въ неуклюжей красной юбкѣ, обшитой по борту черною каймой, часть которой, по недосмотру ли одѣвавшей примадонну горничной, или задѣтая гдѣ при проходѣ за кулисами за гвоздь, оторвалась и висѣла. Неуклюже подбѣжавъ къ суфлерской будкѣ, Фіоретти-Динора стала передъ суфлеромъ изливать свою скорбь о потерянной „Беллѣ“, а тотъ, не вынеся искушенія оторвать торчавшій передъ его глазами оторванный кусокъ каймы, боясь, что Фіоретти можетъ на него споткнуться, счелъ за лучшее, высунувъ изъ будки руки, постараться оторвать этотъ злополучный кусокъ. Дѣло, однако, было не легкое! Матерія не поддавалась, а между тѣмъ, Динора рѣшила, что по игрѣ ей слѣдуетъ отпрыгнуть отъ суфлерской будки... И тутъ повторилась мимическая сцена съ козой: Динора уходила дальше, руки высовывались больше и, наконецъ, ничего не подѣлавъ, суфлеръ отчаянно выпустилъ изъ рукъ еще болѣе оторванную кайму, съ чѣмъ Динора и шмыгнула за кулисы при общемъ смѣхѣ публики верховъ.

Но я отвлеклась отъ моей „Травіаты“. Партнеромъ Фіоретти былъ Кальцолари, сразу ставшій на долгіе года моимъ любимымъ артистомъ. Это былъ идеальный представитель тенора di grazia! Тэмбръ его голоса былъ замѣчателенъ своею мягкою бархатистостью. Это былъ голосъ сладкихъ словъ, нѣжныхъ изліяній, тихой грусти. Напрасно бы вы стали искать въ немъ страсти, гнѣвнаго укора, энергіи; это было бы все равно, что искать орлинаго крика въ соловьиной пѣснѣ: Кальцолари и напоминалъ соловья, когда, заливаясь тѣми безукоризненными фіоритурами, въ которыхъ голосъ его игралъ, какъ въ родной стихіи, онъ приподнималъ голову и слегка прикрывалъ глаза, будто весь уходя въ свое пѣніе. Обработка его голоса была поразительна: онъ не зналъ трудностей вокализаціи и притомъ все это выходило у

него чрезвычайно изящно, тонко, со вкусомъ. Школа его была настоящею школой „del vero canto italiano“; и въ то же время никто не пѣлъ серіозную музыку такъ, какъ онъ. Игра его отличалась благородствомъ и изящными манерами; не вдохновляясь ролью, онъ строго изучалъ ее, и она всегда выходила у него полною.

Баритонъ Граціани, только годъ передъ тѣмъ явившійся на нашей сценѣ, уже царилъ на ней, сразу покоривъ публику. Онъ, какъ Цезарь: „Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ“! Да и не могъ не побѣдить этотъ, исключительной красоты, баритонъ, рѣдкій по діапазону, вмѣщавшій въ себѣ и бархатныя, почти теноровыя, ноты и полныя энергіи баритонныя, отъ которыхъ, казалось, могли рухнуть стѣны Большого театра; несмотря на то, что онѣ были крѣпки, какъ желѣзо, даже тогда, когда, черезъ многіе послѣ того годы, ихъ стали ломать, подъ предлогомъ ихъ старости, чтобы изъ чудеснаго театра съ его превосходною аккустикой создать безобразныя, по аккустикѣ и всему прочему, залы новой Консерваторіи.

Не перечисляя другихъ артистовъ этого времени, послужившаго началомъ моей „итальяноманіи“, назову только двухъ: Тамберлика, тогда уже начавшаго терять голосъ, сильно выбрируя, но все еще поражавшаго своею энергіей настоящаго тенора di forza, особенно въ такихъ роляхъ, какъ Арнольдъ въ „Вильгельмѣ Теллѣ“ и „Отелло“, въ Россинивской оперѣ этого имени, и въ своихъ неподражаемыхъ речитативахъ. Вторымъ артистомъ назову Эверарди, тогда только начинавшій, заявившій себя вполнѣ артистомъ и въ пѣніи, чудеснаго низкаго баритона—basso cantante, и превосходною игрой, въ 1863 г. въ роли Мефистофеля въ оперѣ „Фаустъ“, только-что передъ тѣмъ вышедшей въ свѣтъ изъ-подъ пера Гуно и, послѣ Парижа, явившейся у насъ въ бенефисъ Тамберлика. Упомяну еще о томъ блескѣ, что царилъ въ нашемъ превосходномъ оркестрѣ (подъ дирижировкой Бавери), солистами котораго тамъ присутствовали такія музыкальныя звѣзды: Венявскій (1-я скрипка), Давыдовъ (віолончель), Чіарди (флейта), Цабель (арфа) Каваллини (кларнетъ), Ферреро (контръ-басъ).

III.

Теперь мнѣ придется поговорить о другихъ, болѣе серіозныхъ, событіяхъ, которыми отмѣчены времена шестидесятыхъ годовъ,—

годовъ сильнаго броженія общества вообще и молодежи въ особенности; хорошихъ годовъ, сулившихъ впереди столько свѣтлаго!..

Хотя многое изъ этого свѣтлаго впослѣдствіи затянулось тою сѣрою мглой, которая, какъ ядовитый туманъ, выѣла свѣтлыя надежды, на долгіе годы окутавъ все непроглядною, тяжелою завѣсой... Но все же мы пережили хорошіе моменты! Мы, еще свидѣтели всѣхъ ужасовъ крѣпостного ярма, пережили 61-ый годъ— годъ неизгладимыми буквами вырѣзанный на скрижаляхъ исторіи Царя-Освободителя! Мы плакали теплыми слезами радости при мысли, что снято, наконецъ, съ нашей Руси позорное, растлѣвающее пятно, карой небесной, какъ гангрена, снѣдавшее тѣ милліоны рабовъ, на которыхъ смотрѣла хуже, чѣмъ на скотовъ, безчисленная орда ихъ тирановъ—владѣльцевъ, сидѣвшихъ въ своихъ родовыхъ вотчинахъ, предаваясь звѣрству и разврату. Мы видѣли теперь, какъ встряхнулись всѣ наши сидни—Ильи Муромцы, почуявъ въ себѣ силу дѣло дѣлать, а не сидѣть у моря—погоды ждать, кормясь папеньками да маменьками изъ даровыхъ затворовъ, хранившихъ даровой хлѣбъ, облитый потомъ и кровью рабовъ...

Вмѣстѣ съ молодежью мужчинами, взбудоражились и наши женщины, которыя до того, какъ въ старину боярышни въ теремахъ, за мамушками да нянюшками, да сѣнными дѣвушками сидѣли за пяльцами, такъ и позднѣе сидѣли бѣлоручками, „кисейными“ барышнями (какъ ихъ прозвалъ Помяловскій) за оравой крѣпостной дворни, или же, и безъ дворни, воспитывались „гибкими ліанами“, ждавшими поддержки могучаго дуба, изнывая въ чаяніи движенія воды, т. е. замужества, единственной поддержки въ ихъ безпомощномъ положеніи, въ случаѣ смерти кормившихъ ихъ родителей. Женщина тоже почуяла въ себѣ силу; она какъ бы окрылилась; но, неумѣлая, не подготовленная, стала метаться, какъ еще не выучившійся летать птенецъ. Какъ прежде, эти кисейныя барышни не хотѣли, за спиной мамушекъ и маменекъ, что называется палецъ о палецъ ударить, такъ теперь онѣ сразу захотѣли не только дѣло дѣлать, но стать героинями: города брать, человѣчество спасать! Славянская натура сказалась вполнѣ. Теперь не только тѣ, которыя ничего не дѣлали, потому что передъ ними были закрыты двери ко всякой дѣятельности; но и тѣ, у которыхъ дѣло было подъ рукой, въ семьѣ, побросали эти семьи, родные города и умчались куда-то вдаль, къ какой-то

дѣятельности, даже не уяснивъ себѣ, что онѣ могутъ и способны дѣлать?

Какъ во всѣхъ неумѣлыхъ начинаніяхъ, не зная, за что хвататься, начали съ пустяковъ: со внѣшности. Надо было прежде всего приблизиться къ мужчинѣ, хотя бы по внѣшности. И вотъ, предалось остракизму все, что напоминало внѣшность: платья, шляпы, прически,—все пошло à la мужчина! Кофта въ видѣ сюртука, короткая юбка, мужской котелокъ. Волосы безжалостно обрѣзались, якобы для того, чтобы не затруднять прической дѣятельницу, дорожившую каждою минутой... еще не начатаго дѣла... Что не мѣшало нѣкоторымъ дѣятельницамъ тихонько подвивать свою остриженную гриву,—фактъ, увы, мною лично подмѣченный!.. На носу появились очки, часто только мѣшавшіе хорошему зрѣнію, а во рту папироса, иногда даже сигара, отъ которой сначала тошнило. Воротнички и нарукавнички были или совсѣмъ отброшены, или умышленно, въ знакъ пренебреженія, сильно загрязнены. Онѣ стали plus royliste que le roi. Около этихъ бѣдняжекъ стали увиваться и „просвѣтители",—тѣ подонки молодежи, что всегда не прочь „ловить рыбу въ мутной водѣ", которые, подъ видомъ толкованія ученыхъ физіологическихъ сочиненій, преподавали имъ развратъ, погубившій не одну изъ этихъ неопытныхъ энтузіастокъ женскаго движенія... Я видѣла близко и этихъ энтузіастокъ, бросавшихся очертя голову, и этихъ „просвѣтителей", видѣла женщинъ дѣла и жалкихъ трутней женскаго рода, случайно посѣщая одну изъ такихъ женскихъ, многочисленныхъ тогда, артелей, спасая, по просьбѣ ея матери, знакомую мнѣ барышню-энтузіастку, увлеченную общимъ движеніемъ, совсѣмъ не подготовленную къ дѣлу, но способную увлечься проповѣдями охотниковъ „ловить рыбу въ мутной водѣ" и попавшейся на крючокъ... Къ счастью, обстоятельства сложились такъ, что мнѣ удалось вернуть ее домой.

Но такія неурядицы и промахи неизбѣжны при всякой реакціи. Все мало-по-малу улеглось, и на жизненную арену выступили настоящіе бойцы, не стѣсняющіеся болѣе своимъ женскимъ костюмомъ и даже модными прическами, умѣлые въ борьбѣ, отстаивая свою независимость дѣломъ, а не однѣми громкими фразами! Мало-по-малу завоевывая себѣ тѣ ступени общественной дѣятельности, которыя до того были исключительнымъ достояніемъ мужчинъ. Теперь мы видимъ женщину, помимо частнаго труда, работающею рядомъ съ мужчиной и на казенной службѣ, и работающею съ тою добросовѣстностью, которою всегда отличался жен-

скій трудъ. Она уже не раба, она дѣятельница, гражданка и даже... „чиновникъ"!.. Тѣ двери, которыя когда-то были плотно для нея прикрыты, кое-гдѣ пріотворились; слегка расширились и прежнія щелки. Она посѣщаетъ засѣданія, судитъ, споритъ, оспариваетъ, кричитъ и даже... перекрикиваетъ мужчинъ! Она открываетъ свои собственныя общества, куда властно закрываетъ входъ своимъ прежнимъ властелинамъ, конфузливо отходящимъ отъ этихъ, плотно прикрытыхъ для нихъ, дверей; или такъ же конфузливо входящихъ въ эти заповѣдныя двери подъ контролемъ этихъ, когда-то порабощенныхъ ими, женщинъ. Она, эта женщина, прежде смиренно ожидавшая милостиво брошеннаго ей платка,—теперь бросила перчатку, вызывая на бой своего прежняго властелина, съ задорнымъ девизомъ: „Кто побѣдитъ"?

Перейдя лично къ себѣ, скажу, что мы съ сестрой не были ничего не дѣлающими „кисейными" барышнями, не знающими, какъ убить время. Къ тому же, хотя и жили на всемъ готовомъ, все же желали заработать кое-какіе грошики на свои личные расходы, не обращаясь за всѣмъ къ мамашѣ, и, подъ общимъ вѣяньемъ, принялись за работу, не пренебрегая никакимъ заработкомъ. Заказы получались отъ и черезъ знакомыхъ, жившихъ въ нашемъ „городкѣ"—Смольномъ. Мы вязали тогда, только-что вошедшія въ моду, платочки изъ тонкой, такъ называвшейся, „царской" шерсти. Вышивали тоже модной тогда „broderie anglaise"; даже раскрашивали картинки для дешевыхъ дѣтскихъ книгъ, а я, одно время, подучившись живописи масляными красками, писала небольшіе образа на деревѣ. Позже сестра стала давать уроки пѣнія, одно время преподавая въ Маріинскомъ институтѣ, гдѣ у нея брала уроки воспитывавшаяся тогда тамъ дѣвица Вальтеръ,—впослѣдствіи извѣстная пѣвица русской оперы—Каменская, которой сестра моя первая указала на ея красивое контральто, предыдущимъ учителемъ признаваемое за сопрано.

Но, работая и такъ и эдакъ, я все же была не удовлетворена; мнѣ хотѣлось серіозной, постоянной дѣятельности, которая всецѣло бы меня захватила; и мнѣ всего болѣе улыбалась мысль о рисовальной школѣ. Всего болѣе останавливала даль разстоянія отъ Смольнаго до зданія Биржи, на Васильевскомъ островѣ, у Дворцоваго моста, гдѣ тогда находилась школа; да еще, при тогдашнихъ воззрѣніяхъ, поѣздки туда одной! Но это устранилъ мой второй братъ, Иліодоръ, сначала, по выходѣ изъ гимназіи, служившій въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, а тутъ какъ

разъ перешедшій на службу въ Таможню и, живя недалеко отъ насъ, вызвавшійся, во дни занятій въ школѣ, заѣзжать за мной и отвозить меня туда и обратно, что и было первую зиму моихъ тамъ занятій, пока и я не привыкла къ большей самостоятельности, да и всѣ послѣднія событія въ общей жизни не перемѣнили воззрѣній на то родителей и общества.

И вотъ, въ одинъ морозный январьскій день, 1862 г., я явилась въ школу, съ большимъ портфелемъ, разными принадлежностями для рисованія, а также бутербродами, приготовленными заботливою мамашей для моего завтрака. Поступила я, конечно, въ первый классъ, въ которомъ рисовали съ картонныхъ кубиковъ, арокъ и пр., что мнѣ вначалѣ было трудно, никогда не рисовавъ до того съ натуры. Я робко держалась въ сторонѣ въ своемъ маленькомъ, невзрачномъ классѣ, помѣщавшемся отдѣльно отъ другихъ, изъ которыхъ несся болѣе авторитетный говоръ. Говорю: „болѣе“, потому что тогда царствовала въ школѣ строгая дисциплина! Директоръ школы, М. В. Дьяконовъ, высокій, худой старикъ, съ цѣлою гривой курчавыхъ, совсѣмъ бѣлыхъ волосъ, въ черномъ бархатномъ пиджачкѣ и особенно мягкихъ сапогахъ, на которыхъ онъ подкрадывался незамѣтно къ разболтавшимся ученицамъ, строго наблюдалъ тишину и безмолвіе. Но, грозный въ такія минуты, онъ вообще былъ добрѣйшій человѣкъ, страстно любившій искусство (которому активно служилъ очень посредственною кистью) и понимавшій, нѣжно любившій школу и прямо по-отечески—всѣхъ въ ней учащихся, что вылилось у него однажды, наканунѣ нашихъ вакацій, въ словахъ. Разбрюжжавшись на насъ болѣе обыкновеннаго, онъ вызвалъ у одной ученицы замѣчаніе, что хоть бы передъ разставаніемъ онъ былъ къ намъ добрѣе!

— А я потому и браню васъ, чтобы мнѣ не такъ грустно было съ вами разставаться!—проговорилъ онъ съ доброй улыбкой.

Очень милая особа была и наша надзирательница Е. И. Вернеръ, имѣвшая видъ степенной и немного важной діакониссы; вся съ головы до ногъ въ черномъ и всегда съ привѣтливой, хотя немного меланхолической улыбкой на добромъ, свѣжемъ лицѣ. Училъ насъ въ первомъ классѣ Нотбекъ, маленькій, круглый старичокъ, очень чистенькій и свѣжій, типъ непризнаннаго, но не озлобленнаго генія, говорившаго объ искусствѣ и тѣхъ, кто не признавалъ его знанія въ немъ, съ гордымъ сознаніемъ своего

достоинства и затаенною скорбью; не проклинающій, но изрекающій: „Прости имъ! Не вѣдятъ бо, что творятъ“!.. Метода его была средняя между штрихами и планами, съ непремѣнною „конапаткой“ посрединѣ, чтобы тушевка „играла“, что вызвало разъ у одной изъ учениц такое замѣчаніе на несовсѣмъ полное довольство Нотбека „игрой“ ея тушевки: „Да я ужъ такъ играла, такъ играла, что боялась въ конецъ разыграться!“ Эта ученица, Ипатова, съ которой первою я сошлась въ школѣ, была большою оригиналкой, но прелестнымъ человѣкомъ! Здоровая духомъ, добрая, честная натура, съ громадной энергіей и прямотой, часто ставившей въ тупикъ. Бѣдная дѣвушка, поддерживавшая еще мать, она не останавливалась ни передъ какимъ трудомъ; и одно время, служа наборщицей въ типографіи, въ свободные часы отдыха бѣгала въ рисовальную школу, чтобы только освѣжиться, такъ какъ способностей къ рисованію совсѣмъ не имѣла. Помню, какъ въ классѣ композиціи она насмѣшила насъ всѣхъ и сама сильнѣе всѣхъ смѣялась, нарисовавъ сидящую въ глубинѣ комнаты за столомъ, семью такъ, что, по ея перспективѣ, она вышла висящею на стѣнѣ. Оставивъ школу, она потомъ была и настройщикомъ и рѣзчикомъ для охтенскихъ мастеровъ и фотографщикомъ. Она была чисто-русскимъ человѣкомъ, съ огромною русскою смѣкалкой и русскою невыдержанностью; зато съ горячимъ русскимъ сердцемъ! Мы видались съ ней и помимо школы; да и послѣ того, какъ обѣ уже оставили школу, часто встрѣчаясь послѣ длинной разлуки, иногда самымъ неожиданнымъ образомъ, иногда при очень странной обстановкѣ; такъ, напримѣръ, она пригласила меня къ себѣ, когда переносили еще вещи на ея новую квартиру, и мы все время просидѣли на ея диванѣ на площадкѣ лѣстницы. Но всего страннѣе, даже съ мистическимъ оттѣнкомъ, была наша послѣдняя съ нею встрѣча, черезъ много лѣтъ разлуки, когда я, нечаяннымъ образомъ, своимъ посѣщеніемъ избавила ее отъ большого зла...

Миръ ея праху, праху хорошаго, честнаго человѣка!

Вернувшись къ своей школѣ, скажу, что обязательныхъ классовъ у насъ было два въ недѣлю: вторникъ и четвергъ, съ 12 до 3 часовъ. Въ пятницу былъ классъ акварельный только для старшихъ классовъ. Всѣхъ классовъ было четыре. Во второмъ рисовали съ гипсовыхъ масокъ и вообще части тѣла, а также гипсовые орнаменты. Въ третьемъ—съ цѣлыхъ бюстовъ и даже статуй; въ четвертомъ—масляной живописью, съ натуры. До каникулъ 1863 г. я перешла 3 класса и на экзаменѣ, за рисунокъ со статуи „По-

лимнiи", во весь ростъ, была переведена въ натуральный классъ. Въ наступившiе затѣмъ каникулы Дьяконовъ посовѣтывалъ мнѣ, чтобы подготовить себя къ живописи съ натуры, что-нибудь скопировать масляными красками въ Эрмитажѣ, что я и сдѣлала, по его рекомендацiи, обратившись къ одному изъ распорядителей Эрмитажа, когда-то ученику Карла Брюлова, указавшему мнѣ на „голову монаха въ окнѣ" Рубенса. Тотъ лѣтнiй мѣсяцъ, что я работала въ Эрмитажѣ, доставилъ мнѣ много удовольствiя!

Тѣмъ, кто копировалъ, дозволялось оставаться до 4 и даже до 5 часовъ. И вотъ, когда въ 3 часа публика расходилась, было такъ хорошо работать одной въ этой большой, грандiозной залѣ, полной великихъ произведенiй, серiозно глядѣвшихъ на меня со стѣнъ изъ за своихъ золоченыхъ рамъ! Кончишь, вычистишь палитру и, передъ уходомъ, пройдешься по заламъ, чтобы навѣстить своихъ любимцевъ въ различныхъ школахъ. Кругомъ тишина, только гулко раздается шорохъ собственныхъ шаговъ; и тянутся по стѣнамъ эти чудныя полотна, вышедшiя изъ мастерскихъ тѣхъ генiевъ, что жили искусствомъ и творили вдохновенiемъ, не гонясь за трескучимъ, мишурнымъ блескомъ!..

Съ осени я вступила въ 4-й натурный классъ, гдѣ тогда преподавалъ Келлеръ, прославившiйся своими портретами. Составъ учителей въ школѣ тогда былъ превосходный! Келлеръ, Чистяковъ, Корзухинъ, Горавскiй, Клодтъ, Бейдеманъ и позднѣе—Крамской! Талантливыя были и ученицы въ натурномъ классѣ: Воронова, Гаугеръ, Стефанъ, Кочетова, Михальцева, Гаврилова, Павлова,—все милыя, образованныя, страстно любившiя искусство, съ которыми было прiятно и поработать и поговорить по душѣ. Застала я еще въ этомъ классѣ и прелестную, какъ по наружности, такъ и по таланту, художницу Елизавету Меркурьевну Эндаурову, вышедшую вскорѣ затѣмъ замужъ за артиста-скрипача, впослѣдствiи профессора Консерваторiи—Бёма; и подъ этой фамилiей извѣстная своими прелестными сначала силуэтами, а далѣе очаровательными акварельными рисунками дѣтей. Съ нею мы сошлись уже внѣ школы, гораздо позднѣе; сошлись тѣсною дружбой, какъ и съ чудеснымъ человѣкомъ, также какъ и съ ея сестрой, Любовью Меркурьевной Эндауровой, подъ талантливою кистью которой распускаются цвѣты, полные не только поэзiи, но и благоуханiя!

Теперь приходилось бывать въ школѣ уже три раза въ недѣлю, для класса акварели, а до этого класса, съ 10 до 12, у

насъ былъ классъ композиціи, Бейдемана. Это былъ вполнѣ художникъ-энтузіастъ, говорившій объ искусствѣ съ экстазомъ и поклонявшійся ему съ благоговѣніемъ весталки, поддерживающей недремотно священный огонь своей богини. Когда онъ съ жаромъ и блескомъ въ глазахъ говорилъ объ искусствѣ, онъ вполнѣ наэлектрозовывалъ, и тогда казалось, что еще больше начинаешь любить искусство. И притомъ его замѣчанія были чрезвычайно мѣтки и запечатлѣвались навсегда. Когда осенью 1863 г. на академической выставкѣ появилась картина Ге—„Тайная вечеря“, Дьяконовъ повелъ насъ смотрѣть ее еще до начала выставки. Партія поклонниковъ академической рутины, привыкшихъ къ симметрическому расположенію фигуръ за вытянутымъ столомъ, возмущалась отступленію отъ пріемовъ, освященныхъ со временъ древнихъ мастеровъ, со включеніемъ Леонардо да Винчи; возмущалась, якобы, слишкомъ разгорѣвшимися лицами апостоловъ и особенно Христа, пустивъ даже въ ходъ каламбуръ, что картина Ге—„est trop gai...“

Насъ, напротивъ, привела въ восторгъ оригинальность композиціи, выраженіе всѣхъ лицъ, особенно лица Христа, смѣлое освѣщеніе и размашистость кисти. Мы принадлежали къ партіи восторженныхъ новаторовъ, возмущаясь, напротивъ, всѣмъ рутиннымъ, сжимавшимъ въ тискахъ, мертвящимъ и сушащимъ. Нашъ восторгъ раздѣляли наши преподаватели, или тѣ изъ нихъ, на которыхъ уже пахнуло струей, прорвавшеюся въ затхлый воздухъ академической рутины.

Помню восторгъ Бейдемана, когда мы стали передавать ему наши впечатлѣнія! Онъ восхищался тѣмъ, что Ге въ изображеніи Христа отступилъ отъ общепринятой доселѣ рутины, представивъ его энтузіастомъ, мученикомъ идей, готовымъ за правоту своихъ убѣжденій итти на костеръ или Голгоѳу! Восхищался онъ тѣмъ, что на картинѣ видно и то, что до этого было, какъ и то, что затѣмъ послѣдуетъ, о чемъ долженъ заботиться художникъ начиная картину. Сюжеты для задаваемыхъ имъ намъ композицій Бейдеманъ иногда бралъ не совсѣмъ подходящіе для нашихъ силъ, какъ, напр., „Избіеніе младенцевъ“, „Наталья Долгорукая“, „Домби и сынъ“ (изъ романа Диккенса) и самъ, увлекаясь фантазіей, отдавалъ ей преимущество передъ рисункомъ. Руководствуясь этимъ, онъ разъ, разсматривая мою композицію, сильно грѣшившую рисункомъ, на ошибки котораго я сама ему указала, проговорилъ: „Всего важнѣе то, что я вижу въ васъ душу; а руки придутъ по-

томъ!“ Съ другой стороны, онъ добродушно подтрунивалъ надо мной, говоря, что во мнѣ царитъ духъ противорѣчія, особенно послѣ того, какъ я въ композицію „Невѣста, ожидающая жениха“, вопреки всѣмъ другимъ, изобразившимъ эту невѣсту радующеюся пріѣзду своего жениха, на своей композиціи изобразила ее недовольною, капризно не поддающеюся уговорамъ матери итти ему навстрѣчу.

А что у насъ, между ученицами, шли за разговоры! Мы разбирали искусство со всѣми проходившими передъ нашими глазами его представителями и ихъ произведеніями. Мы толковали, спорили, приходили въ экстазъ. Поднявъ вопросъ о какой-нибудь, только-что появившейся на выставкѣ, картинѣ и, не рѣшивъ его заглазно, мы на-скоро одѣвались и бѣжали въ Академію, или на постоянную выставку, бывшую тутъ же въ одномъ зданіи со школой, соединяясь съ нею черезъ одну комнату и вернувшись оттуда, спокойно принимались за работу. О чемъ только не заводили мы разговоровъ! Музыка смѣняла литературу; политическіе вопросы, живопись, философія, театральныя новости. Иногда возникавшій споръ разрастался до размѣровъ, разбивавшихъ въ прахъ пунктъ школьныхъ постановленій о тишинѣ, и можно было ожидать появленія въ дверяхъ класса, какъ тѣни Банко, Дьяконова...

— Базаровъ это вполнѣ интелектъ!—начинала К. педантическимъ тономъ, заикаясь и быстро мигая мышиными глазками, подъ синими очками.

— Тамберликъ?.. Да онъ совсѣмъ съ голосу спалъ! Вотъ Кальцолари...—споритъ съ кѣмъ-нибудь, громко тараторя С.

— Нѣтъ, нѣтъ, что ни говорите—„Мученики“ Флавицкаго это такая прелесть!---восклицаетъ съ экстазомъ В.

И такъ далѣе. А кругомъ молчаливо смотрятъ на насъ всѣ эти Апполоны, Германики, Ніобеи, Лаокононы и Геркулесы во всей ихъ классической красотѣ и вѣковомъ величіи...

Устроились у насъ, было, и воскресные вечера, на манеръ позднѣйшихъ „пятницъ“ художниковъ, гдѣ предполагалось и рисованіе съ натуры и музыка съ пѣніемъ. Ученицы являлись на нихъ съ гостями; являлись, кромѣ нашихъ преподавателей и другіе художники: Боголюбовъ, Лагоріо и др. Но вечера эти какъ-то не привились и скоро прекратились, не встрѣтивъ сочувствія въ нашихъ заправилахъ.

По отъѣздѣ Бейдемана въ Крымъ, расписывать церковь въ Ливадіи, классъ композиціи перешелъ къ жанристу М. П. Клодту,

милѣйшему человѣку и очень хорошему, серіозному преподавателю, манерою котораго было: задавъ намъ тему требовать ея первый набросокъ тутъ же во время урока, съ дальнѣйшею выработкой дома. Но совершеннымъ событіемъ внесшимъ въ школу новый свѣтъ, было появленіе въ ней Крамского, для уроковъ пластической анатоміи при рисованіи съ натуры карандашемъ или растушкой. Уроки Крамскаго были для насъ просто откровеніемъ; мы смотрѣли на него, какъ на апостола, впервые возвѣстившаго намъ ту истину, о которой мы долго инстинктивно мечтали! Онъ былъ неутомимъ все время урока, переходя отъ одной ученицы къ другой, не переставая дѣлать замѣчанія, поразительныя по вѣрности взгляда и простотѣ изложенія, для всѣхъ понятнаго, сразу указывая на то, что отъ васъ требовалось; при томъ онъ былъ очень краснорѣчивъ. Его знаніе анатоміи человѣческаго тѣла было такъ превосходно, что при первомъ взглядѣ на вашъ рисунокъ, онъ замѣчалъ малѣйшую въ немъ погрѣшность и не дарилъ намъ ни малѣйшей ошибки, тотчасъ же ее карая, но всегда, такъ деликатно, что мы не только не обижались, а старались сами помочь ему отыскать ее, зная, что его замѣчанія выведутъ насъ на дорогу изъ тѣни сомнѣнія.

— Это надо не-мно-жечко поправить!—говорилъ онъ мягко, нѣсколько растягивая это „немножечко", требовавшее иногда грандіозныхъ поправокъ! И, поправляя, онъ читалъ цѣлыя лекціи пластической анатоміи, напамять, о скелетѣ или одѣвающихъ его мышцахъ и мускулахъ.

Большею частью онъ приходилъ въ школу нѣсколько раньше начала занятій, и къ нему бѣжали за совѣтами всѣ, сколько-нибудь въ нихъ нуждавшіяся, и для всѣхъ у него былъ добрый совѣтъ. Рисовали мы у него съ натуры и при вечернемъ освѣщеніи, что происходило въ комнатѣ, единственное окно которой плотно завѣшивали. Рисовали и съ манекеновъ, для изученія драпировокъ и различныхъ позъ, на что давалось два класса. Онъ занимался съ нами до 1871 г., иногда отлучаясь въ Москву для работъ въ Храмѣ Спасителя. Прервавъ, по случаю массы работъ, свои занятія въ школѣ, онъ явился къ намъ туда въ апрѣлѣ 1875 г., выразивъ желаніе безплатно написать портретъ для школы Дьяконова по случаю его юбилея. Конечно, всѣ сбѣжались въ тотъ классъ, гдѣ на возвышеніи возсѣдалъ нашъ сѣдовласый директоръ. Но, какъ всѣ были поражены тою смѣлостью, съ которою, даже не набросавъ контура, Крамской прямо краской намѣтилъ свѣтъ на лбу, под-

мазалъ фонъ и обозначилъ главныя черты, сразу показавшія поразительное средство! Въ полтора часа онъ подмалевалъ весь портретъ, и живое лицо, съ рѣдкою вѣрностью колорита, взглянуло на насъ съ полотна, какъ бы подсмѣиваясь надъ нашимъ благоговѣйнымъ удивленіемъ и шепча сквозь бѣлые усы: „А, ну-ка, барыни, что скажете? Видѣли, какъ большіе мастера пишутъ?“ Теперь мнѣ придется вернуться назадъ.

Въ январѣ 1865 г. въ школѣ прибавился еще новый классъ: ксилографіи, т.-е. гравированія на деревѣ, преподавателемъ котораго явился Л. А. Сѣряковъ. Это былъ самородокъ, вышедшій изъ народа и трудомъ и энергіей пробившій себѣ дорогу. Кое-какъ перебиваясь, онъ рискнулъ поѣхать въ Парижъ, къ знаменитому граверу Панемакеру, гдѣ страшно бѣдствовалъ, но оттуда вернулся мастеромъ своего дѣла, засыпанный заказами, тѣмъ болѣе, что гравюра тогда царила, не задушенная еще цинкографіей и фототипіей. Школа Сѣрякова была очень строгая. Онъ, главное, напиралъ на „тона“ и долго держалъ насъ на нихъ. Я говорю „насъ“, потому, что я сразу намѣтила гравированіе моею спеціальностью, какъ могущею мнѣ впослѣдствіи дать заработокъ. Держа на тонахъ, Сѣряковъ пріучалъ насъ и къ тому, чтобы „умѣть рисовать инструментомъ, понимая рисунокъ“. Тутъ мнѣ много,—какъ я писала выше,—помогли какъ моя прежняя кропотливая рисовка пунктиками, такъ и перомъ, придавшія вѣрность рукѣ. Я работала прилежно, не смущаясь ни трудностью работы, ни подчасъ рѣзкими замѣчаніями, еще мало отшлифованнаго Сѣрякова, что такъ шокировало нѣкоторыхъ учениць, что онѣ оставили его уроки, и успѣла настолько, что уже весной 1866 г. была въ числѣ учениць, которымъ на лѣто была задана композиція на стихи, одного изъ нашихъ поэтовъ, изъ деревенской жизни. Я выбрала стихи Никитина: „Соха“, и это, какъ видно будетъ дальше, послужило потомъ толчкомъ къ началу моей литературной дѣятельности. Надо было все срисовать съ натуры, а затѣмъ, приведя въ извѣстную величину, нарисовать на доскѣ и награвировать. За эту гравюру на слѣдующемъ экзаменѣ я заслужила похвалу и предложеніе гравировать на малую серебряную медаль.

Но прежде, чѣмъ подумать о томъ, я уже получила первую заказную работу, часть которой уступила мнѣ моя товарка, Стефанъ, именно: къ книгѣ проф. Вагнера, „Изъ природы“, издаваемой г-жами Трубниковой и Стасовой, имѣя дѣло съ послѣдней; и это, кромѣ работы, дало мнѣ возможность познакомиться съ

чудесною личностью Н. В. Стасовой. Вскорѣ послѣ этой работы я получила черезъ Ипатову, близко знакомую съ семьей профессора-ботаника А. Н. Бекетова, бывшаго тогда ректоромъ университета, большой заказъ болѣе чѣмъ 40 рисунковъ, къ издававшейся имъ тогда „Ботаники“, включавшей самые мелкіе рисунки всевозможныхъ пальмъ; и эта работа, продолжавшаяся всю зиму, дала мнѣ случай часто видѣться и сойтись съ достойнѣйшимъ Андреемъ Николаевичемъ и его милою семьей. Бывало, принеся ему одни сдѣланные рисунки и потолковавъ о слѣдующихъ, примемся мы съ нимъ толковать о разныхъ, наводящихъ на размышленіе предметахъ, касавшихся часто „злобы дня“... Говоримъ, при чемъ онъ все шагаетъ взадъ и впередъ по кабинету; отзывчивый на все свѣтлое, горячій, чуткій!.. Благородная была личность и въ высшей степени симпатичная! Иногда, если я не тороплюсь куда, пойдемъ съ нимъ къ семьѣ завтракать. Жена умница была большая, дѣльная; а дѣти тогда были невелики: старшая—подростокъ, а меньшая—крошка.

Эти-то рисунки и доставили мнѣ на экзаменѣ малую серебряную медаль и громкія похвалы со всѣхъ сторонъ, начиная съ самого заказчика и кончая Сѣряковымъ, пришедшимъ отъ нихъ въ такой восторгъ, что говорилъ, что радуется моимъ успѣхамъ, какъ своимъ собственнымъ! Даже всегда сдержанный Дьяконовъ наговорилъ мнѣ похвалъ; а Сѣряковъ, намекая на свои рѣзкія замѣчанія, разогнавшія нѣкоторыхъ изъ учениць, но которыя я терпѣливо сносила, не бросая черезъ то работы, прибавилъ: „Вотъ, на васъ оправдывается поговорка: „терпи казакъ, атаманомъ будешь“!

Теперь, уже имѣя много заказной работы, я все же не оставляла школы, приходя туда съ работой, чтобы, при надобности, пользоваться совѣтами Сѣрякова; да и жаль было совсѣмъ оставить школу, ставшею мнѣ родной! Я даже, къ моимъ прежнимъ занятіямъ присоединила и занятіе лѣпкой, когда въ 1873 г. открылся тамъ этотъ классъ подъ вѣдѣніемъ профессора Крейтана. Лѣпили изъ глины, начиная съ самыхъ простѣйшихъ орнаментовъ. Крейтанъ преподавалъ отлично: просто, понятно. Лѣпили мы и дома разныя мелкія вещицы, принося показать Крейтану. Моя лѣпка шла такъ удачно, что черезъ годъ Крейтанъ позволилъ мнѣ одинъ орнаментъ отлить изъ гипса. Господи, что у насъ въ классѣ пошла за возня! Чуть не всѣ ученицы сбѣжались смотрѣть на этотъ, дотолѣ невиданный процессъ! Быстро

сбиваемый алебастръ летѣлъ кругомъ брызгами. Наконецъ, орнаментъ весь залитъ, застылъ, глина изъ первой формы выброшена. Но еще болѣе было возни, когда пришлось рубить форму!

Между тѣмъ, Дьяконовъ и Сѣряковъ не переставали допекать меня тѣмъ, что я не выставляю гравюры на большую серебрянную медаль; и когда я согласилась, наконецъ, то, по ихъ выбору, принялась за большую гравюру съ Виландова „Оберона". Рисунокъ былъ очень мелкій, очень планистый, трудный и для рисовки его на доскѣ, а тѣмъ болѣе для гравировки. Но справилась я съ нимъ настолько хорошо, что получила большую медаль и свидѣтельство окончившей курсъ, съ предложеніемъ гравировать на золотую медаль, что давала уже не школа, а Академія. Но это представляло столько трудностей и столько отняло бы у меня времени, занятаго тогда моими большими заказами и, кромѣ того, самыми ревностными посѣщеніями итальянской оперы, сильно меня увлекавшей и бывшей въ самомъ апогеѣ своего блеска, что я отказалась отъ этого предложенія. Рисунокъ „Оберона" былъ у меня купленъ художественнымъ журналомъ „Пчела" и тотчасъ же тамъ помѣщенъ.

Говоря о школѣ, нельзя умолчать о томъ вліяніи, какое имѣлъ на дальнѣйшее ея образованіе и о тѣхъ заботахъ, которыя прилагалъ къ ней секретарь „Общества поощренія художествъ", нашъ извѣстный писатель Д. В. Григоровичъ. Школа до него имѣла чисто художественный характеръ.

— Это все конфетки, изумрудныя брошки!—говорилъ онъ про наши композиціи и акварельные пейзажи, изощряясь въ оригинальности выраженій:—имъ гораздо полезнѣе сочинять барельефы и рамки, рисовать все то, что можетъ представить художественно-ремесленный интересъ, болѣе производительный и практичный!

Нѣкоторые изъ нашихъ преподавателей возмутились такимъ взглядомъ, считая его посягательствомъ на святыню искусства; имъ вторили и ученицы. Но открывавшіяся вслѣдъ затѣмъ, одинъ за другимъ, классы: гравированія, лѣпки, живописи на фарфорѣ, керамики, рѣзьбы изъ дерева, тисненія по кожѣ, классы „Nature morte" и декоративный,—скоро примирили всѣхъ съ этими нововведеніями, показавъ, что отъ ихъ практичности не страдала часть художественная, давая мѣсто „прикладному искусству". Часто посѣщая школу, Григоровичъ всегда былъ готовъ любезно предложить ученицамъ всякую помощь, въ какомъ бы видѣ она ни про-

являлась: былъ ли то личный совѣтъ или нужное руководство. Онъ очень дорожилъ ученицами не забывавшими школу, поэтому и мои съ нимъ сношенія не прекращались, и я всегда находила въ немъ любезнаго и предупредительнаго совѣтника, интересовавшагося моими занятіями, какъ литературными, такъ и художественными. Когда я писала для старшаго возраста журнала „Игрушечка“ рядъ статей „Въ мірѣ искусствъ“ (вышедшій теперь отдѣльной книгой)—я зашла къ Д. В. посовѣтываться насчетъ руководствъ. Встрѣтивъ меня съ всегдашнею любезностью, онъ предложилъ мнѣ приходить заниматься въ богато снабженную библіотеку музея.

— Мы вамъ тутъ устроимъ чудесное мѣстечко,—говорилъ онъ съ привѣтливою улыбкой:—все будетъ къ вашимъ услугамъ, и я самъ тоже. Только ужъ вы насъ не оставляйте!

Помню, какими милыми словами онъ отвѣчалъ мнѣ на присланную мною ему мою статью о „рисовальной школѣ“ напечатанную въ „Русской Старинѣ“: „Сердечно благодарю васъ,—писалъ онъ,—за присланную брошюрку; я уже читалъ ее,—но съ удовольствіемъ прочту еще разъ. Мнѣ кажется, вы ошибаетесь, предполагая, что у присяжнаго литератора эти воспоминанія вышли бы лучше. Въ произведеніяхъ этого рода цѣнится всего выше: искренность и теплота чувства,—а этого у васъ не занимать стать“.

Закончу мои воспоминанія о школѣ упоминаніемъ о томъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ, когда школа была уже переведена на Морскую, я одно время посѣщала ее для лѣпки изъ воска, подъ руководствомъ профессора Баха, и, между прочимъ вылѣпила для экзамена,—получивъ одобреніе,—барельефъ И. С. Тургенева, съ охотничьими атрибутами, который лѣпила съ натуры, о чемъ рѣчь впереди; а затѣмъ слушала лекціи „Исторіи искусствъ“, читанныхъ Сабанѣевымъ, замѣнившимъ потомъ Дьяконова.

Не могу обойти молчаніемъ мои занятія рисованіемъ и помимо школы, въ открытыхъ, въ концѣ зимы 1875 г., воскресныхъ безплатныхъ классахъ Общества художниковъ, въ залахъ художественнаго клуба, обрадовавшись случаю пройти строгую школу пейзажа, что въ нашей школѣ практиковалось, послѣ ухода Примацци—совсѣмъ плохо. И на мое счастье пришлось, что эти уроки преподавалъ А. И. Мещерскій, по методѣ Калама, ученикомъ котораго онъ и былъ. Излагалъ онъ свою методу такъ просто и понятно, что послѣ его словъ казалось даже странно, какъ сама

раньше о томъ не догадалась? Сколько мягкости и свѣжести древесной листвѣ придавалъ тотъ „тупой штрихъ" карандаша, которымъ онъ заставлялъ рисовать. Сколько наблюдательности было въ его взглядѣ на „граціозныя и гармоническія,—какъ все въ природѣ,—прицѣпки древесныхъ вѣтвей", на что такъ мало обращаютъ вниманія многіе, какъ ни попало, острымъ угломъ, приставляя къ вѣтвямъ вѣтки, не заботясь о той граціи, которая разлита повсюду въ природѣ! Онъ сильно стоялъ за карандашъ, говоря, что „научившись хорошо владѣть карандашомъ, легко овладѣть красками". У него мы должны были пройти школу Калама, начиная съ набросковъ травки и голыхъ вѣтвей и стволовъ. Какъ онъ слѣдилъ за нѣжностью контура; какимъ былъ противникомъ слѣпого копированія листвы, держась только общаго ея характера, по которому можно бы было угадать породу дерева.

Когда отъ карандаша мы перешли къ краскамъ, именно къ акварели, съ нами сталъ заниматься Л. Ф. Лагоріо, немного небрежно, съ полу-саркастическою, полу-добродушною улыбкой обходя ученицъ и также небрежно процѣживая замѣчанія и не очень заботясь о нашихъ успѣхахъ...

IV.

Теперь мнѣ придется вернуться далеко назадъ, къ важнымъ событіямъ совершившимся въ нашей семьѣ. Первымъ изъ нихъ была женитьба, въ 1867 г., брата Александра и на вполнѣ достойной его дѣвушкѣ, которую онъ давно зналъ и любилъ, также какъ и она его, но на которой рѣшилъ жениться только тогда, когда можетъ самъ дать ей ту вполнѣ обезпеченную жизнь, къ которой она привыкла въ домѣ родителей.

Теперь, уже полковникъ Генеральнаго Штаба и помощникъ редактора „Русскаго Инвалида", онъ исполнилъ свое сердечное желаніе и ввелъ къ намъ въ семью жену, сразу вошедшую и въ наши сердца! Такая же развитая и образованная, какъ братъ, она вполнѣ раздѣляла его взгляды и вкусы, потому неудивительно, что они оба стали центромъ интереснаго, собиравшагося у нихъ кружка. Не могу при этомъ не указать на почти исключительный фактъ; что собиравшійся интересный кружокъ товарищей брата, съ охотой посѣщалъ его „субботники", хотя въ домѣ не было ни одного ломбернаго стола, такъ какъ карты были преданы полному остракизму, о которыхъ, повидимому, общество совсѣмъ забывало.

Другое событіе, больно отозвавшееся въ сердцѣ, была кончина нашей дорогой, незабвенной матери, послѣдніе годы уже все болѣе слабѣвшей и болѣвшей, что еще усилило огорченіе, годъ передъ тѣмъ, кончины брата Иліодора. Я, никогда не разстававшаяся съ матерью, много была подлѣ нея послѣднее время, и она скончалась почти на моихъ рукахъ, въ Сентябрѣ 1870 г. 74-хъ лѣтъ, съ едва замѣтною сѣдиной въ темныхъ волосахъ, читая, что очень любила, безъ очковъ, все такою же красавицей, съ неослабѣваемою любовью, снисхожденіемъ и всепрощеніемъ!

По кончинѣ матери, мы съ сестрой совсѣмъ переселились къ брату, домъ котораго давно уже считали своимъ, а весной 1871 г. вмѣстѣ съ ними поѣхали въ Крымъ, на южный берегъ, въ имѣніе невѣстки, перешедшее ей отъ ея, тогда уже умершаго, отца. Это было первое мое длинное сознательное путешествіе; длинное еще потому, что тогда еще не было желѣзной дороги до Севастополя, а только до Одессы. Я всегда любила природу, даже въ самыхъ скромныхъ ея явленіяхъ, готовая восхищаться каждымъ клочкомъ земли, каждымъ скромнымъ полевымъ цвѣткомъ; не мудрено, какъ захватила меня вся ея красота, начиная съ необозримыхъ, красовавшихся весеннимъ уборомъ, степей и до грандіозной красоты южнаго берега! Только Черное море обошлось мнѣ очень „солоно", заставивъ не мало перестрадать тою возмутительною морскою болѣзнью, что затѣмъ преслѣдовала меня не только на немъ, но и на Балтійскомъ морѣ и на Средиземномъ, заставивъ, наконецъ, совершенно отказаться отъ морскихъ поѣздокъ, такъ что часто навѣщая Крымъ, мы потомъ уже отъ Симферополя ѣхали въ имѣніе, лежавшее между Гурзуфомъ и Ялтой, въ экипажѣ.

Имѣніе называвшееся Наташинымъ, было замѣчательно живописно, заключая, кромѣ нѣсколькихъ виноградниковъ, чудесный сосновый лѣсъ и долину, и живописныя скалы, обвитыя плющемъ и высоты, съ которыхъ открывались прелестные виды. Оно лежало на 600 футовъ надъ моремъ, къ которому мы дѣлали прогулки черезъ прекрасный Могарачскій лѣсъ. Я была веутомима въ своихъ прогулкахъ, часто забираясь въ такія трущобы и карабкаясь на такія высоты, что поражала знакомыхъ крымчаковъ. Дѣлала я и поѣздки въ горы верхомъ, въ первый разъ сѣвъ тамъ, не учась на лошадь, и разъ взобравшись на вершину яйлы, даже вызвала такое замѣчаніе, сопровождавшееся широкою улыбкой на скуластомъ лицѣ монгольскаго типа у моего спутника, знакомаго татарина Меметки, изъ Никитской деревни:

— Этотъ баришна—молодецъ! Онъ можитъ весъ денъ на коня сидѣтъ!

Осматривала я, много тамъ рисуя, Ливадію, Оріанду, Масандру. Ходила пѣшкомъ въ Гурзуфъ, тогда еще полный идилліи и воспоминаній о Пушкинѣ, сохраняя въ неприкосновенности его гигантскій кипарисъ и широко-раскидистый платанъ. И чудесно-сказочную Алупку, а возвращаясь въ имѣніе, спустившись отъ воротъ, находившихся на шоссе по аллеѣ, обрамленной стѣнами гигантскихъ черныхъ кипарисовъ, къ нашему уютному дому, окруженному широкою галлереей, рѣшетка которой была густо обвита виноградною зеленью, проводила часы на сторонѣ, обращенной къ морю. Оно лежало необозримою пеленой, слегка поблѣднѣвшею, какъ и самое раскинувшееся надъ нимъ небо. Рѣзко рисуется на немъ черный хребетъ Яйлы съ дерзко вздернутымъ контуромъ зубцовъ Ай-Петри. Внизу, на выдавшемся мысѣ Ай-Тодора, вспыхнулъ огонекъ маяка. Тихо въ воздухѣ. Не дрогнетъ вершиною черный кипарисъ. Изрѣдка дохнетъ вѣтерокъ и принесетъ смѣшанный ароматъ розъ и клематиса. Быстро мелькнетъ летучая мышь и затѣмъ прицѣпившись лапками за знакомый крючокъ межъ колоннъ галлереи, сложитъ крылья и повиснетъ внизъ головой, тихонько качаясь въ сладкой нѣгѣ. Внизу на виноградникѣ перекликаются маленькія совы-сычки; „спишь“ „сплю“! — отвѣчаетъ другой; и снова тишь будто и точно все засыпаетъ, или нѣжится въ сладкой дремотѣ...

Въ началѣ октября вернувшись изъ Крыма, я прямо попала въ водоворотъ. Не говоря уже о все болѣе охватывавшей меня горячкѣ итальяномании въ стѣнахъ Большого театра, (чему особо будетъ отведено мѣсто), на меня посыпалось, и помимо моихъ гравировальныхъ работъ, много рисовальныхъ заказовъ! Тутъ были и ботаническіе рисунки для лекцій Бекетова, которые нужно было увеличивать до колоссальныхъ размѣровъ въ цѣлый листъ ватманской бумаги, и разная мелюзга по энтомологіи для чего приходилось прибѣгать и къ микроскопу. По этому заказу я познакомилась съ двумя очень симпатичными личностями: президентомъ Энтомологическаго Общества, генераломъ Радошковскимъ и профессоромъ энтомологіи Гернетомъ. Родошковскому я для какого-то ученаго сочиненія рисовала цѣлую плеяду „сѣтчатокрылыхъ“ очень миніатюрныхъ, которыхъ надо было съ педантическою точностью увеличить и нарисовать акварелью. Зато, какъ отлично изучила я всѣ эти „сяжки“, всѣ кольца брюшка, без-

ошибочно потомъ отличая самца отъ самки, какъ истый энтомологъ.

Для работъ Гернета понадобился и микроскопъ, съ которымъ я и раньше подъ руководствомъ брата, изучала всевозможныхъ коловратокъ и рѣсничекъ въ каплѣ болотной воды. Особенно памятна мнѣ одна страшно мѣшкотная и скучная работа, которую нужно было до малѣйшихъ подробностей выполнить акварелью: именно большой виноградный листъ, населенный и попорченный филоксерой. И въ то же время я гравировала массу мелкихъ ботаническихъ работъ для профессоровъ Лѣсного Института—Шафранова и Бальона. Мои заказчики знали о моей аккуратности въ представленiи работы къ назначенному сроку, въ чемъ я никогда не грѣшила, и чтобы совмѣстить эту непогрѣшимую аккуратность съ невозможностью пожертвовать ей интересный спектакль въ Большомъ театрѣ я по окончанiи не только спектакля, но и безконечныхъ вызововъ любимыхъ исполнителей, да еще во избѣжанiе частыхъ расходовъ на извозчиковъ, часто не тотчасъ захватывая на Никольскомъ рынкѣ тяжелый неуклюжiй дилижансъ, ибо не только электрическихъ трамваевъ, но и предшедствовавшихъ имъ „конокъ" тогда не существовало,—тащилась отъ Большого театра до Бассейной въ дилижансѣ, а тамъ на собственныхъ ногахъ до угла Надеждинской и Спасской, куда прибывала далеко за полночь, и напившись чаю и закусивъ садилась за работу. Для гравированья для этого было хорошее приспособленiе, даже болѣе удобное для глазъ, чѣмъ тусклый свѣтъ нашихъ сѣрыхъ петербургскихъ дней. Именно, передъ лампой ставился стеклянный шаръ наполненный водою, насыщенною растворомъ купороса (вродѣ тѣхъ, что мы видимъ въ аптекахъ), и свѣтъ лампы проходя черезъ стекло съ этимъ зеленымъ растворомъ, падалъ на доску мягкимъ, луннымъ свѣтомъ, спокойнымъ для глазъ. И долго при этомъ лунномъ свѣтѣ, иногда напоминавшемъ только-что видѣнный лунный свѣтъ, освѣщавшiй любовный дуэтъ Фауста и Гретхенъ, я отдѣлывала грабштихомъ сяжки и ножки насѣкомыхъ Шафранова и Бальона.

И вотъ ко всему-то этому водовороту прибавляются посѣщенiя мною нѣкоторыхъ только, что открытыхъ лекцiй, ставшихъ первообразомъ „Высшихъ Бестужевскихъ курсовъ", исключительно для женщинъ, при чемъ лекторами явились профессора Университета одни имена которыхъ уже ручались за интересъ преподаванiя: русскую словесность читалъ Миллеръ, математику Стран-

нолюбскій, анатомію—Овсянниковъ, ботанику—Бекетовъ, химію—Менделѣевъ. Въ слѣдующій сезонъ, когда Овсянниковъ уже перешелъ на физіологію, анатомію читалъ Ціонъ. Иниціатива открытія этихъ курсовъ принадлежала Надеждѣ Васильевнѣ Стасовой, этой превосходной личности, такъ много потрудившейся для женскаго развитія, вся жизнь которой была посвящена другимъ съ полнымъ забвеніемъ себя!

Я глубоко уважала ее, и знакомство съ нею было мнѣ очень дорого, какъ впослѣдствіи еще ближе сойдясь съ другою незабвенною женщиной, Анною Павловною Философовой, имя которой встало неугасаемымъ ореоломъ надъ женскимъ вопросомъ, это знакомство вписалось золотыми буквами на скрижаляхъ моей длинной жизни!..

Наплывъ женщинъ на слушаніе лекцій былъ огромный. Лекціи читались въ двухъ мѣстахъ: однѣ въ помѣщеніи Государственныхъ имуществъ сзади Александринскаго театра, другія въ шестой гимназіи у Аларчина моста, почему слушательницъ первыхъ называли „Чернышевскими“ (по близости Чернышева моста), а вторыхъ „Аларчинскими“. Нѣкоторыя изъ „Аларчинскихъ“, тотчасъ по окончаніи лекцій Страннолюбскаго мчались къ Чернышеву мосту, чтобы поспѣть на лекцію анатоміи, и врывались въ аудиторію будто съ цѣпи сорвавшіяся, многія еще кичившіяся ухарствомъ героинь, тогда еще свѣжо воспринимавшагося романа Чернышевскаго: „Что дѣлать?“ Тутъ снова прошли передо мной тѣ героини, о которыхъ я уже упоминала, бравировавшія тѣмъ, что имъ все трынъ-трава, когда на лекціяхъ анатоміи онѣ небрежно, чуть не смакуя, брали въ руки привозимыя прямо изъ клиники свѣжія, только что препарированныя части человѣческаго тѣла, небрежно, какъ ненужныя костяжки, отбрасывая черепа, а на лекціяхъ физіологіи при опытахъ надъ лягушками и кроликами старались какъ можно усерднѣе запачкаться кровью, не щадя своихъ, хотя бы и грязноватыхъ, нарукавничковъ, что свидѣтельствовало объ ихъ усердныхъ занятіяхъ.

Я, всегда любя естественныя науки, слушала ботанику у Бекетова, анатомію у Овсянникова и Ціона, затѣмъ физіологію у Овсянникова же, и химію у Менделѣева. Бекетовъ читалъ превосходно! Рѣчь лилась гладко, непринужденно, картинно. Онъ какъ бы разговаривалъ съ слушательницами, не поучая, а разсказывая. Овсянниковъ читалъ хорошо, толково, но слишкомъ пространно, какъ бы исключительно для студентовъ — спеціалистовъ. Чуть

не цѣлое полугодіе мы изучали одинъ черепъ, тогда какъ другою крайностью — Ціонъ проскакалъ на почтовыхъ, въ одну лекцію всю остеологію, торопясь и захлебываясь. Менделѣевъ, при ясномъ изложеніи предмета, читалъ робко, то спотыкаясь, то растягивая слова или стараясь ихъ поймать. Говорили, будто онъ конфузился, въ первый разъ читая передъ женщинами! Было ли это такъ, но только впечатлѣніе производилось тяжелое, да онъ и самъ скоро прекратилъ свои лекціи.

Теперь мнѣ придется вернуться назадъ, къ шестидесятымъ годамъ, когда началось мое сильное увлеченіе итальянскою оперой, и коснуться ея блистательной поры, начавшейся съ сезона 1867—68 годовъ, когда у насъ впервые появилась Паулина Лукка. Она дебютировала въ „Фаустѣ", но мнѣ пришлось въ первый разъ увидѣть ее въ роли Селики въ „Африканкѣ". Какъ теперь помню ея появленіе въ первомъ актѣ. Члены суда (I membri di Consiglio) приказываютъ привести плѣнныхъ африканцевъ; и не сбѣжавъ, а просто спорхнувъ съ высокой лѣстницы, какъ спуганная съ гнѣзда дикая птица, на сценѣ появляется африканка Лукка, остановившись, какъ вкопанная, будто пораженная, блестящею, невиданною обстановкой. Вы сразу чувствовали въ ней артистку въ этой очаровательной маленькой женщинѣ, которая вся была страсть и огонь, каждый жестъ которой былъ естественъ и въ то же время пластиченъ. Это была именно вдохновенная артистка, иногда очень капризная, иногда приводившая въ отчаяніе оркестръ, обязанный напряженно слѣдить за всѣми вспышками увлеченія, заставлявшаго ее измѣнять темпы и пр. Но въ ней былъ священный огонь, та божественная искра, что отмѣчаетъ избранныхъ, и магическимъ токомъ соединялась съ вашимъ сердцемъ, заставляя его горѣть и страдать. Голосъ ея былъ—превосходное драматическое soprano, съ чуднымъ низкимъ регистромъ, ровный, безъ малѣйшей рѣзкости, при всей могучей его силѣ хватавшій за всѣ, самыя чувствительныя, струны сердца, заставляя его замирать восторгомъ и тосковать безотчетною скорбью.

Игра ея была вдохвновенная и всегда характерная. Мы видѣли ее страстною Селикой, беззавѣтно любящей Гретхенъ, самоотверженно преданною Валентиной, наивно-кокетливою Церлиной „Донъ-Жуана" и обольстительнымъ плутишкой Керубино въ „Свадьбѣ Фигаро", шедшей въ ея бенефисъ. Этотъ бенефисъ положилъ начало тому ряду бѣснованій, что затѣмъ стали сопро-

вожденіемъ всѣхъ, не только бенефисовъ, но и появленій на сценѣ, въ началѣ и концѣ сезона, любимцевъ публики. Въ слѣдующихъ сезонахъ, послѣдніе изъ которыхъ были въ 1876—77 г., я, кромѣ въ вышепоименованныхъ операхъ, слышала ее въ роли Церлины въ „Фра-Дьяволо“, въ „Трубадурѣ“ и „Аидѣ“, гдѣ она была поистинѣ, какъ поется Радамесомъ (которымъ тогда былъ Николини)—„celeste Aida“!

Аделина Патти дебютировала у насъ 2 Января 1869 г. въ „Сомнамбулѣ“. Я была на этомъ дебютѣ; видѣла переполненный до nec plus ultra залъ, присутствовала при этомъ, ни съ чѣмъ до того несравнимомъ, успѣхѣ „дивы“! Всѣ были поражены, оглушены, ослѣплены этимъ потокомъ руладъ, трелей, стокато, которые лились неудержимо, блистая алмазами, разсыпаясь сверкающими искрами! Ея голосъ, самое высокое soprano, не лишенный и красивыхъ низкихъ нотъ, звучалъ благороднымъ металломъ, безъ всякой подмѣси, ровный во всѣхъ регистрахъ, съ діапазономъ въ болѣе, чѣмъ двѣ съ половиною октавы. Это было ожерелье, драгоцѣнные камни котораго были всѣ на подборъ, одинаковой величины и отшлифованы съ одинаковымъ совершенствомъ; и она играла этимъ голосомъ, шутя роняя эти „капельки“, свои чародѣйскія фіоритурки. Но при этомъ нужно сказать, что ея пѣніе поражало, очаровывало, но не трогало сердца...

Игра Патти была тоже мало прочувствована, но всегда обдумана и благородна, все болѣе развиваясь, чему артистка была обязана петербургской публикѣ, понявъ, какъ умная женщина, что ея требованія другія, чѣмъ требованія парижской публики, удовлетворяющейся однимъ внѣшнимъ блескомъ. Говорятъ даже, что она въ Петербургѣ брала уроки драматическаго искусства у тогдашней любимицы публики, посѣщавшей французскіе спектакли Михайловскаго театра,—симпатичной артистки Делапортъ.

Появленіе у насъ Патти было демонстраціей, заставившей забыть все и всѣхъ. На публику нашло какое-то бѣснованіе! Теперь только ожидали оперъ съ „Патти“. Но самымъ ея торжествомъ были партіи: Диноры въ „Плеермельскомъ праздникѣ“ и Розины въ „Севильскомъ цирюльникѣ“. Въ послѣдней роли она, за урокомъ пѣнія, пропѣла Алябьевскаго „Соловья“, съ русскими словами и съ чисто соловьинымъ пошибомъ и соловьиною трелью, возбудивъ въ публикѣ такой неистовый восторгъ, отъ взрывовъ котораго настоящій соловей, съ испугу, улетѣлъ бы за тридевять земель; и съ тѣхъ поръ „этотъ соловей“ долженъ былъ разсы-

паться своими трелями не только въ „Севильскомъ цирюльникѣ", но гдѣ только возможно было его прицѣпить! Кальцоляри сталъ теперь почти неразлучнымъ партнеромъ Патти, имѣя одинъ съ нею репертуаръ, что было очень пріятно, да и сама Патти, какъ истая артистка, цѣнила его и ни съ кѣмъ такъ охотно не пѣла, какъ съ нимъ.

Чтобы воздать за разъ должное всѣмъ тремъ звѣздамъ, озарявшимъ небосклонъ итальянской оперы, прямо перейду къ третьей—Христинѣ Нильсонъ, въ первый разъ появившейся въ сезонъ 1872—73 гг. Она дебютировала въ роли Офеліи въ оперѣ Ам. Тома—„Гамлетъ"; но я въ первый разъ видѣла ее въ „Фаустѣ". Нѣкоторые находили ее холодною, сравнивая съ луннымъ свѣтомъ. Сравненіе довольно вѣрное. Смотря на ея бѣлокурую головку и на эти странные, свѣтлые глаза съ ихъ глубокимъ, какъ бы въ заоблачную даль смотрящимъ, взоромъ, именно представлялся блѣдный лунный лучъ, мягко скользящій съ глубокаго неба... Тэмбръ голоса былъ прелестенъ, мягкій, тоже матовый, въ среднемъ регистрѣ будто подернутый флеромъ. Эти среднія ноты были особенно очаровательны какимъ-то необыкновенно страннымъ звукомъ! Въ немъ было что-то такое, что заставляло васъ и мечтать, и волноваться, и чего то желать, какъ въ ароматной тишинѣ лунной ночи, подъ соловьиную пѣснь... Обработка голоса не была блестящею, но pianissimo было безподобно! Это было легкое дуновеніе зефира, и вся она, всею своею стройною, бѣлокурою фигурой напоминала Оссіановскихъ героинь съ туманнымъ взоромъ, похожимъ на бѣлыя ночи ея родины, съ чарующимъ, будто мистическимъ, голосомъ и мягкими, неторопливыми движеніями. Прелестная „Гретхенъ", она особенно была поэтичною „Офеліей" въ ничтожной, и не особенно достойною по содержанію, оперѣ Тòма, и трогательно хороша „Дездемоной" Россиніевскаго „Отелло", „Миньоной" и „Травіатой".

Въ остальные свои, въ различное время, два къ намъ пріѣзда Нильсонъ къ этимъ ролямъ прибавила еще роль „Валентины" въ оперѣ „Гугеноты", въ которой она, въ одинъ и тотъ же сезонъ, состязалась съ Патти и, противъ ожиданія, не была на той высотѣ, на которой, беря во вниманіе ея драматизмъ, можно было разсчитывать. Видно было, что она довольно небрежно отнеслась къ роли, такъ что Патти, напротивъ, болѣе серіозно вдумавшись во всѣ детали, не уступила ей и въ игрѣ, превзойдя въ пѣніи по силѣ голоса, не ослабѣвшаго даже въ концѣ дуэта 3-го акта съ

Марселемъ, что утомляетъ всѣхъ пѣвицъ даже драматическаго soprano.

Въ февралѣ 1871 г. Кальцолари, послѣ 18-тилѣтняго пребыванія на сценѣ Петербурга, гдѣ онъ исключительно и пѣлъ, отказываясь отъ ангажемента на другихъ сценахъ, а лѣтомъ отдыхая въ своемъ родномъ Миланѣ, далъ прощальный бенефисъ, прощаясь не только съ Петербургомъ, но и вообще со сценой, удаляясь на покой еще съ тою силой голоса, когда другіе пѣвцы и не думаютъ объ отставкѣ. Но, какъ артистъ съ умомъ и человѣкъ съ чувствомъ собственнаго достоинства, онъ говорилъ: „Лучше оставить сцену нѣсколько лѣтъ раньше, чѣмъ днемъ позже“! И, какъ истинный герой, сложилъ оружіе на свѣжіе лавры, не желая пережить своей славы! Примѣръ, достойный подражанія...

Будто на смѣну Кальцолари, въ сезонъ 1871—72 гг. явились три тенора (Тамберликъ еще раньше оставилъ сцену): Николини, Марини и Ноденъ. Не останавливаясь на двухъ послѣднихъ, каждый изъ которыхъ имѣлъ свои достоинства, я остановлюсь на Николини, такъ какъ, во-1-хъ, потому, что ему выпало на долю стать моимъ любимцемъ, замѣнивъ въ моемъ сердцѣ уѣхавшаго Кальцолари; во-2-хъ, вообще, пришлось блистать нѣсколько сезоновъ подъ рядъ, какъ первоклассному артисту, дѣля свои успѣхи съ такими партнерами, какъ Патти, Нильсонъ и Лукка; а въ-3-хъ,—что онъ сталъ героемъ того романа, что разыгрался передъ нашими глазами, заинтересовавъ всю публику, завладѣвъ сердцемъ „божественной Аделины“, а далѣе завершивъ пророчество Россини, говорившаго про Патти, когда она еще юною дѣвушкой пѣла при немъ въ Парижѣ: „Патти должна выйти замужъ или за маркиза, или за тенора“! Николини сталъ пріемникомъ маркиза Ко, сдѣлавъ маленькую маркизу Madame Nicolini (или точнѣе по его настоящей французской фамиліи „Nicolas“); но, увы! Аделина не удержалась на высотѣ пророчества Россини, никакъ не предвидѣвшаго, что „дива“, откупившись отъ перваго мужа, не давшаго ей ничего, кромѣ титула, чтобы по любви выйти за второго, по смерти этого любимаго второго выйдетъ за третьяго... И что этотъ третій будетъ только... „массажистъ“,— хотя и шведскій баронъ,—вѣроятно вслѣдствіе уже весьма преклонныхъ лѣтъ „дивы“, угодившій ей своимъ массажемъ!..

Но возвратимся къ Николини. Онъ дебютировалъ въ самомъ началѣ сезона, въ роли „Фауста“, при чемъ опера была обстав-

лена новыми, первоклассными артистами, какъ: Арто, Скальки, Падилла и Богаджіоло. Въ первомъ дѣйствіи, при внезапномъ превращеніи стараго „Фауста“ въ молодого, публика сразу была поражена сходствомъ Николини съ Маріо, заставивъ забиться сердца пожилыхъ дамъ, бывшихъ поклонницъ этого сердцеѣда, когда-то знаменитаго артиста, не послѣдовавшаго примѣру Кальцолари и, послѣ прежней славы, появясь у насъ позднѣе, уже съ разбитымъ голосомъ и другими прорухами, возбуждалъ свистки, за которые становилось больно за артиста, не удержавшагося на высотѣ!

Но Николини напомнилъ имъ „прежняго“ Маріо-красавца, и въ публикѣ даже возродилась легенда, произведшая Николини въ сына Маріо. И точно, это былъ красавецъ съ „лучезарными“ глазами, напоминавшій Маріо и по благородной, страстной игрѣ, всегда осмысленной и прочувствованной, съ чрезвычайно выразительною мимикой. Голосъ его былъ настоящій tenor di forza, немного вибрировавшій въ среднемъ регистрѣ, но съ необыкновенно блестящими верхними нотами, производившими поразительный эффектъ! Притомъ въ немъ всегда звучала сердечная струна, что при прекрасномъ, выразительномъ пѣніи и при игрѣ, всегда исполненной „священнаго огня“,—представляла публикѣ чрезвычайно интереснаго артиста, сразу ставшаго ея любимцемъ. Репертуаръ Николини былъ очень обширенъ и онъ умѣлъ придать характеръ каждой исполняемой имъ роли и заинтересовать публику настолько, что она видѣла въ немъ именно того героя, котораго онъ изображалъ. Лучшею его ролью была роль Рауля въ „Гугенотахъ“, гдѣ онъ поражалъ и пѣніемъ и игрой, прочувствованной до мелочей!

Драматическій жанръ артиста первое время совсѣмъ не сводилъ его на сценѣ съ Патти, не имѣя ролей въ ея лирическомъ репертуарѣ. Онъ пѣлъ въ „Отелло“ (Россини) и „Миньонѣ“—съ Нильсонъ; въ „Трубадурѣ“ и „Аидѣ“,—съ Лукка. Первый разъ выступивъ у насъ въ роли Радомеса,—гдѣ былъ превосходенъ,—Николини пѣлъ ее съ Аидой—Штольцъ, уже устарѣвшей, но все же превосходной, артисткой. Съ Патти ему пришлось въ первый разъ пѣть въ „Ромео и Джульетѣ“, Гуно, и надо сознаться, что трудно было себѣ представить болѣе прелестную пару, въ этой нескончаемой поэмѣ любви! Опера произвела на публику чарующее впечатлѣніе, и кажется, она то и заронила первыя искорки, отъ которыхъ впослѣдствіи разгорѣлось пламя охватив-

шее, дотолѣ не поддававшееся страсти, сердечко „божественной“ Аделины!

Слѣдующій сезонъ роли обоихъ героевъ начинаютъ мѣняться, дѣлая взаимныя уступки, ради удовольствія совмѣстнаго пѣнія. Патти беретъ не только роль Джильды въ „Риголетто“, но и Элеоноры въ „Трубадурѣ“, при чемъ въ ея пѣніи замѣчается та страстная и страдательная нотка, которая до того была незнакома голосистому соловушкѣ! Эту нотку замѣчаетъ даже, безпощадно критиковавшій ее до того неумолимый Цезарь Кюи, громившій „диву“ наименованіемъ „бездушной шарманки“, давъ въ одной своей критикѣ, кое-какіе игривые намеки на подмѣченное и публикой зарожденіе теплаго чувства между лучезарнымъ Ромео и черноокою Джульетой... Уступки Николини были болѣе самоотверженными, заставивъ его взять роли въ такихъ легкихъ операхъ, какъ: „Мирейль“ (Гуно), „Коронные брилліанты“ (Обера), „Марты“ и даже роль Альмавивы въ „Севильскомъ цирюльникѣ“, совсѣмъ не подходившей къ жанру ни его пѣнія, ни игры. Роль Альфреда въ „Травіатѣ“ подходила къ нему болѣе, и оба они играли въ этой оперѣ такъ горячо, что въ послѣдній сезонъ и супругъ дивы, маркизъ Ко, сидя въ первомъ ряду креселъ, могъ черезъ свой монокль замѣтить эту горячность и, въ антрактѣ, за кулисами сдѣлалъ своей супругѣ такую сцену (злые языки прибавляютъ, что она сопровождалась очень выразительною жестикуляціей), что дива, послѣ слишкомъ длиннаго антракта, вышла въ 3-мъ актѣ слишкомъ разгорѣвшеюся и съ заплаканными глазами, что, впрочемъ, вполнѣ совпадало съ печальною участью изображаемой „Травіаты“.

Начало своей любви Патти и Николини „прогуливали“ въ Лѣтнемъ саду, гдѣ каждый день появлялись какъ черноокій Ромео, очень красивый въ коричневой бекешкѣ съ бобровымъ воротникомъ и черномъ цилиндрѣ,—такъ и миніатюрная Джульета, довольно смѣло въ морозъ, болтавшая своими красными губками, чуть-чуть прикрытыми бѣлымъ, воздушнымъ оренбургскимъ платкомъ, не стѣсняясь, шагавшимъ подлѣ, съ видомъ манекена на пружинахъ, маркизомъ. Все это было еще очень невинно и наивно, какъ были наивны дружественныя кучки обожательницъ тѣхъ жрицъ искусства и лучезарнаго тенора, что тоже считали очень полезнымъ для здоровья, прохаживаться по мосткамъ Лѣтняго сада, въ числѣ которыхъ, сознаюсь, была и я!..

Познакомившись съ Николини въ домѣ одной моей знакомой,

г-жи В., гдѣ впослѣдствіи встрѣчала многихъ итальянскихъ артистовъ,—мы сходились съ нимъ въ Лѣтнемъ саду, какъ знакомые, при чемъ,—въ высшей степени деликатный и вѣжливый,—онъ, даже гуляя съ Патти, не ограничивался однимъ поклономъ, а всегда, остановясь, обмѣнивался нѣсколькими фразами. Встрѣчаясь со мной въ домѣ В. или посѣщая меня, онъ именно со мною любилъ поговорить о маленькой Джульетѣ, откровенно сообщая мнѣ всѣ, взводимыя на нихъ сплетни и порицанія. Слетни эти все разгорались и, доходя до маркиза Ко, начинали возбуждать его ревность, почему наши влюбленные стали на-сторожѣ и задались рѣшимостью избѣгать свиданій въ обществѣ и на сценѣ. Самую страдательную роль взялъ на себя Николини. Онъ сдѣлался совсѣмъ отшельникомъ, переставъ бывать въ знакомыхъ свѣтскихъ обществахъ, такъ какъ тамъ постоянно бывала Патти; онъ совсѣмъ не пѣлъ съ нею на сценѣ, и даже не бывалъ въ театрѣ, когда она пѣла, хотя очень интересовался ея успѣхами. Помню, съ какимъ интересомъ онъ поджидалъ меня у М-е В., куда я обѣщалась заѣхать послѣ „Травіаты“, въ которой тотъ сезонъ вышла Патти, какъ интересовался моими отзывами объ ея успѣхахъ, какъ негодовалъ на желчныя критики неугомоннаго Кюи! И всѣ эти горести и волненія онъ изливалъ передо мною, вѣря въ мое сочувствіе! Нужно сказать, что года три передъ тѣмъ, когда не было еще и помину объ этой любви, я, какъ-то въ разговорѣ сказала ему, что Патти была бы самою подходящею для него женой. Теперь, когда я въ первый разъ послѣ его возвращенія въ Петербургъ,—когда уже пронеслись слухи о его разводѣ съ женой,—замѣтя на его пальцѣ обручальное кольцо, спросила: какъ же онъ носитъ это кольцо, когда онъ,—какъ говорятъ,—разошелся съ женой?

— Да,—отвѣтилъ онъ серіозно,—это кольцо моей жены! Не той, что была моею женой, но той, которая теперь моя жена. Хотя мы еще и не обвѣнчаны, но я смотрю на нее, какъ на жену. Это та, съ которою вы меня уже давно обвѣнчали!—добавилъ онъ съ улыбкой.

— Что же, вы благодарны мнѣ за мое пророчество?—спросила я.

— Мы еще увидимъ, чѣмъ это все кончится!..—замѣтилъ онъ съ сомнѣніемъ.

При этомъ я должна коснуться перваго романа Николини, когда онъ совсѣмъ молодымъ, увлеченный молодою наѣздницей цирка—Маріей Анато (на старшей сестрѣ, знаменитой Пальмирѣ,

былъ женатъ теноръ русской оперы, Сѣтовъ), „похитилъ" ее и, женившись на ней, взялъ на шею страшное ярмо, въ видѣ вульгарной, страшно ревнивой жены, дѣлавшей ему всюду скандалы и за кулисами и въ свѣтѣ. Первый годъ своего пріѣзда въ Петербургъ, онъ привезъ съ собою и жену, вмѣстѣ съ маленькою дочкой (трое старшихъ дѣтей оставались въ Парижѣ), и мы были свидѣтельницами тѣхъ траги-комическихъ сценъ, что продѣлывались въ Лѣтнемъ саду, куда страстная итальянка влетала, какъ фурія, таща за руку свою крошку, въ надеждѣ подловить злосчастнаго супруга на мѣстѣ преступленія, въ моментъ его ухаживанія за дамами, почти всегда пріѣзжая поздно, когда онъ уже уѣхалъ, или выходилъ изъ сада, садясь въ свою карету, при чемъ она, бросившись съ дѣвочкой въ другую, мчалась слѣдомъ за нимъ. Не мало бѣсновалась она и за кулисами, желая удержать мужа отъ безпрестанныхъ выходовъ на сцену, на вызовы, утаскивая его за кулисы, гдѣ онъ барахтался въ ея хищныхъ объятіяхъ, спѣша на новый вызовъ. Въ слѣдующій сезонъ ревнивая фурія уже не появилась въ Петербургѣ со своимъ супругомъ, неизвѣстно, какія употребившимъ могучія силы, чтобы удержать ее за границей?

Когда любовь Николини и Патти приняла уже серіозное отношеніе, началось и серіозное его соглашеніе съ женой на первое расторженіе брака, т. е. по уставу католической церкви, только въ смыслѣ séparation de corps, о чемъ уже и начали говорить въ обществѣ. Всѣ эти слухи, конечно, доходили до маркиза, и онъ рвалъ и металъ, боясь, что „золотая" птичка упорхнетъ изъ его жадныхъ рукъ, но не могъ услѣдить свиданій „Ромео и Джульеты", происходившихъ, какъ говорили, въ бетонахъ, строившагося тогда Александровскаго (Литейнаго) моста, что было, конечно, менѣе поэтично, чѣмъ балконъ сада Капулетовъ! И вотъ, коснувшись Ромео и Джульеты, разскажу о послѣднемъ представленіи этой оперы, въ послѣдній (1876—1877 гг.) сезонъ пребыванія у насъ Патти и Николини, когда весь сезонъ, не выступая вмѣстѣ, но, уже будучи сказкой всего города, наши влюбленные показались теперь въ этой безконечной поэмѣ любви. Нечего и говорить о томъ, какъ былъ возбужденъ общій интересъ! Публика слѣдила за двумя спектаклями: на сценѣ и въ театральномъ залѣ: за влюбленными, мило ворковавшими въ саду Капулетовъ, и за ревнивымъ маркизомъ, сидѣвшимъ, какъ всегда, въ первомъ ряду креселъ. Онъ велъ себя непозволительно, повертываясь спиной къ сценѣ, когда Николини былъ на ней одинъ, и бросаясь, какъ уго-

рѣлый, изъ залы, передъ тѣмъ, какъ падалъ занавѣсъ, по окончаніи дѣйствія, не желая оставлять Ромео и Джульету однихъ за кулисами. Все это тотчасъ же подмѣчалось публикой, и каждый разъ бѣгство маркиза сопровождалось смѣхомъ, тогда какъ всѣ проявленія нѣжности Ромео и Джульеты на сценѣ,—встрѣчались знаками одобренія и поощренія. Оба артиста въ этотъ вечеръ были очень взволнованы, но играли и пѣли такъ, что не трудно было угадать, что̀ за драма разыгрывалась въ ихъ сердцахъ!

Финалъ отъѣзда Николини изъ Петербурга вышелъ тоже немного комичнымъ, не столько для него, какъ для пріѣхавшихъ проводить его на вокзалъ поклонницъ, и, покаюсь теперь, что мое участіе занимало тутъ не послѣднее мѣсто! Незадолго передъ тѣмъ Николини говорилъ мнѣ, что, въ виду ходившихъ по городу сплетенъ о немъ и о Патти, онъ не хочетъ ѣхать въ одинъ день съ нею, а нѣсколькими днями раньше или позже, хотя, по большей части, по окончаніи сезона, почти всѣ артисты уѣзжали въ одно время. Еще наканунѣ своего отъѣзда, прощаясь со мной, онъ ничего не сказалъ мнѣ объ отъѣздѣ Патти, спросивъ только, пріѣду ли я его проводить? Я обѣщалась. На другое утро, довольно рано пріѣхавъ на станцію, я удивилась уже встрѣтивъ тамъ Николини. Онъ былъ очень смущенъ и тотчасъ пустился объяснять мнѣ, что онъ не зналъ, что Патти ѣдетъ въ этомъ же поѣздѣ и такъ какъ ее всегда провожаетъ толпа поклонниковъ и знакомыхъ, ему будетъ неловко, если его увидятъ, и рѣшатъ, что они ѣдутъ вмѣстѣ.

— Я не хочу ее компрометировать!—говорилъ онъ съ тою простодушною миной „d'un bon enfant“,—которая такъ была ему присуща.

Дальнѣйшее было болѣе послѣдовательно, объясняя и его ранній пріѣздъ на вокзалъ, и заключалось въ просьбѣ—помочь ему, взять ему билетъ до Гатчины и уговориться съ кондукторомъ, чтобы раньше усадить его такъ, чтобы никто не могъ его видѣть; въ Гатчинѣ же онъ пересядетъ въ вагонъ Патти (для которой былъ всегда отдѣльный, чуть не царскій, вагонъ!). Маркизъ уѣхалъ раньше, получивъ солидный кушъ задатка, выплаченный ему „дивой“ за свою свободу: остальное было имъ получено позже, при формальномъ расторженіи брака. Итакъ, я принялась прятать робкаго Ромео, что было совсѣмъ не трудно, съ взятымъ мною для него билетомъ и подачкой кондуктору, который тотчасъ же, вмѣстѣ со мною, служившей переводчицей, провелъ его къ стоявшему уже

на мѣстѣ поѣзду и усадилъ въ отдѣльное маленькое купэ, окно котораго выходило не на платформу, а на полотно. Тамъ мы съ нимъ и простились, и я, вспомнивъ тотъ разговоръ, когда онъ еще съ сомнѣніемъ смотрѣлъ на конецъ своего романа, спросила его:

— Что же, вы теперь счастливы?

— О, да, я счастливъ, совершенно счастливъ!—проговорилъ онъ, съ чувствомъ пожимая мою руку.

А между тѣмъ, публика все прибывала. Прибывали и поклонники и поклонницы Патти, твердо увѣренные въ ея отъѣздѣ, и безпокойно метались по заламъ и по платформѣ поклонницы Николини, тоже пронюхавшія объ его отъѣздѣ, смущавшіяся тѣмъ, что не видятъ и тѣни его! Вотъ появилась, окруженная блестящею свитой, „дива“, обернутая, какъ бѣлымъ облачкомъ, легкимъ пуховымъ платкомъ, сверкая алмазными глазками. Раздался первый звонокъ... Тревожная бѣготня и возгласы поклонницъ Николини доходятъ до nec plus ultra! Знакомыя стали налетать съ распросами на меня, но я стояла невозмутимо и безпощадно молчалива, не выдавая тайны запрятаннаго мною Ромео; и только тогда, когда, послѣ третьяго звонка и свистка, поѣздъ дрогнулъ и медленно двинулся въ сѣдую даль, я наиболѣе близкимъ знакомымъ указала въ ту даль, въ которой—увы!—навсегда сокрылся отъ насъ лучезарный теноръ!..

Покончивъ съ романомъ Патти и Николини, скажу нѣсколько словъ о другихъ знаменитыхъ артистахъ, подвизавшихся на сценѣ какъ въ одно время съ ними, такъ и позднѣе, до окончанія итальянской „казенной“ оперы. Начну съ серіозныхъ артистокъ на драматическія роли, какъ Пенко, Краусъ, Арто. Симпатичная Салла. Милая полезность, въ драматическомъ репертуарѣ—Анжери и такая же лирическая пѣвица—Вольпини. Мелькнувшая, какъ метеоръ, въ роли „Миньоны“, очаровавъ какъ чуднымъ голосомъ, такъ и искусствомъ въ пѣніи и игрѣ, Эннъ. Колоратурныя пѣвицы: Герстеръ и Зембрихъ и, наконецъ, двѣ послѣднія звѣзды: Ванъ-Зандтъ, эта очаровательная „Лакмэ“, съ глазами Ундины, и Ферни-Джермано, несравненная „Карменъ“ въ этой оперѣ, музыка которой ворвалась свѣжимъ ароматомъ въ заплеснѣвшій репертуаръ. Въ контральтовыхъ партіяхъ, кромѣ Скальки (прозванной „трехголосной“ все тѣмъ же неумолимымъ Цезаремъ)—съ ея чудесными высокими и низкими нотами, но слабымъ среднимъ регистромъ,—можно упомянуть хорошую артистку Карри,—скорѣе merro-soprano,—и

густоголосую Тремелли, показавшую себя въ сценахъ изъ „Жизни за Царя", которыя итальянцы разъ вздумали было явить на своей сценѣ въ лицахъ Тремелли; Витали—очень высокаго soprano, но артистки мало интересной; Новелли (тенора довольно приличнаго, бывшаго очень милымъ „Лоэнгриномъ") и Багаджіоло, пропѣвъ все прекрасно въ той силѣ, которую имѣлъ въ виду композиторъ, но очень наивные въ игрѣ.

Перейдя къ тенорамъ этого періода, остановлюсь только на Гайарѣ, Станьо, Мержвинскомъ, Маркони, только-что превратившемся въ артиста изъ простого contadine и на нашихъ глазахъ быстро развившагося, и Мазини, до конца своими ухватками напоминавшаго свое далеко не высокое положеніе, но плѣнявшаго слухъ очаровательнымъ тембромъ голоса и превосходною школой пѣнія, особенно когда онъ не впадалъ въ искушеніе вставить въ него нѣчто собственнаго изобрѣтенія—полныя безвкусія, въ видѣ безконечнаго fermato и пр. Остановлюсь на двухъ превосходныхъ—каждаго въ своемъ родѣ—басахъ: Багаджіоло, которому прощались всѣ прорухи въ игрѣ, отличавшейся полнѣйшимъ равнодушіемъ ко всему окружающему, часто очень драматичному, ради его чудеснаго голоса, и на Уэтамѣ, напротивъ, особенно интереснаго болѣе исполненіемъ, чѣмъ хорошимъ, но немного глухимъ голосомъ.

„Pour la bonne bouche", я оставила своихъ любимцевъ: драматическое soprano—Марію Дюранъ и баритоновъ: Котони и Мореля. Дюранъ была артистка вполнѣ (позднѣе такое же впечатлѣніе производила на меня Фелиція Литвинъ, какъ въ русскихъ, такъ и Вагнеровскихъ операхъ); съ чуднымъ, полнымъ драматизма, и въ то же время бархатнымъ голосомъ, благородной игрой и пластикой выразительной и картинной, всегда женственная и правдивая! Кромѣ другихъ интересныхъ ролей, всегда соотвѣтствовавшихъ содержанію, создавшая намъ неподражаемую „Джіоконду" въ оперѣ Понкіелли. Голосъ Антоніо Котони былъ чудесный, высокій баритонъ, нѣжнаго, бархатнаго тембра, высокими нотами котораго онъ щеголялъ, иногда даже слишкомъ вытягивая звукъ, долѣе, чѣмъ того требовалъ вкусъ; также, какъ его страсть отъ forte прямо переходить къ едва слышному pianissimo. Помимо этихъ слабостей, Котони былъ большой мастеръ своего дѣла, чаруя слухъ красотою своего голоса. Игралъ онъ хорошо, благородно и обдуманно, особенно роли, гдѣ не требовалось большой энергіи, и элегически-драматичныя или веселыя,

какъ роль Фигаро въ „Севильскомъ Цирюльникѣ“, въ которой былъ превосходенъ, заражая своею сверкающею веселостью, какъ сверкали его плутовскіе глаза и ослѣпительные зубы въ плутовато-наивной улыбкѣ. Котони выступилъ у насъ въ одинъ сезонъ съ Нильсонъ, т. е. въ 1872—73 гг., и неизмѣнно являясь каждый сезонъ, оставался до конца казенной итальянской оперы, т. е. до сезона 1884—85 гг., давъ даже прощальный бенефисъ, которымъ хотѣлъ было распрощаться со сценой, но позднѣе появлялся на другихъ сценахъ. У насъ я его въ первый разъ видѣла въ роли Валентина въ „Фаустѣ“, гдѣ онъ былъ трогательно хорошъ, также какъ Вильгельмомъ Теллемъ. Репертуаръ его былъ очень великъ, но всего менѣе онъ былъ на мѣстѣ „Донъ-Жуаномъ“.

Переходя къ Морелю, я прежде всего должна сознаться, что онъ принадлежалъ къ тѣмъ артистамъ, которымъ было суждено владѣть увлекательнымъ огонькомъ, возжигаемымъ мною на алтарѣ искусства... Викторъ Морель пѣлъ у насъ два сезона, съ промежуткомъ между ними. Явясь къ намъ въ первый разъ, совсѣмъ молодымъ пѣвцомъ, онъ, хотя сразу заявилъ себя изящнымъ артистомъ, не пользовался такимъ успѣхомъ, какой выпалъ на его долю во второй къ намъ пріѣздъ, именно въ сезонъ 1878—79 гг., во всемъ блескѣ своего таланта, благодаря которому, каждая изъ его ролей была обрисована съ замѣчательною тонкостью. Человѣкъ очень образованный,—получившій высшее образованіе, готовящійся быть адвокатомъ и притомъ хорошій художникъ,—онъ всегда вдумывался во всѣ мелочи своей роли, вполнѣ ее обработывая, и игра его была художественно изящна и благородно пластична. Голосъ его не былъ очень силенъ и звученъ, но чрезвычайно пріятнаго тембра низкаго баритона, позволявшаго ему исполнять роль Мефистофеля въ оперѣ „Фаустъ“, гдѣ былъ превосходенъ такъ же, какъ въ роли Нелуско въ „Африканкѣ“, при прекрасной школѣ пѣнія, владѣя тѣмъ вкусомъ, который никогда не позволялъ ему прибѣгать къ грубымъ эффектамъ. Чрезвычайно хорошъ былъ онъ Донъ-Карлосомъ Эрнани и неподражаемъ въ роли „Донъ-Жуана“, въ которой съ нимъ могъ только сразиться появившійся позднѣе, уже въ частной оперѣ, высокій артистъ — Кашманъ.

Мнѣ приходится сказать еще о моихъ частныхъ, помимо сцены, знакомствахъ съ нѣкоторыми артистами, которыхъ я встрѣчала, въ большинствѣ случаевъ, въ гостепріимномъ домѣ г-жи В., гдѣ они любили собираться и уютно проводить время. Несмотря на нѣкоторую

односторонность, это былъ хорошій народъ! Бо̀льшею частью неглубокій, какъ и подобаетъ перелетнымъ птицамъ, немного сплетникъ, немного интриганъ и завистникъ, сильно, подобно вообще итальянцамъ, корыстолюбивый, но все же симпатичный, служившій искусству, все озаряющему тѣмъ блескомъ, что краситъ нашу сѣренькую будничную жизнь!

Николини, привыкшій много бывать въ свѣтѣ, хотя и не рисовался, но былъ болѣе сдержанъ, такъ сказать „благовоспитанъ“, какъ французъ, очень вѣжливый и вполнѣ „galant homme“; притомъ, какъ модный баловень, вполнѣ „enfant gâté“; самъ не разъ, совершенно искренне, говорившій про себя: „On me gâte!“ Но, несмотря на это, онъ съ удивительною для „enfant gâté“ тактомъ, умѣлъ распознавать и придавать цѣну лицамъ, его баловавшимъ... Онъ придавалъ большое значеніе мнѣнію о себѣ, какъ объ артистѣ, и выслушивалъ его серьезно. Притомъ онъ не былъ такъ односторонен, какъ другіе, и многимъ интересовался. Когда онъ въ первый разъ пріѣхалъ ко мнѣ, то уже раньше интересуясь моимъ художествомъ, просилъ меня показать ему мои работы и мое „atélier“. Ведя его въ мою комнату, я на ходу предупредила его, что онъ встрѣтитъ тамъ много работы, но, можетъ быть, мало порядка:

— M-lle,—замѣтилъ онъ любезно:—on trouve tout en ordre seulement dans les chambres des personnes, qui ne font rien!

Онъ былъ однимъ изъ самыхъ внимательныхъ обозрѣвателей моего „atélier“ и всѣхъ, находившихся тамъ, моихъ произведеній, восхищаясь ими какъ въ рисункѣ, такъ и въ лѣпкѣ, даже попросивъ меня подробно познакомить его съ процессомъ гравированія. Тогда онъ еще былъ беззаботнымъ мотылькомъ, но черезъ годъ, въ этой же самой комнатѣ, въ томъ самомъ креслѣ, которое, среди моихъ знакомыхъ барышенъ, поклонницъ прекраснаго тенора,—пользовалось большимъ уваженіемъ, именно оттого, что онъ возсѣдалъ на немъ,—онъ, грустно озабоченный, откровенно передавалъ мнѣ свои тревоги и огорченія по поводу ходившихъ по городу сплетенъ объ его отношеніяхъ къ Патти, не скрывая передо мной своихъ къ ней чувствъ... Одинъ годъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ утромъ, въ день своего рожденья (11 Февраля ст. стиля), раньше обѣщавъ мнѣ тотъ день, забывъ даже о своемъ рожденіи, вспомнивъ тогда, когда я рано утромъ въ тотъ день прислала ему цвѣты, отъ чего онъ былъ въ восторгѣ. Я же нарочно это утро пригласила къ себѣ нѣкоторыхъ изъ его поклонницъ, не сказавъ имъ объ ожидавшимъ ихъ сюрпризѣ; и нужно было

видѣть ихъ, ошеломившую ихъ сначала чуть не до обморока, радость, когда въ нашъ салонъ, имѣвшій видъ тропическаго сада, вошелъ лучезарный теноръ!

Морель, по природѣ былъ „grand seigneur“, нѣсколько стѣсняемый своей хорошенькою, живою, но немного буржуазною, женою, выбивавшеюся изъ силъ, чтобы удержать покрѣпче подлѣ себя своего интереснаго, какъ на сценѣ, такъ и внѣ сцены мужа, окруженнаго разными искушеніями. Одно изъ наиболѣе сильныхъ—во второй къ намъ пріѣздъ артиста—явилось во образѣ дамы большого свѣта, сѣтями которой все болѣе опутывался интересный баритонъ, доводя свою ревнивую жену временами до полнаго, иногда очень глупо проявлявшагося, отчаянія, чему я разъ была свидѣтельницею у нихъ въ домѣ... Вполнѣ образованный человѣкъ, Морель былъ очень интересенъ въ бесѣдѣ; съ нимъ можно было обо всемъ поговорить, не кружась только въ тѣсной рамкѣ сцены и закулисныхъ интригъ. Отдавшись сценѣ, онъ не бросалъ совершенно и рисованія, и показывалъ мнѣ очень живые этюды своей работы. Въ домѣ у нихъ было уютно. Разъ я была у нихъ на небольшой вечеринкѣ, въ обществѣ очень милаго кружка русскихъ и французовъ. Немного и музицировали; при чемъ, кромѣ самого хозяина, пѣли дуэты: madame Лешетицкая, все еще владѣвшая, если уже не совсѣмъ свѣжимъ голосомъ, то прекрасною манерой пѣнія и выраженіемъ, и извѣстный художникъ Константинъ Маковскій, владѣвшій пріятнымъ баритономъ.

Опасаясь окончательной гибели своего супруга въ сѣтяхъ дамы большого свѣта, m-me Морель употребила всѣ средства, чтобы не допустить его подписать контракта на слѣдующій сезонъ; и такимъ образомъ петербургская сцена лишилась прекраснаго артиста, больше на ней не появившагося... Перейдя затѣмъ къ Котони, или „Кòтушки“, какъ мы всѣ, друзья, его называли, скажу, что, не возжигая на его алтарѣ того огонька, который пылалъ на алтаряхъ Кальцолари, Николини и Мореля, я все же очень любила его, какъ артиста, и ни съ кѣмъ изъ другихъ не была въ такой продолжительной, изъ года въ годъ, дружбѣ, каждый сезонъ встрѣчаясь и разставаясь самымъ дружескимъ образомъ, и такъ же дружески бесѣдуя при свиданіяхъ, которыя были у насъ очень часты у m-me В.—Котони принадлежалъ къ разряду болѣе развитыхъ артистовъ, такъ что съ нимъ мы тоже бесѣдовали о разныхъ предметахъ, „наводящихъ на размышленіе“, часто вдаваясь

въ поэзію и уносясь за облака. Это, однако, не мѣшало ему много думать и о земномъ, не пренебрегая земными благами! Котони былъ истый итальянецъ. Римлянинъ по происхожденію, онъ говорилъ тѣмъ прекраснымъ итальянскимъ языкомъ, который охарактеризованъ выраженіемъ: „lingua toscana in bocca romana“. Онъ любилъ музыку и понималъ ее; любилъ сцену и, впадая въ паѳосъ, говорилъ, что, умирая, завѣщаетъ положить къ себѣ въ гробъ партитуры всѣхъ тѣхъ оперъ, въ которыхъ онъ пѣлъ, что составило бы очень громоздкій багажъ, такъ какъ репертуаръ его былъ великъ. Мы очень сходились съ нимъ во взглядахъ на музыку, и потому онъ любилъ говорить со мной о ней, иногда приходя въ ребяческій восторгъ отъ единства нашихъ взглядовъ, что было разъ, когда я видѣла его утромъ въ тотъ день, когда вечеромъ должна была его слышать въ „Маскарадѣ“.

— Какую арію мнѣ спѣть для васъ?—спросилъ онъ, увѣренный, что я скажу, что „передъ портретомъ“. И мое замѣчаніе, что я предпочитаю первую, выходную, заставило его подпрыгнуть отъ радости, что наши мнѣнія сошлись. Эти ребяческія проявленія радости (тутъ уже смѣшанныя съ корыстолюбіемъ, далеко не чуждымъ и ему, какъ истому итальянцу), разъ насмѣшили меня чуть не до слезъ: послѣ какого-то концерта во дворцѣ, получивъ дорогую булавку, Котушка, показывая ее намъ, принялся прыгать козломъ и ее цѣловать! Въ первый свой пріѣздъ въ Петербургъ онъ привезъ съ собою жену (дѣтей у нихъ не было). Но на слѣдующій явился уже одинъ, отвѣчая на вопросы, что оставилъ ее въ Римѣ достраивать домъ. Въ слѣдующій сезонъ мы подтрунивали надъ нимъ, что вѣрно теперь ей нужно крыть крышу, а на слѣдующій ставить трубы? Котушка только посмѣивался, сверкая бѣлыми зубами и повторяя: „Povero Kotuschka!“ его любимый припѣвъ ко всему, даже къ полному удовлетворенію послѣ обильнаго питанія, которымъ не пренебрегалъ, несмотря на всю свою поэзію, прикладываясь и къ русской кулебякѣ съ капустой и крутой гречневой кашѣ. Онъ, какъ ребенокъ, радовался и той коробкѣ конфектъ, что я дарила ему на дорогу, при разставаніи, въ концѣ сезона.

Котушка охотно пѣлъ особенно свои любимые романсы, однимъ изъ которыхъ былъ извѣстный романсъ Tosti: „O, bocca, bocca bella...“ Гдѣ-то услыхавъ русскій дуэтъ „Ночи безумныя“, онъ пришелъ отъ него въ такой восторгъ, что я перевела ему слова романса по-итальянски; но по-русски вполнѣ хорошо онъ пѣлъ

только „Я васъ любилъ“. Зная, что я занимаюсь литературой, Ко̀тушка сталъ просить меня написать о немъ романъ, и когда я сказала ему, что для этого мнѣ надо, чтобы онъ очертилъ мнѣ ясно свой характеръ и свои взгляды на жизнь и людей, онъ написалъ такую о себѣ рацею, что мнѣ пришлось воспѣть какое-то идеальное существо, вылившееся изъ-подъ моего пера въ видѣ разсказа „На сценѣ и за сценой“, что былъ напечатанъ въ журналѣ „Искусство“. Ко̀тушка былъ очень польщенъ, по его просьбѣ я ему перевела разсказъ по-итальянски, и онъ носился съ нимъ, передъ всѣми имъ хвастаясь! Кромѣ другихъ, у Ко̀тушки было еще двѣ, присущихъ всѣмъ итальянцамъ, слабости. Первая страсть—щегольнуть французскимъ языкомъ, который все увы!—спотыкался на такихъ словахъ, гдѣ нужно было употребить не имѣющейся въ итальянсквй азбукѣ u (ю), всегда у итальянцевъ смахивающей на o u (у). Напр., вмѣсто „fumer“—„foumer“ и т. д. Помню, какъ въ одинъ сезонъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, Ко̀тушка началъ хвастаться, что онъ лѣтомъ, проведя три недѣли гдѣ-то на водахъ во Франціи, сталъ говорить, какъ „чистый французъ“, и притомъ, ведя разговоръ по-французски, сразу отрекомендовался, произнеся: „Comme un p o u r français!“ Эта страсть къ французскому языку и его неправильное имъ произношеніе породило нѣсколько анекдотовъ, особенно касательно Чіампи. Очень порядочный basso buffo, Ч і а м п и былъ не только по профессіи, но и въ обществѣ очень веселый болтунъ, не безъ юмора; типъ добродушнаго, но немного плутоватаго итальянца, мелко-плававшаго и потому немного получавшаго, какъ артистъ, одареннаго еще тамъ, на родинѣ, въ Венеціи, цѣлою плеядою голодныхъ родственниковъ, старавшихся урвать что-нибудь отъ болѣе богатаго, чѣмъ они, родича. Вслѣдствіе всего этого, Чіампи долженъ былъ до минимума сдерживать свои расходы и аппетиты, еще болѣе разыгрывавшіеся подлѣ такихъ сибаритовъ и широкихъ натуръ, какъ, напр., Николини, подлѣ котораго Чіампи много вертѣлся. Смѣшно было слушать, какъ, сойдясь съ Николини у m-me B.—Чіампи принимался, съ чувствомъ голоднаго гастронома, разспрашивать Николини, что онъ сегодня ѣлъ за обѣдомъ, смакуя упоминаемыя имъ кушанья, особенно млѣя неудовлетвореннымъ восторгомъ при словахъ: „Sterled“ или „Riabchik“ (стерлядь, рябчикъ).

Вотъ этотъ-то Чіампи всего болѣе попадался на французскомъ языкѣ. Такъ, разъ, желая пустить шпильку Котони насчетъ его рѣдѣвшихъ волосъ, онъ язвительно проговорилъ:

— Bientôt tu n'auras, comme Bismark, que trois cheveaux (вмѣсто „cheveux"), на что Котони отвѣтилъ:

— Oh, mon cheur!—il n'y a trois cheveaux que sur le façade du cathédrale de St-Marc à Venise!

Другой разъ, когда я со своею знакомой гуляла по Лѣтнему саду и съ нами гулялъ Николини, встрѣтившiйся съ нами Чiампи, ревновавшiй мою знакомую къ Николини, весь вспыхнулъ, а Николини, немного насмѣшливо замѣтилъ:

— Que ce que tu as? Tu es tout-à-fait rouge?

Чiампи, желая сказать ему что-либо непрiятное, не нашелъ ничего лучшаго, какъ намекая на его немного желтоватый (basané) цвѣтъ лица, сказать:—Et tu es tout-à-fait jaune,—но, вмѣсто jaune, онъ сказалъ: „jeune", на что Николини, хитро усмѣхнувшись, проговорилъ:

— Merçi pour le compliment!

Второю слабостью Кóтушки была страсть всѣхъ итальянцевъ къ игрѣ въ лото; и мы по вечерамъ усаживались у m-me В. за лото, по какой-то бездѣлицѣ за ставку, и все же каждый выигрышъ приводилъ Кóтушку въ восторгъ, а проигрышъ — въ полное отчаянiе! Чiампи, вѣчно тутъ присутствовавшiй, при его очереди вызывать (что производилось то по-французски, то по-итальянски), почти при каждомъ номерѣ прибавлялъ какiя-то особыя прибаутки. Часто игроки горячились и спорили изъ-за „амбо" и пр. Тутъ бывали: Скальки со своимъ мужемъ, Лолли. Она,—довольно простоватая и вульгарная, только-что вышедшая изъ-подъ ярма своей матери, совсѣмъ простой, грубой женщины, бравшей всѣ ея деньги и награждавшей ее пощечинами за сломанную роговую гребенку, а затѣмъ поступившая подъ ярмо мужа, хитраго итальянца-пройдохи, забравшаго ее въ руки, распоряжавшагося всѣми ея деньгами, безпрестанно ей измѣнявшаго.

Бывалъ Маркони, тогда еще не заставившiй забыть свое деревенское происхожденiе, довольно неотесанный, но скромный, державшiйся прилично; бывалъ и Мазини, сильно, напротивъ, рисовавшiйся, впадавшiй иногда въ сантиментализмъ, очень не шедшiй ни къ его физiономiи, всегда носившей подозрѣнiе въ неумытости, ни къ его размашистымъ манерамъ. Онъ больше помалчивалъ или придирался къ Салла (съ которою тогда былъ въ близкихъ отношенiяхъ), а она, хорошенькая, живая, очень ловко его отпарировала и много всегда вносила оживленiя и во время игръ въ лото. Въ одну изъ такихъ игръ, выигравъ у Мазини двугривен-

ный, я осчастливила имъ одну изъ его поклонницъ, спрятавшей его, какъ талисманъ.

Салла была очень мила; умная артистка, съ симпатичнымъ голосомъ и прекрасною, обдуманною, проникнутою чувствомъ, игрой. Я нѣсколько разъ, по ея приглашенію, бывала у нея, и разъ, когда она, по моей просьбѣ, подписывала свои карточки для одного моего знакомаго, большого ея поклонника, къ ней пришелъ Мазини, жившій въ томъ же отелѣ, близъ нея. Этотъ разъ онъ былъ болѣе, чѣмъ когда-либо, разговоривъ и очень любезенъ; такъ что, беря карточки отъ Салла, неловко было не попросить карточки и у него, тѣмъ болѣе, что, какъ мнѣ говорили, онъ очень это любилъ. Обрадовавшись моей просьбѣ, онъ тотчасъ побѣжалъ къ себѣ и принесъ цѣлую охапку, чтобъ я выбрала любую. Я выбрала изъ „Поліуто", только что имъ тогда пѣтаго, и пѣтаго очень хорошо. Это его еще болѣе обрадовало, такъ какъ эту роль онъ считалъ одною изъ лучшихъ въ своемъ репертуарѣ. Но начавъ подписывать карточку, размазалъ ее самымъ безобразнымъ образомъ, обвинивъ въ этомъ, будто мѣшавшую ему, Салла. Вручая мнѣ карточку, Мазини предложилъ: не возьму ли я еще другую? И когда я это предоставила уже его выбору, онъ остановился на карточкѣ „Васко-ди-Гама" (изъ „Африканки"), прибавивъ: „Questa è molto bella!" Я оставила его въ этомъ пріятномъ заблужденіи!..

Бывали еще у m-me В. баритоны Броджи и Васселли; капельмейстеръ Дриго; композиторъ „Джіоконды"—Понкіелли, пріѣхавшій ставить у насъ свою оперу „Альдона", понравившуюся публикѣ менѣе, чѣмъ первая. Съ нимъ пріѣхала и пѣвшая въ тотъ сезонъ его жена — soprano Брамбилла; умная, но неинтересная артистка. Бывалъ и русскій баритонъ Аленниковъ, тогда еще не кончившій консерваторіи, очень заинтересовавшій своимъ очень не дурнымъ голосомъ Котони, но не сдѣлавшимъ карьеры ни на русской, ни на итальянской сценахъ.

V.

Съ Дюранъ я познакомилась не у m-me В., съ которою она не была знакома. Мы очень сошлись съ нею, и я не разъ у нея бывала. Она была очень мила, любезна, воспитанна и женственна. Француженка происхожденіемъ, нося на сценѣ фамилію отца, первый разъ замужемъ она была за американцемъ, отъ котораго имѣла

двухъ дочерей, а по смерти его вышла за второго, итальянца Пикьетино, тоже вдовца съ дочерью. Ея настоящій мужъ, по профессіи банкиръ, ничего особеннаго изъ себя не представлялъ, охраняя свою жену и заботясь объ ея интересахъ; но, повидимому, это было очень согласное супружество. Оба очень сердечно относились къ своимъ смѣшаннымъ, отъ разныхъ браковъ, дочерямъ, къ которымъ впослѣдствіи присоединилась еще ихъ собственная дочь, о чемъ я была тотчасъ же извѣщена письмомъ отца, долгое время поддерживая переписку съ нею самой.

Сблизившись въ Петербургѣ, мнѣ пришлось, въ одинъ изъ сезоновъ нашего пребыванія на водахъ Маріенбада, сойтись тамъ съ m-me Дюранъ, пившей воды Kreuzbrunn, источникъ котораго былъ рядомъ съ нашимъ отелемъ. Хотя я водъ не пила, но самоотверженно поднималась въ шесть часовъ, чтобы погулять на эспланадѣ съ моею любимицей, или отправлялась позже къ ней въ Wald-Quelle, и мы много съ нею очень душевно бесѣдовали. Познакомила она меня со своими дочерьми, очень милыми, воспитанными дѣвушками, изъ которыхъ третья, очень живая, была еще подросткомъ. Она очень откровенно говорила мнѣ о себѣ и своей семьѣ. Узнавъ, что одна изъ ея дочерей владѣетъ хорошимъ голосомъ, я спросила, не приготовляетъ ли она ее къ сценѣ? Но она отвѣтила, что ни за что на это не согласится, во избѣжаніе тѣхъ закулисныхъ интригъ, отъ которыхъ сама столько перестрадала! Разставаясь со мною (уѣзжая изъ Маріенбада раньше насъ), она очень приглашала меня къ себѣ, во Флоренцію. Но когда я послѣ того въ первый разъ была во Флоренціи, она была опять гдѣ-то на водахъ; но оставленная при домѣ прислуга, узнавъ мою фамилію, сказала, что signora поручила ей, въ случаѣ если я пріѣду безъ нея, непремѣнно показать мнѣ, гдѣ она хранитъ мою работу, и настояла на томъ, чтобы я зашла въ салонъ взглянуть на висѣвшій тамъ, на почетномъ мѣстѣ, рисунокъ моей работы, изображавшій ее въ разныхъ роляхъ, вставленный въ рамку, въ формѣ лиры, изъ голубого плюша, поднесенный мною ей въ Петербургѣ въ ея бенефисъ.

Закончу еще однимъ знакомствомъ. Въ послѣдній сезонъ нашей оперы, зайдя какъ-то, въ антрактѣ одного изъ представленій, къ m-me Дюранъ, въ литерную ложу артистовъ,—что дѣлала не разъ,—я черезъ нее познакомилась съ находившеюся тамъ Ферни-Джермано, этою несравненною „Карменъ“ и вообще дивною артисткой, восхищавшей меня, кромѣ сцены, неподражае-

мымъ исполненіемъ романсовъ, замѣчательно тонкимъ вкусомъ, изяществомъ и стильностью, какими съ нею могла равняться только другая, слышанная мною позже, дивная исполнительница всякой, особенно старинной, музыки — Б а р б и. Очень любезная Ферни-Джермано пригласила меня къ себѣ, чѣмъ я съ удовольствіемъ воспользовалась и побывавъ у нея, ушла совершенно очарованная! Она была такъ очаровательно любезна, такъ обаятельна, что я вполнѣ поняла, что можно было по-уши влюбиться въ эту некрасивую, не только раскрашенную, но даже „эмальированную“ женщину!

Между тѣмъ, въ сезонъ 1882—83 гг. итальянской оперѣ пришлось переселиться изъ Большаго театра въ Маріинскій, въ Большой же перевели русскую оперу. Произошла эта перемѣна оттого, что русскіе пѣвцы жаловались, что имъ, якобы, трудно пѣть въ театрѣ съ такимъ плохимъ резонансомъ, какъ Маріинскій; пусть-де тамъ поютъ итальянцы, ихъ голосовъ нечего жалѣть, а мы-де, какъ только перейдемъ въ Большой театръ, такъ и запоемъ соловьями! Но, увы, на нихъ прекрасно оправдалось нравоученіе Крыловскаго квартета:

А вы, друзья, какъ ни садитесь,
А въ музыканты не годитесь!..

Чудный голосъ Л а в р о в с к о й и въ Маріинскомъ театрѣ не терялъ своей красоты; какъ во времена оно, заливался тамъ соловушкой Н и к о л ь с к і й, и гремѣли до конца дней своихъ П е т р о в ъ и М е л ь н и к о в ъ, а безголосые, неумѣлые пѣвцы и въ Большомъ остались безголосыми, тогда какъ итальянцы не утратили ни на іоту звучности своихъ голосовъ на сценѣ Маріинскаго театра! Жаль было только намъ, „завсегдатаямъ“, лишиться насиженныхъ мѣстъ, и мы жалѣли и нашу прежнюю верхушку съ прежней публикой, и прежніе сезоны, съ прежними артистами и прежнія, теперь затихшія, увлеченія!

Упомянувъ о нашей „верхушкѣ“, я непремѣнно должна остановиться на томъ времени, когда „верхушка“ имѣла особенное, обаятельно-привлекательное значеніе! Для этого я должна вернуться ко времени появленія у насъ Патти съ ея умопомрачительными „ки-ри-кики“, (какъ сама дива называла свои фіоритуры и трелли, вслѣдствіе чего она и не любила партіи Церлины въ Донъ-Жуанѣ, гдѣ не могла вставить свои ки-ри-ки-ки, боясь потревожить прахъ Моцарта). Колоссальный успѣхъ Патти вынудилъ ди-

рекцію открыть 4-й абонементъ (имѣлось до того три: понедѣльникъ, среда и пятница; 4-му была отведена суббота. Впослѣдствіи явились еще два: 5-й—по четвергамъ и 6-й—по вторникамъ). Дирекція не ошиблась въ разсчетѣ: публика нахлынула такой толпой брать билеты на этотъ новый абонементъ, что чуть не разнесла стѣнъ зданія дирекціи. Въ самой конторѣ былъ моментъ такого неудержимаго экстаза впущенной туда публики, что чиновники, видя ея напоръ на тяжелую балюстраду, отдѣлявшую отъ нихъ эту экстазную публику, устрашились за собственную цѣлость и, захвативъ конторскія книги, поспѣшили скрыться, до времени всеобщаго охлажденія, навѣяннаго подоспѣвшею полиціей... Но все же этотъ абонементъ былъ недостаточенъ для вмѣщенія въ стѣнахъ театра всѣхъ, жаждавшихъ насладиться пѣніемъ, сначала Лукки, а потомъ Патти, что и ввело до того почти не практиковавшійся, а потомъ вполнѣ освященный способъ, единственный, вводившій въ рай (при томъ не только въ переносномъ, но и въ буквальномъ смыслѣ)—это помѣщеніе въ проходахъ пятаго яруса, способъ, до того освященный. что самъ директоръ театра, на просьбы знакомыхъ о возможности попасть на спектакль, всѣ мѣста котораго были уже давно распроданы,—прямо совѣтывалъ обращаться къ проходамъ пятаго яруса.

Проходы эти находились между рядами скамеекъ галлереи, имѣвшей три ряда. Таковыхъ проходовъ было по четыре съ каждой стороны; они шли отъ дверей до барьера. И вотъ, у этого-то барьера, между скамейками 1-го ряда, вставлялась узенькая, грязноватая, ничѣмъ не обитая дощечка, на которой тѣсно могли усѣсться двое счастливцевъ, которымъ удалось заручиться завиднымъ мѣстомъ, и „сидя“ насладиться кунштюками Патти, платя за одно мѣсто на такой дощечки отъ пяти до десяти рублей!! По окончаніи акта, дощечка быстро выхватывалась прочь капельдинеромъ, чтобы очистить проходъ сидящимъ на скамьяхъ галлереи. Сзади дощечекъ, съ сидящими на нихъ счастливцами, помѣщались слушатели стоящіе, иногда ряда въ три—четыре, платя за это удовольствіе рубля два—три, смотря по большей близости къ барьеру, иногда въ боковыхъ проходахъ не видя ни кончика Патти, а только ловя жаднымъ ухомъ ея божественныя трелли, что было возможно вездѣ, благодаря превосходной аккустикѣ театра, такъ безжалостно уничтоженнаго ради безобразной аккустики большого зала консерваторіи. Были эквилибристы, которые, помѣстившись на послѣднихъ скамейкахъ боковыхъ мѣстъ, собственно и именовавшихся

„раемъ", умудрялись,—при желаніи видѣть хотя бы частичку макушки несравненной „дивы",—становиться такъ, что почти висѣли надъ бездной, ухватившись за своды потолка, изображая совершенно импровизированныхъ каріатидъ! Не мало также требовалось ловкости и изворотливости, чтобы уловить артистовъ на сценѣ, изъза неумолимо мѣшавшей люстры, помѣстившись, въ такъ называемомъ—„ящикѣ" или амонтеатрѣ, находившемся посрединѣ, сзади скамеекъ галлереи 5-го яруса, какъ-разъ за люстрою. Я, какъ истая итальяноманка, перебывала повсюду, кромѣ того, что имѣла три абонемента. Абонементы эти были и въ ложахъ, но болѣе всего я пребывала въ галлереѣ, поджариваясь и въ „ящикѣ"; и не мало, сверхъ всѣхъ абонементовъ, переплатила денегъ за мѣста въ проходахъ, какъ на вождѣленныхъ дощечкахъ, такъ и за стояніе на собственныхъ ногахъ. Не изображала я только изъ себя „каріатидъ"; но надо сказать и то, что женщины того времени еще до того не эмансипировались, отдавая въ этомъ пальму первенства мужчинамъ. Была я даже разъ, съ m-me-Морель, въ маленькой ложѣ на сценѣ, во время представленія „Африканки" съ Морелемъ въ роли Нелуско; и такъ странно было видѣть всю эту обстановку такъ близко; всю эту реальность, разбивающую иллюзію!

Но возвращаюсь къ нашей верхушкѣ. Чтобы попасть на сверхштатныя мѣста въ вечера особенно знаменательныя, забирались въ театръ часовъ съ шести. Иногда ползли по лѣстницѣ въ темнотѣ, придерживаясь за стѣнки. Гдѣ-нибудь на поворотѣ, изъ темноты раздавался голосъ невидимаго субъекта: „Господа, нѣтъ ли у кого нибудь спички?"—Спичка вспыхивала и минутно освѣщала предполагаемый поворотъ и кучку диллетантовъ, а затѣмъ гасла, и диллетанты съ дружнымъ смѣхомъ двигались выше, по намѣченной тропѣ, до слѣдующаго поворота. Вотъ, блеснулъ гдѣ-то фонарь; а вотъ, наконецъ, и пятый ярусъ, тускло освѣщенный, черезъ отворенныя въ коридоръ двери, свѣтомъ со сцены, занавѣсъ которой поднятъ. На сценѣ, скудно освѣщенной нѣсколькими фонарями, суетятся, покрикивая, рабочіе. Декораціи уродливо приподняты, открывая неуклюжія бревна и грязные канаты. Гдѣто въ ложѣ блеснетъ тусклый фонарь въ рукахъ капельдинера, сметающаго пыль... Нашихъ капельдинеровъ еще нѣтъ; въ ожиданіи ихъ, мы усаживаемся на ступенькахъ лѣстницы. Но вотъ являются они, зажигаютъ фонари и начинается торгъ.

Капельдинеры чуютъ наживу и дерутъ немилосердно, при-

нимая видъ неумолимыхъ судей, рѣшающихъ судьбу своихъ жертвъ. А жертвы юлятъ, ластятся, перебѣгаютъ изъ одного прохода въ другой, съ правой стороны на лѣвую, съ видомъ людей, играющихъ на жизнь и смерть. Толпа все прибываетъ; капельдинеры все выше поднимаютъ головы и все небрежнѣе смотрятъ на свои жертвы. У жертвъ является теперь страхъ остаться совсѣмъ безъ мѣста и, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, онѣ трепещущими руками вытаскиваютъ свои пяти- и трехрублевки, небрежно принимаемыя загребистыми руками капельдинеровъ и теперь, уже съ облегченнымъ сердцемъ, разоблачаются и отправляются въ мѣста „злачныя", т. е. или на счастье просидѣть оперу на узкой дощечкѣ, или на радость простоять ее, сзади, въ толпѣ. Но мы наслаждались; наслаждались несравненно болѣе многихъ, сидѣвшихъ въ первыхъ рядахъ креселъ и ложъ бель-этажа,—сидѣвшихъ тамъ только потому, что быть абонированнымъ въ оперѣ, особенно „на Патти", было въ модѣ... Да, мы наслаждались; мы забывали и узкую жесткую дощечку и стояніе въ толпѣ, среди тропическаго жара 5-го яруса, и уносились „въ міръ сладкихъ грезъ и чудныхъ сновъ"... Въ антрактахъ мы продолжали наше очарованіе, сходясь въ коридорахъ съ знакомыми,—ихъ же было много, такихъ же „завсегдатаевъ", сливавшихся одною семьей,—дѣлясь своими впечатлѣніями. Мы были идеалисты, были послѣдніе могикане!..

Коснувшись этихъ знакомыхъ „завсегдатаевъ", не могу обойти молчаніемъ одну очень оригинальную личность, знакомую всѣмъ абонентамъ 5-го яруса и всѣмъ пріѣзжавшимъ, болѣе выдающимся артистамъ. Это былъ нѣкто Григорій Николаевичъ Ченстоховскій, чиновникъ капитула орденовъ,—тогда уже въ отставкѣ,—по ремеслу и художникъ по призванію; родовитый малоросъ, другъ Шевченки, который и умеръ на его рукахъ,—и страстный меломанъ, всѣмъ „завсегдателямъ" болѣе извѣстный подъ именемъ „Amico della patria". Какъ теперь стоитъ онъ передо мной, немного сгорбленный, но коренастый, съ густой гривой темныхъ волосъ, съ чуть замѣтной сѣдиной, не смотря на его преклонныя лѣта, съ гладко-выбритымъ лицомъ. Онъ своей гривой и лицомъ напоминалъ Бетховена, о чемъ зналъ и чѣмъ былъ польщенъ. Лицо было серіозное, съ крѣпко-сжатыми губами, на которыхъ я не запомню улыбки. Вижу, какъ онъ своей широкой, размашистой походкой, появляется на коридорѣ, въ неизмѣнной коричневой бекешкѣ, бѣломъ шарфѣ на шеѣ и неизмѣнномъ котелкѣ на головѣ. Идетъ и, не останавливаясь, на отмашь жметъ всѣмъ руку,

всѣмъ знакомый, имѣя на всѣ шесть абонементовъ одно и то же, съ созданія перваго абонемента, мѣсто, въ первомъ ряду парадиза, во все время не пропустилъ ни одного представленія! Зная, конечно, оперы—дававшіяся изъ года въ годъ,—наизусть, онъ садился на свое мѣсто впереди, только въ тѣхъ случаяхъ, когда шла новая опера или пѣлъ новый артистъ,—а то уступалъ свое мѣсто кому-нибудь изъ „каріатидныхъ", а самъ садился на послѣднюю скамейку, въ самый уголокъ, подпиралъ голову рукой и смаковалъ всѣ эти, столь сладкія его сердцу, „Лючіи", „Пуритане" и пр., не признавая новой музыки; ополчившись даже на „Аиду" Верди, какъ на расколъ, со злобой, такъ не естественной его натурѣ, удивляясь, что публика, въ прелюдіи 3-го акта, восхищается тѣмъ, что тутъ слышно:—„какъ пасутся сверчки!" Очень строго относился онъ и къ пѣвцамъ и свое о нихъ мнѣніе высказывалъ сразу категорично и лаконично.

— Плоха!—говорилъ, онъ, рѣшительно, отвѣчая на вопросъ о новой пѣвицѣ:—больше головой болтаетъ, чѣмъ поетъ. Такихъ намъ не надо!—или:

— Хорошъ! Я къ нему пойду!—И эта послѣдняя фраза была лучшею рекомендаціей новому артисту.

И онъ непремѣнно отправлялся къ этому артисту или артисткѣ; и его принимали благосклонно; и онъ объяснялся съ ними на какомъ-то особенномъ языкѣ, сильно нахватавшись среди нихъ итальянскихъ словъ, къ которымъ присоединялась дружеская жестикуляція, съ нѣжнымъ похлопываньемъ по спинѣ и нѣжнымъ наименованіемъ „Amico della patria"; самъ же Г. Н. звалъ всѣхъ артистовъ по имени и отчеству, и такимъ образомъ, большой поклонникъ Маріи Дюранъ, онъ неизмѣнно величалъ ее „Маріей Ивановной", исправно ее посѣщая. „Во дни оны" онъ былъ страстнымъ поклонникомъ знаменитой Полины Віардо-Гарсіи; и я не могу удержаться, чтобы не привести его оригинальный разсказъ о первомъ впечатлѣніи, произведенномъ на него этой пѣвицей; разсказъ переданный имъ мнѣ разъ въ антрактѣ одного интереснаго спектакля, захвативъ даже часть слѣдующаго акта.

— Віардо!—заговорилъ Г. Н., и глаза его такъ и вспыхнули.— Вы хотите знать, что такое была Віардо? Слушайте же! Когда умерла моя мать, я былъ такъ малъ, что меня несли на рукахъ за ея гробомъ; а я указывалъ на него и говорилъ: „Это мама!"— День былъ весенній; листья еще распускались, птицы пѣли... Это все я живо помню! Это былъ послѣдній день моего счастливаго

дѣтства! Вскорѣ умеръ и мой отецъ. Я остался на чужихъ рукахъ... Что я съ тѣхъ поръ горя перенесъ,—этого и сказать нельзя! Униженія, нужда, нападки... Отвезли меня потомъ въ Петербургъ. Отдали учиться въ Академію художествъ; съ дѣтства большія способности и охоту показывалъ, такъ меня и помѣстили въ Академію. Съ Карломъ Брюлловымъ занимался,—да! Ну, жилъ, конечно, бѣдно́, тѣсно́. Мы вдвоемъ съ товарищемъ жили; такъ, на верхушкѣ коморочку занимали крохотную; перебивались коекакъ. А все же въ обѣдѣ себѣ, иной разъ, откажемъ, а сколотимъ грошъ, другой—и маршъ въ театръ; въ оперу больше, страстно я пѣніе съ самой юности любилъ! Такъ вотъ, разъ слышимъ, говорятъ:—Віардо знаменитая пріѣхала!—Какая такая тамъ, Віардо? Пойдемъ, послушаемъ!—Пошли. Примостились на верху. „Сомнамбула“ шла. Театръ полонъ полнешенекъ! Выбѣжала Віардо. Запѣла. Мы съ товарищемъ только переглянулись; а самъ я ужъ чувствую, какъ у меня внутри все похолодѣло; дыханіе замерло отъ восторга. А чѣмъ дальше, тѣмъ лучше да лучше. Стало мнѣ что-то къ горлу подступать; да такъ слезы-то и хлынули! Слышу, подлѣ меня товарищъ тоже посмаркивается. Покосился я на него,—плачетъ. Ни слова мы тутъ другъ другу не сказали. Такъ молча всю оперу прослушали; молча и дорогу всю протащились. Взобрались на свой чердакъ, и все ни слова. Даже не глядимъ другъ на друга, только взадъ да впередъ оба, по каморкѣ-то, какъ звѣри въ клѣткѣ, слоняемся.

Прорвало меня, наконецъ. Сѣлъ я къ столу своему убогому некрашенному, схватился этакъ за голову и говорю:—Господи! много я горя натерпѣлся! Но если бы Ты велѣлъ мнѣ вдвое еще перестрадать за то счастіе, что испыталъ я сегодня, то и тогда я не возропталъ бы на тебя, а возблагодарилъ бы за то, что Ты далъ мнѣ увидѣть частицу Твоего величія!—Такъ вотъ что такое Віардо!—закончилъ Г. Н. и опустилъ на грудь свою сѣдую голову.

— Бывало, какъ поетъ она,—началъ онъ снова,—такъ весь театръ, кажется, дыханіе затаитъ; только пробѣжитъ иногда, какъ вѣтерокъ, по степной травѣ: браво, браво!—тихонечко, сдержанно такъ; будто въ одной груди колышется, а изъ устъ и вылетѣть не смѣетъ. Да потихоньку посмаркиваются, какъ въ драматическихъ мѣстахъ до слезъ проберетъ. Такъ за сердце за самое и хватитъ! Помню, какъ разъ,—смѣшно даже это было,—пѣла она въ „Отелло“... И какъ пѣла-то! Господи, Боже мой! Грѣхъ даже этихъ то, другихъ, съ ней сравнивать! Какъ вдругъ въ этомъ,

знаете, мѣстѣ, гдѣ она отца умоляетъ: „Se il padre mi abandona...“ въ этой тишинѣ то дѣтскій голосъ раздается, жалобный такой:— Мамочка, какъ мнѣ ее жалко!—Всѣ даже такъ и загоготали! А какъ она въ „Севильскомъ цирюльникѣ“ соловья пѣла—такъ это ужъ истинно соловей былъ,—почище и Паттинскаго! Голосъ то громадина: сегодня поетъ Дездемону, а завтра Фидесъ,—вотъ онъ діапазонъ то какой; да чистота, свѣжесть, страсть, драматизмъ и притомъ вокализація высшей школы. А ужъ игра—другой такой игры я и не видывалъ, хоть и многихъ артистовъ на своемъ вѣку пересмотрѣлъ! А какъ она русскія пѣсни пѣла, такъ просто отдай все, да самого себя въ придачу, такъ и то мало! Особенно хорошо она пѣла „Шли наши ребята изъ Новà-городà“, это ея любимая пѣсня была; выводитъ это она съ такимъ удареніемъ, да такъ отлично слова выговариваетъ: „Ему то ниже всѣхъ, что онъ лучше всѣхъ“—и потомъ, проговоривъ: „Бѣлый, румяный, молодой, холостой“ на послѣднемъ словѣ такъ какъ то задорно головой встряхнетъ; а въ театрѣ то стонъ стоитъ! Да!.. Слушая ее,—продолжалъ Г. Н. минутку помолчавъ,—я не разъ вспоминалъ вечера наши степные, малороссійскіе. Выйдешь это въ степь. Лежитъ она тихая мягкая, душистая. На горизонтѣ воздухъ слегка колышется. Солнце только что сѣло, и золотомъ горитъ еще небо на закатѣ. Гармонія кругомъ, ничего рѣзкаго: мягко все, ласково, поэтично... Такъ и Віардо была чистѣйшая поэзія! Да, этакой артистки намъ не дождаться! Недаромъ я до сихъ поръ, проходя по Караванной мимо дома, гдѣ она жила, снимаю шляпу: мысленно передъ ней, передъ артисткой великой, шляпу снимаю, да!..

Позднѣе, мнѣ удалось доставить Г. Н. большую радость. Мнѣ пришлось, послѣ кончины И. С. Тургенева (о знакомствѣ съ которымъ будетъ рѣчь впереди), перекинуться нѣсколькими письмами съ М-me Віардо; и, между прочимъ, я, зная, что она хорошо владѣетъ русскимъ языкомъ, послала ей мою,—напечатанную въ одномъ журналѣ,—брошюрку подъ названіемъ: „Послѣдній изъ Могиканъ“, въ которой я, приведя оригинальный типъ Г. Н., включила и его оригинальный по формѣ разсказъ о томъ первомъ впечатлѣніи, что произвела на него великая артистка, прося ее прислать мнѣ для него ея карточку съ собственноручною подписью. Отвѣтивъ очень милымъ письмомъ, она исполнила мою просьбу,—приложивъ при томъ другую карточку и для меня. Нечего говорить о той радости, что испыталъ старикъ, передъ которымъ возстало далекое, милое прошлое! Онъ собиралъ и хра-

нилъ у себя не только карточки и портреты всѣхъ, пѣвшихъ у насъ артистовъ итальянской оперы, но и всѣ афиши, всѣхъ безъ исключенія спектаклей, что составило,—какъ говорили,—порядочный багажъ, совсѣмъ заполнившій его маленькую, скромную квартирку. Случалось ему гащивать и у своихъ друзей-артистовъ за границей, изъ которыхъ наибольшей была Скальки. Сдружился онъ потомъ очень съ Уэтамомъ, котораго, въ порывѣ нѣжности, называлъ „Уэтамище"; такъ что, послѣ послѣдняго сезона у насъ казенной итальянской оперы, не желая оставаться на ея развалинахъ,—по приглашенію Уэтама, уѣхалъ съ нимъ „въ страну, гдѣ зрѣетъ апельсинъ", на его родину, въ Испанію. Но „Уэтамище" оказался не на высотѣ дружбы; и Г. Н. съ тѣмъ чувствомъ собственнаго достоинства, которое никогда его не оставляло,—несмотря на то, что ему сулили постоянное теплое мѣстечко „подъ небомъ голубымъ",—не перенесъ вспышекъ пылкаго испанца, главное не сдержавшагося въ какихъ то оскорбительныхъ, для патріотическаго сердца Г. Н. выраженіяхъ, почему Г. Н., уложивъ свой неприхотливый багажъ, оставилъ страну „кастаньетъ" и укатилъ въ страну балалаекъ! Но покончилъ онъ свою жизнь не на нашемъ туманномъ сѣверѣ, а въ родной Малороссіи, на рукахъ друга, появившагося экспромтомъ, но оказавшагося болѣе надежнымъ, чѣмъ заморскіе соловьи...

Я уже говорила о дружбѣ Г. Н. съ Шевченко, отъ котораго онъ,—болѣе бережно, чѣмъ всѣ фотографіи артистовъ и афиши,—хранилъ какую то попону, которую поэтъ употреблялъ при жизни и на которой скончался. Провѣдалъ о томъ, черезъ кого то,—одинъ, пріѣхавшій въ Петербургъ, богатый помѣщикъ, малороссъ Т., страстный поклонникъ Шевченко и загорѣлся желаніемъ познакомиться съ Г. Н. Сошлись два малоросса, два поклонника поэта, да оба такіе, какъ говориться „душа человѣкъ" и, въ концѣ перваго же вечера, уже были „на ты!". Смотритъ Т. съ благоговѣніемъ на попону; слеза даже прошибла!

— Продай!—говоритъ—мнѣ ее! Что хочешь спроси! А у него тамъ, на родинѣ, былъ цѣлый музей посвященный Шевченко.

— Нѣтъ,—говоритъ Г. Н.:—не продажная, а завѣтная!

И взялъ его самого Т. „завѣтомъ" съ собой, въ свое роскошное имѣніе.

Укатилъ теперь нашъ Г. Н. не въ страну „гдѣ зрѣетъ апельсинъ", а въ страну „галушекъ и борщà", и тамъ то, поживъ всласть,

на дружескихъ рукахъ, покончилъ „Amico della Patria“, свою не блестящую, но болѣе полную и интересную, хотя и оригинальную жизнь, чѣмъ жизнь многихъ коптителей неба и шлифовщиковъ тротуаровъ Невскаго проспекта и посѣтителей „буффовъ“ и „кафе-шантановъ“!

Мнѣ остается къ моей длинной рацеѣ объ итальянской операх и ея артистахъ, сказать нѣсколько словъ о послѣдующихъ спектакляхъ оперы частной, въ театрахъ: Панаевскомъ, Маломъ, Акваріумѣ и залѣ Консерваторіи, которые я иногда посѣщала и въ которыхъ изъ прежнихъ артистовъ пришлось встрѣтиться: съ Котони, Мазини, Ферни-Джермано, Зембрихъ; а изъ новыхъ, пальма первенства принадлежитъ милой артисткѣ Арнольдсонъ и тремъ звѣздамъ большой величины, баритонамъ: Кашманъ и Баттистини и тенору Таманьо.

Я уже раньше упомянула вскользь, по поводу роли Донъ-Жуана, о Кашманѣ, превосходномъ артистѣ, какъ въ пѣніи, такъ въ игрѣ, самымъ искусстнымъ штрихомъ набрасывавшимъ рисунокъ каждой, исполнявшейся имъ роли; особенно, кромѣ роли Донъ-Жуана, выказавшимъ свой талантъ въ роли Яго, въ Вердіевскомъ „Отелло“ и „Гамлетѣ“. Голосъ Баттистини болѣе плѣнялъ своею удивительною, при всей его силѣ,—бархатистостью тембра, чѣмъ голосъ Кашмана. Тоже прекрасный пѣвецъ и актеръ, онъ принадлежалъ къ артистамъ, становящимся украшеніемъ всякой сцены, тоже умно очерчивающимъ всякую, исполняемую имъ роль. Очень былъ интересенъ одинъ сезонъ, въ отвратительной по акустикѣ, залѣ Консерваторіи, когда пѣвшіе тамъ итальянцы исполнили нѣсколько русскихъ оперъ: „Русланъ и Людмила“, „Русалка“, „Онѣгинъ“ и „Демонъ“, и исполнили ихъ съ такимъ успѣхомъ, какой трудно было и ожидать отъ иностранцевъ! Арнольдсонъ была очаровательна въ роляхъ Тамары, Татьяны и Наташи, особенно въ двухъ послѣднихъ, въ которыхъ она создала совсѣмъ вѣрные, русскіе типы! Баттистини былъ превосходенъ, исполняя баритонныя партіи во всѣхъ четырехъ операхъ; также хорошъ въ пѣніи, какъ въ игрѣ, особенно въ роли Демона и Руслана, гдѣ партію Людмилы очень недурно пѣла Тетрацини. Не могу умолчать о Мазини, взявшимъ на себя небольшія роли: въ Демонѣ (князь Гудалъ) и стараго Финна, въ „Русланѣ“, исполнивъ ихъ, особенно послѣднюю, превосходно! Но умолчу лучше объ его „Ленскомъ“ въ Онѣгинѣ, не смотря на свой чудный голосъ, оказавшемся ужъ слишкомъ мало напоминавшемъ поэта-Ленскаго!.. Но

все же, имъ всѣмъ можно было поднести лавры за такое исполненіе чуждой имъ музыки, какихъ не заслуживаютъ многіе родные пѣвцы на Маріинской сценѣ!..

Кончая появленіемъ на сценѣ тоже Консерваторнаго театра тенора Таманьо, могучій голосъ и артистическое исполненіе котораго сразу просто ошеломили всѣхъ при его появленіи въ роли Вердіевскаго „Отелло"! Такимъ же поразительнымъ артистомъ явился онъ затѣмъ въ роли „Трубадура", потрясая стѣны залы своими могучими нотами; но гдѣ онъ восхитилъ меня окончательно, это въ роли „Пророка", гдѣ былъ неподражаемъ!

VI.

Возвращаюсь опять далеко назадъ, именно къ 1873 г., съ котораго началась моя самая усиленная дѣятельность; когда, кромѣ моихъ усиленныхъ занятій гравированіемъ, я заразъ выступила на поприще литературы и общественной благотворительности.

Литературная моя дѣятельность началась немного страннымъ образомъ; и въ этомъ мое гравированіе сыграло роль „оранжевыхъ тетрадочекъ" гранильной фабрики. Я уже говорила, упоминая о моемъ гравированіи, о той гравюрѣ „Сохи", что я представила на экзаменѣ по композиціи. Предполагавшееся было, въ мечтахъ Сѣрякова, изданіе стиховъ русскихъ поэтовъ, съ нашими иллюстраціями, не осуществилось, и наши работы остались у насъ на рукахъ. И вотъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ лежанія подъ спудомъ, именно въ апрѣлѣ 1873 г.—попавшаяся мнѣ на глаза доска съ гравюрой „Сохи" пораждаетъ въ моей головѣ мысль написать къ этому рисунку дѣтскій разсказъ и отнести его въ журналъ „Дѣтское чтеніе", редакторомъ котораго былъ тогда Алексѣй Ник. Острогорскій, воспитатель Пажескаго Корпуса, въ зданіи котораго и помѣщалась редакція. Разсказъ мой понравился, тотчасъ же былъ принятъ, съ просьбой стать сотрудницей журнала, что я и продолжала много лѣтъ, все время, пока журналъ существовалъ въ Петербургѣ, работая для него и перомъ и рѣзцомъ. Много я работала при слѣдующемъ редакторѣ журнала, Викторѣ Петровичѣ Острогорскомъ, извѣстномъ педагогѣ и писателѣ, прелестной личности, умницѣ, поэтѣ въ душѣ, съ тѣмъ полетомъ ввысь, что такъ характеризоровалъ идеалистовъ 40-хъ годовъ, иногда, можетъ быть, и не чувствовавшихъ почвы подъ ногами, но зато и не пачкавшихся той грязью, которую такъ любятъ размазывать совре-

менные реалисты! В. П. былъ еще изъ послѣднихъ могиканъ Тургеневской эпохи, обожавшій Пушкина и умилявшійся передъ идеалами Тургенева.

Любила я, бывало, съ нимъ поговорить о вопросахъ и не касавшихся редакціи; и залетали мы съ нимъ за облака, отрезвляясь отъ сѣрой сутолоки повседневной жизни... Радовало меня и то, что онъ былъ доволенъ моими вещицами; доволенъ былъ не только ихъ внутреннимъ содержаніемъ и стилемъ, но и наружнымъ видомъ, съ умиленіемъ повторяя, смотря на мои рукописи: „Какъ взглянешь на ваши рукописи, такъ сердце радуется!“ И не хвастаясь скажу, что во все время, что я съ нимъ работала, не было ни одной статьи, которую бы онъ не одобрилъ.

— Я вѣдь всегда,—говорилъ онъ,—эти рукописи читаю, собравъ вокругъ себя ребятишекъ. Какъ эти судьи заинтересуются,— такъ и рѣшено: посылай въ типографію!

Начавъ работать въ одномъ журналѣ, я попробовала въ другомъ, именно: въ „Семейныхъ вечерахъ“, издававшихся Кашперовой; и сразу была принята съ распростертыми объятіями. Кашперова была интересною женщиной; очень образованной, съ которой пріятно было поговорить о разныхъ вопросахъ „наводящихъ на размышленіе“. Немного саркастическая, очень энергичная, она ловко устраивала свои дѣла. Много работала для журнала она и сама, отлично владѣя языками и помѣщая туда свои переводы. Со мной она была всегда очень мила и исправна во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что я до конца сохранила съ ней хорошія отношенія, оставивъ самый журналъ только потому, что онъ принялъ направленіе, которому я не сочувствовала. Отдавшись по преимуществу дѣтской литературѣ, я все же захотѣла попробовать свои силы и въ литературѣ для взрослыхъ; и первымъ моимъ произведеніемъ въ этой области, былъ разсказъ „На скамьѣ подсудимыхъ“, написанный подъ впечатлѣніемъ одного, надѣлавшаго тогда большого шума, процесса, главные герои котораго были мнѣ извѣстны; а къ исторіи героини, я еще присоединила черты жизни другой знакомой мнѣ особы, жизни полной разныхъ драматическихъ эпизодовъ, годныхъ для цѣлаго романа... Эту вещь я рѣшила снести въ „Новое Время“, передавъ самому редактору, А. С. Суворину; и когда я, въ назначенный мнѣ имъ день, пришла къ нему за отвѣтомъ, онъ, объявивъ мнѣ, что вещь принята, добавилъ съ искреннимъ убѣжденіемъ:

— Знаете, эта вещь такъ живо написана, будто вы сами все пережили!

Статья была напечатана въ двухъ фельетонахъ, а пока я другой написанный мною разсказъ „Роковое" отнесла въ „С.-Петербургскія Вѣдомости", гдѣ онъ и былъ тотчасъ же напечатанъ; а за нимъ тамъ же былъ напечатанъ, въ двухъ фельетонахъ, разсказъ „Не расцвѣла". Много въ то время работая для „Дѣтскаго чтенія",—а притомъ и рисуя и гравируя—я только урывками могла писать для взрослыхъ, что мнѣ тоже было заманчиво; хотя я чувствовала, что послѣ такой литературы требовался интервалъ, чтобы снова встать на ту степень простоты, съ которой надо говорить дѣтямъ. Въ то же время, я знала и старалась о томъ, чтобы не говорить съ дѣтьми тѣмъ языкомъ, которымъ взрослые часто принуждаютъ говорить себя съ дѣтьми; неестественнымъ, какъ бы подлаживающимся къ ихъ пониманію, не думая о томъ, что дѣти страшно чутки и сразу видятъ ту неестественность, съ которой къ нимъ подъѣзжаютъ, думая, что этотъ фальшивый языкъ имъ понятнѣй!

Вмѣстѣ съ началомъ моей литературной дѣятельности, началась моя общественная, благотворительная, поступленіемъ въ члены,— сначала только „благотворителемъ", а вскорѣ и „попечителемъ"—въ „въ Общество вспоможенія бѣднымъ Спасо-Преображенскаго собора". Меня уже давно преслѣдовала мечта вносить, кое-какую свою личную лепту, не деньгами только, но и личнымъ трудомъ, на пользу обездоленнаго люда. Но какъ было взяться за дѣло? Куда толкнуться такъ, чтобы попасть именно кстати; не быть, или не прогнанной, или обманутой? Въ то время только что начали открываться такія общества при церквахъ, съ цѣлью подавать помощь бѣднымъ своего прихода, при чемъ были точно опредѣлены границы прихода со всѣми входящими въ нихъ улицами и переулками, въ домахъ которыхъ, въ подвалахъ и чердакахъ, гнѣздилась эта бѣднота. Просьбы о помощи подавались въ церковь прихода, откуда онѣ, разбираемыя на засѣданіи Совѣта общества, поступали къ членамъ-попечителямъ, которые и должны были навѣстить подавателей просьбъ, узнать объ ихъ нуждахъ, собрать о нихъ возможныя свѣдѣнія и на слѣдующемъ засѣданіи Совѣта все донести и сообща обсудить, какого рода можетъ быть назначена помощь и на сколько проситель ее заслужилъ. Раздача назначеннаго пособія или вообще результаты рѣшеній производились разъ въ мѣсяцъ въ церкви, куда и должны были явиться просители. Вертясь все въ одномъ и томъ же, хотя и обширномъ околоткѣ, все же легче было и собрать свѣдѣнія, и слѣдить за просителями,

имѣя истинно нуждающихся и достойныхъ помощи, постоянно въ виду, не бросаясь случайно, часто попадая въ обманъ. При томъ, я на себѣ испытала, что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такого упражненія, положительно дѣлается навыкъ и, какъ то чутьемъ, подъ конецъ, различаешь правду отъ лжи! А мнѣ пришлось изучать эти подвалы и чердаки въ продолженіи 32-хъ лѣтъ!

Тяжелое впечатлѣніе особенно въ началѣ, возбуждали во мнѣ эти сцены безотрадной нужды, при моихъ странствіяхъ по чердакамъ и подваламъ, что я, впослѣдствіи описала въ статьяхъ: „По чердакамъ и подваламъ" (въ журналѣ „Русская рѣчь") и—„Типы петербургскихъ бѣдняковъ",—въ „Русскомъ богатствѣ". Тутъ я во-очію увидѣла близко эту бѣдноту, описаніе которой въ сочиненіяхъ, какъ „Петербургскія трущобы" и другія,—считала преувеличенными. Увидѣла я тоже,—вопреки мнѣнію Л. Н. Толстого, въ его статьѣ „Перепись" о безполезности и даже вредѣ „пальятивной" помощи,—какъ важно иногда именно дать „перебиться". Сколькихъ намъ пришлось спасти отъ безвыходнаго положенія, именно этой возможностью дать „перебиться", чего иногда достигали, чуть не бездѣльной помощью! Особенно много всегда было просьбъ передъ Рождествомъ и Пасхой. Какихъ бывало сценъ не насмотришься; чего-чего не нанюхаешься, особенно къ веснѣ, когда снѣгъ начнетъ таять и потекутъ грязные, вонючіе ручейки, по ужаснымъ дворамъ внизъ, по обтертымъ ступенямъ, ведущимъ къ подвалу, лежащему ниже двора, до входа въ который нужно добраться почти ощупью, по темнымъ закоулкамъ. А что за воздухъ стоялъ въ этихъ полутемныхъ, освѣщенныхъ однимъ низкимъ окномъ, вровень съ дворомъ, и логовищахъ, съ ихъ „углами", гдѣ росли несчастныя дѣти, эти блѣдные, голодные заморыши; гдѣ догорали, искалѣченные нуждой, старухи и старики, среди сырости, не только зеленой мозаикой плѣсени покрывавшей стѣны, но выступавшей грязной водой, сквозь щели половъ, при болѣе сильномъ нажатіи ихъ ногой. А чердаки, съ ихъ прямыми, иногда деревянными, безъ перилъ, лѣстницами? Съ узкими ступеньками, покрытыми обледѣнѣлыми комками снѣга? Случалось мнѣ, взлѣзая на нихъ, придерживаться руками за слѣдующія ступени; а по этимъ лѣстницамъ ходили дряхлыя старухи, беременныя женщины и слабыя дѣти!.. Тяжело было видѣть все это, но сознаюсь: это давало высокое удовлетвореніе! Видѣть, какъ малымъ можно порадовать... Право, это иногда равнялось удовольствію заручиться узкой дощечкой въ проходѣ!..

И такъ у меня тогда шла самая кипучая жизнь! Гравюра и лѣпка; чердаки и подвалы; Ромео-Николини, разнообразная литература, то дѣтская, то драматичная и прогулки по Лѣтнему саду! Къ итальянской оперѣ присоединился абонементъ во французскій театръ. Труппа его въ то время была блестящая! Я застала еще на кончикѣ: Вольнисъ и Плесси, а затѣмъ: Делапортъ, Паска, Напталь-Арно, Лагранжъ-Белькуръ, Стелла-Коласъ. Изъ мужчинъ: Дюпюи, Вормсъ, Поль-Дево, Дьедоне, на смѣну которымъ позже явились: Рафаэль-Феликсъ, Мари Легò, Бриндо, Томасенъ и мужчины: Вальбель, Гитри, Ренаръ, Андріё, Итмансъ. Репертуаръ тоже былъ достоинъ артистовъ; давались серіозныя драмы и комедіи, и самые водевили были юмористичны и остры, безъ того пошлаго цинизма, вертящагося на адюльтерѣ и пошлой внѣшности, которые воцарились на сценѣ, изгнавъ все другое, болѣе высокое, казавшееся уже скучнымъ публикѣ, испортившей свой вкусъ на пошлыхъ фарсахъ!

Моя литература шла впередъ. Не помню теперь, по чьему совѣту отнесла я небольшой разсказъ въ толстый журналъ „Русская рѣчь", издававшійся Навроцкимъ. Понравившійся ему разсказъ, потянулъ за собой и другіе, хотя за неимѣніемъ времени, они были не часты, такъ что вызвали у редактора замѣчанія, что я даю ему „черезъ часъ по ложкѣ". Его просьбу написать ему романъ,—я такъ и не исполнила, боясь взять на себя непосильный трудъ. Я очень строго смотрѣла на романъ, въ которомъ, кромѣ того, что должна красной нитью быть проведена взятая идея, должны быть выдержаны всѣ характеры, ихъ отношенія другъ къ другу и причина ихъ появленія въ романѣ, чтобы вышла полная картина, а не пестрыя, случайно вмѣстѣ сложившіяся звѣздочки и треугольнички дѣтскаго калейдескопа! Я не чувствовала въ себѣ такой силы и потому довольствовалась небольшими разсказами и повѣстями. Я съ удовольствіемъ работала въ миломъ журналѣ Навроцкаго, встрѣтивъ въ немъ самомъ очень симпатичнаго, образованнаго человѣка и мнѣ было жаль, когда онъ, какъ я слышала, по домашнимъ обстоятельствамъ, прекратилъ его изданіе.

Но судьба, вслѣдъ затѣмъ, натолкнула меня на другого симпатичнаго издателя—редактора журнала „День" съ еженедѣльной газетой, И. В. Скворцова, которому очень нравились мои небольшіе разсказы. Онъ такъ цѣнилъ ихъ и довѣрялъ мнѣ, что, когда я, отдавъ ему вещицу, приходила за отвѣтомъ, онъ спокойно

отвѣчалъ мнѣ: „Да вѣдь я ваши вещи прочитываю въ корректурѣ!“.

Пріятно было работать и съ Л. Оболенскимъ, тогда редакторомъ журнала „Русское богатство“. Оболенскій былъ чисто-русскій человѣкъ, именно: „душа-человѣкъ“, который и руку-то пожималъ душевно, крѣпко, какъ пожимаютъ безхитростные люди. Много помѣщала переводовъ съ итальянскаго, какъ въ журналѣ „День“, такъ и въ „Пчелѣ“ и пр. Позже я начала писать въ „Русской старинѣ“ и „Наблюдателѣ“, гдѣ работала долго, пока журналъ не измѣнилъ своего направленія. Кое что помѣщала въ „Историческомъ вѣстникѣ“, „Русской мысли“ и „Вѣстникѣ Европы“.

Домашнюю жизнь я вела тогда очень уютную, въ семьѣ брата, тогда еще полковника и помощника редактора „Русскаго Инвалида“ и „Военнаго Сборника“ и его милой, доброй и многосторонне-образованной жены. Оба они нисколько не стѣсняли меня въ моихъ оперныхъ увлеченіяхъ и частыхъ, по ихъ причинѣ, отлучкахъ; ни вообще ни въ какихъ моихъ занятіяхъ, напротивъ ими интересуясь и поощряя, такъ какъ оба любили искусства; а братъ притомъ очень мило рисовалъ акварелью. Общество, посѣщавшее насъ въ наши, тогда еще не очень многочисленные „субботники“,— было очень интересное, преимущественно состоя изъ товарищей брата и ихъ семействъ, образованныхъ офицеровъ Генеральнаго Штаба; происходили интересные разговоры, музыканили. Болѣе дружескіе знакомые бывали запросто и въ другіе вечера, кромѣ „субботниковъ“; такъ очень часто приходилъ, для дружеской бесѣды съ братомъ, М. И. Драгоміровъ, который не только умѣлъ слово сказать, какъ рублемъ подарить, или врага разбить, — но умѣлъ восхищаться и Бетховеномъ и зналъ почти наизустъ всего Тургенева! Упомянувъ о послѣднемъ, разскажу какъ я поплатилась за свое самомнѣніе, проигравъ М. И. пари. Приходитъ разъ М. И. къ намъ вечеромъ, а я рисую для энтомологическаго общества какого-то внушительнаго жука, перомъ. Плѣнился М. И. жукомъ, расхваливаетъ. За чаемъ возникъ у меня съ нимъ споръ, по поводу одной фразы у Тургенева. Страстная поклонница Тургенева, я думала, что не ошибусь назвавъ ту повѣсть, въ которой ее можно было найти, тогда какъ М. И. назвалъ другую и стоялъ на своемъ.

— Ну, хорошо,—говоритъ,—давайте держать пари! Если проиграете, то нарисуйте мнѣ такого жука, а не то просите, что хотите!

Я, не колеблясь, обѣщала. Принесъ братъ изъ кабинета Тургенева... И пришлось мнѣ для Михаила Ивановича нарисовать жука!...

Хорошо намъ было и однимъ, безъ гостей. Всѣ занятые; окруженные еще хорошими книгами. Музыканили и дома. Вмѣстѣ иногда ѣздили и въ театръ; такъ, напримѣръ: въ итальянской оперѣ у моей belle soeur былъ абонементъ въ пятницу, и тогда туда мы ѣздили вмѣстѣ; а въ четвергъ, какъ у меня, такъ и у нихъ обоихъ былъ абонементъ во французскомъ театрѣ, и тогда мы отправлялись втроемъ. Много оживленія вносили въ нашу жизнь тоже дѣти моего умершаго, старшаго брата, которыхъ, также какъ и его вдову поддерживалъ теперь этотъ братъ, Александръ, очень заботясь объ этихъ дѣтяхъ, часто насъ и посѣщавшихъ и даже у насъ гостившихъ; очень привязанныхъ къ дядѣ, старавшагося развить въ нихъ всѣ тѣ хорошія благородныя чувства, которыми онъ самъ былъ такъ богато одаренъ отъ природы!

Лѣтомъ братъ имѣлъ два мѣсяца отпуска. Если мы отправлялись въ Крымъ, то для этого выбирались мѣсяцы близкіе къ осени, которая тамъ такъ хороша; а до отъѣзда, много катались по окрестностямъ, часто забирая съ собой дѣтей, изъ которыхъ меньшіе мальчикъ и дѣвочка, были еще не велики и отправлялись куда нибудь въ глушь; въ лѣсъ, на берегъ какой нибудь уединенной рѣченки, на мѣстѣ изучая естественную исторію, въ ботаникѣ и энтимологіи, изъ чего иногда пораждались и анекдоты, подобные тому, какъ одинъ изъ старшихъ мальчиковъ, былъ еще маленькимъ, не желая взять въ руки какого то жука, на укоризны дяди: „Такъ то любишь естественную исторію?“ — Отвѣчалъ, съ полнымъ убѣжденіемъ: я очень, дядя, люблю естественную исторію; но только ту, которая не кусается!

VII.

Въ іюлѣ 1875 г. мы втроемъ: братъ, его жена, Мальвина и я, поѣхали заграницу. Я ѣхала въ первый разъ и потому интересъ возрасталъ, особенно переѣхавъ границу.

Здѣсь мнѣ въ первый разъ пришлось окунуться въ европейскую культуру, сравнить нашего Щедринскаго „мальчика безъ штановъ“, съ европейскимъ „мальчикомъ въ штанахъ“; сразу, по переѣздѣ границу, представшаго передо мной и въ образѣ

чистыхъ, красныхъ кирпичныхъ домовъ, замѣнившихъ приземистыя избы, крытыя гнилой соломой; и въ видѣ, окружающихъ эти дома, деревьевъ, а не навозныхъ кучъ, съ роющимися въ нихъ свиньями, столь же грязными, какъ „мальчики безъ штановъ"; и въ аккуратности исполненія своихъ обязанностей, тѣмъ „священнодѣйствіемъ" во всемъ, что нами часто осмѣивается, но что гораздо удобнѣй для жизни, чѣмъ прирожденная намъ безшабашность!

Я, конечно, не буду подробно описывать всѣ тѣ мѣста, гдѣ мы побывали, и моихъ отъ нихъ впечатлѣній. Скажу только, что какъ этотъ разъ, такъ и всѣ послѣдующія наши заграничныя поѣздки, съ осмотрами всѣхъ достопримѣчательностей,—отличались замѣчательно толковымъ порядкомъ, благодаря предварительно намѣченному плану, инціаторомъ чего былъ братъ, съ его разнообразными, серіозными знаніями и смѣткой офицера Генеральнаго Штаба. Намѣтивъ какое нибудь путешествіе, они вдвоемъ съ женой, заранѣе составляли его подробный планъ, запасаясь картами, которыя братъ очень любилъ, также какъ и книгами, изъ которыхъ почерпались необходимыя свѣдѣнія. Пріѣхавъ въ какой нибудь городъ, братъ тотчасъ же шелъ и покупалъ его планъ, такъ что, выйдя изъ своего отеля, мы не метались напрасно по сторонамъ, а прямо шли къ намѣченной цѣли, что служило огромнымъ выигрышемъ времени. Въ этомъ и была тайна, удивлявшая многихъ, что мы въ два мѣсяца успѣвали просматривать, и просматривать толково, массу примѣчательнаго.

Берлинъ я не нашла симпатичнымъ; но Парижъ меня очаровалъ! Я была просто уничтожена, порабощена его красотой, хотя городъ тогда не совсѣмъ еще залѣчилъ прорухи временъ коммуны; даже Тюльери кое гдѣ былъ еще въ развалинахъ. Но содержался онъ замѣчательно чисто. Не буду, конечно, перечислять всѣ его достопримѣчательности, скажу только, что мы времени не теряли, осматривая и музеи и храмы, а вечера проводили въ лѣтнихъ cafées-concerts,—Champs Elysées, такъ какъ погода стояла дивная и манила въ зелень этого наряднаго сада, или подъ сѣнь Bois de Boulogne, Jardin des plantes, d'Acclimatation или посѣщали театры. Въ оперѣ,—этомъ раззолоченномъ театрѣ, вѣрнѣе чертогѣ, гдѣ всего изящнѣе былъ входъ и фойе, — такъ какъ на зрительную залу очень ужъ много потратили золота,—мы слушали „Жидовку", исполненную только старательно... Но театръ „Comedie Française" поразилъ насъ, какъ удивительнымъ ансамблемъ, такъ

и тѣми талантливыми артистами, что на немъ тогда подвизались! Sarah Bernhardt, Croisette, Mounet Sully, Laroche, Maubant, Tirond, Worms, Coquelin и пр. Первымъ спектаклемъ, который мы тамъ видѣли, была историческая драма, съ патріотическимъ оттѣнкомъ, изъ временъ Charlemagne — „La fille de Roland", съ Sarah Bernhardt и Mounet Sully, въ главныхъ роляхъ, исполненная ими чисто-классически, съ неподражаемымъ умѣньемъ „носить костюмы", что такъ рѣдко кому доступно! Также превосходно давали они „Ernani" и въ противоположность такимъ „картиннымъ" вещамъ,—были просты въ комедіяхъ, какъ напр. „L'Etrangère" съ Mounet-Sully, Coquelin, Sarah Bernhardt и Croisette!

Насладившись Парижемъ, а также и кое какими изъ его окрестностей, побывавъ и въ Версалѣ... но упомянувъ о Версалѣ, я вспомнила замѣчаніе одного извозчика, такого-же политикана, какъ большинство изъ нихъ, начинающаго день чтеніемъ „Petit Journal". Въ то время президентъ (Макъ-Магонъ) жилъ въ Версалѣ, чему былъ недоволенъ народъ, еще не отрѣшившійся отъ монархической помпы, которую не могла замѣнить скромная республика. И вотъ въ разговорѣ съ нами, нашъ политиканъ-извозчикъ произнесъ немного презрительнымъ голосомъ: „Nous n'avons pas le Gouvernement de Paris; nous avons le Gouvernement de Versailles Впрочемъ, онъ же заведя разговоръ о Сарѣ Бернаръ, ея талантѣ, но и объ ея неимовѣрной расточительности, замѣтилъ:—Jadors cette femme, mais je suis persuadé, qu'elle mourra sur la paille!"

И такъ насладившись Парижемъ, который я уже покидала съ болью въ сердцѣ, мы поѣхали освѣжиться въ горную природу, въ Швейцарію, прямо въ Люцернъ. Теперь, вмѣсто каменныхъ громадъ въ 7 этажей, передъ нами высились громады Альпъ, съ снѣжными вершинами и серебряными нитями водопадовъ. Надъ темной гладью озера 4-хъ кантоновъ высятся мощные великаны Риги и Пилатъ. Тогда уже былъ проложенъ путь зубчатой дороги на Риги, откуда открывался такой широкій видъ. Позднѣе, такой же путь дерзко поднялся и, на казавшагося неприступнымъ, Пилата. Послѣ Люцерна мы посѣтили уютный Бріенцъ, направляясь къ прелестному водопаду Гисбахъ. Посѣтили и нарядный Интерлакенъ, увѣнчанный бѣлоснѣжной вершиной дѣвственной Юнгфрау. Чудное впечатлѣніе производитъ она при розовомъ закатѣ, что нѣжно-стыдливомъ румянцемъ пробѣгаетъ по ея дѣвственной бѣлизнѣ. Она дышитъ радостью жизни, эта

юная дѣва; но вотъ, закатъ догораетъ, гаснетъ румянецъ... холодныя, зеленоватыя тѣни смѣняютъ окраску трепещущей жизни и передъ вами холодный трупъ этой дѣвственности,—не знаю почему, живо напомнившій мнѣ, когда-то, академическую картину Рѣпина: „Дочь Іаира"...

А вотъ и вѣчные ледники Грюнденвальда, съ ихъ пронизывающимъ холоднымъ дыханіемъ н несокрушимой громадой, въ сравненіи съ которой кажутся такими ничтожными муравьями ползущіе по ихъ тропинкамъ,—люди, эти „цари природы", вѣчно съ ней борющіеся, стремясь ее укротить и поработить, но никогда этого вполнѣ не достигающіе и изъ побѣдителей являющіеся побѣжденными...

Направляясь къ Италіи, мы, выѣхавъ изъ Люцерна, по озеру 4-хъ кантоновъ, доѣхали до Флюэлена и стали подниматься на С. Готардъ, въ которомъ тогда еще не былъ прорытъ тунель и поэтому предстояло черезъ него перевалить. Хотя это и брало тогда около двухъ дней съ ночевкой, что составляло громадную разницу съ тѣми 15-и минутами, что теперь пролетаютъ черезъ тунель,—но представляло тоже громадную разницу удовольствія разнообразіемъ интереснаго пути, съ полетомъ въ чадномъ воздухѣ и тяжеломъ полумракѣ тунеля! Мы помѣстились въ омнибусъ, запряженный 4-кой лошадей, дружно шагавшихъ надъ пропастями „Чортова моста", среди дикой мѣстности, становившейся все болѣе суровой, со скудной зеленью и голыми скалами. На ночь остановились въ мѣстечкѣ Андерматъ, на довольно большой высотѣ, плотно укрывшись перинами въ мрачной, непривѣтливой комнатѣ гостиницы; а на утро стали подниматься еще выше, теперь окруженными только сѣрыми камнями, съ сѣдымъ мохомъ и лишаями. Вотъ и вершина, съ пріютомъ для заблудившихся путниковъ и ихъ часто спасителями—огромными, лохматыми собаками; съ небольшимъ озеромъ, покрытымъ у береговъ, снѣгомъ.

Затѣмъ предстоялъ спускъ въ долину Тиччино, съ дорогой, проложенной безконечнымъ числомъ зигзаговъ. Теперь, вмѣсто 4-хъ, предстояло спускаться на двухъ лошадяхъ, летѣвшихъ стрѣлой; такъ круто поворачивая у каждаго заворота, что вамъ казалось, что вы, вмѣсто того, чтобы повернуть, должны неминуемо, вмѣстѣ съ лошадьми и экипажемъ,—слетѣть внизъ, въ эту неизмѣримую глубину, гдѣ, среди цѣлаго хаоса спутанной зелени, бѣшено мчится и грозно реветъ бурная Тиччино. А воздухъ становится

все мягче, теплѣй, зелень все роскошнѣй и все ярче, голубѣй итальянское небо... Еще нѣсколько поворотовъ,—тѣнистыя перголы, обвитые виноградной зеленью, съ пышными кистями плодовъ, — черноглазыя итальянки и чумазые ребятишки, горячее солнце и томная лѣнь... Мы въ Италіи!...

Черезъ Біаски и Локарно, мы направились къ озерамъ, начавъ съ озера Маджіоре (Lago Maggiore), остановившись въ Стрезѣ, какъ разъ противъ прелестныхъ „Баромейскихъ" острововъ: Isola bella, Isoll Madre и Isoll Pescatori. А затѣмъ къ самому красивому, по его берегамъ съ роскошными виллами, тонущими въ зелени садовъ, — озеру Комо (Lago di Como), и бросили якорь въ миломъ мѣстечкѣ Белладжіо (Bellagio), съ рощами цвѣтущихъ олеандровъ и чудеснымъ паркомъ serbeloni. Нашъ отель стоялъ совсѣмъ подъ водой, тихія струйки которой набѣгали на старыя стѣны, покрытые ползучей зеленью. Стоишь, бывало, на широкой террасѣ, любуясь золотымъ закатомъ. Вотъ и скрылось солнце, за холмами того берега. Легкій сумракъ набѣгаетъ на розоватую гладь озера, захвативъ зеленую чащу побережныхъ садовъ. Мимо тихо скользитъ лодка. Поравнялись съ террасой. Подъ акомпанементъ какой-то гармоники, съ дребезжащимъ стекляннымъ звукомъ, не лишеннымъ своеобразной прелести, нѣсколькно стройныхъ голосовъ затянуло: „Santa Lucia...„ Лодка двинулась дальше; пѣсня затихаетъ, будто сливаясь съ лиловатой далью. Стихнулъ и шопотъ струй. Одна ползучая роза тянется вверхъ по рѣшеткѣ террасы и скромно благоухаетъ...

Мы ѣдемъ дальше. Вотъ Миланъ, съ его соборомъ, сотканнымъ изъ кружевъ бѣлаго мрамора; чудный во всѣхъ, самыхъ мелкихъ деталяхъ и уродливый своей приземистой фигурой—въ общемъ Миланъ, отъ памятниковъ древности сохранившій только арку, развалившагося храма Св. Амвросія Медіоланскаго, а отъ среднихъ вѣковъ—чудесную „Тайную Вечерю"—Леонарда да Винчи, все болѣе съѣдаемую известкой стѣны, на которой написанъ этотъ чудный фрескъ всесторонняго генія.

Далѣе передъ нами поднялась изъ морскихъ водъ „Морская Царица"—Венеція: „La bella",—оригинальная до такой степени, что вамъ, сначала очарованнымъ ея своеобразной поэзіей, уносящей въ какой то совсѣмъ чуждый міръ, подъ конецъ становится неуютно и даже какъ то жутко въ этомъ слишкомъ своеобразномъ мірѣ безжизненной тишины; съ безчисленными каналами, по которымъ безшумно скользятъ черныя гондолы, мимо

такихъ же черныхъ, мрачныхъ дворцовъ, остатковъ прежняго величія. Съ громадной площадью S. Marco, этой—по словамъ Наполеона I,—„самой роскошной въ мірѣ залой“; на которую выходитъ старый соборъ, этотъ, въ своемъ родѣ, „Св. Василій Блаженный“, съ древними наружными фресками и тройкой лошадей на фронтонѣ, единственной,—во время оно,—представительницей благородныхъ животныхъ въ городѣ, замѣнявшемъ всѣ экипажи гондолами; съ кампаниллой, по винтовой дорогѣ которой, замѣнявшей ступени лѣстницы, кажется чуть ли не Наполеонъ въѣхалъ на вершину верхомъ на лошади. Кампанилла, такъ небрежно хранимая, что въ одинъ день, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, она рухнула, теперь уже замѣненная другой, ничего не говорящей археологамъ! На эту же площадь S. Marco выходитъ и громадное зданіе дворца Дожей, съ роскошными залами, на стѣнахъ которыхъ главное царитъ Павелъ Веронезъ; и съ ужасными тюрьмами внизу, къ которымъ нужно пройти черезъ залы варварскихъ судилищъ „Совѣта десяти“ и затѣмъ „Совѣта трехъ“, откуда былъ одинъ выходъ—трупомъ, изъ черныхъ дверей на таинственныя лодки узкаго канала... А дополненіемъ къ роскошному дворцу Дожей, служили раскаленныя крыши прохода „Ponte dei sospiri“, воспѣтаго, страдавшимъ подъ ними—Сильвіо Пеллико, и грандіозная лѣстница, на верху которой, свалилась съ плечъ, благородная голова стараго Марино Фальери... Ужасныя страницы блестящихъ искусствомъ вѣковъ!

А вотъ и городъ цвѣтовъ, милая, симпатичная Флоренція, съ эпиграфомъ: „Italia é il giardino d'Europa, Firenze é il giardino d'Italia“ (Италія садъ Европы, Флоренція—садъ Италіи); окруженная зелеными холмами, съ мягкой сѣдоватой окраской оливковыхъ рощъ, напоминающихъ пейзажи Перуджино, съ его наивными мадоннами. Уютно раскинулась она въ долинѣ, съ ея вѣковыми куполами и башнями, между которыми, такъ характерно царитъ зубчатая башня „Palazzo Vecchio“. Съ ея чудными храмами и чудными музеями, въ которыхъ вы болѣе, чѣмъ гдѣ либо, даже въ Римѣ, познакомитесь съ исторіей всей школы итальянской живописи, начиная съ такихъ представителей, какъ Чимабуэ, Джіотто, Ботичелли, Гирляндай, Перуждино и пр. въ безконечныхъ залахъ музея Уффици и Академіи Художествъ и божественнаго Беато Анджелико, въ кельяхъ монастыря Св. Марко, съ каѳедры котораго, когда то громилъ извращенныхъ патриціевъ, пламенный Саванарола! Что за красота въ этихъ полотнахъ, укра-

шающихъ каждую, крошечную келью монастыря, на которыхъ скромный монахъ писалъ картины жизни смиреннаго Агнца, пришедшаго спасти: „во злѣ лежащій міръ“; писалъ не кистью, а умиленной душою, всецѣло преданный смиренному въ своемъ величіи Христу, разводя свои краски слезами покаянія и безконечной любви! А далѣе геніи позднѣйшаго времени, съ лучезарнымъ, хотя порою и изнѣженнымъ, Рафаэлемъ Санціо во главѣ; съ его прелестными земной красотой,—сродной Фарнаринѣ,—мадоннами, царящими въ залахъ Уффици и Питти. Коснувшись скульптуры, скажу, что Римъ въ этомъ превосходитъ Флоренцію; и даже, пресловутая Венера Медицейская, красующаяся въ залѣ „Трибуны“ въ музеѣ Уффици, не пользуется моимъ особеннымъ поклоненіемъ, и я въ томъ же музеѣ отдаю пальму первенства чудной группѣ „Ніобеи съ ея дѣтьми“, занимающей особую залу и поражающею своею жизненностью.

Хороша скульптура въ галлереѣ дворика „Національнаго музея“ (Барджело или Подеста), съ вещами Микель-Анджело и Донателло. Послѣднему, кромѣ того, тутъ отведена особая зала. Дивно хорошъ и самый этотъ внутренній дворикъ, цѣликомъ переносящій васъ въ средніе вѣка, временъ Медичисовъ; даже немного возмущаешься, когда по этой грандіозной лѣстницѣ, межъ стѣнъ, украшенныхъ старинными гербами,—спускаются: барыни въ обтянутыхъ платьяхъ и безобразныхъ шляпахъ современной моды и мужчины въ котелкахъ и пиджакахъ, а не люди въ средневѣковыхъ, болѣе идущихъ къ обстановкѣ, костюмахъ! Кромѣ всего другого, въ музеѣ интересны серамики Андреа и Луккаделла Роббіа, и старинные гобелены.

Нельзя пройти молчаніемъ капеллу „Медичисовъ“, съ знаменитыми произведеніями Микель-Анджело: „День и ночь“, и удивительной фигурой „Pensieroso“. Нельзя не остановиться на площади „Signoria“, цѣликомъ переносящей васъ въ средніе вѣка; съ этимъ несравненнымъ зданіемъ „Palazzo Vecchio“ (Веккіо) и его поэтическимъ дворикомъ. А подлѣ—чудная аркада „Loggia di Lanza“, съ чудесными группами рѣзца Іоанна Болонскаго и единственной,—въ натуральную величину—работой Бенвенуто Челлини „Персея“. А что за храмы, полные замѣчательными произведеніями искусства? „Santa Croce“, — этотъ Пантеонъ, съ превосходными гробницами великихъ геніевъ Италіи, „Santa Maria Novella“—въ грандіозномъ готическомъ стилѣ, „Santissima Annunziata“, „Santo Spirito“ и множество другихъ, кончая стариннымъ,

XII столѣтія, „San Miniato“, на вершинѣ холма, гдѣ раскинуто и самое роскошное, по памятникамъ, кладбище, къ которому поднимаются отъ пьяцца Микель-Анджело, посреди которой красуется его бронзовый „Давидъ“. Отсюда открывается чудный видъ на Флоренцію, съ красиво-извивающейся, въ долинѣ, Арно и холмами, на которыхъ, среди пышной зелени, раскинуты виллы и монастыри. Отъ этой площадки идетъ прекрасная прогулка „по холмамъ“—„Viali dei Colli“, съ аллеями, засаженными бѣлой акаціей и платанами; съ чудесными видами, при каждомъ изгибѣ дороги. Вообще Флоренція богата близкими, красивыми окрестностями и прогулками. Особенно хороши виды съ вершины холма Фьезоле, милаго мѣстечка, съ древней ареной и монастыремъ Св. Франциска, и съ террасъ монастыря Чертозы, съ его богато-украшенными капеллами.

Въ первое мое знакомство съ Италіей, когда мы объѣхали почти всѣ наиболѣе замѣчательные города ея (хотя въ Италіи каждый, даже маленькій городокъ, представляетъ, что-либо замѣчательное въ смыслѣ искусства)—моя наибольшая симпатія осталась за Флоренціей; а позднѣе, при моемъ болѣе близкомъ знакомствѣ съ ней, симпатія увеличилась, и я положительно привязалась къ этому милому, уютному городу.

Проводя параллель между Флоренціей и Римомъ,—не беря теперь только мое первое впечатлѣніе, но и дальнѣйшія, при моемъ настоящемъ уже многолѣтнемъ знакомствѣ съ обоими городами, — скажу, что, подъѣзжая къ Флоренціи, я умиляюсь; подъѣзжая къ Риму — чувствую, невыразимый словами, подъемъ духа! Я чуть не во-очію ощущаю надъ собой полетъ его вѣковой исторіи; этого безчисленнаго легіона великаго народа, со всѣми его грѣхами и со всѣмъ его величіемъ, создавшемъ безсмертное искусство, сказавшее послѣднее слово; владѣвшаго міромъ и оставившаго міру столько безсмертныхъ памятниковъ, привлекающихъ и доселѣ міръ въ этотъ городъ, прозванный „Вѣчнымъ“!

Чтобы покончить мою параллель между Флоренціей и Римомъ, скажу, что Флоренція „цѣльнѣе“ Рима. Она всецѣло принадлежитъ среднимъ вѣкамъ, времени „Медичисовъ“; въ ней вы не только вездѣ встрѣчаете дворцы и дома того времени, но и новые дома строются, бо̀льшею частію, въ томъ же стилѣ и все болѣе сливаются въ одну гармонію, въ одно цѣлое. Въ Римѣ рѣзко отличаются „три Рима“: Римъ Цезарей, этотъ окаменѣлый Римъ, съ его окаменѣлой—великой, хотя и полной грѣха и жестокости,—исторіей.

Римъ папскій въ его безчисленныхъ храмахъ, большинство изъ которыхъ построено изъ мраморовъ, ободранныхъ съ Колизея, этого гигантскаго храма, освященнаго кровью первыхъ христіанскихъ мучениковъ, на тѣлахъ которыхъ создалась первая церковь смиреннаго Агнца, церковь любви и прощенія... Та церковь, которая—увы, позднѣе, какъ ободранный Колизей,—то искалѣченная, обративъ любовь и прощеніе въ ненависть и борьбу, въ которой, прикрываясь именемъ Христа,—сводились личные счеты!.. И наконецъ, Римъ современный, новый, безличный; съ его семиэтажными, казарменными домами и современнымъ безвкусіемъ, такъ рѣзко выразившимся въ такихъ колоссальныхъ, по размѣру и безвкусію, постройкахъ, какъ Palazzo Giustizia и памятникъ первому королю объединенной Италіи—Виктору Эмануилу II, этой громадѣ безъ всякаго стиля, для котораго безжалостно ломали и портили старыя, болѣе достойныя сохраненія зданія!

Начавъ съ конца, т.-е. съ новаго, безличнаго Рима, перейду къ Риму средневѣковому, папскому и, какъ и подобаетъ начну съ Ватикана, этой громадины, вмѣщающей въ себѣ столько искусства, во всѣхъ его проявленіяхъ, и столько грѣха въ исторіи его владыкъ! Опять-таки, конечно, только вскользь, упомяну о томъ, что въ музеяхъ Ватикана главную роль играетъ скульптура, въ превосходныхъ и многочисленныхъ образцахъ, съ пресловутыми, во главѣ: „Лаокоономъ", Аполлономъ Бельведерскимъ и пр. Живопись представляется въ несравненно меньшемъ количествѣ и качествѣ, чѣмъ въ большихъ музеяхъ Флоренціи, и только недавно приведена въ хронологическомъ порядкѣ въ ея Пинакотекѣ, съ превосходнымъ полотномъ Доменикино „Причащеніе Іеронима" и „Преображеніемъ" Рафаэля, этой сухой, академической картиной, гдѣ вы не видите ни одного „живого" человѣка, а только академическаго натурщика! Той же академической сухостью полны и „Станцы" и „Лоджіи"—Рафаэля, этой сухостью замѣняя ту силу, которой не хватало у граціознаго соперника гиганта Микель-Анджело; и всѣ онѣ заслуживаютъ больше моего уваженія, чѣмъ восхищенія.

Упомянувъ о Микель-Анджело, нельзя не остановиться на его „Страшномъ судѣ" и прочихъ удивительныхъ фрескахъ „Сикстинской капеллы", въ которыхъ выразилась вся гигантская сила этого колосса, передъ которымъ,—какъ говорили: „дрожалъ мраморъ", когда онъ приближался къ нему со своимъ молоткомъ; но въ живописи онъ былъ гигантомъ именно только въ такихъ

колоссальныхъ по замыслу вещахъ, какъ „Страшный Судъ“, но который, при всемъ своемъ геніи, становился грубымъ, разъ его кисть касалась чего-либо, требовавшаго граціи, мягкости и особенно святости, — создавая неимовѣрно вульгарныхъ мадоннъ, въ противоположность уже слишкомъ изнѣженнымъ мадоннамъ Рафаэля. При имени Микель-Анджело, тотчасъ же возстаетъ передъ вами другое его, не менѣе геніальное, какъ „Страшный Судъ“, тоже находящееся въ Римѣ, произведеніе въ мраморѣ: его „Моисей“, это чудо анатоміи, каждый мускулъ и нервъ котораго дышитъ жизнію; этотъ удивительный надгробный памятникъ Папы Юлія II въ старинномъ храмѣ Св. Петра въ цѣпяхъ (S. Pietro in Vincoli), названнаго такъ потому, что тамъ хранятся цѣпи, которыми апостолъ Петръ былъ закованъ въ темницѣ.

Какъ я уже говорила, Римъ особенно отличается скульптурой. Заглянувъ въ лучшій по живописи музей Капитолія, гдѣ всего болѣе царитъ Гвидо Рени, вы, кромѣ многихъ хорошихъ произведеній древней скульптуры, встрѣтите дивную „Венеру Капитолійскую“, мраморное тѣло которой, кажется дышитъ, и кровь переливается въ граціозномъ тѣлѣ, а каждая линія полна невыразимой красоты и чистоты. Залюбуетесь и чудеснымъ умирающимъ „Гладіаторамъ“. А сколько стройной красоты встрѣтите вы среди произведеній „Національнаго музея“, въ термахъ Діоклетіана; а тоже въ языческомъ отдѣлѣ музея „Латеранскаго“, гдѣ одинъ „Софоклъ“ представляетъ такое совершенство, передъ которымъ можно только преклониться, какъ передъ божествомъ!

Я отклонилась отъ Рима папскаго, поневолѣ коснувшись древнихъ созданій, но исчислить всѣ христіанскіе храмы Рима, съ ихъ произведеніями въ живописи и мраморѣ, съ мозаиками и другими украшеніями, въ колонахъ, плафонахъ и алтаряхъ, съ тѣми святынями, что хранятся въ нѣкоторыхъ изъ нихъ,—составило бы цѣлый, годный для гидовъ, томъ. Въ мои теперь уже многочисленныя посѣщенія Рима, я ознакомилась почти со всѣми изъ нихъ. Я взбиралась на колѣняхъ и на „Святую лѣстницу (Scala Santa), составленную изъ 28 мраморныхъ ступеней, привезенныхъ изъ Іерусалима, по преданію, составлявшихъ лѣстницу, по которой Христосъ сходилъ ко дворцу Пилата, на судилище. Лѣстница упирается въ престолъ, подъ которымъ хранятся, найденныя въ катакомбахъ Колизея, кости мучениковъ. Спускаются, конечно, уже на ногахъ, по двумъ боковымъ лѣстницамъ.

Была я и въ домѣ Алексѣя Божьяго человѣка, гдѣ онъ умеръ

неузнанный отцомъ, подъ лѣстницей, гдѣ нынѣ и находится храмъ. Была и въ домѣ патриціанки Пуденціаны, гдѣ еще сохраняется престолъ, на которомъ Св. Петръ тайно, въ бытность свою въ Римѣ, совершалъ литургію, и во многихъ другихъ.

Заканчивая храмомъ Св. Петра, куполъ котораго царитъ надъ Римомъ, особенно внушительно рисуясь на золотистомъ закатѣ,— при чемъ скажу, что я нигдѣ не видала такихъ удивительныхъ закатовъ, какъ въ Римѣ! Въ первый разъ Св. Петръ поразилъ меня до отупѣнія. Войдя въ него и остановясь у среднихъ дверей, я такъ и застыла передъ этой безконечной, казалось, и въ даль и въ ширь,—громадой, причемъ я не чувствовала ни молитвеннаго экстаза, ни желанія созерцать его художественныя красоты, не видя въ немъ ни храма, ни музея, а что-то и чарующее и поразительное, отчего становилось жутко! Въ послѣдніе мои пріѣзды въ Римъ, съ бóльшимъ знакомствомъ съ храмомъ Св. Петра, я нашла его только выставкой чудныхъ мраморовъ въ изысканныхъ образцахъ великолѣпныхъ гробницъ папъ, хотѣвшихъ царить въ немъ и послѣ смерти и сдѣлавшихъ изъ храма свой фамильный склепъ!

Теперь въ Св. Петрѣ я больше люблю его наружность, съ этой чудной колоннадой и его площадь, съ обелискомъ и фонтанами. Я видѣла эту площадь въ одинъ чудный моментъ, когда вышла я изъ храма на его высокую лѣстницу, послѣ вечерней службы, $^5/_{18}$ апрѣля 1909 г. въ день причисленія къ лику блаженныхъ, моей исторической любимицы, скромной дѣвственницы Іоанны д'Аркъ. Сама церемонія этого знаменательнаго дня, состоящая изъ двухъ службъ—утренней и вечерней, — была въ высшей степени торжественна и трогательна! Я имѣла мѣсто въ одной изъ ложъ собора, на обѣ службы и могла превосходно видѣть всю церемонію, какъ утреннюю, съ длинной процессіей духовенства, когда и состоялось это причисленіе,—такъ и вечернюю, съ интересной свитой, — въ средневѣковыхъ костюмахъ, свиты папы, высоко, на золотомъ креслѣ несомаго его стражей, — пришедшаго помолиться новопричисленной блаженной, и смиренно, со своего золотого сѣдалища, въ своей скромной бѣлой одеждѣ, склонившаго колѣни передъ алтаремъ, надъ которымъ парила чудесная дѣвственница, со знаменемъ въ рукѣ! Не описывая подробно всей церемоніи, остановлюсь на томъ потрясающемъ, незабвенномъ моментѣ въ утренней службѣ, которой еще предшествовали праздничные гимны толпами отовсюду пришедшихъ пилигримовъ,—когда, по прочтеніи

папской буллы, при ярко-вспыхнувшемъ блескѣ лучей, окружавшихъ закрытый образъ надъ главнымъ алтаремъ, — полотно съ него спало, открывъ чудную фигуру дѣвственницы, вся масса, сидѣвшихъ по сторонамъ алтаря, духовенства, преклонила колѣна, раздалось чудное пѣніе всѣхъ хоровъ, вмѣстѣ съ знаменитыми папскими пѣвчими, сопровождаемое звуками органовъ и торжественно загудѣлъ главный колоколъ Св. Петра, разливаясь могучей волной надъ „Вѣчнымъ городомъ“! И вотъ, когда я, послѣ вечерней службы вышла изъ собора, разстилавшаяся передъ нимъ громадная площадь вся была залита народомъ, которому не мѣшали, непускавшіеся въ то время на нее экипажи, и облитая мягкимъ свѣтомъ предзакатнаго солнца, сверкавшаго искрами по пышнымъ струямъ гигантскихъ фонтановъ, представляла такое своеобразное зрѣлище, что я долго не могла оторвать глазъ отъ этой пестрой картины! Въ соборѣ тотъ день было 40,000 человѣкъ—30,000 пилигримовъ прибыло изъ Франціи, и французы этотъ разъ были хозяевами; итальянцы немного будировали, такъ какъ это была не ихъ національная святая и не вполнѣ наполнили соборъ, вмѣщающій 60,000.

Переходъ къ Риму античному довольно труденъ, такъ какъ его памятники перемѣшаны съ памятниками средневѣковыми, памятниками Рима папскаго. Грандіозно-живописныя развалины термъ Діоклетіана вмѣщаютъ Національный музей. Языческій храмъ Пантеона, съ его характернымъ круглымъ отверстіемъ въ куполѣ, совершенно потерялъ свой первобытный художественный стиль, въ сооруженныхъ внутри алтаряхъ (подлѣ одного изъ которыхъ покоится прахъ Рафаэля Санціо), и сохранивъ свою первобытную красоту только наружно. То же представляетъ и прежній храмъ Весты, съ ея чудной колоннадой, и другіе языческіе храмы превращенные въ христіанскіе. Вотъ въ рамкѣ изъ домовъ самаго вульгарнаго типа лежитъ, ниже уровня мостовой „Форумъ Траяна“, съ уцѣлѣвшей колонной въ честь императора и рядомъ вѣковыхъ обломковъ. Далѣе высится массивный „Мавзолей Адріана“, нынѣ зàмокъ Св. Ангела,—статуя Ангела котораго, замѣнившая статую Адріана,—была свидѣтельницей столькихъ кровавыхъ дѣлъ, творившихся въ этой христіанской темницѣ! Вотъ, одинъ изъ древнѣйшихъ христіанскихъ храмовъ, у самаго форума—Свв. Косьмы и Даміана, съ ихъ погребенными внизу тѣлами, — передѣланный изъ языческаго храма Ромула. Вотъ тамъ, на Аппіевой дорогѣ, съ рядомъ древнихъ гробницъ, небольшой христіанскій храмъ „Quo

vadis, Domine?“ построенный на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Св. Петръ, убѣгая изъ Рима, встрѣтилъ Христа и, устыдясь своей слабости, вернулся, чтобы принять мученическую смерть. Далѣе катакомбы, эти ужасныя подземелья, гдѣ первые христіане скрывали свою новую вѣру и откуда часто выходили на мученія и смерть, на арену громаднаго „Амфитеатра Флавія“ или „Колизея“. Чтобы окинуть однимъ взоромъ драгоцѣнные памятники древняго Рима, нужно взойти на Палатинъ, предварительно обойдя всѣ подземныя и открытыя части его дворцовъ, храмовъ, площадей и улицъ. Нѣкоторые изъ домовъ еще красуются стѣнными фресками, очень хорошо сохранившимися. Сохранились кое-гдѣ и мраморныя мозаики половъ и чудесныя капители колоннъ, жертвенниковъ и арокъ. Съ широкой террасы палатинскихъ садовъ открывался видъ и на форумъ (Forum romanum), громадная площадь котораго съ его колоннадами, сѣдалищами, жертвенниками и храмами—большинство которыхъ позже преобразились въ христіанскіе. Влѣво надъ форумомъ возвышалась, теперь застроенная зданіями, гора Капитолійская. Въ древности на вершинѣ ея находился храмъ Юпитера Капитолійскаго, превращенный потомъ въ церковь „Maria Ara Coelé“.

Римъ Цезарей и Папъ... Римъ языческій и христіанскій... Гордый, попранный, поваленный въ прахъ „Вѣчный Римъ...“ Вѣчный своею красотою даже въ развалинахъ... Но, и въ этихъ развалинахъ онъ не казался мнѣ мертвымъ; онъ все еще жилъ; только крѣпко призадумался, и казалось, временами велъ тихую бесѣду о прошломъ; о томъ времени, когда люди поклонялись красотѣ, какъ божеству, когда еще не умеръ „Великій Панъ“, задушенный суровымъ аскетизмомъ перваго христіанства... Древній Римъ, Римъ языческій, вступалъ въ споръ съ Римомъ папскимъ, христіанскимъ — и побѣждалъ! Среди чарующей природы, передъ вами встаютъ памятники ея геніевъ, встаетъ неувядаемый культъ красоты. Передъ вами, какъ въ туманныхъ картинахъ, проходитъ вся великая исторія ея великаго когда-то народа; народа создавшаго красоту и поклонявшагося ей, какъ божеству! А вправо, возвышался Колизей, этотъ гигантъ, омытый кровью первыхъ мучениковъ... Заря христіанства; геройская смерть за идею... Въ вашемъ воображеніи, эти искалѣченныя теперь стѣны, покрывались пурпуромъ и золотомъ... Несмѣтная толпа населяла эти поломанныя вѣками сѣдалища... Блестящая свита окружаетъ ложу императора... Вы видите бѣлыя мантіи весталокъ, вершительницъ жизни

или смерти... Видите стройныхъ гладіаторовъ, твердо проходящихъ мимо ложи императора: „Ave, Caesar, morituri te salutant!“... Слышите это безпощадное рѣшеніе весталокъ: „Pollice verso“... и глухой ударъ ножа въ молодую грудь осужденнаго на смерть... „Africanus moritur: quis dolet Africanum?“... Сколько горечи въ этихъ словахъ, вырѣзанныхъ на стѣнѣ таверны, въ развалинахъ Помпеи, обратившимъ вниманіе поэта Пьетро Косса и вызвавшимъ его сильные стихи: „Il Gladiatore“... И тутъ же, за гладіаторами, на этой аренѣ, выступаютъ они, эти столпы христіанства, эти сотни, тысячи людей, презрѣвшихъ блескъ, богатство, почести и гибнувшихъ за идею, за своего Христа...

Въ золотистомъ эфирѣ предзакатнаго неба, теперь еще рѣзче обозначались всѣ контуры развалинъ, вперемежку съ куполами церквей, надъ которыми царилъ куполъ Св. Петра... Мракъ язычества и свѣтъ христіанства... И вдругъ передо мной предстали, какъ темные призраки, всѣ темныя страницы уже христіанскаго міра... Сколько въ немъ было безпощаднаго „Pollice verso!“... Темнымъ призракомъ пронеслась вся инквизиція, съ Торквемадой во главѣ; вся эта черная сотня, что, прикрываясь именемъ Христа, служила только своимъ интересамъ и лила рѣки крови, зажигала костры, вопіявшіе къ Богу сильнѣе костровъ языческихъ цезарей, не знавшихъ кроткаго ученія любви!..

Не останавливаясь на прелестныхъ прогулкахъ Рима, какъ Монте Пинчіо, садъ виллы Боргезе и болѣе отдаленныхъ, съ которыми я познакомилась позднѣе, оставивъ „Вѣчный городъ“, перенеслись мы въ Неаполь, въ южной нѣгѣ, какъ плѣнительная одалиска, раскинувшійся на берегу лазурнаго моря. Неаполь съ его красотой, грязью и лѣнью. Съ его чудными музеями, въ одномъ изъ которыхъ встрѣтите такіе перлы искусства, какъ „Фарнейскій быкъ“, а въ другомъ, чудесныя произведенія, сохраненныя подъ пепломъ коварнаго Везувія, когда-то красовавшіяся въ Помпеи и Геркуланумѣ. Однимъ изъ перловъ Неаполя, принадлежащимъ къ позднѣйшему, уже нашему, времени, можно причислить его „Акваріумъ“, устроенный профессоромъ нашего Юрьевскаго университета, Дорномъ, представляющимъ въ высшей степени интересное знакомство съ интересными жителями моря, чувствующими себя тутъ вполнѣ какъ дома, въ ихъ уютныхъ жилищахъ, ведя иногда не совсѣмъ уютную жизнь — въ борьбѣ за существованіе, борьбѣ столь знакомой и существамъ высшимъ по развитію, но уступающимъ имъ тѣмъ, что часто эта борьба

стоющая жизни, ведется не изъ-за существованія, а изъ-за алчности: вмѣсто одного имѣть нѣсколько кусковъ!

Посѣтили мы и эту когда то блестящую — Помпею. Прошлись по этимъ мертвымъ улицамъ, кипѣвшимъ когда-то шумной толпой; по этимъ еще сохранившимъ кое-гдѣ, не перенесеннымъ въ музей, чуднымъ произведеніямъ искусства, искусства передъ которымъ блѣднѣетъ мелочное мастерство современныхъ творцовъ, сохранивъ подъ вѣковымъ пепломъ,—на стыдъ и поученье этимъ творцамъ, то, чему они могутъ только подражать, не кичась своимъ безвкусіемъ и неумѣлостью, прикрытыми дырявымъ плащемъ нахальства, именуемаго „настроеніемъ!"... Сколько говорили уму и сердцу эти развалины; какъ многорѣчивы были эти молчаливые камни; сколько поучительнаго могли они сказать высокомѣрному человѣку, такому ничтожному въ своемъ безсиліи передъ могуществомъ стихій! И какъ величаво, въ своей ужасающей силѣ, взиралъ на эти многорѣчивыя развалины, прямо возвышавшійся надъ ними Везувій, пуская къ яркому небу красиво извивающіеся клубы дыма...

Поднимались мы и на этого несокрушимаго гиганта. Поднялись не на ногахъ, а въ спокойномъ ландо, садясь въ которое у подъѣзда нашего отеля, возгласомъ швейцара кучеру: „A Vesuvio!" были сынами кичливаго человѣчества, мыслящаго, что оно поработило природу, которой стоитъ только, какъ Везувію, тряхнуть своей величавой главой, чтобы кичливый человѣкъ, вмѣстѣ со своимъ ландо и прочими удобствами, исчезъ, какъ истый червь, въ общемъ мірозданіи! Вотъ про этакіе то внезапные капризы могучей природы мы и наслушались не мало интереснаго, доѣхавъ въ нашемъ ландо до обсерваторіи Пальміери, отъ его помощника (такъ какъ самъ профессоръ былъ въ отлучкѣ), показавшаго намъ всѣ инструменты, принадлежащіе къ открытымъ Пальміери способамъ „предугадывать" готовящіяся изверженія и черезъ то предупреждать жителей о грозящей имъ опасности, что и случилось въ бывшемъ передъ тѣмъ изверженіи, залившимъ все мѣстечко, до вершины торчавшей изъ пепла церкви,—откуда спаслись всѣ, предупрежденные ученымъ, жители. Самъ Пальміери со своимъ помощникомъ все время оставались, какъ вѣрные стражи науки,—въ обсерваторіи, бывъ свидѣтелями всѣхъ ужасовъ расходившагося Везувія, посылавшаго имъ, на ихъ широкую терассу, гдѣ они проводили и ночь на кроватяхъ, подскакивавшихъ, какъ легкія скамеечки,—всякіе дары, въ видѣ цѣлыхъ гранатъ, начи-

ненныхъ разнообразной кристализацiей. Они были на волосъ отъ смерти, видя какъ огненная рѣка лавы подвигалась на нихъ, какъ неумолимая судьба, готовая ихъ залить и уничтожить, какъ микроскопическихъ козявокъ... И вдругъ, въ своемъ непостижимомъ капризѣ деспота-владыки, не доходя почти ничтожнаго пространства до зданiя обсерваторiи, раздѣлилась на два рукава и обогнула его съ двухъ сторонъ!—Это было уже 11-ое изверженiе, что я пережилъ на своемъ вѣку!—докончилъ намъ свой разсказъ симпатичный старикъ; прибавивъ, спокойно: „вѣрно съ однимъ изъ нихъ и погибну"!

А Везувiй невозмутимо хладнокровно смотрѣлъ на насъ и безпечно попыхивалъ!... Вздумали было мы отъ обсерваторiи пойти немного вверхъ, но не много прошли. Ноги все болѣе вязли въ горячемъ пеплѣ еще не успѣвшемъ отвердѣть послѣ послѣдняго изверженiя, а сверху жгло такое же горячее солнце. Почему мы и заблагоразсудили вернуться и, сѣвъ въ наше ландо, благополучно достигли нашего отеля, предоставивъ другимъ, болѣе предпрiимчивымъ, нюхнуть ароматъ жерла Везувiя.

Оставивъ Неаполь, мы черезъ Кастеламаре, доѣхали до Сорренто, гдѣ нѣкоторое время отдохнули въ лимонныхъ и апельсинныхъ рощахъ отеля „Tramontona", вполнѣ насладившись „dolce far niente", дѣлая милыя прогулки, вспоминая пѣвца „Освобожденнаго Iерусалима," вдыхая удивительный ароматъ и бѣлоснѣжныхъ цвѣтовъ и золотыхъ плодовъ иногда вмѣстѣ царящихъ на одномъ деревѣ, и смотря на красовавшiйся напротивъ, за лазурной пеленой моря, величавый Везувiй, дававшiй своими прихотливо извивавшимися клубами дыма постоянное разнообразiе моему карандашу. Оставалось еще посѣтить Капри и его „Лазоревый гротъ", который мы могли достигнуть вполнѣ удачно, такъ какъ море было совсѣмъ тихо, и мы благополучно могли въ него въѣхать, полюбоваться его чисто-волшебной красотой и такъ же благополучно изъ него выѣхать.

Затѣмъ намъ предстоялъ обратный путь, поднимаясь выше, опять: черезъ Римъ,—еще съ короткимъ заѣздомъ въ Ливорно, Флоренцiю, Болонью и Венецiю, сказавъ прости дивному „Саду Европы" попавъ въ который, когда передъ вами возстанетъ вся красота прошедшихъ вѣковъ, въ ихъ безсмертныхъ памятникахъ искусства,—вы забудете и мелочность нынѣшняго народа и его грязь,—вы все, все простите ради той красоты, передъ которой преклонитесь благовѣйно!.. Италiя.. Вотъ она развернулась пере-

до мной сверкающей лентой, въ брызгахъ горячаго солнца; съ ароматомъ розъ, что гибко перегнулись черезъ каменные ограды; съ мягкими склонами холмовъ, покрытыхъ или блестящими рощами апельсиновъ или сѣдыхъ сливъ... Вотъ ея дивныя краски въ пурпурѣ утра, въ золотистомъ закатѣ, въ серебряномъ блескѣ волшебной лунной ночи... И среди ароматнаго дыханія ея чарующей природы, передъ вами встаютъ памятники ея геніевъ, встаетъ культъ красоты!..

Послѣ Италіи какъ то не располагаетъ надолго остановиться на чемъ либо другомъ; а потому только вкратцѣ скажу о первомъ городѣ, въ которомъ мы остановились, переѣхавъ границу Австріи, милый чистый городъ—Тріестъ, остановились главное затѣмъ, чтобы осмотрѣть въ его окрестностяхъ замокъ «Miramare», съ которымъ связано трагическое воспоминаніе о несчастномъ Максимиліанѣ и его супругѣ Шарлотѣ; это поэтическое убѣжище, когда то скромно-проживавшей въ немъ дружной четы, выхваченной изъ этого міра честолюбивыми мечтами, главное возгорѣвшимися въ умѣ супруги, поплатившейся за нихъ и страшной смертью супруга и собственнымъ сумасшествіемъ! Этотъ бѣлый, будто сама мечта, поэтичный замокъ такъ чудно рисуется надъ моремъ, среди чуднаго сада; такой интересный и своимъ внутреннимъ устройствомъ, представлая прелестное гнѣздышко вполнѣ развитыхъ людей.

Столько же интереса, но совсѣмъ въ другомъ родѣ, интереса предоставленнаго посѣтителямъ самой природой—представили намъ „Адельсбергскіе гроты“, съ ихъ удивительными сталактитами и сталакмитами, образцы которыхъ являются въ безконечномъ разнообразіи прихотливой природы, отъ грандіозныхъ, гигантскихъ колонъ до легкихъ, какъ шелковая ткань, занавѣсей, ниспадающихъ граціозными складками. Пролетѣвъ затѣмъ черезъ Земмерингъ, не перестававшій дарить насъ чудными картинами своей живописной природы, мы остановились въ Вѣнѣ, посвятивъ нѣсколько дней осмотру этого красиваго города, съ его прекрасными музеями, храмами, съ его чудеснымъ, чисто-готическаго стиля соборомъ, съ красивыми домами новыхъ кварталовъ и интересныхъ, по своей старинѣ, въ старыхъ; прекрасными магазинами и оживленной толпой, напоминающей толпу Парижа; городъ несравненно болѣе интересный и оживленный, чѣмъ солдатскій Берлинъ.

VIII.

Не придерживаясь строго-хронологическаго порядка дневника, скажу, что жизнь моя шла такъ же интересно, въ моихъ занятіяхъ, среди и общественной дѣятельности и домашней уютности, посѣщеній театральныхъ и концертныхъ; среди моихъ друзей и знакомыхъ, число которыхъ все увеличивалось, такъ какъ, кромѣ нашихъ общихъ знакомыхъ, число исключительно моихъ, расширялось по мѣрѣ расширенія моей дѣятельности, принадлежа къ членамъ то одного кружка, то другого.

Къ моимъ эстетическимъ удовольствіямъ присоединился мой абонементъ на симфоническіе концерты въ Дворянскомъ собраніи, дававшіе столько высокаго наслажденія, уносящаго въ высь, какъ содержаніемъ, такъ и исполненіемъ, какъ оркестроваго, такъ и сольнаго, разныхъ тогда еще сіявшихъ звѣздъ... Но въ посту 1877 г. на сценѣ Маріинскаго театра появилась такая „звѣзда", которая, затмивъ всѣ другія, засіяла на моемъ горизонтѣ тѣмъ блескомъ, который я возжигала и на алтарѣ моихъ артистическихъ увлеченій. Звѣздою этой былъ знаменитый итальянскій трагикъ—Эрнесто Росси. Его появленіе, съ тѣмъ классическимъ репертуаромъ, который былъ совершенно преданъ остракизму на нашихъ сценахъ,—было истиннымъ событіемъ, къ которому публика отнеслась сочувственно, быстро заручившись абонементомъ. Возрадовались и книжные магазины, которые стали осаждать спросомъ твореній Шекспира, до того мирно спавшаго на полкахъ...

Я не буду останавливаться на подробностяхъ геніальной игры геніальнаго артиста, этого гиганта, прозваннаго нами, его поклонницами: „Piramidale"... А поклонницей его я стала сразу, охваченная, какъ волной, силой этого геніальнаго таланта, умѣвшаго метать громъ и молнію и разсыпаться соловьиной трелью! Я замирала съ его „Отелло" въ тѣ минуты, когда онъ убивалъ Дездемону,—болѣе жалѣя о немъ, чѣмъ о ней; сознавая всѣми силами своего сердца, какъ долженъ былъ нечеловѣчески страдать человѣкъ, рѣшившійся на это!.. Я безутѣшно рыдала надъ его „Лиромъ", рыдала до того, что, послѣ перваго спектакля, всю длинную дорогу, отъ Маріинскаго театра до Надеждинской,—проливала неудержимыя слезы! Да и невозможно было не плакать надъ этимъ несчастнымъ, порабощеннымъ львомъ! Нужно было

слышать только одно это восклицаніе: „Cordelia?!.“ Не то вопросительное, не то еще сомнѣвающееся, боящееся отрицанія,—когда онъ узнаетъ Корделію; и затѣмъ эти безпомощныя слова „Sono vecchio... Sono ammalato...“ которыя поворачивали у васъ всю душу!

А затѣмъ, передъ вами вставалъ этотъ мощный герой, этотъ несчастный честолюбецъ „Макбетъ“... А вдругъ васъ охватываетъ, принесшееся откуда то, съ золотаго юга, мягкое дуновеніе весны, розъ и соловьиной пѣсни... И такой же мягкій, какъ весенній зефиръ, мелодичный, какъ соловьиная пѣснь, — голосъ воркуетъ нѣжныя слова юнаго „Ромео“... Да,—мы опять переживали хорошіе моменты, какъ во дни нашей хорошей итальянской оперы; еще лучшіе моменты, потому что, помимо великаго артиста, передъ нами проходили дивныя строфы великаго поэта! Опять начались мои частыя посѣщенія Маріинскаго театра, какъ во дни óны—Большого; и опять мои восторги,—какъ во дни Николини,—дѣлила моя дорогая подруга М. А. Шумилина, откликавшаяся на все то поэтичное, что краситъ нашъ жизненный путь!

Но нигдѣ Росси не затрагивалъ такъ мучительно - хорошо за всѣ малѣйшія фибры души, какъ въ роли „Гамлета“,—этого всемірнаго страдальца, полнаго мучительныхъ сомнѣній и еще болѣе мучительнаго анализа! Этого нашего общаго „я“, со всѣми нашими страстями, насъ угнетающими и все же вселяющими страхъ передъ освобожденіемъ отъ земного ига, въ предвидѣніи „страны безвѣстной, откуда нѣтъ и не было возврата...“.

Господи, сколько, бывало, настрадаешься и въ сценѣ съ привидѣніемъ, и съ „актерами“, и съ „Офеліей!“ А сцена съ матерью?.. Какъ понятно становится потомъ и его сцена съ Офеліей... Развѣ могъ онъ вѣрить какой нибудь женщинѣ послѣ того, какъ его вѣру въ женщину уничтожила, втоптала въ грязь его мать; эта женщина, казавшаяся ему совершенствомъ, и которая теперь, въ ея преступной страсти, даже не понимаетъ, что она должна дѣлать?.. „Eh me'l chiedete?!.“—восклицаетъ онъ,—и какъ восклицаетъ. Вѣдь въ одномъ этомъ восклицаніи вылилась вся его истерзанная душа!.. Послѣ того ея мужу нечего сказать ей, кромѣ: „Buona notte...“ Если эта женщина не понимаетъ, что ей дѣлать,—она можетъ спокойно спать въ объятіяхъ этого человѣка!..

Но сцена на кладбищѣ—это уже вѣнецъ всего! Его разговоръ съ могильщиками, съ Гораціо, сцена съ Лаэртомъ... Тутъ только понимаешь эту „immenso amor d'Amleto...“ Да, мы переживали

хорошіе моменты; мы страдали хорошими страданіями, которыя не угнетаютъ, не порабощаютъ душу, а возвышаютъ ее и очищаютъ отъ грязи животнаго реализма! Встрепенулась и наша молодежь, тогда еще не совсѣмъ погрязшая въ накопившейся позднѣе тинѣ промозглой литературы Горькаго и комп.; и какъ пріятно было видѣть эти молодыя, горѣвшія восторгомъ, лица; этотъ энтузіазмъ, съ которымъ, съ высей театра, они, по окончаніи спектакля, бѣжали внизъ, къ рампѣ, для безчисленныхъ вызововъ артиста, возносившаго изъ грубаго реализма ихъ сѣренькой, будничной жизни, въ „міръ сладкихъ грёзъ и чудныхъ сновъ", въ міръ высокаго идеализма! И благодарные артисту за эти чудныя, пережитыя ими минуты, они выражали ему свои восторги на языкѣ непонятномъ, не понятномъ ему по звуку, но понятномъ его сердцу, любившему молодежь!

Встрепенулась и наша критика. Спектаклямъ Росси посвящались длинныя рецензіи во всѣхъ газетахъ. Даже суровый „Незнакомецъ" растаялъ до того, что коснувшись исполненія Росси роли Ромео,—написалъ поэтическую „page d'amour", которой предпослалъ такое, вполнѣ вѣрное замѣчаніе: „въ репертуарѣ Росси, заключающемъ въ себѣ 400 ролей, всякая роль можетъ назваться лучшей." Заговоривъ о Росси-Ромео, нельзя умолчать о томъ, какъ онъ восхитительно передавалъ эту роль, которая, казалось бы не соотвѣтствовала ни его лѣтамъ, ни мужественному сложенію. Но вы положительно забывали о томъ, что передъ вами 50-лѣтній мужчина, а не 18-лѣтній юноша, видя эту чисто-юношескую горячность, эту чудную сцену поэзіи у балкона, и упивались чудной мелодіей голоса артиста, голоса, которому были доступны всѣ оттѣнки, но который главное былъ созданъ для мелодіи любви и поэзіи! Удивительна тоже была пластичность всѣхъ его жестовъ; изящество ихъ такъ и просилось на картину. Его мимика была такъ выразительна, что по ней можно было читать всѣ движенія души, изображаемаго имъ героя.

Пріятно было и то, что труппа Росси въ эти два первыхъ (1877 и 78 гг.) пріѣзда его въ Петербургъ, была очень порядочная, нисколько не портившая общаго впечатлѣнія; а его примадонна,—Катанеа,—молодая особа, съ мелодичнымъ голосомъ, была положительно талантлива, явясь симпатичной Дездемоной, Офеліей, особенно—Джульетой. Для своего бенефиса, въ свой первый пріѣздъ, Росси взялъ „Людовика XI" Делавиня, гдѣ создалъ такой удивительный типъ этого злодѣя-ханжи, что, какъ го-

ворили, на этой одной роли молодымъ артистамъ слѣдовало учиться, какъ въ школѣ. Этотъ бенефисъ былъ рядомъ самыхъ восторженныхъ овацій артисту, давшему публикѣ столько духовныхъ наслажденій!

Слѣдующій сезонъ онъ впервые появился въ роли „Кина" А. Дюма, въ которой показалъ новое дарованіе, выступивъ въ современной комедіи, явивъ въ своемъ Кинѣ новое совершенство! Для бенефиса же взялъ Пушкинскаго „Каменнаго гостя," создавъ такого Донъ-Жуана, передъ которымъ не устояла бы никакая Донна-Анна! Слѣдующій предполагавшійся къ намъ пріѣздъ Росси, разъ, вслѣдствіи появившейся гдѣ то въ нашей обширной, богоспасаемой отчизнѣ, чумы, — отложился, и затѣмъ могъ состояться только въ 1890 г.,—о чемъ я буду говорить въ свое время;—а въ этотъ промежутокъ къ намъ пріѣзжалъ другой великій артистъ Т о м а с о С а л ь в и н и, тоже гигантъ, однолѣтокъ и одной высокой школы съ Росси, пожинавшій у насъ, достойные его высокаго таланта, лавры, нѣкоторыми считавшійся даже выше Росси. Но, отдавая должное великому таланту Сальвини, скажу, что этотъ талантъ, давъ мнѣ тоже много хорошихъ часовъ, все же не отрѣшалъ мой духъ отъ земли такъ высоко, какъ талантъ Росси! Сальвини былъ по преимуществу, реалистъ; тогда какъ Росси—чистый идеалистъ, Сальвини былъ превосходнымъ „Отелло", Гладіаторомъ", Ингомарò", но онъ не потрясалъ меня своимъ „Лиромъ", не заставлялъ страдать со своимъ „Гамлетомъ"... Но все же это былъ гигантъ, какъ и Росси, послѣдній изъ могиканъ высокаго классицизма; и при томъ, какъ и Росси, одаренный чуднымъ мелодичнымъ голосомъ, не старѣвшимъ съ лѣтами, какъ не старѣлъ его талантъ. Чтобы не возвращаться къ нему, скажу,—далеко заглянувъ впередъ,—что я слышала его въ 1903 г. во Флоренціи, въ театрѣ „Verdi", въ трагедіи „Саулъ"— Альфіери, дававшейся по случаю столѣтія со дня смерти творца трагедіи,—память котораго Сальвини и хотѣлъ почтить, выступивъ въ ней,—уже раньше оставивъ сцену,—исполнивъ превосходно заглавную роль, а роль Давида исполнилъ сынъ его, Густаво, далеко не достигшій великаго таланта отца, но не лишенный нѣкотораго дарованія.

Вернувшись снова къ нашей семейной жизни, скажу, что въ это время братъ былъ уже генераломъ и главнымъ редакторомъ „Русскаго Инвалида" и „Военнаго Сборника", и мы должны были перемѣнить квартиру на бòльшую, съ присоединеніемъ къ ней

редакціи и квартиры его секретаря и казначея. Квартира нашлась въ томъ же домѣ, болѣе обширная, и наши „субботники“ стали еще многолюднѣй и оживленнѣй, собирая очень интересное общество товарищей брата съ ихъ женами, и нѣкоторыхъ изъ иностранныхъ военныхъ агентовъ. Къ этимъ послѣднимъ принадлежали: австрійскій, моравъ—Клепшъ, очень милый, многосторонне-образованный, хорошо говорившій по-русски и очень пріятный, вообще, собесѣдникъ. Французскій Moulin, въ красивой формѣ генеральнаго штаба; красивый молодой человѣкъ, изящный французъ, говорившій прекраснымъ французскимъ языкомъ, съ парижскимъ выговоромъ, но изучавшій и русскій языкъ, которымъ очень интересовался. Затѣмъ военный агентъ итальянскій,—Вичино-Палавичини, очень довольный тѣмъ, что могъ говорить со мной по-итальянски, но самъ совсѣмъ не похожій на итальянца, а скорѣе на бѣлобрысенькаго нѣмца. Но самое интересное общество, съ интересными разговорами и дружескимъ складомъ,—было общество товарищей брата, нѣкоторыхъ еще съ корпусной скамьи. Къ такимъ принадлежалъ Н. К. Шварценбергъ (тогда начальникъ мѣстныхъ войскъ), симпатичный Н. Н. Скворцовъ (главный интендантъ), добродушный П. И. Мезенцевъ (директоръ Пажескаго Корпуса), тонко-воспитанный Ѳ. А. Фельдманъ (состоявшій при главномъ штабѣ), слащавый Н. А. Махотинъ (начальникъ военно-учебныхъ заведеній). Сыплются искры задорнаго остроумія С. П. Зыкова, наскакивающія на блестящія ракеты краснорѣчиваго разсказчика, М. А. Домантовича (передъ тѣмъ занимавшаго постъ губернатора Болгаріи), подхватываемыя и еще сильнѣе отражаемыя М. И. Драгомировымъ. Вотъ красивая, открытая физіономія—чисто русскій богатырь, хоть сейчасъ подъ кисть Васнецова,—В. Н. Троцкаго. Блестящій А. А. Боголюбовъ, элегантный Пузыревскій. Немного разсѣянный Н. П. Глиноецкій, среди разговора, посматривавшій въ сторону: не пора ли ускользнуть въ залу, чтобы тамъ, съ кѣмъ нибудь засѣсть за рояль и начать отбарабанивать въ 4 руки, не уставая, а только мѣняя партнерокъ,—хоть до утра! Возсѣдалъ тутъ и скромный, очень тихій, только что пріѣхавшій изъ Туркестана, Куропаткинъ.

Кромѣ военныхъ было нѣсколько и статскихъ, среди которыхъ упомяну о двухъ, самыхъ намъ дружественныхъ, посѣщавшихъ насъ часто и помимо субботниковъ. Первый изъ нихъ былъ И. А. Кершенъ, прежде военный, товарищъ брата по корпусу; прелестная личность милаго чудака, крайняго западника и космо-

полита, прозваннаго шутя товарищами „Всемірнымъ гражданиномъ“; А. Л. Соколовскій, завзятый шекспиріанецъ, не измѣнявшій своему кумиру ни въ лицеѣ, ни въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а выйдя въ отставку, окончательно отдался переводу великихъ созданій всемірнаго генія и, одолѣвъ всѣ, съ полнымъ достоинствомъ и съ массой превосходныхъ комментарій, былъ увѣнчанъ, если не лаврами, то первой Пушкинской преміей, что несравненно выше лавровъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ лавры стали примѣнять не къ поэтамъ, а даже къ кафешантаннымъ пѣвичкамъ!

Такъ же дружественно была намъ и его семья, состоявшая изъ жены, соединившей въ себѣ художницу съ музыкантшей, и двухъ дочерей, изъ которыхъ старшая владѣла милымъ поэтическимъ даромъ, а меньшая красивымъ голосомъ. Нѣсколько милыхъ дамъ, женъ товарищей брата, завершали наши пріятныя собранія. Красивая, свѣжая,—истый типъ малороссіянки—С. А. Драгомирова; Е. А. Шварценбергъ; Ю. Д. Кершенъ, К. Н. Глиноецкая, А. А. Домантовичъ, съ двумя дочерьми отъ ея перваго брака съ Мравинскимъ, изъ которыхъ вторая дочь, позже плѣняла посѣтителей русской оперы, кромѣ красоты и талантомъ, явившись на ея сценѣ, подъ именемъ Мравиной. Послѣ чего, дамы и нѣкоторые изъ желавшихъ послушать музыку, удалялись изъ столовой въ залу, гдѣ любители приступали къ роялю; остальные такъ и застревали въ столовой, продолжая свои шумные, интересные разговоры, не помышляя о картахъ. Только М. И. Драгомировъ исчезалъ, чтобы закончить вечеръ гдѣ нибудь за картами.

Къ этимъ нашимъ интереснымъ собраніямъ по субботамъ, чтобы не разбрасываться,—присоединю наши другія, очень интересныя, въ другомъ родѣ, собранія, для чего мнѣ нужно будетъ заглянуть впередъ, именно къ 80-мъ годамъ (1887—88 гг.) Это были наши домашніе спектакли, возникшіе по поводу появленія среди насъ милой, талантливой дѣвушки, одной изъ племянницъ моей belle soeur, Мальвины. Привезенная, вмѣстѣ со своей сестрой изъ провинціи, гдѣ служилъ ихъ отецъ, въ Петербургъ, для воспитанія въ институтѣ, дѣвочки посѣщали насъ по праздникамъ; а послѣ выпуска, когда старшая тотчасъ же уѣхала домой, меньшая Ольга, оставшаяся въ спеціальномъ классѣ, стала совсѣмъ,—какъ мы ее называли: „наша дѣвочка“, отпускаемая къ намъ не только на всѣ праздники, но и по субботамъ. Она

владѣла очень милымъ голосомъ, которому въ пѣніи придавала много выраженія, и имѣла положительно сценическій талантъ. И вотъ ради нея и всей окружавшей насъ милой молодежи въ семьяхъ знакомыхъ, мы, всѣ трое, такъ всегда любившіе молодежь, и задумали устраивать спектакли, которые и происходили, въ болѣе длинное праздничное для Оли время, какъ Рождество и Пасха.

Нашъ тріумвиратъ работалъ во всю! Мы сами, если было нужно, малевали декораціи, иногда замѣняемыя тропическими растеніями, которыми была полна наша большая зала. Составляли репертуаръ, устраивали костюмы и пр. Режиссеромъ была я, остановившись на мысли не давать моей труппѣ цѣльныхъ пьесъ, требовавшихъ заразъ много лицъ и потому затрудняющихъ многими репетиціями молодежь, большею частію еще учившуюся. Я остановилась на сценкахъ изъ разныхъ выдающихся произведеній драматическихъ и оперныхъ, какъ русскихъ, такъ и переводныхъ съ иностраннаго; при чемъ старалась, чтобы лица сценки принадлежали одной семьѣ и могли быть разучены ими дома, репетируя ихъ у насъ уже болѣе подготовленными. При томъ, при такой постановкѣ вопроса, въ такихъ сценкахъ не было совсѣмъ ничтожныхъ ролей,—что можно рекомендовать во избѣжаніе иногда слишкомъ чуткаго самолюбія молодежи. И какая славная была у меня труппа, какая покладистая, съ которой не было никакихъ непріятностей! Всѣ они вполнѣ подчинялись назначеннымъ для нихъ ролямъ, всегда соотвѣтствующихъ ихъ силамъ и характерамъ; и такъ охотно принимались за ихъ разучиваніе, что на репетиціи являлись подготовленными, требовавшими только отдѣлки. И что это были за веселыя репетиціи, когда, бывало, нахлынутъ наши артисты со своими маменьками, иной разъ человѣкъ 25!

Кромѣ семьи Соколовскихъ, — о которой я уже говорила выше,—съ присоединеніемъ кузины дѣвицъ—тоже Соколовской,—мои артисты принадлежали къ дружеской намъ семьѣ Прутченко, состоя изъ двухъ дѣвицъ, старшая изъ которыхъ, Вѣра, была музыкантша, а вторая Ольга владѣла красивымъ голосомъ; братья же ихъ были тогда: Сергѣй студентомъ, а Николай гимназистомъ. Къ ихъ семьѣ принадлежали кузина О. Н. Дельвичъ и друзья молодыхъ людей, Ордины, тоже студенты, изъ которыхъ старшій, Борисъ, положительно былъ талантливъ. Далѣе—семья Фену, съ тремя артистами: веселая, живая, какъ ликующій майскій день,—

Наташа, съ большимъ, красивымъ голосомъ; элегантный студентъ Евгеній и добродушный кадетъ Александръ, піанистъ и громовой басъ, поддерживавшій наши хоры. Мой племянникъ, Александръ, тогда медицинскій студентъ; сестра его Деля; племянникъ Мальвины, юный офицеръ, Павелъ, дочь моего большого друга Е. А. Дьяконовой,—Наташа и, наконецъ, въ случаѣ надобности,—я сама. Нашей „mise en scène" распоряжался знатокъ этого дѣла—А. Л. Соколовскій; тогда какъ его милая жена, вмѣстѣ съ нашимъ общимъ, старымъ другомъ—М. А. Дьяконовой, игрой въ 4 руки, исполняли роль оркестра. Были у насъ даже свѣтовые эффекты, которыми усердно завѣдывалъ химикъ, артиллерійскій полковникъ Котиковъ, направившій прекрасный лунный свѣтъ (магнія) на поэтическій балконъ „Джульеты" (въ сценѣ изъ Шекспировскаго „Ромео и Джульеты), которую изображала Людмила Соколовская, тогда какъ юнаго Ромео олицетворяла ея кузина. Старшая Соколовская, Вѣра, создала прелестную „Татьяну", въ Пушкинскомъ „Онѣгинѣ", явившись одинъ разъ въ сценѣ съ няней, которой явилась я; а другой разъ,—въ послѣдней сценѣ съ Онѣгинымъ (старшимъ Фену.)

Были у насъ сцены: изъ оперы Даргомыжскаго „Русалка„; изъ „Фауста", въ которой Гёте смѣшался съ Гуно; такъ что Сергѣй Прутченко, въ изящномъ костюмѣ Фауста, декламировалъ сцену любви въ саду съ Гретхенъ—нашей Олей, спѣвшей затѣмъ извѣстную пѣсню за прялкой, изъ оперы Гуно. Шли сцены изъ „Севильскаго цирюльника" — Бомарше; „Орлеанской Дѣвы",—Шиллера, „Майской ночи"—Гоголя. Въ сценѣ (въ кельѣ) изъ Пушкинскаго „Бориса Годунова", былъ замѣчательно хорошъ Борисъ Ординъ, въ роли Пимена, съ его пресловутымъ діалогомъ. Декорацію къ этой сценѣ прекрасно нарисовалъ мой братъ; а монашескіе костюмы, Борисъ и его братъ Сергѣй, исполнявшій роль Гришки,—получили отъ знакомаго монаха изъ Невской Лавры. Костюмы, вообще, у всѣхъ были прекрасные; не была забыта и гримировка и даже куаферъ, съ которымъ пріѣзжали Прутченко.

Разъ, желая всѣмъ лицамъ нашей труппы дать выдающіяся роли и притомъ соотвѣтствующія ихъ спеціальнымъ способностямъ,—я сочинила для нихъ пьесу, въ родѣ извѣстной, нѣмецкой „Zehn Mädchen und kein Mann", въ которой участвовало семь дочерей и еще воспитанница. Сначала я написала главою этой семьи папеньку, роль котораго назначила моему племяннику, исполнившему ее въ первомъ спектаклѣ; а при исполнени второго,

вслѣдствіе его нездоровья, я быстро всю роль перемѣнила на „маменьку“, которую и взяла на себя, имѣя большой успѣхъ! Всѣ эти дочки, въ разнохарактерныхъ костюмахъ, показывали передъ мнимымъ женихомъ свои таланты: кто игралъ, кто пѣлъ, декламировалъ; а Людмила Соколовская даже граціозно протанцовала лезгинку. И, надо правду сказать,—что всѣ мои дочки были такъ милы, что могли влюбить въ себя любого жениха, что онѣ позже и доказали на дѣлѣ, даже безъ тѣхъ усилій, что взяла на себя созданная мною, для сцены, маменька!

Но лучшимъ исполненіемъ нашей труппы были—исполненныя два раза,—сцены, всей волшебной части Шекспировской комедіи: „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, прошедшей прелестно, какъ въ декламаціи, такъ и въ исполненіи хоровъ, въ прелестной музыкѣ Мендельсона, подъ аккомпанементъ нашихъ милыхъ музыкантшъ. Вся свѣжесть этихъ граціозныхъ сценъ, въ поэтическихъ, вдохновенныхъ словахъ великаго Генія, положительно наэлектризовывала нашу юную труппу, тоже еще полную свѣжестью поэзіи, уносящей въ міръ эльфовъ и грёзъ! Вѣра Соколовская была чрезвычайно мила капризницей Титаніей; Людмила олицетворяла легендарнаго Оберона, а наша Оля создала очаровательно-шаловливаго Пука! „Эльфъ, „Горошекъ“, Паутинка“, „Горчичка“,—хоръ эльфовъ; прекрасная обстановка натуральнаго тропическаго лѣса, со сценой, отдѣленной отъ зрителей, рядами живыхъ, ароматныхъ гіацинтовъ въ горшкахъ и, къ довершенію всего, сюрпризъ для всѣхъ,—мое исполненіе роли рабочаго Днище, съ его ослиной головой, которую я не хотѣла посадить на плечи кого нибудь изъ молодежи, съ ихъ щепетильнымъ самолюбіемъ, и посадила на свою, чѣмъ привела всѣхъ въ восторгъ! Много было труда и съ пріисканіемъ этой головы, среди готовыхъ масокъ, такъ какъ спектакль былъ на Рождество; но пріисканная была очень удачна и отслуживъ свою службу, хранилась у меня, осѣняя книжный шкафъ. Удивила я позже и насмѣшила Эрнесто Росси, когда въ первый разъ, пріѣхавъ ко мнѣ (въ 1895 г. о чемъ рѣчь впереди)—онъ, замѣтивъ ее, спросилъ о причинѣ ея у меня, присутствія.

— Это моя единственная связь съ Шекспиромъ!—отвѣтила я, и разсказала ему, что въ ней мнѣ пришлось единственный разъ играть Шекспира.

Да, смотрю я теперь на это далекое прошлое, въ которомъ, какъ въ калейдоскопѣ проходятъ эти милыя, молодыя, оживленныя лица нашей труппы, и тепло у меня на сердцѣ и спасибо

судьбѣ, что мнѣ не пришлось пролить ни одной слезы разочарованія ни надъ одной изъ этихъ хорошихъ дѣвушекъ, ни надъ однимъ изъ этихъ милыхъ юношей! Всѣ эти юноши—теперь уже дѣятели, съ достоинствомъ несущіе принятыя на себя обязанности; всѣ эти дѣвушки,—достойныя семьянинки, нѣкоторыя матери семействъ, воспитывающія хорошихъ дѣтей.

Всѣ онѣ,—несмотря на то, что были гораздо моложе меня, видѣли во мнѣ, нѣжно-расположеннаго къ нимъ друга; и нѣкоторыя,—спасибо имъ,—съ любовью вспоминаютъ, какъ онѣ, бывало, по очереди, будто на исповѣдь, приходили въ мою уютную комнату и, усѣвшись на коврѣ, у подножія коричневаго дивана, на которомъ я возсѣдала, какъ Пиѳія,—раскрывали передо мной свои чистыя, дѣвственныя сердца, жаждавшія зрѣлаго совѣта или утѣшительнаго бальзама—слова, и находили у меня только искреннюю къ нимъ любовь.

IX.

Между тѣмъ, раньше описанныхъ мною нашихъ милыхъ спектаклей, произошло нѣсколько интересныхъ, имѣвшихъ большое для меня значеніе, событій а также нѣсколько нашихъ новыхъ заграничныхъ поѣздокъ, первую изъ которыхъ, именно 1879 г. я и коснусь теперь.

Она была продолжительнѣй первой, продлившись три мѣсяца и массой новыхъ впечатлѣній, полныхъ разнообразнаго интереса, начавшись съ Скандинавіи и окончившись сѣверной Испаніей. Направляясь къ Стокгольму, мы могли бы проѣхать прямо на пароходѣ изъ Петербурга; но, такъ какъ я,—о чемъ говорила раньше,—не выносила моря, то, чтобы отвести ему поменьше мѣста, мы поѣхали по желѣзной дорогѣ до Гельсингфорса. Финляндію я знала раньше и знала хорошо, сдѣлавъ съ братомъ, въ 1859 году, когда онъ еще не былъ женатъ,—длинное путешествіе по Финляндіи, доѣхавъ до Выборга на пароходѣ, такъ какъ тогда еще не было желѣзной дороги. Побывали мы тогда и на знаменитой, ни съ чѣмъ не сравнимой,—Иматрѣ; а затѣмъ, углубясь въ страну, были и на живописномъ Сайменскомъ озерѣ, на гранитныхъ ломкахъ Питерлакса, и въ Вильманстрандѣ и пр. Теперь мнѣ былъ новъ только Гельсингфорсъ, отъ котораго мы и направились, уже на пароходѣ, къ Скандинавіи, долго простоявъ передъ Або. Несмотря на то, что нашъ путь былъ боль-

ше шхерами, будто корридоромъ между зеленыхъ какъ бы стѣнъ, и открытымъ моремъ пришлось плыть только три часа,—я очень страдала, рѣшивъ, что это мое послѣднее плаванiе!

Къ Стокгольму подъѣзжаютъ опять шхерами; и городъ открывается такъ красиво, на гранитныхъ высотахъ, осѣнненныхъ темными дубами. Городъ очень красивъ; содержится прекрасно; много садовъ и скверовъ. Оживленiе безъ глупой сутолоки. Дѣловитость народа съ замѣчательной любезностью. Прелестныя дѣти, не дрессированныя, по-дѣтски—свободныя, безъ начальства. Не даромъ Швецiи принадлежитъ первое мѣсто по педагогикѣ! Прекрасный музей; также и нацiональный, въ историческомъ отдѣленiи костюмовъ котораго показали намъ и проколотый кинжаломъ костюмъ короля, столько разъ являвшагося передъ нами на оперной сценѣ, подъ именемъ „графа", въ красивой оперѣ Верди „Балъ—Маскарадъ." Побывали и въ прекрасныхъ окрестностяхъ города и отправились дальше.

Не буду останавливаться на описанiяхъ, сказавъ заразъ, что путешествiе по Швецiи, а далѣе по Норвегiи, даетъ массу интереснаго и представляетъ всевозможныя удобства! Это именно тѣ серiозно-цивилизованныя страны, что смотрятъ на путешественниковъ, какъ на людей, которые созданы не для того только, чтобы съ нихъ брать, но чтобы имъ за ихъ деньги и давать то, что они въ правѣ за это требовать! Удобства желѣзныхъ дорогъ доведены до того, что въ каждомъ вагонѣ, даже III класса, на верхней полочкѣ находится стеклянный сосудъ съ краномъ, наполненный водой, въ которую, при остановкахъ на станцiяхъ, спускаютъ сверху ледъ. Подлѣ сосуда,—кружки. На станцiи предназначенной для обѣда, вы находите въ большой залѣ, кромѣ всевозможныхъ соленыхъ закусокъ—глыбы мяса, омары, лангусты и пр., при чемъ вамъ предоставляется всѣмъ выставленнымъ распоряжаться самимъ и питаться сколько хотите и успѣете въ назначенное для остановки время и затѣмъ положенную для всѣхъ, очень незначительную плату, самимъ отнести въ комнату рядомъ, гдѣ контора: примѣръ мѣстной честности, вѣрящей честности другихъ! Переѣзжая въ Норвегiю, на станцiи Лаксъ, намъ пришлось ночью провести нѣкоторое время, въ ожиданiи поѣзда; и какъ было прiятно растянуться на раскинутыхъ, для ночныхъ путешественниковъ, складныхъ кроватяхъ—диванахъ, обтянутыхъ темнымъ сукномъ! Примѣръ достойный подражанiя.

Порядокъ и чистота вездѣ и во всемъ; и при томъ чисто-сѣ-

верное гостепріимство, что намъ пришлось испытать, посѣтивъ въ Норвегіи, славившееся своимъ паркомъ, имѣніе г-на Гефтиль—Soar Braten. Случилось такъ, что самъ хозяинъ съ семействомъ былъ въ то время тамъ. Давъ намъ проводника для осмотра его парка, онъ, по возвращеніи насъ оттуда, не хотѣлъ насъ отпустить безъ того, чтобы мы не откушали его хлѣба-соли, прибавивъ, узнавъ, что мы русскіе: „Мы такъ рѣдко видимъ у себя русскихъ, особенно дамъ!"

Введя насъ въ столовую, построенную, какъ и весь домъ, въ чисто-норвежскомъ стилѣ, онъ и его жена, усадили насъ и сами,—по древнему обычаю гостепріимства,—брали отъ слуги блюда и подавали намъ. Но этимъ не кончилось. Затѣмъ, насъ повели въ салонъ, гдѣ собралось большое общество. Почти всѣ говорили по-французски или по-нѣмецки, да и моя belle soeur и братъ, собираясь въ Скандинавію, немного подучились по-шведски, а потому разговоры были оживленные. Возникъ разговоръ и о русской литературѣ, съ которой они были знакомы въ переводахъ. Восхищались Тургеневымъ, особенно его „Рудинымъ," который переведенъ на норвежскій языкъ. Когда я позднѣе познакомилась съ Тургеневымъ и разсказала ему о томъ,—онъ былъ этимъ очень заинтересованъ. Милое отношеніе къ намъ общества завершилось музыкой и пѣніемъ, сначала національныхъ вещей, а подъ конецъ пѣніемъ романсовъ Рубинштейна, съ нѣмецкими словами.

Очень интересна была у насъ встрѣча въ Христіаніи,—къ слову сказать, не интересномъ городѣ по постройкѣ, въ которой только и можно указать на одно красивое и грандіозное зданіе—Стортинга (Парламента). Осмотрѣвъ зданіе внутри, мы вышли въ публичный садъ и присѣли на лавочкѣ. На слѣдующей, рядомъ съ нами, сидѣлъ какой то прилично и чисто одѣтый господинъ, къ которому мои спутники и обратились съ какимъ то вопросомъ. Не смотря на нѣкоторую разность, норвежцы понимаютъ шведскій языкъ и потому моя belle soeur, продолжала разговоръ, получая самые толковые отвѣты и, коснувшись своей дѣятельности, на вопросъ: въ чемъ она состоитъ? съ полнымъ достоинствомъ отвѣтилъ.

— Я крестьянинъ пригородной деревни;—а на вопросъ: „много ли у нихъ грамотныхъ"—Да у насъ всѣ грамотные; у насъ нѣтъ школы, гдѣ бы не было простыхъ фортепьянъ! Гдѣ нѣтъ постоянныхъ школъ,—есть переносныя.

Перешли къ болѣе широкимъ вопросамъ; и на замѣчаніе брата:—Хорошій человѣкъ вашъ король! (Тогда еще не было отдѣленія Норвегии отъ Швеціи).

— Да,— отвѣтилъ крестьянинъ, съ убѣжденіемъ:—онъ хорошо намъ служитъ!

Посѣтили мы милый университетскій Готеборгъ; красивые водопады: Гене-фосъ и Трольгета; сдѣлали поѣздки внутрь страны, вездѣ поражаясь чистотой и порядкомъ. При въѣздѣ въ деревню, на столбѣ выставлена надпись на трехъ языкахъ, что „путешественниковъ просятъ не подавать милостыню бѣднымъ, о которыхъ заботятся ихъ старосты." И ни одна рука не протянется къ вамъ, только привѣтливо встрѣчные съ вами раскланяются, а дѣтки вамъ „присядутъ". А кругомъ: поля, приволье, нити водопадовъ съ невысокихъ холмовъ, красота!

Оставивъ милую Скандинавію, мы посѣтили Копенгагенъ, гдѣ насъ ожидало громадное эстетическое удовольствіе, въ видѣ музея Торвальдсена, этого великаго скульптора, всего болѣе близкаго къ классикамъ. Въ этомъ музеѣ собраны всѣ произведенія артиста, какъ въ оригиналахъ, такъ и въ копіяхъ; и въ этомъ же зданіи, составляющемъ четыреугольникъ вокругъ широкаго двора, устроили, снабженное его вещами подобіе его жилища и студіи, и это все служитъ, какъ бы, мавзолеемъ надъ прахомъ артиста, помѣщеннымъ подъ простой, обвитой плющемъ, плитой, посреди двора!.. Какое величіе! Очень хорошъ тоже въ Копенгагенѣ храмъ Богородицы (Tru kirche съ чудными произведеніями Торвальдсена).

Переѣхавъ большой и малый Бельтъ, совершенно для меня безнаказанно, (поѣздъ даже въѣхалъ на пароходъ—паромъ, Малаго),—мы направились къ красивому, богатому Гамбургу, который своимъ благоустройствомъ и комфортомъ, безъ малѣйшей поэзіи, напоминаетъ разжирѣвшаго купца, дальше этого комфорта не подвигающагося впередъ; а оттуда къ веселому, нарядному Франкфурту, съ его знаменитымъ „Palmen-garten". Затѣмъ мы, черезъ скучный Базель и милую, но ничего не говорящую Лозанну—на нѣкоторое время кинули якорь въ Веве, откуда дѣлали многочисленнныя поѣздки и прогулки, въ горы и по озеру. Поколесили еще, заглянувъ въ Вернаяксъ, съ знаменитымъ Gorge de Trien" и водопадомъ „Pisse vache"; пожили немного въ Женевѣ, любуясь на снѣжную вершину Mont Blanc, изъ оконъ нашего отеля и на самое озеро, не такое живописное, но веселѣе

озера „Четырехъ кантоновъ",—и перемахнули во Францію, прежде всего въ коммерческій Ліонъ, интересы котораго всѣ сосредоточены на повышеніи или пониженіи цѣнъ на шелкъ; съ живописнымъ, въ окрестностяхъ, на высотѣ,—храмомъ „Sainte Vierge de Tourvière".

Выдержавъ двухнедѣльный курсъ лѣченія моихъ спутниковъ въ веселомъ, нарядномъ Виши, съ красивымъ казино́ и отлично устроенными, разнообразными источниками, мы черезъ Бордо направились къ купальному мѣстечку Аркашонъ, на берегу Бискайскаго залива. Самый этотъ заливъ, въ который океанскія волны приходятъ съ меньшой силой, представляетъ болѣе тихое купанье, съ прекраснымъ песчанымъ пляжемъ. Нашъ пансіонъ стоялъ на самомъ берегу, въ спокойной части, почти за городомъ. Купанье было чудесное; но только тутъ я въ первый разъ испытала неудобство „открытаго" моря, съ его приливами и отливами, вслѣдствіе которыхъ никогда нельзя было устроить порядка купанья въ одинъ и тотъ же часъ. Придешь—смотришь а море то далеко-далеко; жди его; а итти до него далеко. Да если бы и дошелъ—страшно начать купаться, въ виду прилива: подвигается море съ бо́льшой быстротой, чѣмъ отходитъ.

Интересна въ Аркашонѣ одна его часть, называемая „Ville d'hiver", гдѣ среди сосноваго лѣса настроены красивыя дачи. Этотъ лѣсъ большая гордость городка и вполнѣ заслуженная. Океанскія волны, особенно во время осеннихъ и зимнихъ бурь, въ ихъ широкомъ размахѣ, наносятъ на берегъ массу песку, все болѣе скопляющагося, образуя подъ-конецъ цѣлыя горы. И вотъ, эти то горы угрожали совсѣмъ засыпать Аркашонъ, когда пришла благая мысль засадить эти песчаныя горы сосновымъ лѣсомъ; при чемъ корни скрѣпили почву, лишенную возможности постояннаго движенія и накопленія песку, а лѣсъ, кромѣ того, что образовалъ пріятное мѣсто прогулки и защищенныхъ зимою, отъ вѣтра, убѣжищъ,—но и далъ еще мѣстнымъ жителямъ добывать изъ сосны важную въ торговлѣ смолу, собиранія которой мы были свидѣтелями. Простой народъ, составляя уже смѣсь французовъ съ испанцами,—ба́ски,—говоритъ между собой на почти непонятномъ нарѣчіи, но говоритъ и по-французски тѣмъ некрасивымъ выговоромъ, которымъ отличаются южные французы. Сдѣлали мы поѣздку большимъ обществомъ, въ общественномъ трамѣ, къ маяку, уже на берегъ открытаго океана. Выйдя изъ трама, намъ пришлось еще порядкомъ пройтись по песку, а затѣмъ перева-

лить черезъ и тутъ довольно высокіе холмы, накопившагося песку, чтобы достигнуть самаго берега. Чѣмъ ближе мы къ нему подвигались, тѣмъ громче раздавался внушительный ревъ, все больше глушившій наши голоса. Перевалили—и онѣмѣли отъ восторга, граничащаго съ благоговѣніемъ, передъ этимъ могуществомъ безграничной стихіи! Сила и круговоротъ волнъ таковы, что всѣ попадавшіяся намъ на пескѣ раковины, были совсѣмъ отшлифованы; но самое могущество почувствовали мы тогда, когда еще не знакомые съ прихотливыми порывами океанскихъ волнъ, не возвращающихся подобно морскимъ съ почти одинаковымъ ритмомъ все на то же мѣсто, а вдругъ, по прихоти, дѣлающія иногда неожиданные прыжки громаднаго размѣра,—видя настигающій насъ на берегу такой прыжокъ, готовый порядкомъ насъ прихлопнуть,—пустились вспять... И какъ смѣшно—жалки были всѣ эти „цари природы", унизительно убѣгавшіе отъ могучей стихіи и позорно застигнутые ею, получившіе мокрое назиданіе!..

Еще интереснѣе было зрѣлище океана въ Біаррицѣ, гдѣ мы заканчивали нашъ купальный сезонъ. Началось съ того, что я пришла въ телячій восторгъ, когда въ часъ отлива, находясь на берегу, въ Біаррицѣ скалистомъ,—слѣдила за той тревогой, что возникла среди разнородныхъ жителей моря, по немногу лишавшихся родной стихіи, сосредоточиваясь во впадинахъ прибрежныхъ камней, наполненныхъ водою! Какъ хорошо можно было разсмотрѣть этихъ свободныхъ жителей, которыхъ до того можно было видѣть только въ акваріумахъ; начиная съ этихъ интересныхъ животно-растеній, этихъ прелестныхъ, какъ живые цвѣты,—актиній и анемоновъ, съ ихъ фіолетовыми и алыми, мягкими, какъ синель, щупальцами—лепестками! Я всего этого живья воспитывала въ банкахъ, мѣняя въ нихъ морскую воду, что не мѣшало мнѣ имѣть въ своей комнатѣ не особенно ароматный шкафъ... А что за чудесныя медузы встрѣчались у берега „Côte de Basque": это были совершенное подобіе опрокинутыхъ вверхъ дномъ огромныхъ чашъ бѣло-матоваго цвѣта съ рисунками на нихъ алыми, фіолетовыми и голубыми!

Было здѣсь со мной и небольшое происшествіе, могущее имѣть плачевныя послѣдствія, что было слѣдствіемъ моего лишняго самомнѣнія! Купаясь „на grand'plage", гдѣ, по случаю сильнаго въ этомъ мѣстѣ прибоя волнъ, всѣ купаются взявшись за руки съ беньеромъ въ серединѣ,—я разъ вздумала отправиться одна. Сначала все шло благополучно; я подпрыгивала при приближеніи

волны и становилась къ ней спиной, но разъ, не успѣвъ подпрыгнуть и притомъ отвернуться, я получила ударъ волной прямо въ грудь и при томъ свалилась. Кое какъ поднявшись, я почувствовала, что совсѣмъ лишилась дыханія отъ удара въ грудь, и, еле добравшись до своей кабинки, едва отдышалась, растеревъ грудь мохнатымъ полотенцемъ!

Послѣ этаго случая я стала ходить купаться на „Plage des dames,“ укромное мѣстечко, среди скалъ, съ однимъ проходомъ въ открытое море, въ которомъ все же держится спасательная лодка. Тамъ можно было безъ страха полоскаться одной, и поласкаясь,—нерѣдко руки касались нѣжной синелевой бахромы, быстро уходившей внутрь толстаго темнаго корешка, составлявшаго, тихо-двигавшееся туловище актиніи, изъ которой затѣмъ, снова, одинъ за другимъ показывались алые лепестки, и снова образовывался красивый цвѣтокъ.

Побывавъ въ полу-испанскомъ уже городѣ—Б а й о н ѣ, мы переѣхали испанскую границу и первый испанскій городъ И р у н ъ, и остановились въ С. С е б а с т і а н ѣ, красивомъ прибрежномъ городѣ, увѣнчанномъ живописной крѣпостью, съ красивыми прогулками въ ближайшихъ окрестностяхъ. Соблазняли и уговаривали насъ итти смотрѣть бой быковъ, главное напирая на то, что тутъ мы увидѣли бы много характернаго въ собранной толпѣ, но мы, по принципу, рѣшили не итти смотрѣть на эту возмутительную бойню, главное неповинныхъ лошадей. Болѣе соблазняло насъ спуститься ниже, хотя до Барцелоны, если не до Севильи;—но тогда намъ не хватило бы времени на все другое, тоже представляющее интересъ, со всемірной художественной выставкой въ Мюнхенѣ; а потому было рѣшено отложить Испанію въ болѣе обширномъ видѣ до слѣдующаго раза, что увы не послѣдовало! Въ слѣдующій,—именно 1884 г.—когда назначили это путешествіе, болѣе удобное сравнительно съ другими годами, имѣвшими каждое свое особое назначеніе,—въ Испаніи была холера, и мы предприняли другой маршрутъ. Теперь же изъ С. Себастьяна мы покатили въ Парижъ, пробывъ тамъ недолго, а затѣмъ въ М ю н х е н ъ, погрузившись въ созерцаніи всѣхъ его чудесныхъ Музеевъ, этихъ Пинакотекъ и Глиптотекъ, дворцовъ и самой обширной выставки, которую, конечно, описывать не буду. Не приминули слазить и въ голову колоссальной статуи Баваріи, не видавъ оттуда никакого вида достойнаго труднаго восхожденія по винтовой узкой лѣстницѣ внутри статуи, и поѣхали въ Д р е з д е н ъ.

Не буду тоже останавливаться подробно ни на самомъ красивомъ городѣ и его красивыхъ окрестностяхъ, съ вечерами на Брюлевской террасѣ и прекрасномъ оперномъ театрѣ, гдѣ слышали какую то современную музыку на историческое событіе среднихъ вѣковъ; не буду долго останавливаться и на знаменитой картинной галлереѣ, съ пресловутыми тремя мадоннами: Гольбейна, Мурильо и „Сикстинской“ Рафаэля,—скажу только, что несмотря на сухую, академическую драпировку и такихъ же сухихъ академическихъ фигуръ св. Сикста и св. Варвары,—самая мадонна и младенецъ такъ поразительно хороши—онъ своимъ могуществомъ истиннаго Царя, сидящаго на рукахъ матери, какъ на тронѣ, а она—своимъ взглядомъ, провидящимъ Голгофу, что я до сихъ поръ, безъ сердечнаго умиленія, граничащаго со слезами, не могу вспомнить именно этотъ взглядъ!.. — Вернулись мы въ Петербургъ черезъ Берлинъ.

X.

Дѣятельность моя продолжала кипѣть, касаясь, какъ прежней благотворительности, такъ и литературы, принимавшей все большіе размѣры въ области дѣтскихъ журналовъ. Съ начала 1880 г. она еще усилилась постоянными сотрудничествомъ въ новомъ дѣтскомъ журалѣ, именно: „Игрушечкѣ“.

Въ концѣ 1879 г. когда вышло объявленіе объ этомъ журналѣ, издательницей и редакторомъ котораго являлась Татьяна Петровна Пассекъ, я вспомнила объ ея, такъ заинтересовавшихъ меня, на страницахъ „Русской старины“, запискахъ „Изъ дальнихъ лѣтъ,“ и немедленно отправилась къ ней, чтобы предложить ей мое сотрудничество.

Меня встрѣтила маленькая, немного сутуловатая старушка съ сѣдоватыми волосами, зачесанными въ одну небольшую косичку, зашпиленную на затылкѣ черепаховой гребенкой; въ широкой ситцевой блузѣ на кокеткѣ, обшитой у ворота вышитой фрезой; съ добрымъ, младенчески-кроткимъ лицомъ, съ пріятными мелкими чертами и такими невинными, свѣтлыми глазами, съ какими дѣти читаютъ „Отче нашъ.“ Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже будто давно знакомыя. Т. П. на мое, предложенное ей сотрудничество, объявила, что уже давно знакома съ моими произведеніями и даже назвала содержаніе одного разсказа, передъ тѣмъ помѣщеннаго въ журналѣ „Дѣтское Чтеніе“ и имѣвшаго боль-

шой успѣхъ у маленькихъ читателей,—и съ полной охотой приняла мое сотрудничество, ставшее затѣмъ постояннымъ.

Тогда же она познакомила меня со своимъ сыномъ, тогда уже больнымъ и вскорѣ затѣмъ умершимъ, оставивъ на рукахъ старушки-матери свою молодую вдову и двоихъ дѣтей, изъ которыхъ старшему, любимцу бабушки, Сережѣ, было пять лѣтъ, а Олѣ, дѣвочкѣ красоткѣ—три года. Т. П. жила тогда на Малой Подъяческой.

— Она и домъ-то умѣла подыскать какой-то особенный, московскій!—говорила одна наша общая знакомая.

И точно: домъ стоялъ за рѣшеткой, во дворѣ, съ отдѣльнымъ въ ея квариру подъѣздомъ и невысокой, деревянной лѣстницей. Затѣмъ вся ея обстановка соотвѣтствовала дому. Спальня, въ которой она и принимала близкихъ людей, была небольшая, сильно натопленная, комната, въ два окна, съ какими то, однимъ Богомъ хранимыми растеніями, и съ клѣткой какой то невѣдомой птицы. Между окнами возвышался столѣтній шкафъ—бюро, съ мѣдной выкладкой по красному дереву, потемнѣвшему отъ старости; у другой стѣны такихъ же лѣтъ и характера—буфетъ, подлѣ котораго старое, сильно-опустившееся кресло. Между кресломъ и кроватью старушки простой некрашенный столъ, весь заваленный рукописями и книгами, поверхъ которыхъ лежитъ большое круглое увеличительное стекло съ ручкой, съ которымъ Т. П. писала и читала. Въ ногахъ кровати, занимавшей третью стѣну, большая изразцовая печь, а у слѣдующей стѣны—кровать ея любимца—Сережи.

Не менѣе типична была и прислуга Т. П. Первой была ея дуэнья Марья Дмитріевна, высокая красивая старуха, жившая въ домѣ болѣе 35-ти лѣтъ, бывшая съ барыней и за границей, сохранивъ особенное воспоминаніе о Дрезденѣ. Она всегда ходила въ длинной темной кацавейкѣ, съ темнымъ ситцевымъ платкомъ на головѣ, подвязаннымъ подъ подбородкомъ. Въ комнату она входила тихо, степенно и садилась на своемъ мѣстѣ въ ногахъ кровати, на бѣломъ, некрашенномъ табуретѣ, спиной къ печкѣ. Она нерѣдко вступала въ наши разговоры и если принималась разсказывать, то употребляла нѣсколько высокопарныя слова; о заграничной жизни отзывалась немного небрежно. Другой близкой прислугой была кормилица, выкормившая старшаго сына Т. П. и жившая въ домѣ болѣе, чѣмъ 45 лѣтъ. Она была проще Маріи Дмитріевны; въ разговоры сама не вступала, а если Т.П. въ своихъ

разсказахъ о прошломъ, ссылалась на нее, ожидая подтвержденія, она отвѣчала отрывисто, будто на что то сердясь или чѣмъ недовольная. Это была грузная старуха съ тальей подъ мышками и головнымъ платкомъ подъ косу; часто ворчавшая на барыню, какъ на дѣвочку, нерѣдко даже ее распекавшая и жившая заботами о собственномъ самоварѣ, который за ненужностью стоялъ на полкѣ, закутанный въ полотенце и только по временамъ осматривался его владѣтельницей.

Несмотря на тотъ кружокъ высоко-образованныхъ „западниковъ", къ которому принадлежалъ и ея двоюродный братъ и другъ А. И. Герценъ,—среди которыхъ вращалась она при жизни мужа, и на долгое пребываніе, въ различные періоды, за-границей, послѣ его смерти Т. П. была вполнѣ русская натура, со всѣми симпатіями и привычками русскаго человѣка 30 и 40-хъ годовъ и притомъ, одной изъ тѣхъ свѣтлыхъ личностей, которыхъ мы обобщаемъ именемъ „идеалистовъ сороковыхъ годовъ". Въ ней все было коренное русское: складъ рѣчи, манера говорить, русскій юморъ, русская безшабашная довѣрчивость, широкое гостепріимство, съ девизомъ: „все что есть въ печи, то на столъ мечи", широкое сердце и беззавѣтная любовь къ родинѣ. Она, своимъ глубокимъ, выдающимся умомъ, вполнѣ цѣнившая европейскую цивилизацію, сочувственно воспринимавшая все свѣтлое, чѣмъ дарилъ насъ Западъ, въ то же время чутко слѣдила за всякимъ успѣхомъ въ русскомъ обществѣ, готовая чѣмъ можетъ поддержать молодой русскій талантъ, восхищаясь по-дѣтски всякому, иногда даже сомнительному, проявленію такого таланта. Воздавая должное хорошему западному, она обожала все русское, начиная съ лежанки, щей съ головизной и гусиныхъ полатко̀въ, до русской пѣсни, что звучитъ заунывной струной надъ необозримыми полями родной страны. Она хранила въ кладенцѣ своей необыкновенно живой памяти всѣ обычаи, преданія, относяшіяся до обстановки жизни баръ своего времени, и въ то же время это была одна изъ гуманнѣйшихъ женщинъ, на которую барство не наложило печати, и она къ самому простому человѣку относилась съ тѣмъ же привѣтомъ, какъ ко всѣмъ. Впрочемъ, она, казалось, вся состояла изъ любви, всепрощенія и безграничнаго снисхожденія къ людямъ.

— Знаешь, говорила она мнѣ часто, особенно въ послѣдніе годы,—я всѣхъ люблю, весь міръ Божій люблю. Я такъ вотъ и обняла бы весь міръ!

И она именно обнимала весь маленькій міръ, соприкасавщійся съ ней. Она всѣмъ, кому могла, дѣлала только добро, иногда нерасчетливо, непрактично, безслѣдно, основываясь только на движеніи своего любвеобильнаго сердца, порывы котораго остановить не могла. И въ то же время она обрѣзывала себя по всемъ, жалѣя на себя всякую копѣйку, по нѣсколько лѣтъ сразу таская одни, совсѣмъ ужъ стоптанные, теплые плисовые сапожки, которые не снимала ни зимой ни лѣтомъ. Въ одеждѣ она была скромна до крайности. Два-три ситцевыхъ капота, преимущественно красныхъ: — Люблю красненькое! говорила она, младенчески улыбаясь!—да парадная коричневая шерстяная блуза, съ тальей сзади,— составляли весь ея гардеробъ. Въ этой коричневой блузѣ она не стѣсняясь являлась въ большія собранія, прикрывая голову простенькой черной кружевной косыночкой. Дома же она надѣвала на голову бѣлый полотняный платочекъ, тугоповязанный подъ подбородокъ.

— Люблю такіе старенькіе, мягенькіе; хоть вотъ и дырявенькій ужъ, а мягенькій, пріятный!—скажетъ, затягивая потуже узелокъ.

Философіи тоже было у нея много, также какъ энергіи и замѣчательной силы воли, которыя и поддерживали это маленькое старческое тѣло. Гдѣ бы ей одной, подъ гнетомъ страшнаго горя,— потери послѣдняго сына,—выдержать принятый на себя трудъ по изданію журнала, если бы не рѣшимость этими трудами поддержать семью сына!

Я безпрестанно бывала у нея, желая хоть чѣмъ нибудь помочь ей. Статей накопится множество, примемся ихъ разбирать; а тутъ безпрестанныя посѣщенія. Только что, усталая, взберется на постель съ ногами, спустивъ теплые сапожки, какъ снова звонокъ: новый визитъ.

— Да вы бы, Т. П., отказали!

— Ахъ, нѣтъ, другъ сердечный, какъ можно! Можетъ издалека пріѣхали, видѣть меня хотятъ, а я откажу! Этакъ нельзя!

И опять натягиваются теплые сапожки, подтягивается потуже узелокъ головного платочка и, тяжело шагая старыми ногами, плетется наша старушка въ пріемную. Позже, она стала принимать уже у себя въ спальнѣ. Какъ я любила наши съ ней бесѣды въ этой душной спаленкѣ, съ этой столѣтней мебелью и некрашенным столомъ! Уставъ послѣ дневной работы, старушка, бывало, взберется на кровать.

— А другъ сердечный, вотъ тутъ, на креслѣ сядетъ!—скажетъ она мнѣ.

Сажусь я на большое кресло, а она полу-лежитъ на кроваткѣ и закипаетъ у насъ бесѣда. Стемнѣетъ. Кормилица вноситъ свѣчу (лампъ Т. П. не любила), въ низкомъ подсвѣчникѣ, съ покривившейся ширмочкой. Горничная Даша принесетъ чайный сервизъ и ставитъ его по-просту, безъ скатерти, на некрашенный столъ у кровати. Съ боку приставляется некрашенный же табуретъ, на которомъ появляется пузатый желтый самоваръ. Иногда подлѣ насъ вертится Сережа, слушая или наши разсказы или мои дѣтскія статейки, что я читаю вслухъ бабушкѣ. Кончается же постоянно тѣмъ, что онъ залѣзетъ на кровать, за бабушкину спину, и заснетъ. Кругомъ тихо; только замирая, вытягиваетъ самоваръ однообразныя ноты, подъ которыя не замолкая кипитъ наша бесѣда, да изъ столовой, по временамъ, покрикиваетъ часовая кукушка.

Покушать наша дорогая старушка любила; но и въ этомъ была до чрезвычайности проста. При томъ и желудокъ былъ у нея замѣчательно здоровый, легко переносившій самыя тяжелыя русскія кушанья. Любила она завести со мной иногда разговоръ о прежней русской кухнѣ, которая въ домѣ моихъ родителей была того-же состава.

— А дѣлали у васъ подо̀вые пирожки и растегаи?—спросила она.

— Какъ же! а знаете вы, Т. П. курникъ?

— Ну, еще бы не знать! Прелесть! Изъ молодыхъ то куръ!

— Ну съ, а щи съ головизной да тѣльно̀е?

Татьяна Петровна только томно „хмыкала“, слегка откинувъ голову, въ нѣжномъ томленіи. Иногда случалось, я ее озадачивала незнакомымъ блюдомъ, и тогда надо было приступить къ точному его описанію. Эти разговоры воскрешали въ ея памяти картины прошлаго; при этомъ, какъ бы подтвердительницей, вытаскивалась „кормилица“, всегда, гдѣ то по близости, копошившаяся.

— У насъ, бывало, какіе запасы дѣлались,—начинала Т. П:— такъ въ отдѣльной комнатѣ и висятъ окорока̀, гусиные полотки, копчѐные... Помнишь, кормилица?

— Какъ не помнить!—отзывалась кормилица такимъ тономъ, какъ будто сердилась, или, что называется: „съ зуба, рветъ“: Всего было много!

— А помнищь, кормилица, домъ въ деревнѣ?—спроситъ Т. П. при другомъ какомъ воспоминаніи.

— Ну, еще бы не помнить!—опять „съ зуба рветъ“ кормилица:—какой домъ былъ! комнатъ сколько! гостиная красная бархатная, гостиная желтая атласная...

Если Т. П. и не была теперь окружена излишествомъ, то все же нужды не терпѣла. Жила она постоянно въ просторной квартирѣ, всегда, какъ она любила, жарко натопленной и столъ, хотя не изысканный, но такой, что если придетъ лишній человѣкъ, то и онъ былъ бы сытъ. Я уже раньше говорила, что она была чрезвычайно гостепріимна, и что пузатый самоваръ игралъ роль чуть не цѣлый день.

— Вареньица намъ, кормилица, какое тамъ есть, всякое давай. Кофею не хочешь ли? У насъ и сливки есть, чудесныя! Сейчасъ за мягкимъ хлѣбомъ пошлю!—И она звонила въ электрическій звонокъ, стоявшій на столѣ.

При моемъ посѣщеніи, первымъ вопросомъ, послѣ „здравствуй,“ было:

— Ты со мной пообѣдаешь?—Если отвѣтъ былъ отрицательный, то я награждалась эпитетомъ: „ну, и выходитъ, что ты тетеря!“ или:—„Ахъ ты, Митрофанъ!“ Затѣмъ слѣдовало: „ну, а теперь садись ко мнѣ поближе, вотъ такъ, отъ свѣта, чтобы я тебя лучше видѣла“.

При прощаньи тоже непремѣнно прибавлялось:—пріѣзжай, голубчикъ, ко мнѣ на цѣлый день, пообѣдать. Хочешь, щи кислыя закажу съ кашей? А то и пирогъ загнемъ; бабушка и это можетъ!

Обѣды эти были, большею частью, очень безпорядочные, какъ по сервировкѣ, такъ и по составу,—но всегда сытные. Иной разъ было такъ, что подавался сначала супъ, а потомъ уха; а то помню и такой обѣдъ: послѣ супа рябчики, потомъ печеная брюква, а затѣмъ винигретъ. Да, старушка угостить любила, говоря:—Нѣтъ у меня лишнихъ денегъ, не могу помочь рублемъ, а пріютить и накормить всегда могу!

И точно: какого у нея, бывало, не увидишь народу, пріютившагося на время или въ ея комнатахъ, или на кухнѣ! Все это кормилось отъ ея крохъ и принимало ласку ея широкаго сердца. Даже временами гащивали у нея какія то грязныя собаки, съ какими то странными именами, которыя потомъ куда то исчезали и замѣнялись другими, такими же уродливыми и грязными, всѣ

эти „Михайлы Константиновны,—Амишка то жъ,—Мопа и другія. На постели у нея всегда покоилась какая нибудь тоже грязная или покалѣченная кошка, одна изъ тѣхъ, которыхъ Сережа притаскивалъ со двора.

Я уже упомянула выше о томъ, что Сережа былъ любимцемъ бабушки. Когда совершился вторичный бракъ ея невѣстки, съ С. С. Манухинымъ, дочь она взяла къ себѣ, Сережа остался при бабушкѣ. Ему тогда было восемь лѣтъ. Онъ былъ странный мальчикъ. Ходили цѣлыя легенды объ его шалостяхъ, а между тѣмъ онъ могъ по часамъ, не трогаясь съ мѣста, прослушивать заинтересовавшіе его разсказы или чтеніе. Вспомнилось мнѣ притомъ его активное участіе въ одномъ изъ приглашенныхъ обѣдовъ Т. П. или вѣрнѣе—приготовленій къ нему.

Незадолго передъ тѣмъ Т. П. познакомилась съ извѣстной художницей Елизаветой Меркурьевной Бемъ,—о которой, тогда еще не замужней, Эндауровой, я упоминала, коснувшись рисовальной школы,—и съ ея сестрами, моей большой пріятельницей Екатериной Меркурьевной и прелестной художницей цвѣтовъ—Любовью Меркурьевной и очень ихъ полюбила. Въ тотъ день, когда Т. П. пригласила ихъ къ себѣ на обѣдъ, она была не совсѣмъ здорова и побоялась выйти въ столовую. Рѣшено было обѣдать у нея въ спальнѣ, для чего однако обычный столъ оказался малъ. Столъ изъ столовой былъ слишкомъ массивенъ для переноски, другого подходящаго не оказалось; остановились на большомъ столѣ изъ кухни. Притащили его въ спальню; всѣмъ бы хорошъ, только ножки высоки—неудобно будетъ около него сидѣть. Что дѣлать? „Укоротить ножки!“ рѣшила Т. П. съ разсыльнымъ Димитріемъ. Сережа ликуетъ! Явилась пила; столъ повалили бокомъ на полъ, Димитрій вооружился пилой, кормилица навалилась на столъ, чтобъ онъ не качался, Сережа сѣлъ верхомъ на ту ножку, на которой работали, чтобы ее придерживать. Свиститъ пила, кряхтитъ кормилица, искрами летятъ опилки, а время летитъ, и не успѣла окоротиться послѣдняя ножка, какъ въ передней раздался звонокъ. Гостей позадержали въ гостиной, межъ тѣмъ какъ въ спальнѣ водворяли порядокъ и накрывали на столъ, и все это не помѣшало обѣду пройти очень весело.

Такія же веселыя и, конечно, еще болѣе шумныя сборища, были въ „Татьянинъ день“,—12 января,—день именинъ старушки, когда у нея было, что называется: нетолченная труба! Что народу у нея перебывало,—такъ и не перечтешь! Тутъ бывали и ста-

рики—писатели, что „общую бабушку“ не забывали: Салтыковъ (Щедринъ) и Лѣсковъ; Семевскій, Терпигоревъ (Атава), и только что нарождавшіеся юнцы. Тутъ я встрѣчала и Мердеръ, и Самойловичъ, не говоря уже о всѣхъ сотрудницахъ и сотрудникахъ“ „Игрушечки.“ Шло угощеніе, — надо признаться, самое безалаберное, вѣнцомъ которому было одно: когда неумѣлая горничная, приступивъ къ варкѣ шоколада, на одну его плитку влила пять бутылокъ молока. Общими силами, съ прибавкой всего, отыскавшагося въ домѣ у дѣтей шоколада, а также и принесеннаго въ подарокъ, удалось устроить приличный напитокъ, а въ приносимыхъ сладкихъ пирогахъ и пирожкахъ и недостатка не было. А кругомъ шла шумная бесѣда и веселый говоръ.

Лѣтомъ Т. П. живала на дачѣ, большею частію въ Лѣсномъ; а такъ какъ мы покидали Петербургъ не раньше первой половины іюля, то я очень часто навѣщала ее и тамъ. На дачѣ она вела почти ту же жизнь, что и въ городѣ. Такъ же, полу-лежа на своей кроваткѣ, писала или читала, съ увеличительнымъ стекломъ въ рукахъ; куталась поверхъ бѣлыхъ головныхъ платочковъ сѣрымъ вязаннымъ платкомъ, не спускала тѣхъ же теплыхъ бархатныхъ сапожковъ. Рѣдко выходила она посидѣть и на балконѣ.

Пройдемся мы съ ней, бывало, подъ ручку, по садику, или недалеко по аллейкѣ передъ домомъ. Природу она страстно любила, и, несмотря на то, что на своемъ вѣку видѣла многое лучшее,— восхищалась всѣмъ: всякой стройной березкой, безыскусственно раскидавшей въ воздухѣ свои душистыя вѣтки, всякимъ скромнымъ цвѣткомъ, выглядывавшимъ изъ густой травы. Все наводило ее на размышленіе о „гармоніи въ природѣ.“

— Какая во всемъ гармонія, стройность,—говорила она, и глаза ея блестѣли восторгомъ: и въ то же время величіе и простота! Возьми ты съ самаго малаго цвѣтка; а вотъ тебѣ дерево вышло изъ маленькаго сѣмени, и все выше, стройнѣе... Такъ вотъ и во всемъ созданіи, всѣ животныя, все это развивается, крѣпнетъ; вотъ тоже какъ дерево раскидывается вѣтвями, растетъ, такъ и духъ человѣка все расширяется, расширяется и, наконецъ, охватываетъ весь горизонтъ. Блескъ какой-то, какъ лучи отъ центра, расходятся и все шире и шире становятся!

Въ гнѣздѣ подъ крышей прощебечетъ ласточка, изъ лѣсу заунывное „ку-ку“ раздается, и старушка моя умиляется, и младенческая улыбка замираетъ на ея губахъ и въ кроткихъ карихъ глазахъ...

Прогуляемся и опять въ комнату.

— Ну, теперь, отдохнемъ! скажетъ—она, взбираясь на постельку:—Довольно того, что изъ окошка зелень вижу; слышу, какъ птицы щебечутъ...

Но бывали случаи, что мы обѣдывали или пили чай не только на балконѣ, но даже въ самомъ саду. Это приводило Сережу въ восторгъ, извѣстный подъ именемъ „телячьяго", который рѣдко кончался тѣмъ, чтобы что либо не было пролито или разбито.

Разставанія наши передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга были всегда грустно-трогательныя, зато встрѣчи самыя радостныя.

— Кто это такой проявился?—говорила она ласково-шутливо, раскрывая мнѣ навстрѣчу широкія объятія:—это другъ сердечный проявился! Ну, садись и разсказывай!

И закипали снова нескончаемыя бесѣды.

Нужно было видѣть, какъ она восхищалась, какъ начнешь ей разсказывать о своемъ путешествіи въ Крымъ или за границу, набрасывая яркія картины природы.

— Ахъ, восторгъ!—произносила она, вся сіяя такъ, какъ будто сама наслаждалась тѣми картинами, что я ей описывала, охватывая ихъ своей поэтической, чуткой душой и живымъ, юнымъ воображеніемъ.—Вотъ люди умѣютъ жить! говорила она часто про насъ и послѣ нашихъ путешествій, и про нашу домашнюю жизнь. А другіе и съ огромными средствами—сидятъ да киснутъ! А этакъ, какъ вы, это я люблю!

И она заставляла меня подробно разсказывать ей обо всемъ, какъ подробно я ей описывала и въ письмахъ, нѣкоторыя изъ которыхъ, подходящія къ дѣтскому пониманію, она цѣликомъ печатала въ „Игрушечкѣ". Въ отвѣтъ на одно такое, гдѣ коснувшись той дисциплины въ воспитаніи дѣтей, что не практикуется часто въ воспитаніи нашихъ, притомъ проведя параллель, она между прочимъ писала:

„А какъ я смѣялась, читая въ вашемъ письмѣ, какъ наши русскіе Левушки и Сережи ревомъ ревутъ, истинно такъ нашъ Сережа и теперь, порой, взревываетъ; смѣялся отъ души и онъ, когда я ему дочитала ваше письмо до этого мѣста, и крайне доволенъ остался. Премилыя ваши письма, жду очень продолженія,— пишите, печатаю прямо, какъ говорится, съ пыла... А когда ваша милость прибудетъ въ родныя палестины? истинно жажду васъ обнять"...

„Поѣздка ваша,—писала она мнѣ другой разъ,—описана вами такъ мило, что хоть печатать,—читала и перечитывала съ истиннымъ наслажденіемъ. Мы живемъ потихоньку, какъ вы видѣли; погода стоитъ прелестная, тишина въ воздухѣ непробудная дни и ночи, все какъ въ дремотѣ, листъ не шелохнетъ, цвѣтетъ, дышитъ ароматомъ волшебное лѣто. Да не въ волшебномъ ли мірѣ и живемъ то мы?...

Самое лучшее время для нашихъ совмѣстныхъ съ Т. П. занятій было послѣ обѣда, когда мы оставались съ ней вдвоемъ. Статей у нея накоплялось много, цѣлые портфели. Станемъ ихъ перебирать, кое-что читаю вслухъ.

— Мило! Это мы возьмемъ,—говорила она по временамъ, слушая мое чтеніе; или:—нѣтъ, это прочь, не надо!

Подбираемъ номеръ, держимъ принесенныя корректуры. Иногда при чтеніи она вдругъ засыпала, такъ полу-сидя. Я переставала читать. Но проходило минуты три-пять, и снова открывала глаза.

— Я, кажется, вздремнула минутку? Мало нынче ночью спала.

И снова, освѣженная, принималась слушать. Поработаемъ, а тамъ и примемся бесѣдовать. О чемъ только, бывало, не переговоримъ, отъ гусиныхъ полотковъ до философскихъ вопросовъ включительно! Много она тоже разсказывала изъ своего прошлаго; о тѣхъ интересныхъ личностяхъ, въ кругу которыхъ вращалась. Передо мной прошли и всѣ романы изъ жизни ея кузена и друга А. И. Герцена и его жены Наташи; всѣ эти романы, съ ихъ трагической подкладкой, въ связи съ романами Огарева, его жены и ихъ семействъ... Разсказывала о разныхъ эпохахъ изъ своей и чужой жизни. Разсказывала она прелестно, образно; рѣчь лилась у нея свободно, просто и красиво, и люди выходили совсѣмъ живыми. За ней можно было стенографировать и прямо печатать. Много было тоже юмора въ ея разсказахъ, такъ что мы обѣ, нерѣдко, принимались хохотать. И какъ она при этихъ разсказахъ оживлялась, глаза блестятъ! Представитъ она и посадку и тонъ изображаемаго лица и такъ вамъ и видится, какъ этотъ, довольный собою, франтъ „скользитъ“... или какъ распустилъ губы „кислятина“. Разъ какъ-то разговорились мы о русскихъ народныхъ пѣсняхъ, которыми она и стала восхищаться. Подъ конецъ: — Давай-ка пѣть!—говоритъ.

И затянули мы втроемъ—Сережа былъ тутъ же—„Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“...

Съ большимъ огорченіемъ оставила Т. П. свою насиженную квартиру, когда домъ подвергся фундаментальной перестройкѣ, переселясь на Глазовую улицу, въ глушь, между трактирами и кабаками, что привело всѣхъ насъ въ ужасъ; но квартира прельстила Т. П. лежанкой, ради которой она не замѣчала ничего другого. Съ этого времени она стала выѣзжать только два раза въ годъ: на дачу и съ дачи, хотя постоянно говорила о томъ, что какъ только немного поокрѣпнетъ, пріѣдетъ къ намъ на цѣлый день и ночевать останется, что дѣлывала прежде, когда проводила у насъ цѣлые вечера нашихъ „субботниковъ", очаровывая все общество своей милой бесѣдой и сердечной простотой. Такъ, одинъ разъ, переночевавъ у насъ, она на утро потащила меня къ графинѣ А. И. Толстой, вдовѣ извѣстнаго скульптора—медальера и бывшаго вице-президента Академіи Художествъ. Мы скоро сошлись съ милой, любезной графиней и затѣмъ иногда съ нею видались, при чемъ она показывала мнѣ превосходныя вещи работы своего мужа и громадные альбомы, полные произведеній разныхъ извѣстныхъ нашихъ художниковъ. У Т. П. я познакомилась и съ дочерью графини—Е. Ѳ. Юнге, очень умной, интересной и многосторонне-образованной особой и прекрасной художницей-пейзажисткой.

Съ зимы 1884 г. Т. П. стала прихварывать. Помню, прихожу я разъ къ ней; лежитъ она въ своей кроваткѣ грустная такая, одинокая, а подлѣ нея, на столѣ, миніатюрныя фарфоровыя игрушки: собачки, зайчики, которыя она перебираетъ и разставляетъ.

— Вотъ смотри, другъ сердечный, совсѣмъ бабушка въ дѣтство перешла: въ игрушки играетъ. И это, ей Богу, меня забавляетъ,—говорила она, меланхолически-кротко улыбаясь.

Лѣчиться ни отъ какихъ болѣзней она не любила, и докторовъ не призывала. Развѣ гофманскихъ капель приметъ, или травку какую-то, которую ей много лѣтъ тому назадъ деревенская баба рекомендовала, пьетъ.

— Это, другъ мой, уже старость; тутъ лѣкарства не помогутъ!—скажетъ, бывало, со спокойнымъ, свѣтлымъ взглядомъ.

Разъ, еще со время ея горячей дѣятельности, застала я ее пишущей бойко, съ двумя лепешками изъ чернаго хлѣба на вискахъ.

— Угорѣла! Эта тетеря—кормилица напихала дровъ въ печку да и закрыла съ угаромъ!—И она прижимала поплотнѣй къ вискамъ свои лепешки, продолжая толковать о дѣлѣ.

И натура была у нея желѣзная, и воля необыкновенная.

Т. П. была по природѣ мистикомъ и не разъ высказывала мнѣ нѣкоторыя бывшія и ей понятныя явленія, не удивляясь разсказамъ о такихъ явленіяхъ, встрѣчаемыхъ мною у нея г-жи Гатцукъ и В. И. Прибытковой, сестры издателя спиритическаго журнвла „Ребусъ“, выходившаго подъ непосредственнымъ руководствомъ А. Н. Аксакова. Въ ихъ разсказахъ я впервые близко познакомилась со спиритизмомъ, не желая, однако, присутствовать на спиритическихъ сеансахъ,—которыхъ Т. П. не избѣгала,—считая такую форму, не соотвѣтствующую моимъ воззрѣніямъ, слишкомъ отвлеченно и духовно сосредоточеннымъ.

Съ весны 1887 г. Т. П. стала чаще прихварывать и слабѣть, такъ что, не докончивъ года, передала журналъ „Игрушечку“ новой издательницѣ и редактору А. Н. Тюфяевой, писавшей подъ псевдонимомъ „Толивѣровой“. Очень хотѣлось старушкѣ передать журналъ мнѣ; но я, несмотря и на желаніе сдѣлать ей пріятное, и на мой интересъ къ журналу, который зародился на моихъ глазахъ,—рѣшительно отказалась, не имѣя въ себѣ ни малѣйшей коммерческой жилки, необходимой въ такихъ дѣлахъ, гдѣ нужно непосредственное сношеніе и съ разными коммерсантами, и съ типографіей, и съ цензурой, и съ почтой, и съ книжными магазинами, и съ подписчиками!

Сдавъ „Игрушечку“, Т. П. однако, не почила на лаврахъ. Ея дѣятельная натура не могла оставаться въ бездѣйствіи. Она приступила къ разборкѣ своихъ бумагъ, своихъ давно начатыхъ произведеній; читала мнѣ нѣкоторыя изъ нихъ, остановившись болѣе серіозно на давно задуманной ею статьѣ „о судьбѣ женщины съ древнѣйшихъ временъ“, нѣкоторыя страницы которой были такъ хороши, что не требовали редакціи. Надъ ней мы и начали было прилежно работать, такъ какъ она непремѣнно хотѣла проредактировать ее вмѣстѣ со мной. Душа ея была еще такъ молода и свѣжа, что, несмотря на слабость физическихъ силъ, старушка постоянно жила иллюзіями, заглядывая далеко впередъ, мечтая о продолженіи своихъ записокъ, что, по счастію, довела до конца. Она все еще чувствовала въ себѣ довольно силы, чтобы держать свою „свѣчечку“.

— Всякій долженъ держать свою свѣчечку, какая по рукѣ придется,—говорила она,—да такъ ты ее держи, чтобы отъ нея и другіе, если захотятъ, могли бы свѣтъ зажечь. Чѣмъ больше отъ твоей свѣчечки зажглось, тѣмъ лучше. Рука опустится, а другія, что отъ нея зажглись, горятъ и отъ нихъ еще зажгутся

свѣчки, такъ свѣтъ въ людяхъ и не гаснетъ. Такъ то, другъ сердечный! Вотъ и наша „Игрушечка"—маленькая свѣчечка, которая тоже свѣтъ, какой ни есть, а разливаетъ. Отъ нея дурному никто не научится! Вотъ и ты держишь въ ней свою свѣчечку и держи крѣпко!

По поводу этой моей „свѣчечки" вспомню я одинъ очень отрадный для меня эпизодъ. Пріѣзжаю я разъ къ Т. П. на дачу. Въ то время въ „Игрушечкѣ" шелъ мой длинный разсказъ „Нашъ домъ", имѣвшій у дѣтей большой успѣхъ.

— Знаешь, другъ сердечный,—встрѣчаетъ меня Т. П.: у насъ здѣсь, на дворѣ, въ одной дачѣ, дѣти живутъ; страсть, какъ любятъ твои вещи читать, и особенно въ восторгѣ отъ твоей повѣсти „Нашъ домъ". Узнали, что ты у меня бываешь,—Христомъ Богомъ умоляли, чтобы я за ними послала, какъ ты ко мнѣ пріѣдешь!

И онѣ пришли—эти двѣ милыя дѣвчурочки. Робко приблизясь ко мнѣ, онѣ поочереди вскинули ручки мнѣ на шею и нѣжно, прямо въ губы поцѣловали; а затѣмъ нѣсколько минутъ стояли передо мной, устремивъ на меня, съ ласковой улыбкой, свои ясные глазки. И какъ я была счастлива, отъ сознанія, что я могу прямо смотрѣть въ эти ясные, довѣрчивые глаза, думать, что я не заронила ничего дурного въ чистыя сердца „малыхъ силъ", которымъ посвятила мое скромное перо, согрѣтое той теплотой, что вынесла изъ своего домашняго очага, счастливыхъ дѣтей честной, патріархальной семьи!

И такъ моя дорогая старушка стала чаще прихварывать и часто возвращалась къ мысли о смерти.

— Пора, другъ сердечный, устала я, отъ всей жизни устала; хочется и на покой, къ своимъ милымъ пора! Знаю, что ты поплачешь обо мнѣ и не забудешь, придешь на бабушкину могилку... Да, не скоро вамъ нажить другую такую бабушку... Я васъ любила всѣхъ, и знаю, что вы бабушку любили... Тебѣ я вѣрю, что ты меня любишь... Ты мой истинный другъ!..

Но работать она все же не переставала; напротивъ работала усердно, спѣша докончить третью часть своихъ записокъ „Изъ дальнихъ лѣтъ". Очень были интересны, предполагавшіяся для этой книги письма Огаревой, о послѣднемъ времени жизни А. И. Герцена, присланные ею Т. П., съ которой вмѣстѣ мы ихъ и прочитывали, приготовляя къ печати. Но дочери Герцена, вслѣдствіе кое какихъ семейныхъ разсчетовъ, просили Т. П. письма

эти не печатать, что она исполнила. Дописывая послѣдніе листы книги, она диктовала ихъ, но слогъ ея не потерялъ ни своей свѣжести, ни ясности и простоты. Взгляды ея стали теперь еще болѣе глубокими и философскими.

— Лежу я вотъ такъ одна,—говорила она мнѣ,—и все думаю, все думаю... и такъ я до многого додумалась, такъ мнѣ многое стало понятно, чего я прежде не понимала! Точно будто горизонтъ передо мною расширяется, расширяется... Помню, когда я еще молода была, такъ же я послѣ болѣзни лежала и вижу я, какъ бы не во снѣ, что около меня свѣтъ какой-то появился, и стали отъ него отдѣлятся лучи, все шире, шире, все стремясь вверхъ, къ какому то центру, и мнѣ самой такъ легко стало, будто и я отъ земли отдѣляюсь и тоже стремлюсь туда, вверхъ... Вотъ я и теперь то же ощущаю... И знаешь,—добавила она, таинственно,—говорятъ, что къ старости глупѣютъ, а я, напротивъ, поумнѣла, право поумнѣла!..

Годъ передъ тѣмъ Т. П., прежде рѣшительно всѣмъ намъ отказывавшая въ просьбѣ снять съ себя фотографію, наконецъ, согласилась на то, чтобы Е. М. Бемъ сдѣлала съ нея силуэтъ. Это было уже передъ лѣтомъ; пошли сборы на дачу и такъ и не удалось это устроить. Теперь же, видя какъ Т. П. слабѣла, я рѣшительно принялась за дѣло и, въ одинъ день, списавшись съ Е. М. пріѣхала къ Т. П. съ тѣмъ, чтобы ее занимать разговорами, пока Е. М. будетъ ее рисовать. Уложили мы нашу дорогую старушку поуютнѣе между подушекъ, и Е. М., принялась ее рисовать акварелью, сепій.

— Лиза меня не мучаетъ,—говорила она про Е. М.:—а другіе какъ мучаютъ, все нужно передъ ними позировать!

Портретъ Е. М. вышелъ поразительнымъ по сходству и выраженію, хотя на лицѣ ея уже лежала печать близкой смерти; но она приближалась неравномѣрными скачками, то давая отдыхъ, то снова тяжело налегая. Иногда я привозила ей какой нибудь желаемый ею гостинецъ. Послѣдній разъ то былъ медъ, встрѣченный ею съ радостью.

— Да, это не медъ—это восторгъ! Откуда это ты такой приволокла?

На мой вопросъ при прощаньи, что ей привезти, она стала просить, чтобы я привезла ей отцвѣтшихъ, погибшихъ цвѣтовъ, что она воскреситъ ихъ.

— Совсѣмъ погибшихъ, которые отставили, чтобы выбро-

сить; я уже знаю, какъ ихъ оживить и опять заставить цвѣсть!— замѣтила она таинственно.

Это было наше послѣднее свиданіе! 24 марта 1889 г. Т. П. скончалась, тихо, даже не страдая, а только мечтая о покоѣ и тишинѣ.

Она лежала въ своей большой залѣ, среди цвѣтовъ, съ такимъ спокойнымъ лицомъ, будто думая: „Ахъ, какъ хорошо такъ отдохнуть послѣ всѣхъ трудовъ и земного горя!“

И покой сошелъ на могилу труженицы, до послѣдней минуту не выпускавшей изъ рукъ ту „свѣчечку“, что разливала столько свѣта и теплоты!..

XI.

Желая дать точный абрисъ дорогой Татьяны Петровны, съ перваго дня моего съ нею знакомства и до дня ея кончины, я сдѣлала 10-ти лѣтній пробѣлъ другихъ событій моей жизни, къ которымъ теперь и обращаюсь.

Первое мѣсто изъ нихъ я отвожу моему знакомству съ Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ, 3-го Мая 1881 года. Съ юности, когда я впервые познакомилась съ его литературой, блеснувшей передо мной свѣтлымъ ореоломъ таланта, полнаго ароматомъ весны, онъ сталъ любимымъ моимъ авторомъ, болѣе мнѣ близкимъ и роднымъ, чѣмъ могучіе таланты Толстого и Достоевскаго, передъ которыми я преклоняюся, но которые не были такъ близки моему сердцу. Моей мечтой было когда-нибудь встрѣтиться съ нимъ, хоть мимолетно, обмѣняться съ нимъ словечкомъ, высказать ему, чтó мнѣ даетъ его поэтическій талантъ. Когда онъ, послѣ долгаго передъ тѣмъ отсутствія, пріѣхалъ въ Петербургъ зимою 1880 года и принялъ участіе въ нѣсколькихъ литературныхъ вечерахъ, я, конечно, его тамъ слушала... Не забыть мнѣ одного вечера, когда онъ читалъ своихъ „Пѣвцовъ“ изъ „Записокъ охотника“. Это было въ пользу „Высшихъ курсовъ“. Его оставили на закуску, чѣмъ онъ очень стѣснялся. Тутъ до него читали и другіе корифеи; пострадали мы душой и надъ отрывкомъ сочиненія „мучительнаго“ таланта Достоевскаго, на долю котораго выпало немало шумныхъ овацій; и вотъ послѣ него, на эстрадѣ появился этотъ русскій богатырь, огромнаго роста, широкоплечій, съ румянымъ лицомъ чисто-русскаго склада, обрамленнаго снѣжнобѣлыми волосами, одна прядь которыхъ упрямо падала на

его умный, высокій лобъ. Ничто не могло сравниться съ тѣмъ громомъ долго не смолкавшихъ аплодисментовъ и восторженныхъ криковъ, что выпали на его долю, сконфузивъ его до слезъ! Но вотъ все стихло, и онъ началъ свое чтеніе... Оно лилось такъ мягко, понемногу разливаясь той волной, той ширью нашихъ степей, тѣмъ мягкимъ дыханьемъ бѣло-грудой чайки, озаренной алымъ закатомъ, надъ засыпающимъ моремъ,—чѣмъ дышала пѣснь Якова, въ его „Пѣвцахъ"... Такъ же, какъ тамъ, всѣ минутно стихли, когда онъ кончилъ и—такъ же, какъ тамъ,—когда онъ послѣ словъ „онъ увидѣлъ, что побѣда за нимъ",—мягко взглянулъ на всю наполнявшую залъ толпу—„о н ъ у в и д ѣ л ъ, ч т о п о б ѣ д а з а н и м ъ!"...

Въ этотъ его пріѣздъ мнѣ всетаки какъ то не привелось съ нимъ познакомиться; но я много слышала о немъ, о нѣкоторыхъ подробностяхъ его семейной жизни и пр. отъ Т. П. Пассекъ, знакомой съ нимъ хорошо во время ея пребыванія въ Парижѣ. Знакомство мое съ нимъ произошло въ слѣдующемъ, 1881 году, 1-е марта котораго налегло на меня тяжелымъ гнетомъ! Я очень любила Царя-Освободителя и его ужасная, трагическая кончина казалось мнѣ, своей несправедливостью, была откликомъ словъ Антонія, надъ прахомъ Юлія Цезаря: „О, граждане, ужасное паденье! Въ немъ я, и вы—всѣ пали...

Впечатлѣніе было подавляющее; нужно было встряхнуться, прикоснувшись къ чему нибудь умиротворяющему; и я схватилась за непремѣнное знакомство съ Тургеневымъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ снова пріѣхавшимъ въ Петербургъ. Недолго думая я, получивъ его адресъ, отправилась къ нему и узнавъ отъ швейцара, что онъ дома, смѣло дернула ручку звонка его двери. Онъ самъ отворилъ мнѣ.

— Можно войти?—спросила я, нерѣшительно остановившись на порогѣ.

— Сдѣлайте одолженіе!—проговорилъ онъ, любезно давая мнѣ дорогу и затѣмъ помогая мнѣ снять пальто.

Изъ крошечной полутемной прихожей (онъ жилъ въ меблированныхъ комнатахъ, на углу Невскаго и М. Морской № 11) мы вошли въ небольшую гостиную, въ три окна, съ балкономъ.

— Извините, что я обезпокоила васъ, Иванъ Сергѣевичъ,— начала я, усаживаясь на предложенное имъ кресло.

— Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?—спросилъ онъ все съ той же любезностью, садясь въ кресло противъ меня.

Я назвала себя.

— Чѣмъ могу вамъ быть полезенъ?

— Ничѣмъ, И. С., кромѣ позволенія посмотрѣть на васъ и этимъ освѣжиться и подкрѣпиться!—отвѣчала я съ искреннимъ чувствомъ:—Въ тяжелое время, что мы теперь переживаемъ, это освѣженіе такъ необходимо; и я рѣшилась для этого обезпокоить васъ, чтобы набраться новыхъ силъ, что мнѣ очень необходимо при моей дѣятельности въ дѣтской литературѣ...

Онъ оживился при моихъ словахъ и, улыбаясь дѣтски-стыдливой улыбкой, проговорилъ, сконфуженно опустивъ глаза:

— Мнѣ очень пріятно это слышать... Такое вниманіе!... А вы, вѣроятно, пишете въ журналахъ?

Я назвала тѣ дѣтскіе журналы, въ которыхъ писала. Коснувшись „Игрушечки", мы разговорились о Татьянѣ Петровнѣ; о дѣтской литературѣ вообще; о В. П. Острогорскомъ, для журнала котораго онъ обѣщалъ написать.

— Давно я обѣщалъ г-ну Острогорскому,—проговорилъ онъ:—да все боюсь, что не сумѣю написать. Вѣдь это такъ трудно писать для дѣтей!

— Вамъ то, И. С., замѣтила я:—съ вашей мягкостью, чистотой и художественной правдой, ужъ совсѣмъ не должно быть трудно!

— Ахъ, нѣтъ, боюсь, боюсь!—повторилъ онъ, схватившись за голову, будто со страхомъ отмахиваясь:—Хотя я, когда-то давно, когда жилъ въ деревнѣ съ семействомъ однихъ знакомыхъ, гдѣ были дѣти, разсказывалъ имъ цѣлую серію маленькихъ разсказовъ, въ видѣ сказокъ; и имъ это очень нравилось. Но вообще такъ трудно писать для дѣтей, чтобы было и просто, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы они не замѣчали того, что они дѣти, что они другого не поймутъ. Вотъ я обѣщалъ Толстому написать что нибудь для „Дѣтскаго Отдыха", да и то не знаю, когда соберусь. Развѣ раскажу одинъ случай, поразившій меня въ дѣтствѣ, когда охотникъ подстрѣлилъ птицу, и она, лежа у меня на рукѣ, смотрѣла на меня такимъ взглядомъ, будто спрашивала: „За что же это?"—Да и вообще вѣдь я совсѣмъ разучился писать. Ужъ сколько лѣтъ не бралъ пера въ руки.

— Ну, по той маленькой вещи, которую вы помѣстили недавно въ „Порядкѣ" („Изъ воспоминаній своихъ и чужихъ")—замѣтила я:—не видно, чтобы вы разучились писать?

— Да вѣдь это у меня давно были небольшіе наброски, ко-

торые я теперь только обработалъ. Вотъ, можетъ быть, въ деревнѣ что нибудь напишу. Къ тому же близъ меня будетъ жить Левъ Толстой; мы будемъ съ нимъ часто видѣться; онъ тоже хочетъ писать; ну, мы и будемъ другъ друга подталкивать. Я вѣдь здѣсь пробуду до 15-го (мая), а потомъ поѣду въ деревню, на лоно матери-природы. Склонюсь къ ней ухомъ, не услышу ли чего? Только жаль, что никогда ничего не слышно, кромѣ невнятнаго шепота!...

Въ деревнѣ,—продолжалъ онъ,—я хочу прожить мѣсяца три. Теперь я тамъ устроилъ домъ; а то онъ у меня поразвалился немного. Прежде я тамъ по годамъ живалъ, а потомъ только на короткое время пріѣзжалъ; ну, онъ и позапустился: кое-гдѣ и продувало, и протекало. А теперь все это устроилось: можно жить. У меня тамъ большой садъ. Къ тому же это близко отъ города Мценска; оттуда можно всю провизію доставать, — голодать не буду.

Я спросила, не свой ли садъ онъ такъ прелестно описалъ въ своей повѣсти „Три встрѣчи".

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—это въ другомъ имѣніи, принадлежавшемъ моей матери; а свой я слегка описалъ кажется, въ „Нови".

Не передавая нашихъ съ нимъ разговоровъ въ хронологическомъ порядкѣ, скажу, что мое знакомство съ Иваномъ Сергѣевичемъ не ограничилось однимъ этимъ визитомъ; а разскажу, что вызвало мои слѣдующія къ нему посѣщенія. Незадолго до его пріѣзда въ Петербургъ я, посѣщая рисовальную школу ради класса лѣпки, работая и въ глинѣ и воскомъ, начала лѣпить изъ воску маленькій барельефъ, съ фотографіи, силуэтомъ—Ивана Сергѣевича, съ орнаментами моего сочиненія. Когда онъ пріѣхалъ, вещица была почти готова и я, придя въ школу, показала ее Д. В. Григоровичу, какъ я уже говорила раньше, всегда интересовавшемуся моими работами, разсказавъ ему при томъ и о моемъ знакомствѣ съ И. С. Со всегдашней своей любезностью, Д. В. разсыпался въ похвалахъ моей работы, прибавивъ:

— Хорошо бы вамъ его лицо закончить съ натуры. Теперь то онъ боленъ; такъ вы пока хорошенько вырисуйте остальное, а потомъ я доставлю вамъ случай полѣпить его съ натуры.

Но я этого ожидать не стала, а разъ уже взявъ смѣлость въ руки и, познакомясь съ И. С., получила лично понятіе объ его любезности, написала ему, съ посыльнымъ, письмо, излагая, по-

чему бы хотѣла еще разъ его навѣстить, спрашивая, когда онъ могъ бы принять меня; на что, съ тѣмъ же посыльнымъ, получила отвѣтъ. „Если вамъ угодно пожаловать ко мнѣ въ воскресенье между 12-ю ч. и 1 ч., то я съ великимъ удовольствіемъ приму васъ“,

Работа моя очень заинтересовала Ивана Сергѣевича. Онъ долго со всѣми подробностями разсматривалъ ее.

— Насколько я понимаю, это очень хорошо; и насколько знаю свое лицо, это похоже,—даже очень похоже... подтвердилъ онъ, рѣшительно. Вы мнѣ скажите, какъ мнѣ сѣсть, чтобъ вамъ было удобнѣй.

Но я позаботилась о томъ, чтобы не тревожить его, сама сѣвъ такъ, какъ мнѣ нужно было. И вотъ эта то моя работа и дала мнѣ случай о многомъ съ нимъ поговорить, что не мѣшало и работѣ, такъ какъ сидѣлъ онъ превосходно! О чемъ только мы не говорили! Начиная съ его твореній и переходя къ злобѣ дня и общественнымъ дѣятелямъ; при чемъ мнѣ было пріятно, что во многомъ наши взгляды сходились... Коснулись мы крайнихъ славянофиловъ и ихъ направленія.

— Вѣдь они совсѣмъ не знаютъ народа,—замѣтилъ онъ. Я помню, какъ Константинъ Аксаковъ терялся, заговаривая съ крестьянами. Но онъ былъ все же... честнѣе; а эти всѣ поступаютъ въ высшей степени возмутительно! И затѣмъ эти нелѣпые нападки на все западное! Я помню, какъ покойный Достоевскій разъ набросился на слово „конституція“. — Да что вы кипятитесь изъ-за названія-то?—говорю я ему, и что это за поворотъ назадъ, ко всему прежнему, до-Петровскому? Хоть бы они подумали о томъ, что тогда нужно будетъ возвратить къ прежнему и нашъ прекрасный богатый языкъ, который до временъ Петра былъ такъ тяжелъ и который съ Пушкина развился такъ богато, сложился такъ поэтично! Потому самому, я вѣрю, что у народа выработавшаго такой языкъ, должно быть прекрасное будущее.

Иногда моя работа прерывалась приходомъ нѣкоторыхъ посѣтителей. Такъ разъ явилось нѣсколько студентовъ просить его написать что нибудь въ разрѣшенный тогда имъ журналъ; на что онъ отвѣчалъ: что у него ничего нѣтъ, да и вообще нѣтъ накакой охоты писать.

— Для васъ то бы я ужъ, конечно, написалъ. Вотъ, можетъ быть, потомъ что нибудь изъ моихъ воспоминаній въ Московскомъ университетѣ. Я вѣдь туда поступилъ рано,—шестнадцати лѣтъ.

Они стали просить, чтобы онъ написалъ о Герценѣ и Бакунинѣ.

— Но вѣдь если бы я и написалъ про нихъ,—отвѣтилъ онъ спокойно,—то вамъ этого, вѣроятно, не позволили бы напечатать.

Они заговорили о недавней лекціи Соловьева и упомянули о нигилизмѣ.

— Это не совсѣмъ вѣрно,—замѣтилъ онъ:—теперь уже нельзя говорить о нигилизмѣ въ томъ смыслѣ, какъ говорили прежде. То, что мы видимъ нынче, это не нигилизмъ, а терроризмъ.

Другой разъ насъ прервалъ приходъ мальчика лѣтъ 14—15, остановившагося въ дверяхъ, съ низкопочтительнымъ поклономъ и радостно осклабленной физіономіей.

— А, это вы!—проговорилъ И. С., вглядѣвшись въ мальчика:— это вы мнѣ стихи приносили?

Затѣмъ онъ всталъ и, доставъ съ этажерки маленькій портфель, сѣлъ на диванъ, усадивъ мальчика подлѣ на кресло. Вынувъ изъ портфеля исписанные листки, онъ сталъ говорить ему о поэзіи такъ просто, понятно. Говорилъ, что для того, чтобы писать стихи, мало только умѣть складывать риѳмы, но нужно образовать свой умъ и развить вкусъ; что поэзія, это нѣжный цвѣтокъ, съ которымъ нужно умѣть обращаться: и чѣмъ лучше уходъ за такимъ цвѣткомъ, тѣмъ онъ становится красивѣе и пышнѣе; что главное нужно учиться и читать, много читать нашихъ великихъ поэтовъ. Спросилъ, чьи изъ нихъ есть у него сочиненія. Мальчикъ отвѣтилъ, что купилъ дешевое изданіе сочиненій Лермонтова и Некрасова.

— А Пушкинъ есть у васъ? Вѣдь Пушкина нужно знать чуть не наизустъ?

Когда тотъ отвѣтилъ, что Пушкина у него нѣтъ, И. С. сказалъ:—Такъ позвольте мнѣ его поднести вамъ въ подарокъ. Вы зайдите сюда, такъ дня черезъ два, теперь его у меня нѣтъ; а тогда я вамъ приготовлю и дамъ.

Сталъ разспрашивать, гдѣ онъ учился. Потомъ, найдя между стихами мальчика свою фотографію, спросилъ его:

— Это вы хотите, чтобы я вамъ подписалъ?—и, подписавъ ее, прибавилъ:—а стихи вы мнѣ оставьте на память. Можетъ быть, вы будете со временемъ великимъ поэтомъ,—добавилъ онъ, добродушно улыбаясь,—и вотъ я тогда и напомню вамъ о нихъ!

По уходѣ мальчика, онъ заговорилъ объ его стихахъ:

— Стихи его совсѣмъ дѣтскіе; но видно способный онъ такой; учиться ему сильно хочется; и лицо у него такое умное, смѣтливое. Думаю, не изъ нашихъ ли онъ, изъ орловскихъ?

Мальчикъ хотя оказался и не изъ орловскихъ, но былъ очень способенъ. Служа въ одной конторѣ, онъ все свободное время посвящалъ ученью. Знакомство съ Тургеневымъ удвоило его рвеніе, и имя Тургенева стало его талисманомъ. Поступивъ въ учительскую семинарію, онъ отлично кончилъ тамъ ученіе и вышелъ на учительское поприще. Въ началѣ его ученія, еще во время пребыванія въ конторѣ, его поддерживала,—именемъ Тургенева,—сестра Е. М. Бемъ—Екатерина Меркурьевна Эндаурова, моя большая пріятельница; мы съ нею снабжали его и учебными книгами.

Вернувшись снова къ моимъ бесѣдамъ съ И. С., скажу, что онъ былъ очень доволенъ, когда я передала ему въ разсказѣ о нашемъ путешествіи по Швеціи и Норвегіи, о томъ, насколько тамъ интересуются его произведеніями, переведенными на норвежскій языкъ, при чемъ особенно любятъ его „Рудина“,—прибавивъ:

— Я зналъ, что мои сочиненія переведены на нѣкоторые языки, но не зналъ, что они переведены на норвежскій.

На мой вопросъ о томъ, которыя изъ его твореній онъ болѣе любитъ, онъ отвѣчалъ:

— Знаете, отвѣтить на такой вопросъ для меня затруднительно. Хотя, повидимому, мнѣ дороги всѣ мои произведенія, какъ мои дѣти; но, когда случается мнѣ ихъ просматривать, при новомъ изданіи, то прежде всего является недовольство. Все кажется, что многое недостаточно выработано; сшито бѣлыми нитками; многое недосказано. Интереснѣе слышать мнѣніе другихъ.

Когда я при этомъ заговорила о моемъ предполагаемомъ рисункѣ, съ его портретомъ посрединѣ, окруженнымъ сценками изъ его сочиненій и назвала тѣ, что выбрала (изъ „Записокъ охотника“: „Пѣвцы“ и „Бѣжинъ лугъ“. Четыре изъ повѣстей: „Фаустъ“, „Ася“, „Первая любовь“ и „Затишье“. 4 изъ романовъ: „Рудинъ“,—„Дворянское гнѣздо“,—Наканунѣ“ и „Отцы и дѣти“, онъ выслушавъ внимательно, замѣтилъ:

— Я нахожу, что вашъ выборъ очень хорошъ!

Въ наше послѣднее съ нимъ свиданіе передъ его отъѣздомъ, я помню его бодрымъ, свѣжимъ, за пузатымъ самоваромъ, въ обществѣ нѣсколькихъ мужчинъ, которымъ онъ только что началъ, что продолжалъ и при мнѣ, разсказывать, съ неподражаемымъ комизмомъ и мимикой сценку въ лицахъ, съ пьяненькимъ мужчикомъ во главѣ.

— Я сегодня совсѣмъ молодцомъ!—говорилъ онъ, удерживая

меня у себя и по уходѣ остальныхъ:—вотъ, смотрите, даже хожу безъ костылей. Завтра хочу уже выѣхать, а дня черезъ три и уѣхать.

Вручая мнѣ свою фотографію, съ подписью, онъ замѣтилъ:

— Мои знакомые все недовольны моими карточками; а я имъ говорю: какія есть, такими и будьте довольны! Больше сниматься не буду! А то такая это скука: усадятъ да еще велятъ улыбаться!

Поднесла я ему мое коротенькое стихотвореніе съ его акростихомъ. Онъ былъ очень тронутъ; такая свѣтлая улыбка озаряла его лицо, когда онъ прочиталъ стихи.

— Я не стою этого!—проговорилъ онъ съ чувствомъ:—Очень, очень вами благодаренъ.

Таинственный шопотъ родимыхъ лѣсовъ,
Уютную прелесть зеленыхъ луговъ,
Румянецъ востока, полуденный зной,
Гимнъ радостный утра и ночи покой,—
Едва прикасаясь чудеснымъ перомъ
Намъ Русь онъ рисуетъ широкимъ штрихомъ;
Едва лишь наброситъ,—и образъ нѣмой
Въ штрихѣ геніальнымъ стоитъ, какъ живой!

Прощаясь со мной и крѣпко пожимая мнѣ руку, онъ проговорилъ съ доброй улыбкой:

— Мы съ вами еще увидимся! Я теперь хочу каждый годъ пріѣзжать лѣтомъ въ Россію.

Но это былъ его послѣдній пріѣздъ въ Россію...

Послѣ того мы до его смерти, время отъ времени, перекидывались съ нимъ письмами; сначала изъ деревни, а потомъ изъ Франціи. Согласно моему обѣщанію прислать ему эскизъ моего, заинтересовавшаго его, рисунка, я въ октябрѣ 1882 г., ко дню его рожденья (28 октября), вмѣстѣ съ моимъ поздравленіемъ, послала ему, какъ эскизъ, сдѣланный перомъ, такъ и мое длинное стихотвореніе, въ которомъ воспѣвала главныхъ героевъ его твореній; стихотвореніе вдохновенное тѣмъ литературнымъ вечеромъ, на которомъ онъ читалъ „Пѣвцовъ". На это онъ мнѣ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ: „Примите мою искреннюю благодарность за вашъ прекрасный, изящный подарокъ. Память ваша обо мнѣ меня сердечно тронула. Я счастливъ тѣмъ, что мои вымыслы могли внушить вамъ такіе гармоническіе и красивые стихи. Вотъ настоящая награда писателю! Сдѣланнный вами выборъ сценокъ, долженствующихъ окружить мой портретъ, кажется мнѣ весьма

удачнымъ—и въ аллегорической рамкѣ цвѣтовъ и растеній я признаю руку художника и поэтическое чувство женщины. Еще разъ благодарю васъ и прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и нелицимѣрной преданности“.

Между тѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ его записочки, въ отвѣтъ на мои спросы объ его здоровьи, становились все безотраднѣй. Послѣдняя, полученная мною отъ него, записочка была написана уже карандашомъ. „Искренно благодарю васъ за сочувствіе,—писалъ онъ;—имѣю сказать вамъ, что операцію я перенесъ благополучно, но старый мой недугъ вернулся съ такой силой, что я принужденъ лежать и пишу даже съ трудомъ. Быть можетъ, дѣло поправится, но надежду на возвращеніе въ Россію, кажется, надо оставить. Желаю вамъ всеге лучшаго и прошу принять увѣреніе въ моемъ сердечномъ уваженіи“.

Окончивъ свой рисунокъ и снявъ съ него фотографію, я одну изъ нихъ послала въ маѣ, передъ моимъ отъѣздомъ въ Крымъ, Ивану Сергѣевичу въ Bougival. Не имѣя извѣстія о томъ, дошло ли это до него я, среди лѣта, опять написала туда. Но на это письмо мнѣ отвѣчала M-me Віардо, уже послѣ его кончины, послѣдовавшей 22 августа 1883 г. „Я ясно помню,—писала она,—посланную вами фотографію, въ рукахъ нашего дорогого усопшаго, но онъ былъ уже такъ слабъ въ это время, что могъ только улыбнуться, проговоривъ: „Какъ это любезно“; но уже не могъ написать вамъ благодарности за ваше милое вниманіе. Позвольте мнѣ сдѣлать это вмѣсто него, прося васъ принять увѣреніе въ моихъ самыхъ искреннихъ чувствахъ“. Въ концѣ письма она добавляла: „На дняхъ его драгоцѣнные останки будутъ перевезены къ вамъ, въ Петербургъ. Я вамъ искренно завидую“.

Мнѣ пришлось проводить эти дорогіе останки отъ станціи Варшавской ж. дороги до Волковскаго кладбища, идя депутаткой съ вѣнкомъ отъ „Игрушечки“. Неизмѣнно-внимательный Д. В. Григоровичъ и тутъ остался вѣренъ себѣ и, увидя, при входѣ на кладбище, меня съ вѣнкомъ, въ депутаціи, поставилъ насъ у самой могилы, среди цвѣтовъ которой и нашелъ покой нашъ любимый художникъ-поэтъ, давшій столько высокаго наслажденія своей теплой, вдохновенной музой! Стоя такъ близко у могилы, я хорошо могла слышать всѣ произнесенныя надъ нею рѣчи, самой прочувствованной изъ которыхъ была рѣчь Д. В. Григоровича, сказавшаго, между прочимъ, что „они, никогда не расходились, хотя и разставались“.

А я, стоя надъ этой раскрытой, полной цвѣтовъ, могилой говорила плачущимъ сердцемъ: „Спасибо тебѣ за тѣ минуты высокаго наслажденія, которое испытывали мы, читая художественныя страницы, переносившія насъ подъ мягкую сѣнь задумчивыхъ лѣсовъ, подъ сводъ небесъ, то румянившихся багрянцемъ заката, то мигавшихъ миріадами звѣздъ; уносившихъ насъ къ тѣмъ людямъ, что радовались и страдали понятными намъ радостями и страданіями, что познакомили насъ съ русской женщиной, умѣющей беззавѣтно любить и неустанно трудиться“!

XII.

Въ томъ же 1881 г., когда я весной познакомилась съ И. С. Тургеневымъ, мы сдѣлали новое заграничное путешествіе, начавъ его съ Вѣны. Проѣхавъ живописнымъ Земмерингомъ, мы, чечезъ Линцъ, направились въ мирный лѣсистый Тоблахъ, съ тѣмъ, чтобы поотдохнувъ тамъ среди его задумчивой, немного суровой природы, оттуда съѣздить въ долину „Кортино—д'Ампеццо“ съ ея грандіозными скалами „Доломитовъ“, представляющихъ гряду сказочныхъ, будто кристальныхъ, высотъ. Какъ Тоблахъ, такъ и д'Анпеццо, показали намъ очень характерныя стороны Тироля, какъ въ картинахъ природы, такъ самаго народа, ихъ жилищъ и образа жизни и очень довольные своимъ тамъ пребываніемъ, мы отправились дальше, черезъ Ландро и симпатичный Боценъ (Больцано), гдѣ провели дня три, полюбовавшись оттуда на очень живописную высоту „Rosengarten“,—къ Гардскому озеру, остановившись въ г. Рива. Гардское озеро наполовину принадлежитъ Италіи, на половину—Австріи. Рива, прибрежный городъ австрійской части чистенькій городокъ съ прекрасными прогулками и вдоль берега и въ долинѣ, въ глубинѣ которой лежитъ г. Арко, считающійся хорошей зимней станціей для слабогрудыхъ, и съ другими интересными поѣздками въ экипажѣ и въ лодкѣ. Мы ежедневно совершали утреннія прогулки въ лодкѣ по синей глади огромнаго озера, очень суроваго въ моменты гнѣва, что слегка проявляется ежедневно въ часъ полудня; такъ что нашъ постоянный лодочникъ, Пьетро, только разъ пропустилъ благопріятный моментъ возврата и въ настигшую насъ „bris'y“ едва могъ подъѣхать къ берегу! Пробывъ тамъ болѣе недѣли, мы всѣ вечера кончали,—какъ истые туземцы.—около большого кафе на берегу

озера, слѣдя, сквозь огромную натянутую сѣтку, за игрой въ „мячи“ (palo), эту чисто итальянскую забаву, тутъ принимавшую видъ серьезнаго состязанія, на которое съѣзжались извѣстные игроки и изъ дальнихъ окрестностей.

На пароходѣ по озеру мы переѣхали границу Италіи,—столбомъ стоящую на берегу озера и, черезъ Дезенцано пріѣхали въ милый городъ Лугано, стоящій на берегу милаго же озера того же имени, съ поэтичными, окружающими его горами, густо покрытыми темными лѣсами сладкаго каштана,—по тихимъ водамъ котораго сдѣлали нѣсколько пріятныхъ поѣздокъ, а затѣмъ, на болѣе долгое время, бросили якорь въ Миланѣ, съ его общеитальянской выставкой, осмотръ которой главнымъ образомъ,— также какъ и обзоръ географической выставки въ Венеціи и былъ,—по назначенію,—цѣлью поѣздки брата. Не буду, конечно, распространяться о выставкѣ, несмотря на весь ея интересъ,— тронусь дальше, съ остановками въ Туринѣ, городѣ очень благоустроенномъ, но не представляющимъ интереса, подобно другимъ итальянскимъ городамъ, въ смыслѣ историческомъ и художественномъ; черезъ чисто-итальянскіе милые городки: Савона и Бордигера,—въ Ниццу. Въ Ниццу мы пріѣхали въ лѣтнее время, и потому она не была очень оживлена; многіе отели были совсѣмъ закрыты. Но на меня она не произвела впечатлѣнія города, въ которомъ я бы не хотѣла пожить подольше, несмотря на милыя прогулки, которыя мы и совершили въ ея окрестностяхъ. Болѣе интересна была потомъ вся поѣздка въ экипажѣ по Ривьерѣ, когда одна картина смѣняла другую, когда и самыя остановки въ своеобразныхъ мѣстечкахъ, представляли очень живыя, разнообразныя картины.

Такимъ образомъ, проѣхавъ до Монте-Карло, мы остановились на нѣсколько дней тамъ, всѣ трое рѣшивъ, по принципу, не поставить ни одного франка на губительной рулеткѣ, и эта рѣшимость стала еще рѣшительнѣй, когда мы наглядно увидѣли эту толпу, жаждавшую „движенія воды“, т. е. возгласа „крупье“; эту толпу со всей омерзительной ея физіономіей, лишившейся того образа, по которому созданъ яко бы человѣкъ! Боже, что за типы,—всѣ съ печатью страстнаго желанія „золота... золота“! Одни, съ жаднымъ вниманіемъ и безобразно выпученными глазами, слѣдятъ за игрой; другіе,—по угламъ, въ одиночку, или компаніей, съ трепетомъ желанія наткнуться на желаемое,— просматриваютъ какія то книжечки, листки, яко бы вмѣщающія въ

себѣ счастливые нумера, вѣрныя указанія на возможность выигрыша, какъ бы слѣдя за счастіемъ всей жизни, цѣна которой поставлена на это зеленое сукно, на эти груды золота. Одинъ,—съ видомъ человѣка побѣдившаго міръ; другой...—Видѣли мы одну старую барыню (какую то русскую княгиню, какъ мы узнали позже) шедшую отъ стола и, съ какимъ то отупѣніемъ на лицѣ, остановившуюся вблизи насъ, вопросительно смотря на лежащій на ея ладони—луидоръ: вѣроятно послѣдній... Нужно было видѣть ея лицо въ тотъ моментъ, когда, какъ то болѣзненно тряхнувъ головой, она круто повернулась и, пошатываясь, снова пошла къ стому! И въ эту то толпу, потерявшую образъ человѣка,—вмѣшаться, слиться съ ней, составить одно общее?—Нѣтъ,—воздуху! воздуху!—А какъ было чудно на воздухѣ, когда мы вышли изъ раззолоченныхъ палатъ этого раззолоченнаго дворца (который мы прозвали, по ея вычурной наружности,—дворцомъ Наины) на этой бѣло-мраморной террасѣ, въ виду моря облитаго луннымъ свѣтомъ; въ виду этихъ прелестныхъ боскетовъ изъ перистыхъ пальмъ, боскетовъ, изъ средины которыхъ неслись чудные звуки чудеснаго оркестра; а повернувшись въ другую сторону, передъ нами вставалъ этотъ раззолоченный чертогъ, гдѣ люди теряли образъ Бога, живя одной жаждой золота, жаждой... чего? Для чего имъ, этимъ,—напоминающимъ раззолоченныя залы этого чертога,—нужно было это золото?!...

На другой день мы поѣхали осмотрѣть Монако; это княжество, позорно живущее позорной гибелью другихъ!... Лежитъ красиво; много зелени. Заговоривъ о зелени, упомяну объ аллеѣ, красивой зелени „стручковаго“ дерева, стручки котораго (въ зрѣломъ видѣ продающіеся у насъ подъ именемъ „рожковъ“) были тогда еще не зрѣлы и потому зеленые, а не черные.—„У васъ ѣдятъ ихъ?“—спросили мы нашего возницу.—„О, нѣтъ!—отвѣчалъ онъ съ презрѣніемъ:—ихъ ѣдятъ только свиньи да русскіе!“—О, Боже, какое униженіе: я вспомнила, какъ и мы въ дѣтствѣ ими лакомились на ярмаркахъ!...

Остановшись на нѣсколько дней въ живописномъ Санъ-Ремо, мы поѣхали въ Геную, имѣя въ виду этотъ разъ не столько ея осмотръ, сколько поблизости ея купальное для насъ мѣстечко. Но всетаки въ Генуѣ мы осмотрѣли и ея прекрасные музеи: „Palazzo Rosso, и „Palazzo bianco“; и роскошный дворецъ Андреа Доріа,—знаменитаго адмирала „отца отечества“, воспѣтаго стихами Аріоста: „Вотъ этотъ Доріа, навсегда избавившій ваше

море отъ пиратовъ". Посѣтили и знаменитое Campo Santo (кладбище), съ превосходными памятниками, между которыми находится, въ часовнѣ, могила знаменитаго патріота Джузеппе Мадзини. Вечерами мы часто гуляли по далеко выдававшейся въ море (позднѣе уничтоженной) дамбѣ изъ бѣлаго мрамора, что представляло очень пріятную прогулку.

Для нашего купальнаго мѣста мы остановились на Пельи мѣстечкѣ въ получасовомъ разстояніи отъ Генуи, по конному траму. Мѣстность была милая, съ прекраснымъ купаньемъ, на песчаномъ, низкомъ берегу; привлекательная по близости двухъ замѣчательныхъ виллъ „Паллавичини" и далѣе, къ Сестри: „Ростанъ", съ громадными парками, полными всевозможныхъ затѣй богачей прежнихъ временъ, изощрявшихся въ ихъ разнообразіи и оригинальности. Въ саду особенную роль играетъ, такъ называемая „Gioca d'acqua" („игра воды"), доставляющая вамъ безпрестанные сюрпризы, иногда ставившая въ комическое положеніе, когда легкія струи, въ прихотливыхъ извивахъ, неожиданно появляются изъ земли и окружаютъ васъ заколдованнымъ кругомъ, изъ котораго нѣтъ выхода.

Покупавшись и отдохнувъ въ идилліи, мы, направляясь къ Венеціи, съ ея выставкой, остановились снова въ Миланѣ, досматривать ея выставку, посѣтивъ еще, на красивомъ кладбищѣ города его отдѣленіе, предназначенное для сожигаемыхъ труповъ, тщательно осмотрѣвъ и самое „Cremazione", гдѣ сторожъ разсказалъ намъ, какъ происходитъ процессъ сожиганія, показалъ намъ и вмѣстилище сожигаемаго трупа. Видѣли мы и уютныя вмѣстилища пепла, заключеннаго въ маленькіе саргофаги, которые по желанію можно перевести въ другое мѣсто. Послѣ этого неизбѣжнаго „memento mori" я перейду къ страницѣ поэзіи и любви,— хотя, увы,—тоже неизбѣжавшей еще и трагическаго исхода, къ поэтической исторіи любви "Ромео и Джульеты", очутившись въ старой Веронѣ, съ ея древней ареной, близъ которой вы встрѣчаете въ часовнѣ чудесныя произведенія кисти Джіовани Беллини, кисти проникнутой божественной чистотой, достойной его Мадонны. Съ грандіозными гробницами Скалигеровъ и оригинальной площадью Del erba (рынокъ разной зелени); съ чуднымъ садомъ „Джусти", въ тѣнистыхъ уголкахъ котораго встрѣчаете парочки, ясно говорящія вамъ, что любовь и подъ разными костюмами и въ разные вѣка та же, что волновала и Ромео съ Джульетой. И вы, уже настроенные этой давнишней, но вѣчно-новой поэ-

зіей любви, съ чувствомъ остановитесь и передъ домомъ, надъ воротами котораго надпись, на бѣлой мраморной доскѣ, гласитъ вамъ, что: „тутъ жила Джульета изъ дома Капулетовъ, которую воспѣли столько поэтовъ и оплакали столько сердецъ (въ домѣ, конечно, кромѣ этой наружной стѣны, нѣтъ и помину о бываломъ); и съ нѣкоторымъ волненіемъ войдете и подъ пергалу монастырскаго дворика, въ концѣ которой увидите небольшую часовню, съ нѣсколькими могильными, изъѣденными временемъ, плитами, покрывающими прахъ особъ изъ дома Капулетовъ; а въ глубинѣ, еще болѣе поломанный мраморный саргофагъ, подъ которымъ нашли покой знаменитые „Веронскіе любовники". Верхняя крышка саргофага сломана, и самый саргофагъ весь наполненъ визитными карточками посѣтителей, принесшихъ свое сочувствіе поэтической парѣ вѣрныхъ любовниковъ...

Положила,—признаюсь,—туда свою карточку и я, съ тайной надеждой, не придетъ ли Джульета отдать мнѣ визитъ; но напрасно прождала его въ своей комнатѣ, въ старомъ отелѣ, съ маленькимъ поэтическимъ балкончикомъ, оплетеннымъ ползучей розой...

Очень интереснымъ городомъ нашли мы Падую, этотъ старинный университетскій городъ, съ чудесными храмами, въ одномъ изъ которыхъ, въ саргофагахъ художественной, строгаго стиля работы, покоятся тѣла Евангелистовъ Луки и Матвѣя. Съ прекрасной „Променадой", украшенной статуями разныхъ итальянскихъ знаменитостей и прекраснымъ ботаническимъ садомъ, особенностью котораго служитъ дерево, сидя подъ которымъ великій Гёте додумался до своей знаменитой теоріи превращенія листа. Въ Падую мы пріѣхали въ одно время съ пріѣздомъ туда королевской семьи, направлявшейся, какъ и мы, въ Венецію, почему городъ имѣлъ праздничный видъ.

Но еще болѣе предстала передъ нами праздничной—Венеція, куда тоже пріѣхала королевская семья. Много пришлось походить по выставкамъ: и картинной, и географической, и ботанической. Ѣздили мы и на Лидо, уже на пароходѣ, который хотя и представлялъ болѣе удобствъ, главное скоростью сообщенія, чѣмъ гондолы, но казался профанаціей, такъ мало гармонируя со всей обстановкой старыхъ дворцовъ, особенно несясь по каналамъ гдѣ такъ таинственно скользили черные гондолы...

Въ высшей степени интересна была „Regata", гонка разнородныхъ барокъ и гондолъ, или украшенныхъ дорогими тканями,

бархатные шлейфы которыхъ тянулись далеко по водѣ, — на манеръ барокъ временъ средневѣковыхъ Дожей, съ наполнявшими ихъ людьми, одѣтыми въ костюмы того вѣка, или убранныя фантастически и аллегорически. Это было что-то положительно волшебное, съ сопровождавшей ихъ музыкой! Праздникъ завершился превосходной иллюминацiей на площади С. Марка, „архитектурной", т. е. окружавшей огнемъ всѣ архитектурныя украшенiя дворцовъ, съ электрическими солнцами на историческихъ шестахъ передъ соборомъ, что привело въ недоумѣнiе и смятенiе постоянныхъ голубей площади, принявшихъ эти солнца за настоящее, появившееся не во-время!

Пробывъ въ Венецiи довольно долго, мы возвращались въ Петербургъ черезъ Вѣну, гдѣ тоже остановились на время, между прочимъ посѣщая оперу, гдѣ я слышала превосходно исполняемыхъ и обставленныхъ: „Фрейшюца" и „Африканку" съ знаменитой Матерной въ роли Селики, гдѣ она была превосходна, также какъ затѣмъ—Ортрудой въ „Лоэнгринѣ", котораго какъ и вообще, первую оперу Вагнера, слышала впервые; и сразу имъ плѣнилась, хотя самъ Лоэнгринъ—Лабатъ, былъ слишкомъ массивенъ для легендарнаго героя; но Купферъ—Эльза была прелестна. Вслѣдъ за Лоэнгриномъ я познакомилась съ серiей „Нибелунговъ" въ прiѣхавшей въ Петербургъ нѣмецкой труппой, со своей обстановкой и дирижеромъ Мукъ; труппой прекрасной, вообще, но гдѣ царили: Мальтенъ, превосходная Валькирiя и Вальнеферъ съ его чуднымъ голосомъ; настоящiй герой Вагнеровскихъ оперъ, создавшiй вполнѣ легендарныхъ „Зигмунда" и „Зигфрида". Хорошъ былъ какъ артистъ и Фогль, хотя уже съ сильно потертымъ голосомъ. „Нибелунги" меня очаровали, хотя вначалѣ, еще не совсѣмъ вслушавшись въ невѣдомую мнѣ до того музыку Вагнера, меня временами поражали длинноты пѣнiя Вотана; но позднѣе, не только вслушавшись, но вникнувъ и духовно во всѣ красоты музыки этого гиганта-мистика, — я вполнѣ передъ нимъ преклонилась!

Въ своихъ воспоминанiяхъ я не разъ,—сначала говоря о рисовальной школѣ, потомъ о Т. П. Пассекъ,—упоминала имя Елизаветы Меркурьевны Бемъ, о которой теперь хочу поговорить подробнѣй.

Начавъ о ней, какъ о художницѣ, скажу, кто изъ людей интересующихся искусствомъ, не знакомъ съ вышедшими изъ-подъ ея кисти дѣтишками, чисто-русскаго типа, съ ихъ розовыми личи-

ками, русыми кудряшками, наивными глазками и широко улыбающимися, или слегка надутыми губками? Кто не угадаетъ, разсматривая этихъ дѣтишекъ, съ какой любовью воспроизводила ихъ художница, съ раннихъ лѣтъ изучивъ ихъ въ натурѣ, на чисто-русской почвѣ? Я уже говорила, что я только мелькомъ видѣла Е. М. въ школѣ; познакомилась же я съ нею гораздо позднѣе, когда она была уже замужемъ и имѣла дочку.

„Установилось мнѣніе,—говорила мнѣ Е. М.—что съ замужествомъ женщины всегда, или большею частію, кончаютъ свое занятіе искусствомъ, не находя для этого достаточно времени. Вспоминаю при этомъ слова Л. Н. Толстого, который говорилъ, что у кого есть призваніе дѣйствительное, то для этого найдетъ время, какъ находишь для того, чтобы пить и ѣсть. И это совершенная истина: чувствую это по опыту. Любя всей душой свое занятіе, я и по выходѣ замужъ и послѣ того, что имѣла ребенка, все такъ же, если еще не болѣе, занималась любимымъ дѣломъ. Только съ лѣтами и благодаря обстоятельствамъ измѣнился вкусъ и выборъ сюжетовъ. Такъ, напримѣръ, дѣтскій міръ сталъ излюбленнымъ для меня".

Ближе мы сошлись съ Ел. Мер. у ея старшей сестры Екатерины Меркурьевны, о которой я упоминала при описаніи оригинальнаго обѣда у Т. П. Пассекъ. Она занимала очень отвѣтственное мѣсто въ конторѣ „Картографическаго заведенія" Ильиныхъ, что не мѣшало, однако, ей очень часто посвящать свои вечера итальянской оперѣ, въ чемъ участвовали и барышни Ильины, тоже большія итальяноманки, милыя, веселыя дѣвушки, изъ которыхъ я болѣе всѣхъ сошлась со старшей, Александрой, чрезвычайно симпатичной, впослѣдствіи вышедшей замужъ за артиллериста Ляпунова. Самъ Ильинъ, генералъ генеральнаго штаба,—былъ товарищемъ моего брата еще по корпусу.

Какъ я говорила раньше, мужъ Е. М. Бёмъ былъ скрипачъ, профессоръ нашей консерваторіи, человѣкъ очень образованный и пріятный въ обществѣ, нѣжно любившій свою жену, постоянно восхищавшійся ея талантомъ.

— Знаете,—говорилъ онъ мнѣ, съ любовью смотря на тѣ прелестныя произведенія кисти Е. М., которыя она, бывало, мнѣ показывала, во время моихъ къ ней посѣщеній:—я не разъ думалъ о томъ, что не столько былъ бы удовлетворенъ, если бы жена моя была, напр. музыкантшей и я, вернувшись изъ консерваторіи, еще полный часто фальшивыми звуками моихъ учениковъ, встрѣ-

чалъ бы и дома опять, хотя бы и хорошіе, но все же музыкальные звуки! А тутъ я прямо отдыхаю на ея рисункахъ!

Вскорѣ я познакомилась и съ родителями Е. М. Мать,—Юлія Ивановна—была олицетворенной добротой и кротостью. Отецъ,—живой старичокъ, страстный меломанъ, съ одинаковымъ восторгомъ внимавшій и пѣвцамъ русской и итальянской оперы и драматургамъ-геніямъ, въ лицѣ Росси и Сальвини, и корифеямъ „Александринки", и пріѣзжимъ гастролерамъ—малороссамъ, часами, даже въ 80 лѣтъ, простаивая въ хвостѣ неистовыхъ меломановъ, всевозможныхъ кассъ. Съ ними жила тогда ихъ меньшая дочь, Любовь Меркурьевна, послѣ смерти родителей переселившаяся къ Е. М. Бёмъ. Кто не знаетъ и прелестныхъ акварелей, какъ въ оригиналахъ на выставкахъ, такъ и отпечатанныхъ на карточкахъ,—работы Любовь Меркурьевна въ ея цвѣтахъ, сохранившихъ, кажется, свой ароматъ, подъ ея, вполнѣ оживляющихъ ихъ, кистью, съ порхающими надъ ними стрекозами и бабочками? Сколько удовольствія выносила я отъ посѣщенія этихъ дорогихъ мнѣ друзей, начиная съ осмотра, каждый разъ вновь, интереснаго, небольшого салона Е. М., представлявшаго положительно музей, соединяя произведенія Айвазовскаго, Рѣпина, Шишкина и другихъ, съ массой всевозможной русской старины, въ видѣ художественныхъ кокошниковъ, рукавицъ, ковшей, стопъ, и изящныхъ произведеній художницы-хозяйки — съ примитивными произведеніями нашихъ кустарей. Продолженіе послѣднихъ встрѣчалось и въ другой комнатѣ, столовой, въ видѣ огромной коллекціи всевозможныхъ свистулекъ по странамъ и губерніямъ. Пріятно было заглянуть и въ изящную, по разнымъ художественнымъ собраніямъ, мастерскую Любовь Меркурьевны.

Сколько хорошихъ часовъ проводили мы тутъ вмѣстѣ, въ нашихъ разговорахъ, касавшихся всесторонниxъ предметовъ, переходя отъ живописи къ музыкѣ, отъ музыки къ литературѣ, не встрѣчая въ милыхъ художницахъ той односторонности, которая такъ часто присуща спеціалистамъ! Много интереснаго разсказывала Е. М. и изъ своихъ знакомствъ и встрѣчъ съ нашими свѣтилами кисти и пера, какъ Васнецовъ, Л. Н. Толстой и другіе. При этомъ нужно сказать, что мнѣ рѣдко случалось встрѣчать такую скромность въ соединеніи съ талантомъ; такого снисхожденія къ бездарности другихъ и такого желанія помочь совѣтомъ и подѣлиться своимъ знаніемъ, а иногда и трудомъ съ другими—какъ въ милой Елизаветѣ Меркурьевнѣ!

Такъ какъ лѣтомъ Е. М. старалась поселиться съ семьей въ деревнѣ, то у нея всегда бымъ неистощимый запасъ маленькихъ натурщиковъ, и изъ всевозможныхъ заготовленныхъ съ нихъ эскизовъ она потомъ и черпала свои оригиналы, облекая ихъ въ разные, костюмы, кстати подбирая къ нимъ пословицы и прибаутки.

— И откуда только вы ихъ выкапываете?—удивлялся, бывало, Стасовъ, думавшій, что онъ то ужъ до самой глуби ихъ докопался.

Моя подробная біографія Е. М. Бемъ была помѣщена въ „Русской старинѣ“, въ Маѣ 1911 г.

Вернувшись къ своей литературѣ скажу: что, послѣ того, какъ я уже была сотрудницей „Дѣтскаго чтенія“ и другихъ журналовъ, получила я очень любезное письмо отъ издательницы журнала „Воспитаніе и обученіе (нынѣ „Родникъ“)—Е. А. Сысоевой, приглашавшей меня къ сотрудничеству въ ея журналѣ. Я тотчасъ же приняла предложеніе и знакомство съ такой интересной особой было мнѣ очень пріятно! Большая умница, многосторонне образованная и серьезно развитая, вполнѣ передовая и притомъ чисто-русская, даже своей свѣжей, открытой физіономіей,—Е. А. сразу располагала къ себѣ, и бесѣды съ ней приносили неослабѣвающій интересъ. Впослѣдствіи, когда журналъ перемѣнилъ уже свое названіе, а затѣмъ, послѣ смерти Е. А. перешелъ къ ея племяннику А. Н. Альмедингенъ,—я иногда писала и тамъ.

У Е. А. Сысоевой я встрѣчала иногда молодыхъ литераторовъ того времени; и, не задолго до его смерти, встрѣтила несчастнаго Гаршина, съ лихорадочнымъ блескомъ его испуганно-бѣгавшихъ глазъ и часто довольно безсвязныхъ фразъ, которыми онъ принялся передавать мнѣ интимныя подробности своей жизни.

XIII.

Два мѣсяца отпуска брата 1882 и 1883 гг. мы проводили въ Крыму, въ своемъ Наташинѣ, и тутъ состоялось наше, т. е. мое и моей belle soeur, знакомство съ графомъ Димитріемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ и его семьей, проживавшихъ въ своемъ имѣніи, Симеизъ.

Мой братъ, какъ редакторъ „Русскаго Инвалида“, въ бытность Д. А. военнымъ министромъ, имѣя непосредственно съ нимъ сношеніе по сдужбѣ, посѣщалъ ихъ домъ и какъ близкій,

радушно принимаемый знакомый. Также вскорѣ сблизились и мы съ милой семьей, съ удовольствіемъ посѣщая другъ друга. Конечно, посѣщенія не могли быть часты, такъ какъ разстояніе отъ Наташина, лежащаго за Ялтой съ одной стороны, до Симеиза, лежащаго за Алупкой, считая 27 верстъ, и мы пріѣзжали другъ къ другу на цѣлый день, съ утра, даже мѣняя лошадей: доѣзжая до Ялты на своихъ, а тамъ беря тройку татарскихъ.

Путь былъ длинный, но очень живописный, начиная съ тѣнистаго парка нижней Массандры, доходившаго почти до самой Ялты. Имѣя разрѣшеніе, мы проѣзжали затѣмъ черезъ Ливадію и Оріанду, съ изумрудными газонами и цвѣтниками,—первой и таинственной сѣнью чудеснаго парка—второй. Мчались на лихой тройкѣ, по гладкому шоссе, мимо суровыхъ скалъ мыса Ай-Тодоръ; мимо татарскихъ саклей, лѣпившихся, какъ гнѣзда, среди вѣковой грязи и застывшей дикости. Пролетали черезъ оплетенные густой зеленью поэтическіе дворы сказочной Алупки и прибывали къ Симеизу, съ его обширными виноградниками и гостепріимнымъ домомъ, осѣненнымъ зеленью сада.

Семья тогда состояла изъ жившихъ при родителяхъ трехъ незамужнихъ дочерей: Ольги, Надежды и Маріи. Старшая—Елизавета, была замужемъ за княземъ Шаховскимъ, эстляндскимъ губернаторомъ; меньшая — Елена, — за офицеромъ генеральнаго штаба,—Гершельманъ. Сынъ—Алексѣй, былъ курскимъ губернаторомъ.

Какъ хорошо чувствовалось всегда среди этой милой, радушной семьи, съ ея простотой истинно-культурныхъ людей; съ ихъ многосторонними интересами, отвѣчавшими на всѣ ваши запросы; съ тѣмъ миромъ, что царилъ какъ то, во всѣхъ, ихъ окружавшемъ, начиная съ ихъ прекраснаго имѣнія и кончая видимымъ благоденствіемъ, какъ живущихъ въ имѣніи, такъ и страннопріимныхъ собакъ, такъ и разнородныхъ, вольныхъ пернатыхъ, для которыхъ на всѣхъ балконахъ дома, находились подвѣшанныя на веревкахъ доски съ различнымъ кормомъ. Двухъэтажный, съ небольшой вышкой, домъ представлялъ полный комфортъ: среди комнатъ особенно интересенъ былъ кабинетъ Димитрія Алексѣевича, съ его громадной библіотекой, съ книгами расположенными въ нѣсколько ярусовъ, въ полномъ порядкѣ, по каталогамъ, составленнымъ самимъ Д. А. съ помощью его дочери Ольги Дм. Чего-чего не было тутъ, начиная съ дорогихъ фоліантовъ, подносимыхъ издателями! Эта библіотека была дорогимъ дѣтищемъ

Д. А. и онъ съ удовольствіемъ показывалъ ее тѣмъ, въ комъ видѣлъ особенный интересъ, и къ этимъ принадлежала я, въ ка̂ждое наше посѣщеніе Симеиза, побывавъ въ заповѣдномъ кабинетѣ, вмѣстѣ съ милымъ хозяиномъ, обращавшемъ мое вниманіе на ново-появившееся изданіе, или на что либо имъ самимъ исправленное и подклееное изъ старинныхъ книгъ, вновь доставшихся ему отъ его родственника, завѣщавшаго ему библіотеку. Въ этомъ же кабинетѣ хранились, какъ реликвіи, дорогія ему вещи, принадлежавшія Императору Александру II, какъ: его портреты въ интимной обстановкѣ, его мундиръ въ ящикѣ подъ стекломъ и другія. Какъ онъ беззавѣтно любилъ этого,—дорогого, всѣмъ истиннымъ русскимъ,—Царя-Освободителя, которому былъ вѣрнымъ другомъ и мудрымъ сподвижникомъ! Нужно было видѣть, какой нѣжностью озарялось его, всегда немного меланхолическое, лицо при разговорѣ о Государѣ съ людьми, чутко его понимавшими. Какимъ прелестнымъ письмомъ отвѣтилъ онъ мнѣ на мое ему поздравленіе—въ августѣ 1898 г.—съ высокимъ званіемъ, примѣненнымъ къ чествованію незабвеннаго Царя-Мученика! Я тогда чутко поняла, что это-то соединеніе и должно быть дороже высокаго титула ему, чуждому честолюбія; и эта чуткость нашла отзвукъ въ его сердцѣ и вызвала въ его длинномъ ко мнѣ письмѣ такую фразу: „Вы придали ей (т. е. наградѣ) то именно значеніе, которое я самъ въ ней вижу, и которое поняли немногіе".

Милый, дорогой Дмитрій Алексѣевичъ! Это была одна изъ наиболѣе свѣтлыхъ личностей, встрѣченныхъ на моемъ длинномъ жизненномъ пути! Васъ сразу озарялъ этотъ ясный тихій свѣтъ его ума, не бившій на эффектъ, не старавшійся ослѣпить фейерверочными вспышками; лившійся ровно, мягко; озаряя, а не ослѣпляя; согрѣвая и подбодряя; эта мягкость въ сужденіяхъ и снисхожденіи къ людямъ. При всей серьезности его ума, вы никогда не чувствовали себя стѣсненнымъ. Вамъ не приходило на умъ: „Вдругъ я не такъ скажу? Не сказала ли я какой глупости"? Онъ не только не подавлялъ васъ своимъ умомъ, не возвышался имъ надъ вами, но всегда былъ готовъ спуститься до самыхъ вашихъ маленькихъ интересовъ, даже до вашихъ шуточекъ и пустячковъ; не съ видомъ принижающаго васъ снисхожденія, а съ видомъ добродушнаго человѣка, заинтересованнаго вашими пустячками! Помню, какъ по просьбѣ Ольги Дм., съ которой мы сразу дружески сошлись, пріѣхавъ изъ нашего Наташина, погостить къ нимъ въ Симеизъ, я нашла Ольгу Дм. за окраской различными

эмалевыми красками металлическихъ столиковъ для разныхъ балконовъ. Я тоже принялась за эту работу; но, въ качествѣ художницы, начала въ ней изощряться и, на одинъ изъ круглыхъ столиковъ, по черному фону, стала набрасывать пышный вѣнокъ цвѣтовъ. Нужно было видѣть, какъ это заинтересовало Дмитрія Ал. приходившаго изъ своего строгаго кабинета, слѣдить за нашими работами, на большой балконъ, съ чуднымъ видомъ на море и на „Диво-камень"; слѣдить особенно за расцвѣтомъ моего вѣнка и одобрительно похваливать! Выразивъ еще большіе похвалы по окончаніи его, онъ сердечно замѣтилъ:

— А знаете, Софья Ивановна, — хорошо бы наверху, надъ цвѣтами, помѣстить бабочку!

Конечно, не прошло и десяти минутъ, какъ бабочка уже порхала надъ цвѣтами, встрѣченная Димитріемъ Ал. съ полнымъ удовольствіемъ и умильно-привѣтливой улыбкой!

Во время моего гощенья въ Симеизѣ, по вечерамъ, послѣ ужина, подававшагося въ 7 часовъ (обѣдали въ часъ; въ 4 пили чай), мы собирались въ салонѣ, около круглаго стола, дамы съ работой, при чемъ Д. А. читалъ намъ вслухъ. Къ этому чтенію онъ приготовлялся заранѣе, отмѣчая карандашемъ, что можетъ интересовать насъ въ нѣсколькихъ въ тотъ день полученныхъ газетахъ, и выбравъ статью въ какомъ-нибудь изъ толстыхъ журналовъ, преимущественно „Вѣстника Европы". Но, усѣвшись съ газетами и книгой за круглымъ столомъ, по своей обычной во всемъ корректности, онъ до тѣхъ поръ не приступалъ къ чтенію, пока Наталья Михайловна не произносила, немного властнымъ, присущимъ ей, тономъ:

— Ну, что же, Дмитрій (сильно картавя на букву *р*), ты прочтешь намъ что-нибудь?

Вѣрная неизмѣнная подруга 70-лѣтней совмѣстной брачной жизни, Н. М.—живая, съ свѣжимъ румянцемъ, бойкой рѣчью и интересомъ ко всему, несмотря на свою многолѣтнюю слѣпоту, вела весь строй обширнаго хозяйства по имѣнію, главное увлекаясь проведеніемъ повсюду воды, что ей, какъ-то, особенно удавалось. Пріѣзжая къ намъ, въ Наташино, Н. М., какъ истая хозяйка, очень интересовалась хозяйствомъ моей невѣстки и бойко, со своей палочкой, слѣдовала за ней по виноградникамъ, хотя и не видя, но слыша ея разсказы, провѣряя ихъ своими знаніями и охотно давая совѣты, особенно касательно изысканія воды. Не ходила она только въ общей компаніи съ нами на прогулки.

Зато Д. А. при его неутомимости, превосходилъ всѣхъ насъ въ этихъ прогулкахъ!

Идутъ они впереди, съ моимъ братомъ (на 15 лѣтъ его моложе), поднимаясь въ горы. Мы идемъ тише, да еще иногда остановимся, чтобы и видомъ полюбоваться, да и передохнуть немного; пріостановятся и наши вожаки; братъ тоже запыхался. Оглянемся: „А Дмитрій Алексѣевичъ гдѣ?“

— Я здѣсь! — откликнется онъ сверху. — Взглянемъ, а онъ уже на вершинѣ; стоитъ молодцомъ, въ бѣломъ кителѣ, и хоть бы что! Даже не дышитъ такъ тяжело, какъ мы всѣ.

Во время моего гощенья въ Симеизѣ, сидимъ мы, дамы, утромъ въ 8 часовъ за кофе; Д. А. возвращается съ прогулки.

— Что,—спросишь—Дмитрій Алексѣевичъ далеко ходили?

— Нѣтъ,—просто отвѣтитъ:—сегодня я маленькую прогулку сдѣлалъ. Дошелъ до Алупки (отъ нихъ 4 версты), обошелъ верхній паркъ („дистанція огромнаго размѣра“) и домой.

Потомъ, среди дня еще пройдетъ по хозяйству да съ нами по имѣнію, въ чаиры; къ морю. Еще иногда привяжется съ нами какая-нибудь изъ любимыхъ комнатныхъ собачекъ,—ихъ у каждой барышни было, и всѣ были любимицами и Д. А; устанетъ какая изъ баловницъ, и онъ еще ее на рукахъ домой тащитъ! Эта любовь и снисхожденіе къ собакамъ простирались до того что разъ, во время пребыванія Д. А., по какому-то торжественному случаю въ Петербургѣ,—посѣтивъ насъ, онъ, среди дружеской бесѣды, видимъ, самымъ неудобнымъ образомъ лѣпится на кончикѣ кресла, не желая,—какъ оказалось,—обезпокоить растянувшагося сзади него, нашего толстаго мопса, Боби (чуткимъ сердцемъ угадавшаго покровителя своихъ собратій), увѣряя, что онъ ему нисколько не мѣшаетъ!

Въ продолженіи нашего знакомства въ семьѣ Милютиныхъ произошло нѣсколько, большею частію, грустныхъ событій. Первыми были смерти двухъ изъ дочерей: Маріи и молодой Елены Гершельманъ, умершей послѣ вторыхъ родовъ. Позднѣе—замужество милой, доброй Надежды Дм. съ княземъ Долгорукимъ, съ которымъ она прожила всего четыре года и овдовѣла почти въ одно время съ Елизаветой Дм. Шаховской; а еще позднѣе—смерть ихъ единственнаго сына. Смерть его совпала съ началомъ нашей несчастной Японской войны, неудачи которой такъ больно отзывались въ сердцѣ такого истиннаго патріота, какимъ былъ Д. А., что даже парализовали горе кончины сына! Въ этомъ ска-

зался истинный сынъ своего отечества, скорбѣвшій за то униженіе, что оно переносило, благодаря слишкомъ долгому „терпѣнію“ главарей арміи!..

Въ 1884 г. мы снова поѣхали заграницу, прежде всего для брата и belle soeur въ смыслѣ лѣченія, которое они производили въ Маріенбадѣ, миломъ мѣстечкѣ, лежащемъ въ долинѣ, какъ кольцомъ, окруженной холмами, сплошь покрытыми еловыми лѣсами, гдѣ происходитъ масса прогулокъ, снабженныхъ всѣмъ комфортомъ, не говоря уже о всюду ожидающихъ васъ для отдыха, диванчикахъ, но и уютныхъ кафе на разныхъ возвышенностяхъ, съ живописнымъ видомъ. Много и хорошей музыки, играющей у всѣхъ источниковъ, не считая прекрасныхъ концертовъ, посвященныхъ то одному, то другому изъ музыкальныхъ геніевъ, при томъ оплачиваемые просто грошами!

Ѣздили мы оттуда и въ Карлсбадъ, который я нашла хотя и очень живописнымъ, но менѣе симпатичнымъ, какъ то давившимъ совсѣмъ надвинувшимися на него горами; а кончивъ лѣчебный сезонъ поѣхали въ старый Нюренбергъ. Какъ живописна эта старина и въ храмахъ, съ ихъ древними, рыцарскими гробницами, въ почернѣлыхъ фонтанахъ и такихъ же почернѣлыхъ, и красивыхъ именно этой вѣковой чернотой, домахъ, своеобразной архитектуры, и этой вѣковой, грозной крѣпостью, со всѣми, наполнявшими ее ужасными казематами и страшной, по своей разнообразной изобрѣтательности, орудій пытокъ, которыми человѣкъ терзалъ человѣка! Кровь стыла въ жилахъ и при видѣ ихъ и еще болѣе при мысли, на что человѣкъ тратилъ свое воображеніе! Чего стоила одна эта ужасная Юнгфрау!.. Коротко остановившись тоже въ старомъ интересномъ Аусбургѣ и миломъ Линдау, на берегу Констанцскаго озера, мы нѣсколько дней пробыли въ Нейгаузенѣ,—со всѣхъ сторонъ изучивъ знаменитый „Рейнскій водопадъ; и въ его общей, могучей красотѣ, и проходя подъ его брызгами подъ арками скалистыхъ проходовъ, и при блистательномъ освѣщеніи его струй разноцвѣтными огнями иллюминаціи. Побывали затѣмъ въ Цюрихѣ, этомъ самомъ благоустроенномъ изъ швейцарскихъ городовъ, съ красивыми окрестностями. Далѣе, черезъ Везенъ проѣхали въ Рагацъ; прошли по всѣмъ проходамъ, извивающихся по стѣнахъ грозныхъ гигантовъ скалъ, надъ бушующимъ потокомъ Пфейфера“; побывали опять въ Мюнхенѣ, а оттуда на „Konigsee“, съ его суровой красотой, которой мы полюбовались, оста-

новясь въ Бертенгагенѣ. Кромѣ нашихъ поѣздокъ по озеру, побывали мы на знаменитыхъ соляныхъ копяхъ въ окрестностяхъ озера.

Отправились мы туда всѣ трое; но когда при вступленіи, намъ предложили пойти въ уборную переодѣться въ мужскіе костюмы, въ виду многихъ неудобныхъ переходовъ внутри пещеръ, моя belle soeur убоялась сего и рѣшительно отказалась, оставшись насъ ждать; а мы съ братомъ, переодѣвшись (я тоже въ мужской костюмъ), ринулись съ толпой, на произволъ судьбы и нашего вожака, по узкимъ, прорѣзаннымъ въ подземныхъ пещерахъ, переходамъ. Чѣмъ дальше подвигались мы, тѣмъ болѣе радовались тому, что Мальвина не пошла съ нами, при ея довольно слабыхъ ногахъ. Приходилось намъ то вдругъ начать спускаться внизъ, ступеней на 150, по узкимъ, крутымъ, скользкимъ лѣстницамъ, то по такимъ же, тоже въ 100—150 ступеней, лѣзть наверхъ. Вотъ подходимъ къ пропасти, глубоко чернѣющей внизу... „Гдѣ же лѣстница“? Но оказывается, что вмѣсто лѣстницы намъ предстоитъ спуститься внизъ, усѣвшись, одинъ за другимъ, на покато стоящее круглое лакированное бревно, и по немъ скатиться внизъ, придерживаясь лѣвой рукой за натянутый толстый канатъ; при чемъ мы поняли, какую роль должна была играть розданная каждому кожаная перчатка, безъ которой ладонь руки при молніеносномъ полетѣ внизъ—была бы ободрана о грубый канатъ! Такихъ полетовъ нужно было совершить не одинъ! А вотъ и соленое озеро, которое нужно было переплыть, что окончательно смутило бывшихъ въ нашей компаніи молодыхъ тиролекъ и то безпрестанно взвизгивавшихъ отъ ужаса. „А что если мы упадемъ въ воду?“ завопили онѣ. „Ну, тогда сдѣлаетесь селедками!“ успокоилъ ихъ братъ, на этотъ разъ вызвавъ ихъ смѣхъ. А бѣлая соль такъ и виднѣлась повсюду, въ отколотыхъ глыбахъ.

Впереди намъ представлялось послѣднее, но наиболѣе страшное искушеніе. Для возврата изъ пещеръ, когда мы опять очутились на уровнѣ земли, насъ посадили на узкія дрожки, другъ за другомъ, опять-таки верхомъ, давъ каждому въ руку зажженный фонарикъ, а затѣмъ пущенныя электричествомъ дрожки понеслись съ такой неимовѣрной быстротой, что огни нашихъ фонариковъ тотчасъ же погасли, и мы неслись съ этой бѣшеной быстротой въ темнотѣ, неслись не по прямой линіи, а все изворотами, думая только о томъ, чтобы совершенно прямо держаться,

такъ какъ при быстромъ поворотѣ, изогнувшись, мы могли удариться о каменныя, совсѣмъ близкія къ намъ, стѣны головой и раздробить ее въ дребезги! И вдругъ затѣмъ мы быстро выскочили съ нашими дрожками на свѣтъ солнца, совсѣмъ, было, послѣ темноты, насъ ослѣпившій, довольные, что видѣли всю эту интересную, по своему устройству и производству процедуру, но давъ слово, больше этого не повторять!

Очень была пріятна остановка въ миломъ Зальцбургѣ, такъ живописно лежащемъ въ долинѣ Зальцаха. Что за милыя, веселыя окрестности! Какъ чудесно-живописна тамъ „Kalwarienberg", этотъ трогательный „Крестный путь", встрѣчаемый часто именно въ Австріи (а тоже Баваріи)—съ часовнями всего крестнаго пути Христа, изображеннымъ въ 12-ти картинахъ или скульптурѣ, съ Распятіемъ въ концѣ. Здѣсь этотъ путь идетъ по горѣ, на верху которой, у монастыря „Maria-Plen", возвышается чудесное, мраморное, колоссальное Распятіе, съ чудеснымъ видомъ, далеко простирающимся во всѣ стороны, которыя обнимаетъ своими пригвозджденными руками Христосъ!

Въ самомъ городѣ много воспоминаній, посвященныхъ моему любимцу Моцарту, съ свято хранимымъ домомъ, въ которомъ онъ родился; со всѣми его реликвіями, даже съ немудренымъ клавесино, на которомъ игралъ великій музыкальный геній.

Такъ же пріятны, въ смыслѣ мирной, живописной природы,— предстали намъ Ишль, а затѣмъ Гмунденъ, на берегу прелестнаго Traunsee, гдѣ мы останавливались не надолго, торопясь въ Штееръ, выставка котораго:—металлическихъ издѣлій, съ важнымъ значеніемъ,—была главной научной цѣлью поѣздки брата. Закончили мы Вѣной, въ которой на оперной сценѣ слушали безсмертнаго „Донъ-Жуана", въ такомъ исполненіи, что несмотря на то, что я слушала эту мою любимую оперу многое множество разъ у итальянцевъ,—рѣшила, что тутъ я, въ такомъ „нѣмецкомъ" исполненіи, слышала ее въ первый разъ: такъ все у нихъ было полно смысла и значенія! Даже принимаемая за не болѣе, какъ довольно скучныя вокализы,—роль Эльвиры, тутъ была исполнена драматизма; и стала понятна скорбная участь несчастной жены Севильскаго сердцеѣда! Очень былъ хорошъ и этотъ сердеѣдъ, въ лицѣ прекраснаго, умнаго артиста, баритона Рихтера; а Дону-Анну исполняла чудесная Матерна, создавшая такую героиню, подобной которой мы не видѣли на итальянской сценѣ! Очень мила была и Церлина, все же не затмившая Церлину-Лукку.

Коснувшись, вообще, спектаклей замѣчательно-содержательныхъ по исполненію, особенно въ произведеніяхъ ихъ творцовъ, припомню теперь подобные спектакли въ Петербургѣ, труппы пріѣзжавшихъ туда нѣсколько разъ — Мейнингенцевъ, давшихъ намъ много удовольствія, помимо прекраснаго исполненія, точнымъ воспроизведеніемъ, граничащимъ почти съ благоговѣніемъ къ исполяемымъ ими твореніямъ Шекспира и Шиллера. Мы видѣли точную живую картину воспроизводимаго, начиная съ поразительно-вѣрными эпохи и страны: обстановки, костюмовъ, обычаевъ, доходящихъ до мелочей, производящихъ полную иллюзію. Особенно благодарна я имъ за поразительную картину Шекспировскаго „Юлія Цезаря", послѣ Гамлета моей любимой его трагедіи. Вы цѣликомъ переносились въ эту толпу на площади; въ залѣ Сената вы переживали съ ней всѣ эти бури; вы замирали въ моментъ, когда...

„У подножья статуи Помпея
Плащемъ закрывъ лицо, Великій Цезарь палъ..."

И вы уходили изъ театра, будто сами переживъ весь этотъ ужасъ, подъ впечатлѣніемъ выносимыхъ только послѣ, чего-либо истинно прекраснаго! И какимъ прекраснымъ Антоніемъ былъ талантливый Барнай!

Послѣ этого „Юлія Цезаря" я много-много лѣтъ спустя видѣла „Юлія Цезаря", убитаго не Брутомъ и К°, а актерами Московскаго Художественнаго театра, спектаклями котораго, нѣсколько разъ дававшимися въ Петербургѣ, я очень наслаждалась (о чемъ рѣчь впереди)—въ комедіяхъ Чехова и нѣкоторыхъ другихъ; но тутъ эти актеры смахивали своимъ непониманіемъ тона классическаго на московскихъ купчиковъ, третьяго разряда, прямо изъ обжорнаго ряда, наѣвшись подовыхъ пироговъ, отправившихся „ломàть" Шекспира! Исключеніе представлялъ одинъ Качаловъ, очень хорошій Юлій Цезарь. Дирекція перехитрила и въ декораціяхъ, представивъ первую сцену,—вопреки Шекспировской „площади",—на узенькой площадкѣ, окруженной нелѣпыми домами полу-современнаго стиля, столь узенькой, что носилки, съ проносимой Кольфурніей, еле выстроились передъ суфлерской будкой, и бѣдный Цезарь, затертый въ толпѣ, оттуда выкрикивалъ свое: „Кольфурнія!"

Превосходно давался Мейнингенцами „Вильгельмъ Телль", какъ и другія Шиллеровскія трагедіи, въ томъ числѣ „Іоанна д'Аркъ", замѣчательная и по своей обстановкѣ и группировкѣ

толпы, оживленной до поразительной жизненности! А тоже всѣ „Валленштейны“.

Заговоривъ о гастроляхъ разныхъ иностранныхъ артистовъ, упомяну еще о вѣнскомъ драматическомъ артистѣ Робертѣ, игравшемъ у насъ съ нашей нѣмецкой труппой Михайловскаго театра, и давшій намъ превосходнаго Байроновскаго „Манфреда“, съ дивной музыкой Шумана. Спектакль этотъ можетъ быть отнесенъ, по исполненію роли артистомъ—къ положительно исключительнымъ! Нельзя того сказать про даннаго имъ „Гамлета“, въ роли котораго ему много мѣшало недавнее воспоминаніе о дивномъ Гамлетѣ—Росси; но главное слишкомъ ужъ мѣшали другіе исполнители трагедіи своей каррикатурной игрой, приводившей публику временами въ несоотвѣтствующее печальной трагедіи веселое настроеніе! Этому особенно способствовала злосчастная королева, такъ упорно державшая въ лѣвой рукѣ носовой платочекъ, съ тщательно расправленнымъ кружевнымъ кончикомъ, что даже умеревъ отъ влитаго ей въ ротъ яда, осталась, прямо сидя въ своемъ высокомъ креслѣ, неукоснительно спокойной, съ столь же тщательно сжатымъ и расправленнымъ платочкомъ въ рукѣ, вызвавъ въ публикѣ не сочувствіе къ ея печальному положенію, но игривое настроеніе!

Между тѣмъ дѣятельность моя шла во всю! Я писала, гравировала, рисовала, одно смѣняя другимъ и потому никогда не уставая. Также дѣятельно шла и моя служба на помощь „малымъ симъ“ по моему приходу, найдя себѣ еще превзошедшую меня, дѣятельницу, въ лицѣ члена Совѣта, гдѣ возсѣдала и я, его секретаря и казначея, Ольги Михайловны Кошевской, рожденной Майковой, двоюродной сестры поэта Ап. Майкова. Прекрасно образованная, большая умница, много перенесшая въ жизни горя, она теперь всей душой отдалась добрымъ дѣламъ, не щадя себя, не отказываясь ни отъ какого дѣла, могущаго принести пользу. Въ нашемъ „Братствѣ“ она была незамѣнимымъ человѣкомъ! Къ ней обращались изо всѣхъ нашихъ учрежденій, которыхъ тогда было уже нѣсколько, какъ: богадѣльня, безплатная квартира, пріютъ. Она знала всѣхъ бѣдняковъ нашего прихода, излазивъ всѣ подвалы и чердаки и по обязанности, по посылаемымъ повѣсткамъ и по собственному побужденію, имѣя уже своихъ постоянныхъ „пансіонеровъ“. Съ ней хорошо было работать: это такъ подбодряло и поднимало духъ, что даже становилось не только легко, но даже весело на душѣ, и такъ близки

становились эти бѣдняки, въ ихъ подвалахъ и чердакахъ, что самыя ихъ логовища не отталкивали отъ себя своею неказистостью и часто тоже, бывало, отъ себя навѣщаешь кое-кого изъ отмѣченныхъ, особенно если тамъ дѣти; и тѣ встрѣчаютъ уже не какъ „оффиціальное“ лицо, а какъ знакомую. Одной изъ такихъ была у меня одна премилая старушка, когда то знавшая другую, безбѣдную жизнь, про которую она и разсказывала такъ просто и разумно. Отъ прошлой жизни у нея осталась приверженная ей старуха-служанка, дѣлившая съ ней ея крохи, крохи, которыя обѣ старухи еще дѣлили со старымъ псомъ, неизвѣстной породы. Жили онѣ въ подвалѣ, только не въ углахъ, а въ отдѣльной каморкѣ, съ окошкомъ въ уровень со дворомъ, за которую платила одна благодѣтельница, съ небольшой ежемѣсячной помощью отъ нашего прихода. Я, время отъ времени посѣщала ее, съ удовольствіемъ всегда меня встрѣчавшую, и много мы съ ней бесѣдовали хорошо, по душѣ. Были кое гдѣ и знакомыя дѣти, тоже встрѣчавшія приходъ къ нимъ съ радостью, и какою это было радостью для себя, какой подъемъ души!...

XIV.

Въ 1886 г. мы снова поѣхали заграницу, черезъ Берлинъ, опять прежде всего, для продолженія леченія моихъ милыхъ спутниковъ, въ Маріенбадѣ, а потомъ, проѣхавъ черезъ Висбаденъ. сдѣлали интересную поѣздку по Рейну, остановясь на нѣсколько дней въ мирномъ, университетскомъ Боннѣ, родины Бетховена.

Онъ былъ симпатиченъ, этотъ уютный городъ, на берегу Рейна, съ красивыми берегами, вся окрестность котораго такъ живо нарисовала въ моемъ воображеніи обстановку мѣстечка, гдѣ происходилъ расказъ Тургеневской „Аси“, когда я, подъ вечеръ яснаго дня, съ розовымъ закатомъ, озарявшимъ тихія воды Рейна, сидѣла на широкой террасѣ нашего отеля, прямо выходившей къ водѣ.

Изъ скромнаго уютнаго Бонна мы переѣхали въ оригинальный, пестрый Амстердамъ; прямо, только что переѣхавъ границу Голландіи, наткнулись на ея оригинальныя поля, отвоеванныя отъ воды и потому представляющія такія скудныя пастбища, на которыхъ, пасущимся на нихъ коровамъ, трава отпускается, кажется, по золотникамъ; тамъ ихъ регулярно водятъ на веревкахъ,

по назначенному мѣсту. Самъ Амстердамъ, въ высшей степени оригиналенъ, съ его высокими, но узкими, иногда въ два и три окна подъ рядъ,—домами, выкрашенными во всевозможные цвѣта, даже черные; выстроенные на сваяхъ, съ громадными крючьями въ вышкахъ, вмѣщающихъ въ себя хлѣбные амбары, въ предостереженіи отъ сырости внизу, и посредствомъ этихъ то крючьевъ, на толстыхъ канатахъ, кули съ мукой поднимаются вверхъ. Не смотря на всѣ принятыя мѣры къ умиротворенію, отвоеванной отъ моря земли,—оно все же не перестаетъ заявлять свое неудовольствіе и взбудораживаетъ камни мостовой, придавая ей видъ волнистаго моря, что было и на главной площади, гдѣ стоялъ нашъ „Bible-Hôtel". Городъ всюду прорѣзанъ каналами, обсаженными деревьями бульваровъ; чистота вездѣ поразительная: моютъ дома—бо̀льшей частью выкрашенные масляной краской,—снаружи мыломъ.

Странно и кладбище города, памятники котораго тоже, будто въ pendant, стоящимъ на сва̀яхъ домамъ, представляютъ плиты въ стоячемъ положеніи, тоже будто на сва̀яхъ. Но что всего замѣчательнѣе, это художественный музей города, съ его представителемъ Р е м б р а н т о м ъ, лучшими картинами котораго является его извѣстная картина „Ночной дозоръ". Очень хорошъ здѣсь тоже „Зоологическій садъ". Но, чтобы покончить съ странностями Амстердама, скажу, что мы въ столицѣ Голландіи, не могли получить хорошей г о л л а н д с к о й селедки, далеко уступавшей нашимъ, петербургскимъ „г о л л а н д с к и м ъ".

Посѣщенный нами затѣмъ Б р ю с с е л ь, показался намъ послѣ Амстердама изящной гостиной молодой аристократки, послѣ оффиціальнаго кабинета богатаго банкира; какъ послѣ скудныхъ мѣстностей Голландіи блеснули весельемъ живописныя деревни плодородной Бельгіи, Брюссель прозывается маленькимъ Парижемъ; но и внѣ всякаго сравненія это прелестный, очень чистый, изящный городъ, съ прекрасными памятниками искусства, и памятниками историческими, касающимися несчастнаго Эгмонта, память котораго вызвала и чудесную поэзію Шиллера и дивную музыку Бетховена, и прекрасный его памятникъ на той площади въ Брюсселѣ, гдѣ онъ былъ казненъ и гдѣ находился его домъ. Очень хорошъ и музей съ произведеніями Р у б е н с а, и другихъ фламандцевъ и прекрасныя сады съ прекрасной музыкой.

Заѣхавъ затѣмъ на одинъ, съ ночевкой, день, только для осмотра чудеснаго, чисто готическаго стиля, А м і е н с к а г о со-

бора, мы направились для отдыха въ Гавръ, гдѣ и точно отдохнули, вдыхая въ себя живительный морской воздухъ, гуляя по его длинной, выходящей въ море, дамбѣ, любуясь игриво-скользящими по сторонамъ медузами; а вечеромъ,—на серебристыя струи блестящихъ, микроскопическихъ „Маммарій“, ярко-серебрившихъ море. Съѣздили оттуда на одинъ день въ приморскій, модный Трувиль, а затѣмъ отправились въ Руанъ, предпринявъ это путешествіе по Сенѣ, пароходомъ, межъ живописныхъ, прекрасно воздѣланныхъ, мѣстностей, съ веселыми домиками, выглядывавшими изъ пышной зелени.

Проведя нѣсколько лней въ Руанѣ, мы главное, кромѣ вообще осмотра этого интереснаго, стариннаго города, посвятили подробному осмотру всего, касающагося до моей любимой исторической героини — „Іоанны д'Аркъ“; побывавъ всюду, гдѣ могла встрѣтиться свято хранившаяся о ней память. Видѣли и одну уцѣлѣвшую еще башню отъ крѣпости, въ которой она содержалась и залу судилища, и крошечную подлѣ келью, гдѣ она провела послѣднюю, передъ казнью ночь, и площадь, гдѣ была сожжена, съ ея древней, почернѣлой статуей. Но и помимо всѣхъ этихъ памятниковъ, Руанъ одинъ изъ интереснѣйшихъ старинныхъ городовъ, представляя и другіе, интересные, старые памятники архитектуры. Погостили мы, послѣ Руана и въ Парижѣ, продолжая и его осмотры или возобновляя прежніе. Что за прелесть „Клюни“ и скульптурное отдѣленіе Лувра, съ древними развалинами и дивной „Венерой Милосской“—моей любимой Венерой. Нѣтъ, въ Парижѣ именно есть что-то обаятельное, что-то возбуждающее нервы, только что вы попадали на его бульвары, сливаясь съ этой толпой, вѣчно ликующей, вѣчно праздничной! Мы иногда обѣдали у Дюваля, съ этой, несмотря на многолюдство, какой-то уютной, обстановкой; мѣшались съ толпой загородныхъ садовъ и пр. Я посѣщала и Morgue... Но какъ дивно хорошъ соборъ „Notre Dame de Paris!“ Какой полетъ ввысь въ этой чудной Готикѣ!

Закончили мы этотъ разъ Берлиномъ, гдѣ въ оперномъ театрѣ слушали „Морякъ-Скиталецъ“ Вагнера, съ его таинственно-мистическимъ сюжетомъ и красивой музыкой, писанной еще подъ вліяніемъ итальянской; а въ другомъ театрѣ Шекспировскую „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, эту прелестную фантазію, съ прелестной музыкой Мендельсона, въ которой изъ исполнителей былъ всего лучше прелестный „Пукъ“.

Раньше, отступивъ отъ хронологическаго порядка, я уже, коснувшись нашихъ домашнихъ спектаклей и всего прочаго, посвященнаго посѣщавшей насъ, молодежи; описывала эти два, послѣдующіе года: 1877 и 88, когда среди молодежи, и сама какъ-то молодѣла и подбодренная работала по-молодому, не переставая посѣщать и театры и концерты. Посѣщеній этихъ, конечно, за прекращеніемъ въ 1886 году казенной итальянской оперы, стало меньше; оставался постоянно-абонированный въ четвергъ французскій театръ, куда мы отправлялись втроемъ: братъ и belle soeur внизъ, въ кресла, а я въ балконъ, переполненный моими знакомыми; такъ что, помимо интереса спектакля, это всегда было „rendez-vous“, съ такимъ множествомъ знакомыхъ, что не доставало антрактовъ для того, чтобы со всѣми имѣть время перемолвиться словомъ! Тутъ возникли опять новыя знакомства, какъ бывало въ доброй памяти,—Большомъ театрѣ. Явились и любимые артисты,—конечно далеко не возжегшіе прежній огонь, потухшій на алтаряхъ прежнихъ боговъ.

Любимымъ артистомъ былъ Вальбель, прекрасный артистъ, съ благородной, прочувствованной игрой и изящными манерами. Вообще тогда французскій театръ еще не дошелъ до такого паденія, какъ позднѣе, когда утратилась вся охота его посѣщать. Были пріятны и эти поѣздки всѣмъ вмѣстѣ, когда, возвратясь домой, мы дѣлились своими впечатлѣніями. Громадное наслажденіе выносилось и послѣ посѣщеній симфоническихъ концертовъ, на которые я тоже постоянно была абонирована, на хорахъ Дворянскаго Собранія. Усядешься, бывало, на своемъ стулѣ, во второмъ ряду, закроешь глаза, чтобы не развлекаться окружающимъ и вся сольешься съ этими звуками, что льются могучей волной созданія могучихъ геніевъ! Одно время каждый концертъ былъ посвященъ произведеніямъ какого-нибудь одного генія и,—Боже мой,—какъ они, эти избранники неба, отмѣченные Божіемъ глаголомъ, уносили насъ въ небо, гдѣ виталъ этотъ, когда то оживлявшій и вдохновлявшій ихъ,—духъ! Разные были и капельмейстеры оркестра.

А „историческіе“ концерты А. Г. Рубинштейна? Вѣдь это было просто событіе, записанное на скрижаляхъ русскаго искусства неизгладимыми буквами! Я помню первый концертъ, посвященный самой примитивной музыкѣ! Rameau, Boildieu, Lully и пр. на насъ пахнуло такой свѣжестью, наивностью „добраго стараго времени“, будто отворили окно, въ старый дѣдовскій садъ,

откуда понесся ароматъ цвѣтущей липы; а изъ-за забора, съ птичьяго двора, заклохтала насѣдка. Одинъ концертъ за другимъ дарилъ намъ новое наслажденіе, идя по ступенямъ развитія музыки, въ игрѣ великаго піаниста; то заставлявшаго насъ трепетно внимать унылому вѣтерку пробѣгавшему надъ могилой, смѣнивъ похоронный маршъ Шопена, то возноситься горѣ, въ могучихъ звукахъ—Бетховена... И мы и замирали, и трепетали, и переживали опять чудесные часы въ этихъ незабвенныхъ десяти концертахъ незабвеннаго артиста!

Эти концерты были цѣлой эпопеей, каждый изъ которыхъ проигрывался, великимъ піанистомъ, три раза: въ Консерваторіи, въ концертѣ Петербурга и концертѣ Москвы, и каждый вездѣ и всѣмъ приносилъ наслажденіе!

Лѣто, т. е. вторую его половину, какъ 1887 и 88 гг. мы проводили въ Крыму и упомянувъ о томъ, остановлюсь на описаніи одной нашей туда поѣздки черезъ Севастополь и Бахчисарай. Вслѣдствіи нашей вообще малой предпріимчивости, Севастополь почти не поддавался обстройкѣ, все представляя грустныя развалины грустнаго прошлаго... Унылы были и его окрестности, съ ихъ лугами, покрытыми скудной полынной травой, приводящіе васъ и до живописно-расположенныхъ скалъ Георгіевскаго монастыря, и до живописныхъ развалинъ Херсонеса,—этой крестильницы земли русской. Бахчисарай представляетъ нѣчто, состоящее изъ грязныхъ полу-домовъ, полу-саклей, съ столь же грязными лавчонками, щеголяя только ханскимъ дворцомъ, образовавшимъ цѣлый городокъ своихъ всевозможныхъ зданій, теперь подновленныхъ и подкрашенныхъ, часто очень неумѣло, исказивъ прежнюю красоту. Брату было разрѣшено остановиться во дворцѣ, и мы расположились въ жилыхъ комнатахъ гарема, съ шелковыми диванами, покрытыми пестрыми, затѣйливыми вышивками ханскихъ женъ. Какъ красивы были нѣкоторые, еще хорошо сохранившіеся узоры въ отдѣлкѣ стѣнъ, потолковъ и удивительно рѣзныхъ дверей, разныхъ ханскихъ залъ! Въ одной изъ нихъ, скорѣе какомъ-то вестибюлѣ, находится такъ называемый „фонтанъ Маріи“, собственно „Бахчисарайскій фонтанъ“, представляющій стѣну съ собраніемъ фигуристыхъ золоченыхъ раковинъ, изъ которыхъ теперь чуть-чуть сочится вода; но страшно небрежно,—особенно внутри,—содержится „могила Маріи“, въ концѣ ханскаго двора, внѣ ограды, въ видѣ крытаго павильона, съ рѣзнымъ куполомъ.

Бо́льшей поэзіей охватило насъ вечеромъ, на ханскомъ дворѣ,

когда мы, уже послѣ заката солнца, отдыхали тамъ отъ дневной жары, обвѣянныя откуда-то принесеннымъ запахомъ весеннихъ цвѣтовъ... Кругомъ, какъ неподвижная стража, вытянулись черные кипарисы и тополи, уже слегка посеребренные, встававшей луной, и вдругъ, среди жуткой тишины, вверху, будто съ неба, раздались чудные, точно именно небесные, звуки!... Мы подняли головы: прямо передъ нами, на той сторонѣ двора, съ высокой башни ханской мечети, неслись эти чарующіе звуки чуднаго голоса муэдзина; неслись и сливались и съ прозрачнымъ, насыщеннымъ ароматомъ, воздухомъ, и съ луннымъ свѣтомъ и, будто таяли въ немъ, не касаясь грѣшной земли!...

Пробывъ нѣсколько дней въ Бахчисараѣ, мы оттуда ѣздили, верхами: на древне-еврейское кладбище, прозванное „Іосафатовой долиной"; и въ полу-разрушенный древній городъ Чуфутъ-Кале и въ Успенскій монастырь, кельи и церковь котораго прорублены прямо въ скалахъ. На южный берегъ мы проѣхали черезъ раздольную Байдарскую долину, съ ея чудесными буками и проѣхавъ Байдарскія ворота, прямо встрѣтились съ лазурной гладью Чернаго моря, только въ самыя сильныя бури оправдывающее свое мрачное названіе, а то ласкающее глазъ лазурью. И опять я часами любовалась имъ съ нашей широкой галлереи и воспѣвала стихами и его лазурь и стражи-скалы и лѣсную тишь; и много рисовала и писала; рѣдко, кромѣ прогулокъ въ горы, оставляя наше живописное, уютное имѣніе, отказываясь отъ посѣщенія Ялты, которая по мѣрѣ своего разрастанія и болѣе шумнаго наплыва посѣтителей, большею частью очень не симпатичнаго склада, съ мужчинами кутежнаго пошиба и барынь авантюристокъ, болѣе заинтересованныхъ проводниками татарами, въ шитыхъ серебромъ курткахъ, съ нахальными рожами, чѣмъ красотами природы,—Ялта все болѣе утрачивала въ моихъ глазахъ, свою прежнюю патріархальную прелесть, и я только проѣзжала черезъ нее въ тѣ дни, когда мы посѣщали Милютиныхъ, въ ихъ Семезѣ. Эти посѣщенія, также, какъ ихъ къ намъ пріѣзды,— были по прежнему очень пріятны, какъ была пріятна наша встрѣча съ Дмитріемъ Алексѣевичемъ, въ слѣдующемъ, 1889 г. за границей, куда мы снова отправились, къ чему я теперъ и перейду.

Мы выѣхали, въ іюлѣ черезъ Берлинъ, направляясь прямо въ Парижъ на его „всемірную" выставку, и пробыли въ Парижѣ почти мѣсяцъ, очень прилежно осмотрѣвъ выставку, бывшую очень интересной! Нечего и говорить о томъ, какое было ожи-

вленіе въ городѣ и безъ того такомъ шумномъ, какъ Парижъ! Но, увы,—это было причиной того, что онъ утратилъ свою прежнюю чистоту! Теперь повсюду, всѣ бульвары были усѣяны рваными бумагами всевозможныхъ объявленій, которыя, по ихъ прочтеніи, бросались и растертыя ногами чуть не сплошь покрывали такія чистыя дорожки бульваровъ, съ деревьевъ которыхъ, бывало, стряхивались завялыя листья! Особенно отличались отъ парижской, все же болѣе культурной толпы, прибывшіе на выставку провинціалы, эти „буржуи", потомъ придавшіе грязноватый видъ всему туземному, такъ въ него внѣдрившемуся, что измѣнился весь прежній лоскъ всемірной столицы!

Мы каждый день посвящали нѣсколько часовъ выставкѣ, много времени отдавая и садамъ, такъ какъ погода была дивная: всѣ сады роскошно зеленѣли, вездѣ гремѣла музыка. Много были мы и въ театрахъ. Слышали, между прочимъ, новую оперу Сенъ-Санса „Henri VIII", не вынеся оттуда ничего особенно-выдающагося. Видѣли въ Comedie française только что поставленнаго Шекспировскаго „Гамлета" въ передѣлкѣ Ал. Дюма̀, имя котораго и стояло на программѣ, вмѣсто имени его настоящаго творца, тутъ мѣстами отодвинутаго на задній планъ его замѣстителемъ, заставившемъ, напримѣръ, Гамлета, въ сценѣ съ Офеліей, ворковать по голубиному, сладкимъ голосомъ восклицая: Je t'aime!... Гамлета игралъ Муне-Сюлли и игралъ хорошо, съ прекрасной пластикой, временами напоминавшей Росси. Были мы и въ другихъ спектакляхъ этого прекраснаго театра, опять просмотрѣвъ и „Ernani"; были и въ другихъ театрахъ, какъ напр. „Эдемъ", устроенномъ съ замѣчательной роскошью, гдѣ давали какой-то феерическій балетъ, при чемъ потолокъ раздвигался, что было очень пріятно въ жаркіе лѣтніе вечера. Въ одно время съ нами былъ въ Парижѣ и нашъ милый чудакъ И. А. Кершинъ, со своимъ либерализмомъ, радовавшійся всего болѣе воспроизведенію въ развалинахъ „Бастиліи". Осматривали мы и всѣ эти, относящіяся къ выставкѣ, воспроизведенія и панорамы. Поднимались во второй этажъ Эйфелевой башни, уже съ котораго видъ былъ немного задернутъ туманной мглой, такъ что отъ третьяго этажа мы отказались, найдя, что всего лучше и яснѣй было съ перваго.

Бывъ на какомъ то грандіозномъ концертѣ въ „Трокадеро", поудивились тому порядку и уваженію къ нему разношерстной парижской публики, съ которой она подвигалась къ кассѣ за билетами, не выходя изъ ряда протянутой веревки, вспомнили

при томъ массивный барьеръ, сдвинутый петербургской публикой, кинувшейся, какъ буйная орда, за билетами 4-го абонемента итальянской оперы, чуть не сокрушивъ чиновниковъ дирекціи. Подивились и той неумѣлости показать „товаръ лицомъ“, съ которой на выставкѣ въ отдѣлѣ мѣховъ, наши великолѣпные мѣха были нашими Одноушевскими и С° навалены грубой грудой на грубыхъ деревянныхъ срубахъ, потерявъ всякій видъ и образъ,— рядомъ съ жиденькими шкурками, размѣщенными французами съ такимъ изяществомъ, который убивалъ нашъ богатый, во всемъ, всегда стушевывающійся, матеріалъ! Въ художественномъ отдѣлѣ выставки мы тоже, какъ всегда и вездѣ, не отличились, не выставивъ ничего замѣчательнаго. Пальму первенства получили испанцы, и по замыслу—всего болѣе выставивъ историческихъ произведеній и по чудесному, живому колориту. Изъ окрестныхъ мѣстъ, заново посѣтили мы „Севръ“ съ его прекрасной фарфоровой фабрикой, гдѣ живописью занимаются лучшіе парижскіе художники.

Послѣ Парижа мы отдыхали въ Виши, гдѣ мои спутники пили воды, а я, собираясь по просьбѣ Е. А. Сысоевой, написать для журнала „Родникъ“ повѣсть изъ быта французскихъ рабочихъ, часто навѣщала деревню, лежавшую на берегу Альё, познакомясь съ одной деревенской семьей. Хозяйка ея, очень милая женщина, много мнѣ разсказывала объ ихъ образѣ жизни, что и вошло въ мой разсказъ, съ приложеніемъ къ нему героини, взятой мною съ натуры: именно служанки нашего пансіона, знакомой мнѣ еще съ прошлаго нашего пріѣзда въ Виши; служанки, бывшей когда то, кормилицей въ домѣ и такъ и называвшейся „нуну“,—какъ я и озаглавила мою повѣсть, имѣвшую успѣхъ въ журналѣ.

Это наше пребываніе въ Виши ознаменовалось еще тѣмъ, что мы въ театрѣ его народнаго „Казинó“, видѣли еще не увядшую Жюдикъ, все такую же обаятельную, какой я, когда-то для нея разрѣшивъ не любимый мною театръ—буффъ, видѣла и слышала въ Петербургѣ.

Свое леченье мои спутники продолжали въ „Aix les bains“, миломъ уютномъ городѣ, съ кое-какими остатками древности, временъ римскаго владычества и красивыми окрестностями. Затѣмъ, посѣтивъ Женеву, мы оттуда сдѣлали очень интересную поѣздку въ Шамуни, поѣхавъ туда въ омнибусѣ. Миновавъ городъ и его предмѣстья, мы вскорѣ переѣхали границу Швейцаріи и покатили по плодороднымъ долинамъ Савойи. Иногда долины уходили далеко, разстилаясь прелестнымъ ярко-зеленымъ ковромъ,

усѣяннымъ группами кудрявыхъ деревьевъ; иногда онѣ суживались, и дорога пролегала въ ущельяхъ, внизу которыхъ, въ густотѣ зелени, бурливо бѣжала мутная Арва, то разливаясь широко по долинѣ, то мчась потокомъ. Шумные водопады ниспадали то отвѣсно, то уступами; какая-нибудь бѣлая хижина высоко-высоко лѣпилась на скалѣ, будто орлиное гнѣздо. Изъ облаковъ, тихо скользившихъ по лазури неба, стала яснѣе вырисовываться густо-снѣжная шапка Монъ-Блана, съ ея глетчерами, спускавшимися очень низко и ярко бѣлѣвшими среди темной зелени склоновъ.

Все Шамуни, не считая деревни, разбросанной по сторонамъ, собственно состоитъ изъ одной улицы, съ рядомъ отелей и нѣсколькихъ домовъ съ магазинами туземныхъ издѣлій. По обѣимъ сторонамъ, сзади домовъ, какъ стѣны высились горы, покрытыя частымъ лѣсомъ, надъ которыми царилъ Монъ-Бланъ, рѣзко, до осязанія, рисуя нетронутую рыхлость густого снѣга своей вершины, на блѣдной лазури вечерняго неба. Намѣреваясь на утро встать пораньше, чтобы видѣть его вершину при солнечномъ восходѣ, мы тотчасъ же послѣ обѣда въ томъ отелѣ, гдѣ остановились, разошлись по своимъ комнатамъ. Когда я вошла въ свою, на меня изъ раскрытаго окна пахнуло тепломъ ароматной ночи, съ цѣлымъ хоромъ сверчковъ. Я облокотилась на окно и стала вдыхать мягкую свѣжесть, несущуюся съ горъ, темными силуэтами рисовавшихся прямо предо мной, внимая и крику сверчковъ и бурливому говору Арвы, безустанно шумѣвшей внизу...

Вдругъ, совсѣмъ близко подъ моимъ окномъ, раздались мелодичные звуки скрипки, игравшей арію „у креста“ изъ оперы „Фаворитка“. Въ сумракѣ ночи я и не могла разглядѣть, кто былъ этотъ артистъ, игравшій, какъ казалось, въ густо-оплетенной зеленью бесѣдкѣ небольшого садика отеля. Звуки скрипки чудно пѣли, то замирая, то разливаясь волной; въ нихъ слышались и слезы, и стонъ наболѣвшей души, и страсть любящаго сердца, и отчаяніе погибшихъ надеждъ... Эта игра и вся обстановка были такъ поэтичны, что я забыла о своемъ намѣреніи тотчасъ же лечь и долго стояла у окна, въ которое вмѣстѣ съ ароматомъ горъ неслись звуки невѣдомаго и невидимаго артиста, продолжавшаго пѣть и вздыхать своимъ смычкомъ, перейдя теперь къ одному изъ прелестныхъ ноктюрновъ Шопена... И я потомъ такъ и заснула подъ эти звуки, шумъ бурливой Арвы и хора ночныхъ сверчковъ...

Въ четыре часа мы всѣ уже были на ногахъ и, быстро одѣвшись, вышли на террасу взглянуть на Монъ-Бланъ. Заря блѣдно загоралась, разгоняя предутренніе туманы, и Монъ-Бланъ, будто сбрасывая ночные покровы, являлся въ своей горделивой бѣлизнѣ. Вотъ обнажились скалистыя, покрытыя снѣгомъ, острыя верхушки „короны"; вотъ и сама бѣлоснѣжная шапка начала вырисовываться: пышная, круглая, густо-рыхлая. Выглянули и другія вершины. Вдругъ, изъ-за противоположной стороны, на бѣлоснѣжную вершину сталъ набѣгать легкій стыдливый румянецъ. Вотъ она вся нѣжно зардѣлась. Легкій пурпуръ задѣлъ и другія верхушки, и затѣмъ все задернулось туманомъ, будто на мигъ показавъ свою красоту, она застыдилась и набросила покрывало, чтобы скрыться отъ нескромныхъ взоровъ...

Не останавливаясь на слѣдующихъ городахъ съ большими или меньшими въ нихъ остановками, какъ: снова Женева, Люцернъ, гдѣ этотъ разъ мы имѣли много удовольствія въ вечернихъ концертахъ главной его церкви, съ превосходнымъ органомъ, производившимъ поразительный эффектъ и нашимъ подъемомъ по зубчатой дорогѣ на Пилатъ; Комо, Миланъ, Спецція,—съ прелестнымъ публичнымъ садомъ, полнымъ тропической зелени и поѣздкой въ окрестностяхъ къ гроту Венеры, любимой прогулки Байрона и его друга Шелли, въ этихъ водахъ, нашедшаго и свою смерть; и Пиза, съ ея падающей башней, на которую мы съ братомъ взошли только до 4-го этажа, съ ея прекраснымъ музеемъ и чуднымъ соборомъ, и остановлюсь на моей любимой Флоренціи, главное, на двухъ въ ней пріятныхъ, совершенно неожиданныхъ, встрѣчахъ.

Первою—была встрѣча съ Д. А. Милютинымъ, происшедшая очень оригинально! Въ одно утро, когда я одна отправилась въ какой-то музей, а братъ съ женой—въ садъ „Boboli",—возвращаются они оттуда и, сначала, желая меня заинтриговать, начинаютъ разсказывать, какъ, отдыхая на одной изъ таинственныхъ аллей чудеснаго сада, видятъ: идетъ, приближаясь къ нимъ, пожилой статскій, по осанкѣ такой джентельменъ, что они рѣшили, что это непремѣнно какой-нибудь итальянскій „conte" или „principe"... И вдругъ, не кончивъ фразы, братъ радостно срывается со скамейки навстрѣчу этому „истинному conte", тоже порывисто напрявляющемуся къ нему, съ распростертыми объятіями! Вслѣдъ затѣмъ милый „conte" пришелъ къ намъ въ отель, и мы всѣ вмѣстѣ отправились въ знакомый уже намъ ресторанъ обѣдать

въ саду, закончивъ вечеръ снова у насъ, за русскимъ чаемъ, всегда имѣвшимся у Мальвины, такъ какъ въ тѣ годы было еще трудно найти гдѣ-либо, а тѣмъ болѣе въ Италіи, порядочнаго чаю. Не забуду того соленаго чаю, можетъ быть завареннаго на морской водѣ, которымъ разъ угостили насъ въ Венеціи!

Сдѣлаю еще маленькое отступленіе, разсказавъ, какъ разъ, въ томъ же знакомомъ ресторанѣ, о которомъ я упомянула выше, Orlandini,—главное отмѣченнымъ тѣмъ, что при немъ былъ садъ,— плутоватый лакей подалъ намъ, вмѣсто заказанной рыбы, какое-то подобіе ящерицъ съ крошечными ножками, на что мы тотчасъ же и обратили его вниманіе, замѣтивъ, что рыбы съ ножками не бываютъ... Нисколько не сконфузясь, онъ отвѣтилъ съ добродушной, такъ присущей имъ, плутовству, улыбкой:

— Ma tanto piccoli gambie! (но такіе маленькіе ножки!)

Слѣдующіе дни были расположены такъ, что Димитрій Алексѣевичъ приходилъ къ намъ утромъ пить съ нами чай, послѣ котораго мы отправлялись кто куда; иногда и встрѣчаясь позднѣе, въ какомъ-нибудь музеѣ, но всегда порознь; потому что мы тогда ѣхали, а Д. А., по своей привычкѣ къ большой ходьбѣ, отъ нашего экипажа отказывался, предпочитая итти пѣшкомъ.

— Нѣтъ, ужъ я вамъ не товарищъ,—говорилъ онъ:—я лучше пѣшкомъ!

Обѣдали всегда вмѣстѣ, въ саду нашего „Orlandini“, гдѣ подолгу сидѣли въ дружеской бесѣдѣ; а затѣмъ, всѣ, уже пѣшкомъ, тихонько направлялись домой въ свой отель, на вечерній чай. Дорога наша всегда лежала черезъ piazza Duomo; и каждый разъ мы останавливались передъ нимъ и, прислонясь къ зданію „Баптистеріи“, долго любовались чуднымъ фасадомъ собора, который въ первый нашъ пріѣздъ во Флоренцію, видѣли еще снаружи незаконченнымъ, а теперь облицованнымъ сверкающимъ мраморомъ и блестящими фресками, съ рисовавшейся подлѣ него, какъ свѣтлая мечта, на ясной лазури неба,—дивная колокольня Джіотто.

Какъ онъ былъ радъ, дорогой Д. А., нашей встрѣчѣ, такъ оживившей его одиночество; и въ то же время, какъ онъ наслаждался своимъ первымъ самостоятельнымъ путешествіемъ, до того постоянно совершавшимся имъ только оффиціальнымъ образомъ, сопровождая Государя и безпрестанно парадируя. Грустно провожалъ онъ насъ, уѣхавшихъ изъ Флоренціи раньше него. Онъ же затѣмъ направился въ Испанію; и какіе интересные разсказы о ней передавалъ онъ намъ позднѣе, при нашемъ новомъ

свиданіи въ Крыму. Помню его разсказъ о Кордовѣ и ея удивительномъ соборѣ,—дышавшемъ такой восторженной поэзіей, какую трудно было ожидать отъ серіознаго, государственнаго дѣятеля!

Другой встрѣчей была встрѣча съ Эрнесто Росси. Въ одинъ изъ вечеровъ мы были на оперномъ представленіи въ театрѣ „Re Umberto“ (бывшемъ на piazza d'Aselio, вскорѣ послѣ того сгорѣвшемъ и болѣе не возобновленномъ). Давали оперу Дониццети „Don Sebastiano“. Мы были въ партерѣ. Въ первомъ же антрактѣ, смотрю, въ театральную залу входитъ Росси! Я тотчасъ же узнала его, такъ какъ онъ нисколько не измѣнился за эти годы, но не рѣшилась подойти къ нему съ привѣтомъ, несмотря на сильное желаніе, хотя онъ и сидѣлъ недалеко отъ насъ, въ первомъ ряду креселъ, попыхивая сигарой, такъ какъ въ итальянскихъ театрахъ не заботятся о томъ, что отъ табачнаго дыма могутъ поперхнуться не только сосѣди курящаго, а и пѣвцы и пѣвицы и преспокойно пускаютъ вонючій дымъ мѣстныхъ сигаръ. Къ чести Росси нужно прибавить, что онъ курилъ лучшія. Но, какъ бы то ни было, болѣе слѣдя за Росси, чѣмъ за дѣйствіемъ на сценѣ, я все же оставалась на своемъ мѣстѣ, съ тоской услѣдивъ и за тѣмъ, какъ не дождавшись окончанія оперы, мой кумиръ вышелъ изъ театра!.. Но судьба мнѣ благопріятствовала!

Выйдя изъ театра, уже послѣ окончанія спектакля, мы съ моей belle soeur остановились на широкомъ дворѣ, въ глубинѣ котораго помѣщался театръ, пока братъ пошелъ отыскать нашъ экипажъ. Смотрю,—Росси еще тутъ, что-то бойко разсказываетъ двумъ-тремъ мужчинамъ... Подзадоренная моей belle soeur, я, схвативъ смѣлость въ обѣ руки, быстро подошла къ нему и быстро выпалила:

— Signor Rossi—salute dal Pietroburgo! (Привѣтъ отъ Петербурга!).

— Grazie, cara!—воскликнулъ онъ, радостно блеснувъ выразительными глазами,—venite di Pietroburgo?

— Si,—отвѣтила я,—di Pietroburgo, il pubblico di cui vi ama sempre e vi aspetta! (Да, изъ Петербурга, публика котораго васъ попрежнему любитъ и васъ ожидаетъ).

Онъ оживился еще болѣе, заговорилъ о томъ, что самъ мечтаетъ о возвращеніи въ Петербургъ; что онъ думалъ, что его тамъ уже забыли; но я подтвердила противное и поспѣшила за своими, получивъ крѣпкое пожатіе руки. Мои слова навели его на рѣшеніе возобновить переговоры съ Петербургомъ, слѣдствіемъ чего

и было его тамъ появленіе, на второй недѣлѣ Великаго поста, въ Маломъ театрѣ, о чемъ рѣчь впереди.

Изъ Флоренціи мы посѣтили Болонью, гдѣ осмотрѣли ея примѣчательности и пили кофе въ виду ея некрасивыхъ наклонныхъ башенъ; а затѣмъ Венецію, гдѣ было неуютно по непріятно-сырой сентябрьской погодѣ, въ которую такъ унылы ея каналы;—гдѣ въ одинъ вечеръ видѣли въ драматическомъ театрѣ драму изъ „русской жизни", въ которой герой, ихъ свѣтскаго общества, является въ „великосвѣтскій" салонъ, въ ямщицкой шапкѣ, съ павлиньими перьями, оставаясь въ ней все время, олицетворяя тѣмъ точный характеръ костюмовъ русскаго общества! Было тамъ и нѣсколько „нигилистовъ", смахивавшихъ на бандитовъ или пиратовъ! Но странно было, выйдя изъ театра, прямо, вмѣсто экипажа, сѣсть въ гондолу. Закончили мы наше путешествіе Вѣной, и, пробывъ тамъ дольше обыкновеннаго, нѣсколько разъ посѣщали и чудесный драматическій театръ, съ его превосходными артистами (видѣли, между прочимъ: „Уріель Акоста", — и Шиллеровскаго „Фіеско"), и оперу, опять съ „Донъ-Жуаномъ" и никогда раньше не слышанными: „Похищеніе въ Seралѣ" — Моцарта и „Водовозъ"—Керубини.

XV.

Упомянувъ о моей встрѣчѣ во Флоренціи съ Росси, заставившей его возобновить переговоры съ Петербургомъ, куда онъ и пріѣхалъ въ Мартѣ 1890 года, чтобы играть со своей труппой на сценѣ Малаго театра,—я и буду о томъ продолжать.

Старые поклонники и поклонницы Росси, тщетно ожидавшіе его 12 лѣтъ, встрепенулись; молодежь, не видавшая его до того, повѣрила старикамъ, и Малый театръ наполнился, и всѣ были поражены, увидя, что годы, пролетѣвшіе надъ артистомъ, не коснулись его своимъ всесокрушающимъ крыломъ, и онъ явился такимъ же молодцомъ физически и съ игрой еще болѣе прочувствованной и тонкой въ деталяхъ. Къ прежнимъ ролямъ онъ присоединилъ еще Шекспировскаго „Коріолана", въ которомъ былъ великолѣпенъ, вполнѣ олицетворяя гиганта героя-патріота, также какъ давъ поразительный образъ „Нерона" въ трагедіи Пьетро Коста, гдѣ былъ хорошъ до безобразія, такъ живо представивъ этого тигра въ образѣ человѣка, восхищавшагося собой, какъ артистомъ! Даже наружностью—заклеивъ и усы,—онъ далъ поразительную маску съ извѣстнаго ватиканскаго бюста Нерона!

Въ этотъ же пріѣздъ Росси состоялось и наше съ нимъ знакомство. Кто былъ знакомъ съ нимъ лично, тотъ знаетъ, сколько обаянія было въ этомъ человѣкѣ и помимо его геніальнаго таланта! Многостороннее образованіе и знакомство со всѣмъ прекраснымъ вообще въ области искусства дѣлало бесѣду съ нимъ всегда интересной и разнообразной. Онъ и во время своихъ путешествій не ограничивался узкими рамками сцены: онъ осматривалъ все, что было интереснаго въ томъ городѣ, куда пріѣзжалъ. Онъ успѣвалъ читать массу серіозныхъ книгъ и помимо театральной литературы, и при томъ обладалъ удивительной памятью. Съ нимъ можно было говорить обо всемъ: о Шекспирѣ и природѣ, о живописи и литературѣ, о музыкѣ и исторіи народовъ; онъ всему сочувствовалъ, все обнималъ своей воспріимчивой душой. Притомъ это былъ такой самъ душа человѣкъ, что почувствовавъ къ кому симпатію, понимая расположеніе къ себѣ человѣка, тоже видѣвшаго въ немъ, не только артиста, но и человѣка, онъ скоро дружески сходился и тогда непремѣнно переходилъ на „ты",—что было и со мной; но, въ этомъ послѣднемъ знакѣ дружбы я предоставила ему это „ты", сама ни разу не рѣшившись на такую фамильярность.

Возникла у насъ съ нимъ и переписка, по отъѣздѣ его изъ Петербурга и въ поѣздкахъ его по Россіи и по отъѣздѣ за границу, что было мнѣ очень и пріятно и интересно, что еще болѣе знакомило съ его воззрѣніями.

„Моя мысль часто витаетъ среди васъ" — писалъ онъ мнѣ вернувшись въ Италію:—„въ этой странѣ, гдѣ еще не заглохла поэзія, гдѣ всепожирающій матеріализмъ не охладилъ еще сердецъ, полныхъ любви и чистыхъ вдохновеній, гдѣ еще сохранилось влеченіе ко всему прекрасному, правдивому, великому. Напрасно пугаютъ вашимъ льдомъ и снѣгомъ: подъ ними таится та теплота, что грѣетъ сердце и поддерживаетъ дѣятельность чувства. Вы еще сохранили идеалы въ искусствѣ, мы ихъ заглушили холоднымъ и грубымъ матеріализмомъ. Мы—рѣшители, вы—хранители всего прекраснаго и добраго. Вы видите вдали свѣтлое будущее, съ его распускающимися розами; мы—безжалостно оборвали съ нашихъ идеаловъ всѣ лепестки и чувствуемъ только уколы обнаженныхъ шиповъ. Оставайтесь же вѣрны вашимъ чистымъ идеаламъ! Вѣдь духъ еще болѣе, чѣмъ пища, нуждается въ питаніи, и только имъ создается великій народъ!"

Страстная любовь къ своему искусству наполняла всю его жизнь, не давая времени для отдыха.

„Еще не знаю, что я буду дѣлать будущею зимой“,—писалъ онъ мнѣ осенью 1890 г., изъ своей виллы близъ Флоренціи: — „моимъ желаніемъ было бы составить хорошую труппу и ѣхать съ нею играть въ одинъ изъ хорошихъ городовъ. Я не переношу праздности, и ты хорошо понимаешь, что тотъ, кто привыкъ къ постоянному труду, преимущественно умственному, не можетъ предаться праздности. Искусство, съ той самой минуты, какъ я отдался ему, всегда было для меня сладкой приманкой. Я ему остаюсь вѣренъ, потому что оно ни разу не обмануло меня. Оно было всегда моею матерью, моею возлюбленной и моимъ преданнымъ другомъ; я не могу платить ему неблагодарностью и забвеніемъ. И при томъ я чувствую въ себѣ еще столько силы и духа, и тѣла, что не имѣю причинъ измѣнять своему долгу“.

Всѣ искусства любилъ и понималъ онъ, равно восхищаясь хорошей картиной и статуей, выразительной музыкой и пѣніемъ.

„Какъ бы я хотѣлъ“,—писалъ онъ мнѣ позднѣе во дни моего большого горя, совѣтуя мнѣ, при томъ прилежнѣе заняться рисованьемъ: — быть теперь близъ тебя, развлекать тебя, говоря съ тобой объ искусствѣ, о твоемъ и о моемъ, которые оба, хотя и принадлежатъ къ различнымъ лагерямъ, но такъ похожи другъ на друга. О искусства, какъ они хороши! Какъ эти восторги передъ произведеніями искусства возвышаютъ духъ человѣка, унося его въ міръ чистыхъ наслажденій! Какъ достойны сожалѣнія тѣ, кто лишены этого счастія, или тѣ, которые его не понимаютъ, кого природа не одарила счастьемъ понимать прекрасное!“

Нечего и говорить о тѣхъ успѣхахъ и оваціяхъ, что выпали опять на долю великаго артиста на нашей сценѣ, и о томъ наслажденіи, что мы испытывали! Иногда же у него зарождалась мысль изучить для русской публики роль Іоанна Грознаго, въ трагедіи графа Алексѣя Толстого, роль, которая давно его интересовала.

„Иванъ Грозный“—писалъ онъ мнѣ осенью этого же 1890 г.: „переведенъ для меня на итальянскій языкъ г-жею Высоцкой, моею хорошей знакомой, русской, давно живущей въ Италіи, преимущественно во Флоренціи. Она вполнѣ свободно владѣетъ нашимъ прекраснымъ языкомъ и сдѣлала мнѣ точный переводъ. Я уже началъ изучать этотъ странный и трудный историческій характеръ и полагаю, что буду въ состояніи исполнить его толково, тѣмъ болѣе, что уже давно серіозно знакомился съ этою личностью путемъ исторіи. Въ „національной библіотекѣ“, во Флоренціи, я

нашелъ разнообразныя данныя этой эпохи,—данныя чрезвычайно интересныя и вполнѣ достовѣрныя".

При имени г-жи Высоцкой скажу, что эта высоко-образованная женщина была дочь декабриста Поджіо, съ которой шесть лѣтъ спустя сойдясь во Флоренціи, о чемъ буду подробно говорить позже, я сошлась самой тѣсной дружбой.

И такъ, прилежно занявшись изученіемъ роли Іоанна Грознаго, Росси обратилъ вниманіе и на костюмы, желая сдѣлать ихъ наиболѣе вѣрными. Я выслала ему историческіе рисунки этой эпохи.

„Присланные тобой рисунки,—писалъ онъ мнѣ въ отвѣтъ,— настоящій кладъ, такъ какъ могли служить моему театральному портному образцомъ всѣхъ костюмовъ для трагедіи".

Желаніе артиста исполнить роль Іоанна Грознаго впервые въ Россіи, въ Москвѣ, однако, не исполнилось, вслѣдствіе разныхъ подпольныхъ интригъ... Трагедію графа Толстого въ первый разъ пришлось исполнить Росси въ Тріестѣ, гдѣ она прошла съ громаднымъ успѣхомъ.

„Иванъ Грозный, данный впервые третьяго дня и вчера повторенный,—писалъ онъ мнѣ изъ Тріеста:—имѣлъ полный успѣхъ. Мнѣ, конечно, не приходится говорить о себѣ самомъ; но я посылаю тебѣ статью одного журнала, которую тебѣ интересно будетъ прочесть. Одно, что я могу сказать, это то, что трагедія была разыграна всѣми актерами труппы съ большимъ одушевленіемъ, и что обстановка и костюмы были вѣрны эпохѣ и блистательны".

Изъ Тріеста же прислалъ онъ мнѣ свои три фотографіи въ роли Іоанна Грознаго: одну для меня, другую для одной нашей общей знакомой, а третью просилъ меня передать графинѣ Толстой, вдовѣ поэта, отъ которой онъ, вслѣдъ за исполненіемъ имъ въ первый разъ роли Іоанна, получилъ телеграмму: въ ней графиня благодарила его за изученіе имъ произведенія ея покойнаго мужа и поздравила его съ успѣхомъ. Я не была знакома съ графинею Толстой; но, узнавъ, что она находилась въ то время въ Аѳинахъ, послала ей туда фотографію, вмѣстѣ съ моимъ письмомъ, объяснившимъ ей дѣло. Ея отвѣтное мнѣ письмо было чрезвычайно любезно; въ немъ она выражала желаніе и надежду познакомиться со мной, по возвращеніи изъ за границы. Я сама то лѣто (1891 г.) проводила заграницей и осенью, вернувшись въ Петербургъ, нашла у себя письмо, въ которомъ графиня, только что

пріѣхавшая въ Петербургъ на самое короткое время, любезно приглашала меня къ себѣ. Давно, по разсказамъ, я была заинтересована этою, замѣчательною по уму и образованію, женщиной, около которой собирался цвѣтъ нашей литературы, которой И. С. Тургеневъ отдавалъ на судъ свои творенія, говоря: „Если ужъ Софья Андреевна одобрила—такъ прямо отдавай въ печать!" И потому я съ удовольствіемъ приняла ея приглашеніе и тотчасъ же къ ней отправилась.

Меня встрѣтила высокая, видная особа, съ свѣжимъ, хотя и обрамленнымъ совсѣмъ бѣлыми волосами, лицомъ, чисто-русскаго типа, съ самой привѣтливой улыбкой и ласковымъ взглядомъ ясныхъ, добрыхъ глазъ, въ глубокомъ траурѣ (не снимавшемся ею никогда со дня кончины ея мужа); и не прошло получаса, какъ мы уже говорили съ ней какъ давно знакомыя, затрагивая всевозможные вопросы и сходясь на многихъ изъ нихъ. Сошлись мы съ ней и на восторженныхъ отзывахъ о талантѣ Росси, съ которымъ лично она не была знакома.

— Мнѣ очень хочется съ нимъ познакомиться,—говорила она;—послѣ завтра я уѣзжаю за границу, по дѣламъ; главное—мнѣ нужно въ Парижъ; но не утерплю, чтобы не побывать въ моей милой Италіи! Поѣду во Флоренцію и тамъ познакомлюсь съ Росси.

Большою поклонницей Росси была и ея родственница, княжна Л., познакомившаяся съ нимъ въ Москвѣ. Когда я вслѣдъ за за этимъ свиданіемъ описывала Росси мое знакомство съ графиней, онъ отвѣчалъ:

„Я тебѣ невыразимо благодаренъ за хлопоты, которыя ты приняла на себя, переславъ мою фотографію графинѣ Толстой, и очень радъ, что она осталась ею довольна. Познакомиться съ нею будетъ для меня большою честью и удовольствіемъ, и какъ только я узнаю объ ея пріѣздѣ во Флоренцію, тотчасъ же явлюсь къ ней. Не забылъ я, конечно, и ту милую любезность, что оказывала мнѣ когда-то княжна Л., и грусть охватываетъ сердце, когда подумаю, какъ далеки отъ меня всѣ тѣ милыя личности, среди которыхъ я встрѣчалъ столько расположенія и энтузіазма:

Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria...

Сказалъ папà Данте, устами Франчески, въ V пѣснѣ ада, и хотя

я не нахожусь въ числѣ осужденныхъ за тѣ же грѣхи, но, вспоминая о миломъ прошломъ, ощущаю большую грусть"...

Однако Росси такъ и не пришлось познакомиться съ графиней Толстой; такъ же какъ и для меня, мое первое свиданіе съ ней было и послѣднимъ. На другой день, пріѣхавъ ко мнѣ, она не застала меня дома, а затѣмъ уѣхавъ изъ Петербурга, больше не возвращалась.

При нашемъ свиданіи она говорила, что вернется къ Рождеству и надѣется, что мы часто будемъ видѣться.

— Намъ много есть о чемъ съ вами поговорить,—добавила она: Я привезу съ собой побольше итальянскихъ книгъ: будемъ вмѣстѣ читать.

Но, уѣхавъ изъ Петербурга, она не вернулась! Захворавъ въ Лиссабонѣ, она была перевезена въ Парижъ, гдѣ и скончалась. Когда я написала о томъ Росси, онъ отвѣчалъ мнѣ:

„Вѣсть о смерти графини Толстой меня сильно огорчила. Я былъ только по слухамъ знакомъ съ этой достойной особой, но питалъ къ ней глубокое уваженіе и ревниво хранилъ, поднесенный ею мнѣ, въ мой первый пріѣздъ въ Петербургъ, вѣнокъ, на лентахъ котораго находится самая сочувственная надпись. Бѣдная женщина: умереть на чужой сторонѣ, вдали отъ своихъ милыхъ!„

Послѣ Тріеста трагедія графа Толстого была дана Росси нѣсколько разъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Подвергая иногда строгой критикѣ самую трагедію, восторгались исполненіемъ великаго трагика, создавшаго новую роль. Данная въ Брюсселѣ, понравилась и трагедія.

„Иванъ, данный мною вчера",—писалъ мнѣ оттуда Росси:— „имѣлъ блистательный успѣхъ. Конечно, Толстой—не Шекспиръ; но все же публика и критика умѣли подмѣтить историческіе красоты, вложенныя въ нее авторомъ и съ подобающимъ вниманіемъ истолкованныя артистомъ".

Я упомянула о томъ, что лѣто 1891 г. мы поѣхали за границу, и поѣздка эта была менѣе сложная, чѣмъ предыдущія, главное имѣя въ виду курсъ лѣченія моихъ спутниковъ, преимущественно брата, — въ Эмсѣ. Поѣхали мы на Берлинъ, остановившись затѣмъ къ Кёльнѣ, чтобы осмотрѣть его поразительно-грандіозный соборъ, эту дивную готику; а потомъ черезъ Кобленцъ, въ Эмсъ. Городокъ оказался очень милымъ; съ живописными окрестностями, благоустройствомъ во всемъ, что присуще всѣмъ нѣмецкимъ курортамъ и хорошей музыкой въ

казино, которое было такъ близко отъ насъ, что представляло, въ дождливую погоду, прекрасную прогулку, подъ его обширными, крытыми террасами и проходами. Пробыли мы тамъ довольно долго, много катаясь и по окрестностямъ; сдѣлали длинную поѣздку и по Рейну. Затѣмъ, черезъ Франкфуртъ поѣхали въ Гейдельбергъ, гдѣ опять таки пожили, и осматривая этотъ интересный старый городъ и посѣщали интересныя его окрестности, начиная съ живописной Filossofen-Weg. Часто я хаживала и въ живописныя развалины стараго зàмка; затѣмъ посѣтили опять Базель, Бернъ,—этотъ старый городъ, съ его интересными зданіями и русскимъ медвѣдемъ, въ его историческомъ логовищѣ; послушали удивительный органъ, въ одной изъ церквей; въ своихъ грандіозныхъ звукахъ явившихъ передъ нами, потрясающее подобіе „Страшнаго Суда"; пожили подольше опять въ миломъ Montreux, снова посѣщая его милыя окрестности, часто вмѣстѣ, съ встрѣченной тамъ нами и остановившейся въ нашемъ же отелѣ,—дружеской семьей Шварценбергъ; а затѣмъ, съ небольшими остановками въ Люцернѣ, Цюрихѣ, живописномъ Инсбрукѣ, главная улица котораго упирается въ грозно-нависшія скалы, съ парящими надъ ними въ глубокой высотѣ,—орлами; въ симпатичномъ и любимымъ нами всѣми,—Зальцбургѣ, а затѣмъ въ Вѣнѣ—внимательно осмотрѣвъ ея два превосходныхъ, находящихся на одной площади,—другъ противъ друга,—музея: „Художественный" и „Естественно-историческій", съ его чудесными залами, сами по себѣ представляющими изящество и въ научномъ смыслѣ,—откуда направились во-свояси.

Слѣдующее 1892 г. лѣто, проводимое нами въ Крыму, въ Наташинѣ,—было главное знаменательно тѣмъ, что это былъ годъ „серебряной свадьбы" 25-ти лѣтъ, нашей дорогой пары: брата и Мальвины, и такъ какъ свадьба ихъ была тутъ, въ церкви верхней Массандры, то и хорошо было праздновать это событіе на мѣстѣ его совершенія. Происходило это 7-го Іюня, и къ этому дню съѣхались многіе родные Мальвины, нѣкоторые изъ которыхъ жили въ тѣхъ же мѣстахъ. Какъ всегда въ торжественныхъ случаяхъ, широкая галлерея была красиво увѣшена пышными гирляндами изъ лавровъ и плюща, которыми были щедро одарены и садъ и долины; всюду красовались цвѣты и среди нихъ подарки, въ которыхъ непремѣнно сверкало, присущее празднеству — серебро. Но празднество началось съ молитвы, когда нѣсколько экипажей отвезло членовъ общества, съ „моло-

дыми“ въ первой нарядной коляскѣ, во главѣ, въ Массандровскую церковь!

Церковь эта очень оригинальна по архитектурѣ, въ видѣ древне-греческаго храма Тезея, съ колоколами подвѣшенными къ вѣтвистому, столѣтнему дубу, играющему роль колокольни; окруженная тоже вѣковыми, развѣсистыми орѣшинами. Прослушавъ тамъ молебенъ, процессія тѣмъ же образомъ вернулась домой и пошелъ пиръ—горой!

Пріѣхали и милые Милютины; и вотъ тутъ то опять Димитрій Алексѣевичъ показался тѣмъ душою-человѣкомъ, который помимо своего серіознаго ума, былъ доступенъ и радости и веселью той, совсѣмъ юной, родственной молодежи, что собралась въ Наташинѣ. Онъ самъ сталъ юно-молодымъ; лазилъ съ ними по разнымъ трущобамъ и высотамъ; становился въ полной группѣ подъ фотографическимъ аппаратомъ одного родственника, долго насъ уставлявшаго и долго державшаго на солнцѣ. Шутилъ съ дѣтьми, смѣясь вмѣстѣ съ ними ихъ дѣтскимъ смѣхомъ, и смотря въ ихъ глаза такимъ же дѣтски-правдивымъ взглядомъ, какимъ онъ смотрѣлъ и въ глаза „великихъ міра сего“ и рабочимъ на своихъ виноградникахъ, среди которыхъ онъ жилъ теперь, какъ истинный Цинциннатъ.

Этотъ праздникъ былъ послѣднимъ веселымъ праздникомъ въ Наташинѣ... Братъ уже начиналъ немного прихварывать развитіемъ склероза, затронувшаго правильное отправленіе сердца. Слѣдующая затѣмъ зима 1892—93 гг. проводилась имъ не совсѣмъ хорошо, требуя раціональнаго лѣченія такихъ превосходныхъ докторовъ, какъ Бертенсъ и Бородулинъ. Болѣзнь то отдавала, то снова притягивала и, наконецъ, въ половинѣ зимы разразилась небольшимъ параличемъ, немного задѣвшимъ правую руку и временно языкъ и даже ясное сознаніе. Настало тяжелое время, всего болѣе отразившееся на глубоко-потрясеннымъ сердцѣ, такъ нѣжно, съ дѣтства привыкшимъ его любить! Къ веснѣ дѣло немного поправилось, и ранней весной мы отправились въ Крымъ. Намѣреніе брата было затѣмъ взять 11-ти-мѣсячный отпускъ и провести слѣдующую зиму или въ Ялтѣ или въ Римѣ, какъ совѣтывали оба его пользовавшіе доктора. Братъ былъ еще довольно слабъ, и мы долѣе обыкновеннаго остановились на отдыхѣ,—что дѣлали всегда, отправляясь на южный берегъ, подъ Симферополемъ, въ имѣніи, одной изъ племянницъ Мальвины,—Матильды Михайловны Кесслеръ, прелестной во всѣхъ отношеніяхъ, всѣми нами очень

любимой женщины, почти постоянно жившей тамъ съ мужемъ и дѣтьми. Имѣніе „Татайкой“ было очень большое, вполнѣ благоустроенное, съ огромнымъ домомъ, гостепріимно принимавшимъ, какъ родныхъ такъ и знакомыхъ, и мы всегда съ удовольствіемъ тамъ останавливались и проводили нѣсколько дней въ миломъ обществѣ, радушныхъ, прекрасно образованныхъ, хозяевъ. Весна стояла чудесная, съ ароматомъ степныхъ цвѣтовъ, подъ которыми кружились хохлатые степные жаворонки и голубыя сивоворонки. Братъ немного приободрился, и затѣмъ лѣто въ Наташинѣ прошло сравнительно благополучно, хотя жизненная энергія, такая въ немъ сильная, поднимавшая и духъ его окружающихъ, сильно порвалась и не обѣщала полнаго возстановленія упавшихъ силъ... Благоразуміе рѣшало зимнюю стоянку устроить не въ Римѣ, въ которомъ, конечно, было болѣе привлекательнаго,—а въ Ялтѣ, не требовавшей такого длиннаго перемѣщенія и вблизи при томъ отъ имѣнія, куда зимой можно было пріѣзжать погулять.

Вслѣдъ затѣмъ, въ концѣ лѣта, послѣдовало другое рѣшеніе брата: взять отставку, чтобы безъ всякихъ заботъ дѣловыхъ сосредоточиться на заботахъ объ его здоровьѣ; для чего на зиму въ Ялтѣ была нанята квартира въ домѣ, тутъ же жившаго подъ нами, доктора; хорошая, теплая квартира, окруженная садомъ. Вслѣдъ за нашимъ туда переѣздомъ насталъ мой отъѣздъ въ Петербургъ для очень, не только скучнаго, но въ высшей степени хлопотливаго и сложнаго дѣла, разстраивать нашу большую квартиру, на которой прожили болѣе 20-ти лѣтъ; съ массой мебели, вещей, картинъ; массой всевозможныхъ растеній, начиная съ большихъ пальмъ въ кадкахъ; массой книгъ и массой всевозможнаго хлама! Надо было: одно отправлять въ Крымъ,—въ Ялту и въ Наташино; другое помѣщать въ складѣ въ Петербургѣ; третье продавать, четвертое—раздавать, пятое—бросать; и все это дѣлать скорѣе, потому что квартиру нужно было кое-гдѣ отдѣлать для пріемника брата, его помощника, генерала Лачинова, который еще вздумалъ этимъ торопить... Несмотря на то, что мнѣ были даны довольно точныя инструкціи, безпрестанно приходилось передъ чѣмъ-нибудь останавливаться въ недоумѣніи, и вновь приходилось писать въ Ялту, спрашивая разрѣшенія и вновь ждать отвѣта, что брало не менѣе 10-ти дней. И при томъ какъ было грустно разрушать это милое, насиженное гнѣздо, полное такихъ милыхъ воспоминаній, картинъ такой полной, свѣтлой жизни, съ дорогими людьми, среди интересныхъ

знакомыхъ и интересныхъ, прошедшихъ, незабвенныхъ картинъ своей дѣятельности!

Всѣ были поражены тѣмъ, что я смогла это совершить въ одинъ мѣсяцъ и, вслѣдъ затѣмъ, простившись со всѣмъ прежнимъ, поѣхать уже зимой, въ ноябрѣ, снова въ Ялту. Нечего говорить о томъ, что зима 1893—94 гг., несмотря на южное небо и южное солнце—была очень уныла! Видѣть, хотя немного и укрѣпившееся, но уже сильно, безъ надежды на полное поправленіе, разстроенное здоровье брата. Его удрученное состояніе, съ духомъ еще бодрымъ, но чувствовавшимъ, что тѣло не въ состояніи гармонировать съ этимъ духомъ, не утратившимъ жажды привычной дѣятельности, теперь обращенной на одно, временами доступное,— рисованье, заполненное небольшими прогулками. Не было въ Ялтѣ и такого общества, которое могло бы подойти къ интересамъ брата. Милютины были далеко, для поѣздокъ къ нимъ; самъ Д. А. зимой тоже мало выѣзжалъ. Ольга Дм. была въ Москвѣ. Надежда Дм. была при родителяхъ. Общество Ялты было слишкомъ мелко, пробавляясь только картами въ клубѣ. Единственный, вполнѣ подходившій къ нашему обществу, профессоръ Кандаковъ, человѣкъ большаго ума и интереса, самъ болѣлъ и по вечерамъ тоже не выходилъ.

Зима была очень не ровная. Помню, 1-го Января 1894 г., въ новый годъ,—я изъ церкви, отъ обѣдни, шла, прячась отъ солнца въ тѣнь, въ своемъ суконномъ пальто; а 7-го выпалъ глубокій снѣгъ и пролежалъ 8 дней, такъ что появились сани,— какіе-то уродливые ящики, поставленные на полозья, въ которые нужно было не влѣзать, а въ нихъ валиться, черезъ высокіе борта, а затѣмъ снѣгъ, предоставленный на волю Божію, таялъ самъ по себѣ, представляя невылазную грязь. Подымались на морѣ бури, съ такими же раскатами волнъ по набережной, что на ней запирались всѣ дома и магазины, и проѣздъ прекращался.

Подуло въ февралѣ весной; но и весна была не казистая. Стало получше съ марта. Мы раза два въ экипажѣ ѣздили въ Наташино, гдѣ уже все начало зеленѣть, и миндальная роща вся нарядилась бѣлыми и розовыми цвѣтами, а въ травѣ появились цѣлые лепешки розовыхъ, фіолетовыхъ, желтыхъ анемоновъ, и прелестные, граціозные подснѣжники нѣжно покачивали свои бѣлые колокольчики.

Помню нашу поѣздку туда за два дня до кончины брата, кончины, близость которой мы и не предчувствовали. День былъ

чудный; и небо и море ярко голубѣли. Напившись на террасѣ дома чаю, приготовленнаго намъ женою управляющаго,—мы пошли прогуляться, по дорожкѣ къ нашему любимому мѣсту, гроту; мѣсту обрамленному скалами и окруженными деревьями, между которыми царилъ старый, вѣковой грецкій орѣхъ, оплетенный толстыми канатами плюща... Братъ долго стоялъ передъ этимъ деревомъ, свято всѣми чтимымъ, и въ его задумчивыхъ глазахъ, этихъ чудесныхъ глазахъ, не утратившихъ своей красоты отъ его преклонныхъ лѣтъ, мнѣ мнилось выраженіе, говорившее:

...Патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ!...

Черезъ два дня,—25 марта, въ день Благовѣщенья,—вечеромъ, спокойно, ни на что не жалуясь, онъ прослушалъ мое чтеніе вслухъ, послѣ чего я пошла въ столовую приготовлять чай; а когда Мальвина пришла его звать въ столовую, она нашла его спокойно, съ подушкой подъ головой, лежащаго на диванѣ—уже отшедшаго отъ міра, что засвидѣтельствовалъ и тотчасъ прибѣжавшій докторъ...

Мы проводили его въ Симферополь, на кладбищѣ котораго былъ склепъ родителей Мальвины; а затѣмъ нѣкоторое время провели, среди нѣжныхъ заботъ семьи Кесслеръ въ ихъ, столь знакомомъ намъ „Татайкоѣ". Тутъ можно было отдохнуть и тѣломъ и душой въ обществѣ и нѣжной, какъ врачующій бальзамъ, Матильды, съ ласковымъ взглядомъ ея чудныхъ глазъ; среди прямо родственнаго вниманія ея мужа и его сестры, сердобольной Елены Эдуардовны, большого умницы ихъ брата и милыхъ дѣтей. Насъ ждалъ затѣмъ другой, душевно предложенный намъ, временный пріютъ, въ Симеизѣ, въ семьѣ Милютиныхъ; гдѣ милые хозяева окружали насъ самымъ нѣжнымъ, дружескимъ вниманіемъ, въ которомъ теплымъ огонькомъ свѣтилось ихъ расположеніе къ намъ и ихъ дружеская память къ нашему дорогому усопшему.

Лѣто мы провели въ Наташинѣ, полныя самыхъ грустныхъ воспоминаній, на каждомъ шагу чувствуя горечь утраты! Къ намъ туда пріѣхала племянница Мальвины, дочь ея старшаго брата, Марья Оскаровна Гельфрейхъ, бывшая всегда нашимъ близкимъ другомъ, которая, послѣ смерти моего брата, тоже очень ее любившаго, еще болѣе вошла въ нашу семью впослѣдствіи совсѣмъ

у насъ поселившись, ставъ самой преданной дочерью тети и преданнымъ другомъ мнѣ.

Оставивъ Мальвину на ея рукахъ, я въ августѣ поѣхала въ Петербургъ, гдѣ для насъ уже была нанята квартира, чтобы снова взять на себя трудъ по ея устройству, что тоже представило не мало хлопотъ и грустныхъ воспоминаній при разборкѣ вещей дорогого усопшаго... Въ октябрѣ Мальвина тоже пріѣхала въ Петербургъ.

XVI.

Мечта Росси исполнить роль Іоанна Грознаго въ Россіи сбылась только весной 1895 г. въ Москвѣ, гдѣ онъ выступилъ въ ней 9-го апрѣля.

„Сегодня вечеромъ идетъ Иванъ", — писалъ онъ мнѣ изъ Москвы:—„Да поможетъ мнѣ Богъ и добрый геній, покровитель искусства! Полагаюсь на снисхожденіе публики; но признаюсь, я сильно взволнованъ и знаю, что это волненіе не оставитъ меня до тѣхъ поръ, пока я не сброшу съ своихъ плечъ это тяжелое бремя—Ивана Грознаго!".

На другой день представленія Росси телеграфировалъ мнѣ о своемъ успѣхѣ, а затѣмъ въ письмѣ, въ отвѣтѣ на мое поздравленіе и заявленіе, о томъ, что я помолилась объ его успѣхѣ, онъ писалъ мнѣ:

„Твои молитвы были услышаны Богомъ. Я чувствую себя отлично, а Иванъ Грозный выдержалъ полный тріумфъ. Сегодня я даю его въ третій разъ, для моего бенефиса, и мнѣ говорили, что почти всѣ билеты были разобраны".

Успѣхъ Росси въ Москвѣ придалъ его импрессаріо смѣлость открыть, несмотря на позднее время, абонементъ на три спектакля въ Петербургѣ, въ Панаевскомъ театрѣ. Публика съ жадностью бросилась на этотъ абонементъ, обѣщавшій: „Короля Лира", „Іоанна Грознаго" и „Отелло".

Въ ожиданіи пріѣзда Росси, я отсрочила свою поѣздку въ Наташино, куда Мальвина поѣхала, съ племянницей Машенькой, въ началѣ апрѣля. Тотчасъ по пріѣздѣ Росси былъ у меня; а первое его представленіе въ роли Іоанна Грознаго состоялось 21 апрѣля и театръ былъ совершенно полонъ.

— А все же я немного побаивался, какъ здѣсь понравится мой Иванъ!—говорилъ онъ, пріѣхавъ ко мнѣ утромъ того дня.

Но и здѣсь „Иванъ" прошелъ съ огромнымъ успѣхомъ, вы-

звавъ особенно шумныя оваціи послѣ третьяго дѣйствія. Не буду разбирать этого Ивана, о которомъ присяжные критики дали цѣлые трактаты и изъ котораго великій артистъ умѣлъ создать новый, вполнѣ самостоятельный типъ, несмотря на трудность впасть въ подражаніе другому, созданному имъ типу Людовика XI, въ сущности того же Іоанна Грознаго, подкрашеннаго лоскомъ европейской цивилизаціи. Гримировка его въ роли Ивана была замѣчательная, съ приставнымъ горбатымъ носомъ, впалыми щеками и нависшими бровями.

— Oh, che brutta facia! (О, какая скверная рожа)—говорилъ онъ, смотрясь въ зеркало своей театральной уборной.

Онъ очень любилъ, чтобы близкіе знакомые навѣщали его въ уборной во время антрактовъ, чтобы поболтать, отдыхая и покуривая сигару. Являлись туда и авторы своихъ произведеній, съ подношеніемъ ихъ великому артисту; и дамы съ его фотографическими карточками, для полученія на нихъ fac simile оригинала, и онъ, усталый, послѣ только что сыграннаго акта, ко всѣмъ относился съ обычной любезностью.

Успѣхъ этихъ трехъ спектаклей увеличилъ ихъ число еще на семь: четыре въ Панаевскомъ театрѣ и три въ Маломъ. Въ этотъ свой пріѣздъ Росси увидѣлъ, наконецъ, тѣ „бѣлыя ночи", которыя его интересовали. Весна стояла чудесная, съ самаго его пріѣзда 21 апрѣля и до отъѣзда—12 мая. Спектакли въ Панаевскомъ театрѣ, начинавшіеся чуть не въ 9 часовъ, оканчивались послѣ полуночи. Затѣмъ безконечные вызовы восторженной публики; и, при выходѣ изъ театра насъ встрѣчала бѣлая ночь, во всей своей дѣвственной прелести, съ легкимъ, едва зараждавшимся румянцемъ на востокѣ и съ еще не совсѣмъ угасшимъ румянцемъ заката,—таинственно растилаясь надъ неподвижно дремавшей Невой. Мягкій, чуть-чуть на минуту зарябившій ея гладь, вѣтерокъ, предвѣстникъ близкаго утра, приносилъ ароматъ распускающейся сирени, и снова замиралъ, и опять тишь кругомъ; только все прозрачнѣе становилась бѣлая ночь, и гуще алѣлъ румянецъ востока, восхищая взоры артиста—художника.

Въ продолженіи этого времени мы, и помимо театра, почти каждый день видѣлись съ Росси. То онъ пріѣзжалъ посидѣть со мной и поговорить по душѣ; то заѣзжалъ за мной и везъ меня къ себѣ на завтракъ. Познакомилась я съ главными артистками его труппы и даже каталась съ ними по островамъ; и съ двумя его секретарями: Маццеи и Сальтарели. Заинтересовался Росси и

моимъ рисункомъ, сдѣланнымъ еще раньше; его апоѳеозомъ, гдѣ онъ былъ изображенъ въ лучшихъ его роляхъ. Онъ такъ восхищался имъ, что я предложила ему его въ подарокъ, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ, попросивъ только, чтобы я включила туда „Ивана“—какъ онъ всегда называлъ Іоанна Грознаго, котораго прежде тамъ не было; и я очень удачно влѣпила туда и „Ивана“; и сдѣлавъ къ рисунку нарядную плюшевую раму, поднесла его въ день его бенефиса. Заинтересовался онъ и моимъ намѣреніемъ выпустить въ свѣтъ его, переведенныя мною съ итальянскаго, записки, подъ названіемъ „Сорокъ лѣтъ изъ жизни артиста“, сдѣлавъ изъ этихъ трехъ большихъ томовъ, многіе подробности которыхъ не могли быть интересны для русской публики, необходимыя выборки, какъ касающіяся его біографіи, такъ и толкованій, нужныхъ для артиста, изображаемыхъ имъ ролей, присоединивъ еще многое изъ его книги: „Драматическіе этюды“, превосходное толкованіе Шекспира. Я хотѣла это пріурочить въ слѣдующемъ году, бывшему уже 50-лѣтнимъ, его артистической дѣятельности. Трудъ мой взялся издать одинъ литераторъ, и Росси былъ въ восторгѣ и отъ моего выбора и отъ идеи издать этотъ трудь, обѣщавъ къ нему предисловіе и его записки и его критику на роль „Ивана“, только что имъ исполненнаго, который долженъ былъ непремѣнно войти въ книгу.

Между тѣмъ книга уже поступила въ наборъ, и онъ, уѣхавъ изъ Петербурга во Флоренцію, сталъ каждый день присылать мнѣ написанный имъ листокъ, который я, прямо съ пылу, переводила и посылала прямо въ типографію. Любила я съ нимъ, бывало, поговорить о Шекспирѣ. Боже мой, какой глубокой, восторженною любовью любилъ онъ этого поэта! Обративъ мое вниманіе на какую нибудь изъ фразъ, онъ прибавлялъ: „вѣдь такъ могъ сказать только Шекспиръ!“ и это имя произносилось имъ, какъ имя любимой женщины. Когда онъ пріѣхалъ ко мнѣ тогда, на другой день своего бенефиса, давъ Гамлета, котораго, какъ всегда игралъ превосходно, я стала говорить ему объ его игрѣ, онъ перебилъ меня, проговоривъ съ восторгомъ.

— Да, вѣдь, вещь то какая: ею нельзя не увлекаться!

Разъ какъ то я спросила его, какая роль изъ Шекспировскаго репертуара самая его любимая, онъ отвѣтилъ:

— Я такъ люблю каждую изъ нихъ, что мнѣ трудно отвѣтить. Всего болѣе люблю исполнять Оттелло, Лира и Гамлета. Если же бы меня спросили, которая изъ ролей меня всего болѣе

утомляетъ, то я бы отвѣтилъ, что физически—Отелло, а морально—Гамлетъ. Я всегда радуюсь, когда молодые актеры покушаются играть произведенія этого чародѣя Шекспира; но только они должны думать о трудности этой задачи и не относиться къ ней легко. Шекспиръ такой авторъ, который требуетъ прилежнаго и глубоко-обдуманнаго изученія.

Когда въ Петербургѣ, въ первый разъ, на сценѣ Малаго театра, появилась Элеонора Дузе, я въ одномъ изъ писемъ къ Росси, не высказывая своего мнѣнія, спросила у него о ней.

„Я не люблю, — отвѣтилъ онъ мнѣ, — высказывать свой взглядъ объ артистахъ вообще и объ артистахъ моей страны въ особенности. О Дузе скажу только, что она безспорно хорошая артистка, не лишенная божественнаго дара преображаться въ характеръ того лица, которое она хочетъ изобразить. Чтобы понравиться, нужно, чтобы характеръ изображаемаго лица подошелъ къ ея характеру; но сама она не способна преобразиться въ изображаемое ею лицо. Потому она можетъ нравиться въ роляхъ романическихъ и драматическихъ, но Шекспиръ для нея то же, что для меня турецкій языкъ, и она никогда не удовлетворитъ критика въ роляхъ шекспировскаго репертуара: эту птицу не всякій можетъ воспринять; его изученію нужно отдаться серіозно, съ юныхъ лѣтъ; а тотъ, кто берется за это небрежно, не вдумываясь, не отдаваясь ему цѣликомъ, падаетъ подъ тяжестью непосильнаго дѣла—pace sepulta!“.

Въ этомъ я совершенно сошлась съ мнѣніемъ Росси. Отдавая должное таланту Дузе, скажу, что видя ее въ различныхъ роляхъ, я вездѣ видѣла „Дузе“—всю сотканную изъ нервъ и нигдѣ не то лицо, которое она изображала! Находила я тоже излишнимъ ея fortissimo въ крикахъ, которые еще при ея не гармоничномъ (какъ у большинства итальянскихъ женщинъ)—голосѣ, рѣзало ухо даже въ такой вульгарной ролѣ, какъ Сантуція, въ „Cavalleria Rusticana“, а не только въ ролѣ изящныхъ дамъ общества. Что же касается единственной шекспировской трагедіи, въ которой я ее видѣла: „Антоній и Клеопатра“, то это была не величавая „Царица-Царей“, какъ именовали египетскую царицу, а затасканная, старая цыганка, готовая „погадать вамъ на ручкѣ!“ Не говоря уже о томъ, что и сама трагедія была такъ безжалостно изуродована, что имѣла право именоваться только „Клеопатрой“, которой одной были отведены кое-какіе урѣзанные монологи; бѣдный же Антоній остался неповиннымъ, ибо на его долю выпали

гдѣ то подобранныя фразы, служившія только репликой для не царственной Клеопатры!..

Гдѣ Дузе была превосходна—это въ „Locandiera“ (Трактирщица) Гольдони.

Переходя снова къ Росси, скажу, что послѣдніе дни его пребыванія въ Петербургѣ, въ эту весну 1895 г., были омрачены извѣстіемъ, полученнымъ изъ Флоренціи, о поврежденіяхъ, причиненныхъ землетрясеніемъ на его виллѣ и о разныхъ семейныхъ волненіяхъ, о чемъ онъ пріѣзжалъ, по душѣ, поговорить со мной, и о чемъ позднѣе писалъ мнѣ уже изъ Флоренціи:

„На меня обрушились всѣ бѣды: родственница, о болѣзни которой мнѣ писали въ Петербургъ, умерла, дочь моя больна, а землетрясеніе, о послѣдствіяхъ котораго лишь вскользь упоминала моя жена, боясь омрачить тѣ свѣтлые дни, что я проводилъ среди васъ,—причинило очень серіозныя поврежденія въ моей виллѣ, требующія громадныхъ поправокъ. Какъ видно, радости всегда должны чередоваться съ огорченіями! Въ то время, какъ я былъ такъ счастливъ среди образованной и восторженной публики, превозносившей меня до небесъ,—Всевышній захотѣлъ напомнить мнѣ о томъ, что я не богъ, а простой смертный. Но нѣтъ, другъ мой, я никогда не думалъ о себѣ такъ высоко; такое высокомѣріе я предоставлялъ глупцамъ. Я всегда смотрѣлъ на себя не болѣе, какъ на артиста, который любя свое искусство, старался проповѣдывать его, гдѣ могъ. Притомъ огорченія въ этомъ мірѣ несравненно болѣе часты, чѣмъ радости; и все человѣчество болѣе или менѣе борется съ различными бѣдами. Но бѣда, если бы радостей было бы ужъ слишкомъ много. А небольшая доля философіи помогаетъ бороться съ горемъ“. Такъ же философски относился онъ къ смерти.

— Я еще не хочу умирать,—сказалъ онъ однажды,—жизнь еще интересуетъ меня; но я совсѣмъ не боюсь смерти. Главное—я хотѣлъ бы умереть вдругъ, безъ болѣзни; а то берегутъ больного, ухаживаютъ за нимъ, поддерживаютъ его жизнь до тѣхъ поръ, пока онъ такъ надоѣстъ, что станутъ говорить: „вотъ надоѣлъ старикъ; умиралъ бы поскорѣй!..“ Конечно, я знаю, что насъ, сценическихъ артистовъ, скоро забываютъ. Ну, вотъ: умру я теперь: вы еще, кто видѣлъ меня на сценѣ, будете меня помнить, разскажете другимъ, кто меня не видалъ, про то, каковъ я былъ; а потомъ и вы умрете, и тѣ, и другіе, что слыщали про меня отъ васъ,—и обо мнѣ никто не вспомнитъ!..

Разъ какъ-то шутливо отнесясь къ тому, что онъ за всѣ свои грѣхи, вѣроятно, не попадетъ въ рай, онъ серіозно прибавилъ:

— Нѣтъ, почему же? Вѣдь, туда должны попасть всѣ исполнившіе свое назначеніе. Если Богъ далъ мнѣ талантъ, эту искру божественнаго огня, часть Его самого, такъ значитъ Онъ все же отмѣтилъ меня; и если я этотъ данный мнѣ талантъ не употребилъ во зло, а старался посредствомъ его внушать хорошія мысли другимъ, такъ я исполнилъ свое назначеніе.

Желая уже не прерывать мои воспоминанія объ Эрнесто Росси, скажу мимоходомъ, что, проводивъ его весной, я сама уѣхала въ Наташино, откуда вернулась осенью вмѣстѣ съ Мальвиной, прямо перейду къ январю 1896 г., когда онъ снова пріѣхалъ въ Москву.

Всѣ послѣдніе передъ тѣмъ осенніе и зимніе мѣсяцы онъ былъ въ постоянныхъ разъѣздахъ и постоянной игрѣ, и хотя въ своихъ ко мнѣ письмахъ увѣрялъ, что не чувствуетъ никакого утомленія,—я, боясь, что такая непрерывная дѣятельность не выдержитъ и не допуститъ его до пріѣзда въ Петербургъ, рѣшилась ѣхать въ Москву, что и исполнила 21 Января, остановившись въ домѣ моего племянника, и въ самый день моего пріѣзда поѣхала къ Росси. Чрезвычайно обрадовавшись мнѣ, онъ предложилъ мнѣ поѣхать вечеромъ съ нимъ въ любительскій спектакль въ „Охотничьемъ клубѣ“, куда ему прислали почетные билеты. Я, конечно, согласилась, и онъ заѣхалъ за мной. Давали шекспировскаго „Отелло“. Мы немного опоздали пріѣздомъ, такъ что, когда, встрѣченные при входѣ однимъ изъ распорядителей, вошли въ залу, занавѣсъ уже былъ поднятъ, и свѣтъ въ залѣ спущенъ.

Добравшись до своихъ креселъ въ первомъ ряду, мы усѣлись и стали смотрѣть на сцену, очень маленькую, но съ прекрасными декораціями, на которой толпилось слишкомъ много народа, и стоялъ такой крикъ, что можно было бы давно разбудить не только одного Брабанціо, но даже всю Венецію. Росси съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за спектаклемъ, передавая мнѣ тутъ же свои замѣчанія. Ничто не ускользало отъ его удивительной наблюдательности и поразительнаго знанія сцены и дѣйствія. Иногда онъ по-итальянски повторялъ фразы, произносимыя актерами по-русски, какъ бы наслаждаясь красотою и выразительностью самой фразы. Обстановка была очень роскошна, быть можетъ, даже слишкомъ роскошна, особенно въ костюмахъ. Немного перехи-

трили артисты-любители и реальностью дѣйствія, заставляя, напр., то слишкомъ много, для серіознаго собранія въ Сенатѣ, числу праздныхъ посѣтителей поднимать шуму, то заставляя членовъ Сената обдумывать государственные вопросы такими длинными паузами, которыя могли навести дремоту на театральную публику.

Въ первый же антрактъ, когда прямо передъ нами грянулъ очень громкій и очень нестройный оркестръ духовыхъ инструментовъ, приводившій Росси въ отчаяніе, къ нему подошелъ одинъ изъ членовъ общества и, поблагодаривъ его за честь посѣщенія, выразилъ большое сожалѣніе, что онъ пріѣхалъ поздно и разстроилъ овацію, приготовленную ему въ моментъ его входа въ театральный залъ.

— Ну такъ, признаюсь, что я доволенъ тѣмъ, что запоздалъ!—проговорилъ Росси, улыбаясь.

Изъ плохенькой труппы любителей рѣзко выдѣлялся устроитель спектакля, г. Алексѣевъ, взявшій на себя роль „Отелло"; изучившій ее прилежно и съ любовью, но излише, особенно мѣстами, горячившійся... Тогда никто не подозрѣвалъ, что изъ этого „любителя" выработается талантливый артистъ, который, подъ именемъ „Станиславскаго", будетъ плѣнять русскую публику, на превосходномъ, созданнымъ имъ „Художественнымъ театрѣ"...

Черезъ день послѣ этого спектакля, когда Росси пригласилъ меня къ себѣ обѣдать, сидимъ мы передъ обѣдомъ, является къ нему этотъ Отелло-Алексѣевъ, господинъ еще молодой, очень представительной наружности, очень интеллигентный, страстный любитель театра. Пріѣхалъ онъ поблагодарить Росси за честь, сдѣланную обществу его посѣщеніемъ и спросить его мнѣнія объ исполненіи вообще и о своемъ въ особенности. Сначала Росси говорилъ очень сдержанно, болѣе касаясь обстановки и общаго колорита исполненія; но когда артистъ-диллетантъ сталъ убѣдительно просить, чтобъ онъ его „хорошенько побранилъ",—Росси прочелъ ему цѣлую лекцію о трагедіи и объ ея героѣ, особенно останавливаясь на тѣхъ мѣстахъ, противъ которыхъ, по его мнѣнію, грѣшилъ слушатель. И нужно сказать къ чести слушателя, что онъ внималъ словамъ великаго артиста, какъ словамъ Евангелія, не спуская съ него глазъ, подъ конецъ попросивъ позволенія записать его замѣчанія въ свою записную книжку, что тутъ же и исполнилъ. На вопросъ Росси, давно ли онъ сталъ заниматься сценическимъ искусствомъ, Алексѣевъ отвѣчалъ:

— Это вы отравили меня! Съ перваго же раза, какъ я васъ увидѣлъ, во мнѣ вспыхнула страсть къ сценѣ!

Росси ободрялъ его, говоря, что у него много способностей, что и самая фигура его очень сценична; совѣтывалъ ему сыграть роль Ивана Грознаго, прибавивъ, что къ этой роли его фигура подходитъ болѣе, чѣмъ его собственная. Сдѣлалъ замѣчаніе объ излишней роскоши обстановки, слишкомъ развлекающей вниманіе зрителя, отвлекая отъ самой драмы, прибавилъ, что онъ хочетъ, когда оставитъ сцену, построить у себя на родинѣ театръ и играть въ немъ Шекспира при такой обстановкѣ, которая была при Шекспирѣ. Вообще бесѣда ихъ была интересной въ высшей степени! О ней я напомнила Алексѣеву-Станиславскому, черезъ 15 лѣтъ— въ Римѣ...

Собираясь въ Москву я, списавшись съ секретаремъ Росси, абонировала себѣ кресло на всѣ его представленія; но, по пріѣздѣ въ Москву, Сальтарелли встрѣтилъ меня извѣстіемъ, что мнѣ предоставлена ложа бенуара на всѣ его спектакли; и, несмотря на всѣ мои отнѣкиванія, я должна была отказаться отъ своего кресла и воспользоваться ложей, въ которую приглашала нѣкоторыхъ знакомыхъ. Нечего и говорить о всѣхъ оваціяхъ Росси, во всѣхъ его роляхъ, къ которымъ онъ присоединилъ еще и, никогда прежде не дававшагося въ Россіи „Скупого рыцаря“ Пушкина, переведеннаго на итальянскій языкъ (въ прозѣ) тоже г-жей Высоцкой. Задумывалъ было Росси выбрать еще что-либо новое русское драматическое, для своей любимой русской публики. Его выборъ остановился на „Нахлѣбникѣ“ Тургенева, прочитаннаго имъ, въ переводѣ, еще въ Румыніи. Но я рѣшительно ему это отсовѣтовала, что такіе, исключительно русскіе, типы слишкомъ чужды для изученія иностранцамъ, и могутъ показаться смѣшными. Тогда онъ остановился на выборѣ двухъ другихъ: „Бориса Годунова“—Пушкина и „Воеводы“—Островскаго.

Въ Москвѣ мы каждый день видѣлись съ нимъ. Въ тѣ дни, когда онъ не игралъ, я часто у него обѣдала; и какіе это были веселые обѣды, въ обществѣ кое-кого изъ его друзей, въ столовой гостиницы „Метрополь“, гдѣ онъ всегда останавливался. Въ высшей степени гостепріимный, онъ любилъ угостить, сердясь, если кто, по его мнѣнію, мало ѣлъ или не пилъ вина.

— У Эрнесто Росси нельзя мало ѣсть или не пить вина,— говорилъ онъ,—вино прибавляетъ жизни, крови!

А самъ онъ пилъ очень мало, одно красное вино, а еще

болѣе какую-то невинную, малиновую водичку, которую называлъ „квасъ“. Впрочемъ, весной 1895 г., пріѣхавъ разъ ко мнѣ, въ жаркій день, онъ спросилъ: „Нѣтъ ли у меня кваса?“ и когда ему подали настоящаго баварскаго кваса, онъ съ удовольствіемъ выпилъ два стакана, выразивъ сожалѣніе, что у нихъ не дѣлаютъ такого прекраснаго напитка.

Послѣ обѣда (который, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, былъ въ три часа) онъ любилъ долго посидѣть за столомъ и поговорить. Это было самое веселое время, когда появлялись анекдоты, которые онъ разсказывалъ съ замѣчательнымъ юморомъ! Вообще разсказчикъ онъ былъ превосходный: разсказъ лился у него плавно, въ красивыхъ выраженіяхъ, картинно, и съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ представлялъ онъ какую нибудь знакомую личность, безъ насмѣшки, съ полнымъ добродушіемъ, съ безмѣрно доброю улыбкой на губахъ и въ глазахъ, которые смѣялись прежде всего. Превосходно подражалъ онъ тоже пѣнію знакомыхъ оперныхъ пѣвцовъ, самъ владѣя очень красивымъ, мягкимъ баритономъ, позволявшимъ ему вполнѣ подражать даже голосу теноровъ. Музыку и пѣніе онъ также любилъ, какъ все прекрасное изъ музыкальныхъ классиковъ отдавая предпочтеніе Баху, утверждалъ, что послѣдующіе композиторы всѣ, болѣе или менѣе, у него заимствовали. Вспоминалъ притомъ, что никто такъ не игралъ Баха, какъ Николай Рубинштейнъ, восторгаясь имъ и, какъ піанистомъ, служившимъ свято искусству, весь отдаваясь вдохновенію, безъ малѣйшаго шарлатанства,—и какъ человѣкомъ, который первый, въ его пріѣздъ въ Москву, протянулъ ему руку дружбы и гостепріимства. Очень былъ Росси друженъ и съ баритономъ Корсовымъ, котораго я и встрѣчала у него въ Москвѣ.

Нѣкоторые изъ вечеровъ, когда Росси былъ свободенъ, мы проводили съ нимъ въ итальянской оперѣ (Солодовникова), гдѣ для него всегда была готова ложа бель-этажа. Тамъ я слышала прославленную „Карменъ“, которая, однако, мнѣ нравилась несравненно менѣе Ферни-Джермано, хотя и была очень красивой, но слишкомъ вульгарной. Провожая послѣ спектакля меня домой, онъ въ каретѣ или пѣлъ мотивы только что прослушанной оперы, или вспоминалъ разныхъ пѣвцовъ временъ прошлыхъ, служа откликомъ моимъ симпатіямъ. Одною изъ наиболѣе любимыхъ имъ оперъ была опера „Риголетто“, но онъ возмущался, когда композиторы брали для сюжета своихъ оперъ трагедіи Шекспира, не прощая ни Россини, ни Верди ихъ „Отелло“,—а еще болѣе Тома—

его „Гамлета“, несмотря на то, что по словамъ Тома̀, его опера была вдохновлена Гамлетомъ-Росси, которому онъ ее и посвятилъ.

— Заставить Гамлета чуть не плясать на сценѣ!—говорилъ онъ съ негодованіемъ.

Всего менѣе любилъ онъ говорить о политикѣ, считая ее тормазомъ искусства.

„Эта проклятая политика, старая колдунья, врагъ всего добраго, вѣчно волнующая бѣдное человѣчество“,—писалъ онъ мнѣ, однажды, и далѣе: „искусство должно разбивать цѣпи, скованныя политикой; и съ этимъ чувствомъ я путешествовалъ по свѣту, воздавая должное всему хорошему и честному, встрѣчаемому мною въ средѣ людей, этихъ существъ совершеннѣйшихъ изъ мірозданія,—вѣря, что всюду, къ какой бы расѣ и національности они ни принадлежали, имъ присуще добро и зло, какъ вѣра въ то, что существуетъ Богъ и злой духъ.“

Послѣдній пріѣздъ Росси въ Россію совпадалъ съ его 50-лѣтней сценической дѣятельностью. Онъ и рѣшилъ отпраздновать свой юбилей въ этой, столь любимой имъ Россіи, сначала назначивъ для того Москву, а потомъ перемѣнивъ на Петербургъ. Эта перемѣна была совершенно напрасна,—прервавъ готовившіяся особенно торжественныя празднества въ Москвѣ и нарушивъ ихъ въ Петербургѣ, сбитымъ съ толку первоначальными слухами о томъ, что они произойдутъ въ Москвѣ. Но Москва все же не хотѣла совсѣмъ отмѣнить ихъ и приготовила артисту, въ вечеръ его бенефиса, прекрасный праздникъ.

Шелъ Гамлетъ. Съ перваго появленія на сценѣ этого геніальнаго Гамлета, въ его печальной траурной одеждѣ, началось чествованіе великаго артиста, давшаго публикѣ столько высокихъ наслажденій! Масса вѣнковъ и простыхъ и серебряныхъ, какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ артистовъ оперной и драматической труппы подарки. Но самое торжественное чествованіе было послѣ 3-го акта, когда занавѣсъ снова поднялся, и на сценѣ появились представители разныхъ депутацій, съ ихъ вѣнками, адресами и рѣчами. Когда, по окончаніи этихъ овацій, я въ тотъ антрактъ пошла въ уборную Росси, то едва могла пробраться сквозь толпу его окружавшую на сценѣ. Онъ, веселый, оживленный, направо и налѣво раздавалъ цвѣты, расхватываемые дамами, а его уборная тоже походила на цвѣтникъ, отъ массы вѣнковъ и цвѣтовъ, которыми была положительно завалена. По окончаніи же спектакля его осыпали цвѣтами изъ ложъ. Между другими подарками я

поднесла ему мою, оконченную тогда, книгу, изъ его воспоминаній, въ изящномъ переплетѣ, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ.

Но всѣ эти волненія, соединенныя съ простудой, въ разъѣздахъ по сильнымъ, стоявшимъ тогда морозамъ,—не прошли ему даромъ; и на слѣдующей недѣлѣ, играя „Отелло", онъ въ уборной признался мнѣ, что наканунѣ не спалъ всю ночь, отъ стѣсненія въ груди, что, мѣшая ему лечь въ постель, заставило его прохаживаться по комнатѣ. А въ тотъ же вечеръ, выйдя изъ театра, онъ не нашелъ своей кареты и отправился въ свой, далеко отстоявшій отъ театра, отель, подъ снѣжной мятелью и морозѣ въ саняхъ. Не обративъ вниманія на простуду, скрывая начавшую разыгрываться инфлуэнцію, онъ закончилъ свои представленія въ Москвѣ „Гамлетомъ", въ пятницу на масляной, а на другой день я уѣхала въ Петербургъ, куда Росси пріѣхалъ вначалѣ первой недѣли поста, совсѣмъ больной и, по уговору доктора Бертенсона, большого поклонника его таланта, легъ въ постель. Я каждый день навѣщала его, страдавшаго сильными невральгическими болями въ головѣ и рвавшагося съ постели, чтобы съ воскресенья начать свои спектакли въ театрѣ Акваріума, этомъ громадномъ сараѣ, со всѣми его грязными закоулками и сквозняками. Въ воскресенье утромъ, когда я пріѣхала навѣстить его, онъ еще такъ сильно страдалъ болями въ головѣ, что сталъ уговаривать меня не ѣздить вечеромъ на его спектакль, такъ какъ онъ будетъ „очень плохо играть". И никто изъ публики, наполнявшій въ этотъ вечеръ театръ, видя этого неподражаемаго „Короля Лира", съ его геніально-тонкой психологической игрой, не подумалъ бы, что этотъ Лиръ-Росси все время страдалъ физически! И это продолжалось цѣлую недѣлю; и цѣлую недѣлю публика видѣла передъ собой все того же могучаго артиста, въ роляхъ: „Іоанна Грознаго", „Отелло", „Макбета", „Скупого рыцаря" и „Кардинала Ришелье". Даже одинъ изъ сводобныхъ вечеровъ этой недѣли, пятницу—великій артистъ пожертвовалъ на доброе дѣло.

Нужно, при этомъ, сказать, что въ маѣ, предыдущаго 1895 года, въ Петербургѣ образовалось „Женское Взаимно-Благотворительное Общество", членомъ въ которое я поступила съ января 1896 г., но, занятая спектаклями Росси и поѣздкой въ Москву, еще до тѣхъ поръ ни разу его не посѣтила. Но еще передъ моимъ отъѣздомъ въ Москву, одна изъ моихъ знакомыхъ, членъ общества, именно А. Н. Пѣшкова-Толивѣрова (издательница

„Игрушечки“), разсказала мнѣ, что въ Обществѣ предполагается въ посту устроить вечеръ, въ пользу Общества и посовѣтывала мнѣ написать Росси, прося его принять участіе въ вечерѣ, въ пользу „Общества“. Прежде чѣмъ отвѣтить на мое письмо письмомъ, онъ тотчасъ же мнѣ телеграфировалъ: „Распоряжайся мной для благотворительнаго вечера“. И вотъ въ этотъ-то вечеръ, совсѣмъ больной, онъ, съ свойственной ему геніальностью неподражаемаго декламатора, прочелъ по-итальянски „Послѣдніе часы Христофора Колумба“, давъ передъ тѣмъ, для незнающихъ итальянскаго языка, небольшое поясненіе по-французски, а на восторженное „bis“ публики,—уже по-французски, продекламировалъ „Смерть Тампліера“.

Этотъ вечеръ былъ наканунѣ бенефиса Росси, давшаго „Гамлета“,—бенефиса,—какъ я уже говорила раньше,—вслѣдствіе недоразумѣній и перемѣнъ съ Москвы на Петербургъ,—его самого, вышелъ далеко не такимъ торжественнымъ, какъ можно было ожидать, главное со стороны артистовъ, съ ихъ депутаціями. Приготовлявшаяся депутація отъ русскихъ женщинъ, явившись въ театръ въ полномъ составѣ, съ своимъ адресомъ, за неимѣніемъ на лицо другихъ депутацій, должна была остаться въ сторонкѣ, чтобы своимъ единичнымъ появленіемъ на сценѣ не возбудить неприличнаго смѣха; и адресъ этой единственной депутаціи, въ портфелѣ русскаго стиля, былъ скромно переданъ на сцену ихъ оркестра.

— Я не ожидалъ подарковъ,—говорилъ мнѣ Росси на другой день своего бенефиса,—у меня ихъ и безъ того много; но, признаюсь, я былъ увѣренъ, что артисты театровъ захотятъ почтить мой день теплымъ словомъ! Я всегда, прежде всего, думалъ о нихъ, интересовался ими; и нынче, какъ и прежде, пріѣхавъ сюда, далъ распоряженія, чтобы для нихъ всегда были даровыя мѣста въ театрѣ. И я видѣлъ ихъ на этихъ мѣстахъ,—прибавилъ онъ съ полуулыбкой,—но никто изъ нихъ не захотѣлъ почтить меня при такомъ многознаменательномъ для меня торжествѣ!

На другой день бенефиса былъ послѣдній спектакль Росси, „Кардиналъ Ришелье“, вещь слабая, не стоившая его могучаго таланта. Никто тогда не думалъ, что это будетъ именно его п о с л ѣ д н і й въ Петербургѣ спектакль! На другой день онъ уѣхалъ въ Харьковъ.

XVII.

Моя поѣздка въ Москву, съ разъѣздами тамъ, по сильно все время стоявшему морозу,—и въ театръ и къ Росси и пр.—тоже не обошлась даромъ и мнѣ. Уже тамъ я начала покашливать, на что, конечно, не обратила вниманія, и продолжала и въ Петербургѣ, сначала разъѣзжать, навѣщая Росси, а затѣмъ, въ эту даль, въ театръ Акваріумъ, и все это, идя crescendo, разразилось на Ѳоминой недѣлѣ сильной простудой, обозначившейся воспаленіемъ обоихъ легкихъ и плевритомъ.

А между тѣмъ, у насъ намѣчалась интересная поѣздка за границу, пораньше, еще въ апрѣлѣ. Предполагалось начать съ юга Франціи, побывавъ въ „Лурдѣ“: только что, притомъ, прочитавъ о немъ, въ первой и лучшей, трилогіи Золя. Теперь я была прикована къ постели, въ которой провела пять недѣль, съ страшными ночными бредами и удушьемъ, пользуемая двумя врачами: Верюжскимъ, живущимъ въ одномъ съ нами домѣ, приходившимъ не только каждый день, но иногда и два раза въ день, и Бертенсономъ, навѣщавшимъ меня время отъ времени, съ которымъ мы сдружились на болѣзни Росси.

Между тѣмъ у насъ продолжалась постоянная переписка съ Росси, который перелеталъ изъ города въ городъ, отовсюду писалъ мнѣ, безпощадно себя изнуряя и вездѣ встрѣчая оваціи. Не удивительно, что такое утомленіе отразилось на его здоровьѣ; что въ своихъ письмахъ онъ скрывалъ отъ меня, напротивъ выражая свое безпокойство о моемъ здоровьѣ. Но очень преданный и привязанный къ нему его секретарь, Сальтарелли, самъ отъ себя, сталъ писать мнѣ о своихъ опасеніяхъ на счетъ его здоровья; объ этихъ нервныхъ боляхъ въ спинѣ, мѣшающихъ ему спать лежа. Получивъ такое письмо въ то время, когда у меня былъ Бертенсонъ, я разсказала ему все.

— Это опасная вещь,—проговорилъ онъ,—это должно быть отъ сердца, и продолжая играть въ такомъ состояніи, онъ можетъ когда нибудь совсѣмъ остаться на сценѣ!

Я въ тотъ же день послала Росси телеграмму такого содержанія:

„Докторъ Бертенсонъ совѣтуетъ полный отдыхъ, иначе грозитъ большая опасность“.

На эту телеграмму онъ отвѣтилъ мнѣ телеграммой же: „Солдатъ не оставляетъ поля битвы“.

И затѣмъ въ письмѣ отъ 4 апрѣля, уже изъ Одессы, прибавляетъ слѣдующее: „Здоровье мое понемногу улучшается. Я не взялъ бы золота всего міра за то, чтобы прервать свои спектакли; я бы предпочелъ умереть на сценѣ, какъ храбрый воинъ, который смерть на полѣ брани предпочитаетъ бѣгству".

А между тѣмъ, какъ я позже узнала отъ его секретаря, въ это время уже вполнѣ развилась его смертельная сердечная болѣзнь, съ постоянными сердечными припадками. Особенно былъ силенъ такой припадокъ въ Одессѣ, во время представленія „Лира", когда онъ въ концѣ 4-го акта почти замертво упалъ на сцену.

— Какъ жаль, что я не умерь теперь!—проговорилъ онъ, придя въ себя:—умереть на сценѣ, и особено въ роли короля Лира, было всегда моею мечтой!

Несмотря на такое состояніе здоровья, Росси все же поѣхалъ въ Кіевъ.

„Я въ настоящее время,—писалъ онъ мнѣ изъ Кіева, отъ 21 апрѣля,—почти кончаю свои представленія и свои обязательства, которыя вынесъ съ честью, безъ всякихъ препятствій, такъ что мой импрессаріо вернется въ Москву веселый и довольный и съ мѣшкомъ, полнымъ рублями. Я же вернусь къ своей семьѣ во Францію, поджидая тамъ посѣщенія „друга изъ Россіи". Эпилогъ: сегодня вечеромъ Г а м л е т ъ, вторникъ—послѣдній въ Кіевѣ спектакль съ повтореніямъ И в а н а Г р о з н а г о, затѣмъ возвращеніе въ Одессу только на два спектакля, именно 27 и 29 (вашего стиля) и оттуда сажусь на пароходъ и, съ Божьей помощью, отплываю въ Бриндизи, откуда по желѣзной дорогѣ во Флоренцію".

Слова въ письмѣ объ „ожидаемомъ другѣ" относились ко мнѣ; такъ какъ онъ зналъ, что лѣтомъ я собиралась за границу и хотѣла быть во Флоренціи и радовался случаю познакомить меня со своей семьей и показать мнѣ свой домъ и свою виллу, съ ея артистическимъ музеемъ. Выше приведенное письмо было его послѣднимъ ко мнѣ письмомъ... Два спектакля въ Одессѣ: Шейлокъ и Іоаннъ Грозный, послѣ котораго его опять подняли полу-мертвымъ, окончательно подорвали его сердце. 3 мая я получила отъ Сальторелли письмо изъ Константинополя, о благополучномъ ихъ туда пріѣздѣ и, по порученію Росси, прибавлялъ, что онъ чувствуетъ себя лучше и, посылая мнѣ теперь свои сердечные привѣты, напишетъ мнѣ тотчасъ же по прибытии во Флоренцію.

Между тѣмъ я настолько поправилась,—хотя еще сильно

кашляла, что мои доктора разрѣшили мнѣ выѣхать изъ Петербурга, и 18 мая мы, т. е. я, Мальвина и Машенька выѣхали, на Берлинъ, направляясь въ Montreux, гдѣ мнѣ предполагалось окончательно оправиться. Но, пріѣхавъ во Франкфуртъ и тамъ переночевавъ, на утро мы прочли въ газетѣ извѣстіе о серьезной болѣзни Росси. Я тотчасъ же послала телеграмму къ нему на домъ, во Флоренцію, съ отвѣтомъ на Montreux, куда мы и выѣхали въ тотъ же день. Тотчасъ же по пріѣздѣ, я получила отвѣтную телеграмму, что нѣтъ ухудшенія и тогда же рѣшила ѣхать во Флоренцію... Въ Миланѣ я прочла въ газетѣ, что онъ, 23 мая, (4-го іюня) скончался въ Пескарѣ, откуда его привезутъ во Флоренцію и продолжала свой путь. Но во Флоренціи, кромѣ того, меня ждало еще одно недоразумѣніе. Я и раньше предполагала во Флоренціи остановиться у г-жи Высоцкой, содержавшей тамъ, со своей пріятельницей, тоже русской, пѣвшей когда-то на сценѣ и по сценѣ сохранившей наименованіе Альбини, русскій пансіонъ, Росси былъ очень друженъ съ обѣими и много мнѣ разсказывалъ, особенно о Высоцкой; имъ же говорилъ обо мнѣ, такъ что мы были уже знакомы заочно. Располагаясь отдохнуть отъ дороги и болѣзни въ Montreux, я оттуда хотѣла списаться съ ними насчетъ времени моего пріѣзда въ ихъ пансіонъ; теперь же смерть Росси все это ускорила и, на посланную имъ телеграмму, не могла получить отвѣта, а пріѣхавъ рано утромъ во Флоренцію, прямо на ихъ квартиру—„Viale Margherita 42“,—узнала, что онѣ уже раньше, закрывъ пансіонъ на лѣтнее время, сами съ семьей переѣхали на Ривьеру,—близъ Генуи, но, въ отвѣтъ на мою телеграмму дали совѣтъ остановиться въ пансіонѣ недалеко отъ нихъ. Усталая, еще совсѣмъ больная, сильно огорченная, я должна была ѣхать занимать комнату и, сваливъ тамъ свой багажъ, опять ѣхать разузнать привезли ли тѣло Росси, для чего опять-таки побывать въ разныхъ мѣстахъ, пока не нашла его уже въ часовнѣ церкви Santa Maria Novella.

Дѣло было въ томъ, что морское путешествіе до Бриндизи, было для Росси спокойно, но разъ онъ перемѣнилъ пароходъ на экспрессъ жел. дороги, сердце не выдержало и, едва доѣхавъ до Пескары, онъ черезъ десять дней, временами страдая, временами успокаиваясь, оставаясь до конца въ полной памяти, тихо скончался на рукахъ жены и дочери, вызванныхъ изъ Флоренціи.

Вѣсть о смерти великаго артиста поразила интеллигентный міръ Италіи. Въ день отпѣванія его въ Пескарѣ всѣ магазины

города были закрыты и на дверяхъ ихъ виднѣлись карточки съ надписью: „Національный трауръ“. По дорогѣ во Флоренцію, въ Болоньѣ, опять были депутаціи съ вѣнками и рѣчами; то же было и во Флоренціи, когда въ 6 часовъ вечера, въ день пріѣзда, въ часовнѣ собрались депутаціи. Первою рѣчью была рѣчь Томмасо Сальвини (представителя министра народнаго просвѣщенія).

Свою длинную рѣчь Сальвини закончилъ такими словами:

„Въ тебѣ искусство теряетъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ своей короны, который трудно замѣнить другимъ.

„Въ тебѣ Италія теряетъ одного изъ своихъ любимыхъ сыновей, который прославлялъ ея искусство въ чужеземныхъ странахъ, почему тотъ трауръ, которымъ одѣлась несчастная семья, безутѣшные друзья, преданные товарищи и тѣ сограждане, которые тебя любили, можетъ, по справедливости, назваться: національнымъ трауромъ“.

Погребальная процессія до кладбища S. Miniato была необыкновенно торжественна, съ массой депутацій, съ прекраснымъ пѣніемъ и оркестромъ и сплошнымъ рядомъ народа, благоговѣйно склонявшагося при появленіи гроба, въ которомъ покоился великій артистъ, слава ихъ страны и города. По прибытіи на кладбище, гробъ, за позднимъ временемъ, былъ поставленъ въ церкви, а погребеніе состоялось на другой день, въ 5 ч. пополудни, въ фамильной гробницѣ, въ которой покоятся прахъ отца великаго артиста и его сына, юноши, умершаго 20-ти лѣтъ.

На другой день моего пріѣзда во Флоренцію, я познакомилась съ его женой, а позже съ дочерью. Уже знакомыя со мной по разсказамъ усопшаго, онѣ встрѣтили меня, какъ близкаго друга.

— Вы намъ не чужая,—говорила M—me Росси со слезами обнимая меня,—Эрнесто столько говорилъ намъ о васъ, что мы давно привыкли васъ любить.

Въ три недѣли, проведенныя тогда мною во Флоренціи, я часто видалась съ ними, особенно съ M-me Росси, относившейся ко мнѣ съ большой нѣжностью; и ея восторженные всегда отзывы объ ея геніальномъ мужѣ, очень расположили меня къ ней; и только позже, при болѣе близкомъ знакомствѣ, когда я пристальнѣй къ ней приглядѣлась, я могла оцѣнить, что она далеко не отвѣчала ему! Ихъ единственная дочь, также, какъ и мать—Эвелина, получившая прекрасное образованіе, очень любезная, чрезвычайно моложавая, имѣя въ то время уже дочь 16 лѣтъ и двухъ сыновей—12 и 8-и—тоже далеко не была на высотѣ,—въ отношеніи

геніальности отца,—а тѣмъ менѣе ея мужъ, Модильяни, человѣкъ очень богатый,—подъ свѣтской шлифовкой, скрывавшій довольно грубую натуру, иногда схватываясь съ дочерью, Аглаей, тоже пылкой, но интересной дѣвушкой, умной и талантливой, вкладывавшей присущій ей огонекъ къ свою игру на скрипкѣ, которую любилъ ея знаменитый дѣдъ, мечтая сдѣлать изъ нея артистку, что было мечтой и самой дѣвушки. Но судьба распорядилась иначе. Мечтая объ артистической карьерѣ, Аглая отказывала женихамъ, не желавшимъ видѣть ее на эстрадѣ, и вышла за артиста—скрипача, думая раздѣлять съ нимъ его артистическую карьеру; но—второстепенный скрипачъ,—не желая соревнованія,—совсѣмъ отстранилъ свою жену отъ искусства, ставъ только неинтереснымъ мужемъ!.. Но я далеко ушла впередъ. Теперь же, въ эти первыя три недѣли знакомства, я собственно, не видѣла отъ нихъ отъ всѣхъ ничего, кромѣ любезности и привѣта, очень заинтересовавшись тогда Аглаей.

M—me Росси жила тогда въ ихъ небольшомъ домѣ на Via Lorenso il Magnifico. Я помню, еще въ ноябрѣ 1891 г., Росси писалъ мнѣ: „Я переѣхалъ въ городъ и занялъ мой новый домикъ, который (скажу въ скобкахъ) мнѣ чрезвычайно нравится“... И далѣе: „весь занятый устройствомъ моего новаго жилища, я до сихъ поръ еще не отвѣчалъ на нѣсколько сдѣланныхъ мнѣ предложеній вернуться къ сценѣ“... И точно, съ перваго же взгляда видно, что домъ отдѣлывался подъ руководствомъ артиста-художника, такъ все въ немъ, начиная съ небольшихъ, изящныхъ салоновъ, до хозяйственныхъ построекъ—красиво и комфортабельно. Очень была я тронута, когда войдя въ маленькій кабинетъ геніальнаго артиста, увидѣла на стѣнѣ, прямо передъ его кресломъ за письменнымъ столомъ,—мой рисунокъ его апоѳеоза, поднесенный ему на сценѣ, въ его бенефисъ, 1895 года.

Но затѣмъ начались всѣ тѣ, сначала только безтолковыя, ни на чемъ не основанныя, перемѣны въ комнатахъ и даже домахъ,—а затѣмъ основанныя на тѣхъ непростительныхъ, при оставленныхъ артистомъ средствахъ, и основанныхъ уже на разсчетѣ, перемѣны, что впослѣдствіи совсѣмъ оттолкнули меня отъ этой семьи, въ которой я мечтала видѣть именно что-то родное, имъ мнѣ завѣщанное! Но теперь, еще не касаясь существенныхъ перемѣнъ, опишу мою поѣздку съ M-me Росси на ихъ загородную виллу, „Монтуги“. Вилла эта беретъ свое начало съ 1100, принадлежа Маркизу Угоне, и, перемѣнивъ многое множество владѣ-

телей, въ 1615 г. была куплена однимъ изъ Медичисовъ и, въ длинномъ періодѣ, до 1781 г. служила мѣстомъ многихъ историческихъ и любовныхъ эпизодовъ, въ то же время предметомъ изящныхъ украшеній искусства. Вслѣдъ затѣмъ, попавъ въ руки людей, интересовавшихся только выгодами приносящими землей, самая вилла была запущена, пока не попала, въ 1881 году, въ руки такого эстетика, какимъ былъ Эрнесто Росси, который, съ рвеніемъ истиннаго художника, пригласивъ себѣ на помощь ученыхъ археологовъ, принялся копаться въ хламѣ запущенной виллы, чистить ее и реставрировать по древнимъ образцамъ, открытымъ въ лѣтописяхъ.

Въ настоящее время вилла почти утратила свое старинное названіе и извѣстна просто подъ именемъ „Виллы Росси". Дорога до воротъ имѣнія тянется между двухъ стѣнъ, ограждающихъ пригородныя виллы; а за воротами, слегка поднимаясь, красиво извивается межъ плантацій, засаженныхъ виноградниками и фруктовыми деревьями къ саду, среди котораго стоитъ вилла, построенная съ стилѣ renaissance, съ фасадомъ украшеннымъ медальонами поэтовъ: Данте, Альфіери, Николини и Шекспира. Переступивъ порогъ дома, вы прямо очутитесь въ скульптурномъ музеѣ, среди древнихъ этрусскихъ урнъ, саркофаговъ, украшенныхъ горельефами, торсовъ и бюстовъ, болѣе или менѣе сохранившихся среди пролетѣвшихъ надъ ними вѣковъ и запустѣнія. Но перломъ между ними слѣдуетъ считать группу фавна, несущаго на спинѣ Вакха, приписываемую Фидію. Кромѣ этой залы,— съ ея мраморнымъ поломъ и темно-красными стѣнами, въ нишѣ которыхъ стоитъ мраморный бюстъ устроителя музея, Эрнесто Росси,—многіе изъ обломковъ находятся и въ слѣдующей за этой залой, обширной полузакрытой лѣтней столовой, составляющей часть внутренняго двора или Patio, полъ котораго выложенъ древней мраморною мозаикой; такою же мозаикой, вмѣстѣ съ выпуклыми украшеніями изъ разноцвѣтныхъ фруктовъ, — работы Лука делла Робіа,—выложенъ и старинный фонтанъ, вдѣланный въ одну изъ высокихъ стѣнъ окружающихъ дворъ.

Не буду подробно описывать всѣхъ комнатъ нижняго этажа, этихъ роскошныхъ салоновъ, артистически украшенныхъ,—а поднимусь по бѣлой мраморной лѣстницѣ во второй этажъ, во „святое святыхъ", т. е. „Артистическій музей" великаго артиста. Комната не велика и освѣщается двумя окнами и стеклянной балконною дверью. Потолокъ красиво расписанъ, изображая генія

искусствъ, парящаго въ облакахъ, а бордюръ потолка состоитъ изъ гербовъ всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ странъ, на сценахъ которыхъ подвизался великій трагикъ. По стѣнамъ стоятъ массивные шкафы, изящной работы, изъ чернаго дерева съ позолотой, на полкахъ которыхъ, подъ стекломъ, поднесенные артисту предметы, расположенные съ большимъ вкусомъ: вѣнки изъ искусственныхъ лавровъ и цвѣтовъ, съ разноцвѣтными, часто очень раскошными, лентами, съ разнообразными лентами. Художественно-отдѣланные портфели, альбомы, съ рисунками знаменитыхъ художниковъ; художественно украшенные адресы разныхъ обществъ. Цѣлые ряды атласныхъ и бархатныхъ подушекъ съ серебряными и золотыми вѣнками. Цѣлые сервизы изъ превосходнаго фарфора. Массивныя вещи изъ серебра и золота, съ вензелями изъ драгоцѣнныхъ камней; русскіе жбаны, стопы и кубки и пр. и пр. Посреди комнаты стоятъ еще витрины, подъ стеклами которыхъ, въ одномъ находятся всѣ ордена артиста—числомъ 26,—а въ другомъ наиболѣе дорогія по цѣнѣ предметы, какъ напр. цѣлый ассортиментъ сигарочницъ изъ серебра и золота, съ его вензелями изъ брильянтовъ, съ тонкой живописью, изображающей артиста въ роляхъ Донъ-Жуана и Лира и пр. Небольшой ятаганъ, въ золотыхъ ножнахъ съ надписью „Otello“ изъ рубиновъ и брильянтовъ,—изъ Pio Жанейро; „бразильская роза“ — брильянтовая звѣзда, окруженная вѣнкомъ изъ миніатюрныхъ эмальированныхъ розъ, съ брильянтовымъ вензелемъ внутри. Цѣпь изъ окаменѣлыхъ,—находимыхъ на муміяхъ,—жуковъ съ гіероглифами, вырѣзанными на обратной сторонѣ, оправленные въ золото и масса другихъ. На небольшой этажеркѣ цѣлые переплетенные фоліанты съ наклеенными въ нихъ рецензіями объ игрѣ великаго артиста въ всѣхъ странахъ и на всѣхъ языкахъ. М—me Росси, показывая мнѣ все, обратила мое вниманіе на отдѣльный фоліантъ, въ которымъ были вклеены длинные рецензіи, переведенныя мною съ русскаго на итальянскій, во время нахожденія великаго трагика у насъ, которыя присылала ему и которыми онъ очень дорожилъ.

По стѣнамъ, между вѣнковъ съ ихъ длинными лентами— портреты масляными красками, въ натуральную величину, по колѣно, его изображеніе въ роляхъ Отелло, Макбета, Лира, Гамлета и Людовика XI. Іоаннъ Грозный нашелъ себѣ мѣсто въ кабинетѣ, вмѣщающимъ въ себѣ огромные шкафы, переполненные всевозможными книгами, на всевозможныхъ языкахъ и всевозможнаго содержанія, болѣе исторіи народовъ и исторіи искусствъ

вообще и театральныхъ въ особенности. Всевозможныя изданія Шекспира въ оригиналѣ, начиная съ древнѣйшихъ, и замѣтки его толкователей.

Осмотрѣвъ остальныя комнаты, я вернулась снова въ артистическій музей, теперь еще болѣе освѣщенный съ широкой террасы, съ которой открывается чудный видъ. На югъ лежитъ вся Флоренція, надъ которой царитъ куполъ Диото и стройная Campanilla. Къ востоку видѣнъ Фьезоле, затонувшій въ зелени холма. Къ сѣверу виднѣется Пистойя, будто крошечная деревушка; и все это въ массѣ зелени и мягкихъ лиловатыхъ тѣняхъ, облитое мягкими, предзакатными лучами солнца. Тѣ же мягкіе лучи робко проникали теперь въ музей, затронувъ нѣкоторые изъ его угловъ и весело играя на серебрѣ лавровыхъ вѣнковъ и золотѣ подарковъ. Сколько восторженныхъ криковъ слышали всѣ эти предметы, слабая дань великому артисту, заставившему насъ столько переживать! Сколько волновались мы съ этимъ Макбетомъ; какъ страдали съ этимъ Лиромъ, этимъ львомъ, укрощеннымъ страданьемъ, какъ сочувствовали этому Отелло, герою съ младенческой душой, и сколько мыслили съ этимъ Гамлетомъ, такъ же анализируя, такъ же не рѣшая вѣчнаго вопроса, теперь рѣшеннаго великимъ артистомъ: „Essere o non essere?..“ (Быть или не быть?)

Имѣя въ виду провести лѣто въ Италіи и познакомиться съ m-me Высоцкой и ея семьей, я написала ей въ Santa Margherita, куда они переѣхали изъ Флоренціи, прося ее пріискать мнѣ помѣщеніе въ томъ домѣ, гдѣ они помѣстились. Въ своемъ отвѣтѣ она написала мнѣ, что въ ихъ домѣ помѣщенія не было, но что она нашла мнѣ помѣщеніе въ только что открывшемся пансіонѣ, рядомъ съ ихъ домомъ и прислала мнѣ полный маршрутъ для поѣздки. Притомъ такъ какъ мы другъ друга совсѣмъ не знали, то предупредивъ меня, что она встрѣтитъ меня на станціи,—просила, чтобы я отмѣтила себя, держа въ рукѣ газету, что сдѣлаетъ и она; и я, успокоенная, отправилась въ путь.

Мѣстечко „Санта-Маргарита“ лежитъ на восточной части Ривьеры (Riviera di Levante), въ полу-часовомъ разстояніи по жел. дорогѣ отъ Генуи. Я выѣхала въ полдень. Вскорѣ мимо оконъ вагона замелькала гладь моря, озареннаго яркимъ блескомъ горячаго южнаго солнца. Красивыя мѣстечки съ прекрасными отелями, морскими купаньями, виллами и садами,—смѣняли одно другое вдоль всего побережья, то спускаясь къ самому морю, то возвышаясь подъ нимъ. Часто виды на нихъ исчезали въ темнотѣ

тонелей, весьма многочисленныхъ на этомъ пути; еще чаще сквозь окна тунелей быстро мелькала сверкающая гладь моря. Пролетѣли мимо Специи; въ сторонѣ, за станцией Масса, забѣлѣлись, будто снѣжныя горы, богатыя залежи мрамора Каррары. Пересѣвъ въ хорошенькомъ городкѣ Кьявари на другой, мѣстный, поѣздъ, я помчалась далѣе и въ 6 ч. чудеснаго вечера была въ Санта-Маргаритѣ. Мѣстечко это, раскинутое на самомъ берегу моря, огорожено сзади горами, сплошь покрытыми рощами оливъ, изъ сѣдой зелени которыхъ темнѣютъ пирамиды кипарисовъ; съ лѣсами сладкаго каштана, съ его веселой, яркой листвой. Повсюду на склонахъ высятся зàмки и виллы, часто очень роскошные, съ прекрасными садами; или изъ массы зелени выглядываютъ куполы и шпицы церквей. Въ самомъ мѣстечкѣ есть нѣсколько отелей, пансiоновъ.

На станцiи, какъ и было условлено, меня встрѣтила m-me Высоцкая, держа газету, что продѣлала и я, и мы сошлись, какъ будто давно знакомыя, и она, сдавъ заботы о моемъ багажѣ на руки сопровождавшаго ее молодого итальянца, ихъ знакомаго, повела меня прямо обѣдать въ ресторанъ моего пансiона, бывшiй отдѣльно, на площади маленькаго городка. Помню, что обѣдъ главное былъ посвященъ нашимъ разговорамъ, послѣ чего мы еще болѣе сблизились.

Варвара Александровна Высоцкая, несмотря на многое тяжелое ею уже пережитое и многое множество личныхъ трудовъ, на средства которыхъ воспитала троихъ дочерей,—была еще совсѣмъ, повидимому, молодой, хорошенькой, съ живыми, ярко блестѣвшими черными глазами, живой рѣчью и чрезвычайно плѣнительной, доброй улыбкой. Этотъ вечеръ мы посвятили другъ другу, и я видѣла только ея старшую дочь, Мери, которая, какъ и ея мать, сразу вошла въ мое сердце и стала моей любимицей. На другой день я познакомилась со всѣми остальными. Всѣ три дочери, каждая въ своемъ родѣ, были прелестны! И жиденькая, какъ тростинка, Мери, съ умными темными глазами и улыбкой Ундины; и бѣлокурая Ольга, хорошенькая, какъ одинъ изъ херувимовъ Сикстинской Мадонны, юная мать, крошки Дуди, которой нѣтъ еще двухъ лѣтъ; и 18-лѣтняя Нелли,—меньшая,—совсѣмъ красавица блондинка, съ ореоломъ золотистыхъ кудрей, ослѣпительнымъ цвѣтомъ лица и взглядомъ сирены.

Какъ близкiй членъ семьи и сотрудница въ дѣлахъ по пансiону—Любовь Ивановна, по прозванiю Альбини,—добрѣйшее су-

щество, несмотря на воинственный тонъ, истый русскій типъ и по виду и по открытой душѣ, что и выбранитъ и приголубитъ. Диссонансомъ ко всѣмъ служилъ мужъ Ольги, этотъ испанецъ изъ Ріо-Жанейро, сразу не заручившійся моей симпатіей, а позднѣе не заслужившій ничего, кромѣ антипатіи... чтобы не сказать больше... Этотъ разъ мое чувство не обманулось, къ сожалѣнію для Ольги!...

Вся обстановка моего помѣщенія въ новомъ только что законченномъ зданіи пансіона была очень оригинальна. Въ этомъ трехэтажномъ домѣ я жила пока одна, даже безъ прислуги. Утромъ предо мной являлся добродушно-глуповатый Анджело, старшій буфетчикъ, имъ же принадлежащаго, скромнаго шалэ-ресторанчика, тутъ же на берегу моря, и приносилъ мнѣ кофе и все прочее, съ масломъ, непремѣнно на виноградномъ листѣ. Онъ же убиралъ мою комнату и постель. Завтракала я въ шалэ, а обѣдала на площади въ ихъ большомъ ресторанѣ, а на ночь Анджело, проводивъ меня до подъѣзда моего пансіона, запиралъ его на ключъ,—другой ключъ оставляя мнѣ—и я съ зажженной спичкой поднималась до своего перваго этажа, проходила рядъ необитаемыхъ комнатъ и входила въ свою уютную и очень комфортабельно убранную комнату. И такъ я прожила три недѣли, пока не пріѣхала одна очень милая, знакомая Высоцкимъ, дама, а позднѣе и другіе. Иногда Варвара Александровна приходила ко мнѣ раньше появленія Анджело, и я бросала ей,—какъ героиня романа своему гидальго,—изъ окна, ключъ отъ двери, и она поднималась ко мнѣ.

Жизнь мѣстечка начиналась рано. Я встаю въ 7 часовъ и широко растворяю оба окна моей комнаты. Въ одно окно, выходящее прямо на море, меня привѣтствуютъ свѣжій морской воздухъ и улыбающаяся мягкой утренней улыбкой блѣдно-золотистая гладь моря. Утромъ оно необыкновенно тихо; небольшая зыбь, или бриза, бываетъ въ тихіе дни около полудня. Горы еще слегка подернуты розовой дымкой; а тамъ, гдѣ онѣ не загораживаютъ моря, оно почти сливается перламутровой полосой съ блѣдно-розовымъ горизонтомъ, на которомъ какъ то воздушно рисуются силуэты барокъ, съ ихъ трехугольными парусами. Тихо еще на берегу. Жители Санта-Маргариты не любятъ купаться такъ рано. Только старый Лоренцо, въ своей широкополой соломенной шляпѣ, похожей на размокшій грибъ, постукиваетъ молоткомъ по опрокинутому къ верху дну лодки, вытащенной на берегъ. Второе окно моей комнаты выходитъ на бухту, въ которой происходитъ

большое оживленіе. Стая мальчишекъ,—этихъ крикливыхъ галчатъ, которыми наводнены всѣ улицы и закоулки,—уже кувыркается въ водѣ, съ визгомъ бросаясь съ лодокъ, по бокамъ которыхъ карабкается обратно. На каменномъ приступочкѣ набережной, въ тѣневомъ уголкѣ, уютно усѣлись нѣсколько постоянныхъ утреннихъ „завсегдателей“, съ коротенькими трубочками въ зубахъ, слушая чтеніе вслухъ мѣстной газеты. По улицѣ, лѣниво шаркая ногами, бредетъ подростокъ съ корзиной мелкой, только что наловленной, рыбешки, блестящей серебромъ подъ лучами солнца, и рѣзко выкрикиваетъ названіе своего товара. Медленно плетется рослый лошакъ, впряженный въ подводу на высокихъ колесахъ; а сверху несется тонкій благовѣстъ церкви, едва выглядывающей изъ густой листвы, и замираетъ, будто таетъ въ прозрачномъ эфирѣ. Вотъ, лѣниво переваливаясь съ ноги на ногу, у дверей шалэ появляется Анджело и лѣниво потягиваетъ на себѣ фракъ. Подъ балкономъ шалэ, на самомъ берегу моря, разставляются стулья и низкія кресла, въ которыхъ возсѣдаютъ дамы съ книгами и работой, и столы для любителей игры въ шашки, излюбленное занятіе итальянцевъ, проводящихъ за ними цѣлые часы. А кругомъ кишатъ дѣти,—масса дѣтей, разныхъ возрастовъ.

Солнце поднимается выше. Я, кончивъ кое какія занятія дома, беру книгу и иду къ шалэ, на берегъ моря. Тамъ, подъ навѣсомъ, собралось уже все обычное общество. Тутъ и горбоносая генеральша изъ Генуи, которой не достаетъ только древне-римскаго пеплума, чтобы воспроизвести классическую Волюмнію; и ея стройная замужняя дочь, съ толстенькимъ Маріусомъ на рукахъ; тутъ и молодая, блѣдная банкирша, со своимъ старымъ ревнивымъ мужемъ и парой прелестныхъ черноглазыхъ дѣвочекъ. Въ одномъ изъ низкихъ креселъ, комфортабельно растянулась наша Альбини, любимица всего общества, полдня проводящая въ горахъ, которыя измѣряетъ своими могучими стопами, съ изумительной быстротой, а полдня—за чтеніемъ романовъ Золя, проглатывая ихъ съ той же быстротой.

А вотъ и В. А. Высоцкая, имѣющая видъ старшей сестры своихъ дочерей. Мери, вся разгорѣвшись, спѣшитъ къ морской прохладѣ, съ ящикомъ и складнымъ мольбертомъ, возвращаясь съ горъ, гдѣ съ ранняго утра сидѣла за работой: у Мери положительно талантъ и вдохновеніе чистой, возвышенной души... Нелли царитъ надъ цѣлой плеядой своихъ поклонниковъ, тающихъ у ногъ неприступной красавицы. Тутъ и добродушный

Тости, длинный малый, съ носомъ аиста и душою агнца; тутъ и короткій, но пылкій, Бурсо, запасшійся фотографическимъ снарядомъ, чтобы воспроизводить свою богиню во всѣхъ поворотахъ, и мрачный, какъ ночь, Цопирни,—этотъ Отелло С. Маргариты,—ревнующій красавицу къ самой тѣни, падающей отъ другихъ ея поклонниковъ...

То тотъ, то другая изъ общества скрываются въ кабинахъ, появляясь затѣмъ оттуда въ купальныхъ, болѣе или менѣе затѣйливыхъ, костюмахъ. Въ водѣ иногда затѣваются цѣлыя состязанія, съ перегонкой одинъ другого, для достиженія намѣченной цѣли. У берега плещутся дѣти, смѣшные карапузики въ купальныхъ костюмчикахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, надѣвъ на себя спасательные круги, отваживаются выйти дальше; другіе, подъ руководствомъ Агостино,—сына стараго Лоренца,—отличнаго пловца, съ головой Антикоя,—учатся плавать по всѣмъ правиламъ искусства. Становится жарко. Купальщики мало-по-малу покидаютъ море, теперь все облитое яркимъ солнцемъ, поднимающимся къ зениту. Начинаются обоюдныя привѣтствія; сговариваются на общія прогулки, обмѣниваются новостями, маленькими сплетнями,—неизбѣжными въ маленькихъ мѣстечкахъ... Расходятся по домамъ въ 12 часовъ: время завтрака и отдыха (siesta). Сново тишь кругомъ; только море слегка колышется, какъ будто грудь его сильнѣе вздымается подъ жаркими поцѣлуями солнца, которое бросаетъ теперь цѣлые снопы золотыхъ лучей...

Болѣе отдаленныя прогулки предпринимаются между завтракомъ и обѣдомъ, который бываетъ въ 7 часовъ. Прогулокъ этихъ очень много, во всѣ стороны. Если вы не боитесь горъ, то отправляйтесь на любую. Войдешь въ такой горный каштановый лѣсъ, съ его красивой листвой и гирляндами бѣлоснѣжнаго клематиса, обдающаго васъ нѣжнымъ ароматомъ; внизу журчитъ ручей, черезъ который перекинуты узкіе мостики. Изрѣдка встрѣтится вамъ рабочій съ корзиной, полной фруктовъ, на плечѣ; и не одинъ не пройдетъ мимо, безъ привѣтливой фразы: „Ce sera“—сокращенной отъ „felice sera“,—(счастливый вечеръ). И снова тихо; только рѣзко отчеканиваетъ въ густой листвѣ свое стрекотанье цикада; а вверху, надъ горами, сверкаетъ яркое голубое небо... На вершинахъ горъ разбросаны деревни, непремѣнно съ церковью, въ которой вы встрѣтите прекрасные мраморы. Впрочемъ, въ этихъ мѣстахъ, гдѣ Каррара подъ бокомъ, вездѣ,—даже въ самыхъ скромныхъ домахъ,—всѣ подоконники, пороги

дверей, ихъ косяки и лѣстницы сдѣланы изъ бѣлаго каррарскаго мрамора.

Какъ только вы отклонитесь отъ центра городка, вступивъ въ его предмѣстье,—вы тотчасъ же натыкаетесь на главный промыселъ здѣшнихъ жителей, заключающійся: у мужчинъ—въ изготовленіи веревокъ и канатовъ, а у женщинъ—въ плетеніи кружевъ. Сидятъ онѣ передъ своими домами, за столиками, уставленными подушками полными коклюшекъ и булавокъ, плетутъ и перекликаются несмолкаемой болтовней; а подлѣ цѣлыя стаи ребятъ затѣваютъ игры въ бабки—грецкіе орѣхи. Въ сторонѣ прачки плещутся въ широкомъ мраморномъ бассейнѣ, весело болтая; и вадъ всѣмъ высится безоблачное небо, а сочная зелень ползетъ изъ всякой щели, перевѣшивается гирляндами черезъ заборы и торчитъ кустомъ колючаго кактуса или сочной агавы на вершинѣ забора.

Если кто предпочитаетъ прогулки по ровной дорогѣ,—есть прелестныя и по берегу, въ одну и въ другую сторону. Одна идетъ къ купальному мѣстечку Р а п а л л о. Она, изгибаясь идетъ вдоль маленькихъ, живописныхъ заливчиковъ, мимо нарядныхъ виллъ съ громадными садами, полными роскошной растительности. Вотъ на какомъ-нибудь поворотѣ, у старой каменной стѣны, изъ трещинъ которой торчатъ пучки мелкихъ папоротниковъ, пріютилась крошечная часовенька, съ незатѣйливой статуеткой мадонны, передъ которой благочестивая рука поставила букетъ цвѣтовъ; и желтыя пятна солнечнаго свѣта такъ ярко ложатся на ея бѣлыя стѣнки, рядомъ съ темными пятнами отъ лапчатыхъ листьевъ старой фиги, склонившейся надъ часовенькой. Прелестна дорога въ другую сторону, къ П о р т о ф и н о,—все по берегу моря, которое, разстилаясь своей лазурной гладью, тихо набѣгаетъ на прибрежные камни. Надъ дорогой высятся уступы горъ, покрытыхъ сочной зеленью, обдающей васъ ароматомъ жасмина и клематиса. Вотъ на скалѣ высится, красиво рисуясь своею башней и колокольней на свѣтломъ фонѣ неба, старинный монастырь Червара (Cervara), въ башнѣ котораго содержался нѣкоторое время французскій король Францискъ I, когда, во время войны съ Павіей, корабли его, шедшіе въ Мадридъ, были бурею выброшены на берегъ, и король попался въ плѣнъ. Зеленыя горы становятся выше, а вдали рисуются новые мысы съ новыми зàмками и чащей садовъ. Скоро замелькаютъ первые домики мѣстечка Партофино, съ ихъ крошечными террасами и верандами, обвитыми виноградомъ. Вотъ

надъ воротами одного изъ домиковъ притаилась въ нишѣ крошечная мадонна, вся въ цвѣтахъ; внизу на крыльцѣ, тоже вся въ цвѣтахъ, сидитъ молодая дѣвушка, бойко посматривая на васъ черными, какъ уголь, глазами, надъ которыми нависли непокорныя кудри черныхъ волосъ; подлѣ нея черномазый мальчуганъ возится съ бѣлымъ котенкомъ, безцеремонно ухвативъ его за хвостъ; маленькій сухопарый осликъ, вытянувъ шею и раздувъ ноздри, жалобно покрикиваетъ; гибкая вѣтвь винограда граціозно ползетъ по стѣнѣ; а тамъ, гдѣ улица упирается въ старинную бѣлую церковь съ высокимъ мраморнымъ крыльцомъ,—передъ нею торчитъ, немного изогнувъ свой чешуйчатый станъ, великолѣпная финиковая пальма, высоко уткнувъ свою перистую вершину въ ярко-голубое ликующее небо...

Но вотъ солнце начинаетъ спускаться къ закату; седьмой часъ,—пора подумать о возвращеніи въ городъ и объ обѣдѣ. Жара спадаетъ. Ароматный воздухъ свободной струей вливается въ легко дышащую грудь. Вы бодро возвращаетесь, любуясь мягкими, розоватыми тонами горъ. Розоватымъ же отсвѣтомъ подернуто и море, ставшее теперь перламутровымъ. Я вхожу въ свой кафе-ресторанъ на главной площади городка. Кудрявый Пеппо съ привѣтомъ отодвигаетъ стулъ около моего столика и кладетъ куски прозрачнаго льда въ мой стаканъ. Съ колокольни церкви С. Маргарита раздается благовѣстъ къ „ Ave Maria“. Окончивъ обѣдъ, я захожу въ церковь; она полутемна, тускло освѣщая группы колѣнопреклоненнаго народа, больше женщинъ. Когда я выхожу изъ церкви, уже стемнѣетъ. Море чуть плещется о прибрежные камни, на одномъ изъ которыхъ рыбачокъ-подростокъ старается добить пойманную имъ въ камняхъ пульпу, которая судорожно растягиваетъ свои длинныя, извивающіяся щупальцы. По берегу тянется рядъ молодыхъ еще тощихъ, финиковыхъ пальмъ. Изъ за горъ выглядываетъ свѣтлый краешекъ луны. На маякѣ вспыхиваетъ огонекъ. Я направляюсь прямо къ шалэ, гдѣ—знаю—найду много знакомыхъ. Сегодня нѣтъ танцевъ, и потому общество не такъ многочисленно; оно мирно возсѣдаетъ или въ палисадникѣ передъ зданіемъ, или на балконѣ. Разговоры смѣняются шарадами, которыя здѣсь очень любятъ, изощряя на нихъ свою фантазію и догадливость. Луна поднялась выше, протянувъ по морю столбы яркаго свѣта. Расходятся рано. Я еще нѣкоторое время любуюсь изъ окна моей комнаты на тихое море, теперь уже все облитое луннымъ свѣтомъ. Кругомъ все затихаетъ.

— Эльвира!—крикнетъ вдругъ изъ окна углового дома, какая-нибудь женщина, призывая заигравшуюся дѣвочку. Невольно въ памяти встаетъ поэтическій образъ Эльвиры изъ оперы „Пуритане“; а по улицѣ, мимо меня, мелькнетъ, шлепая башмаками, надѣтыми на босую ногу, ея тёзка и скроется въ подъѣздѣ дома...

И все снова тихо; только, еле дыша, набѣгаетъ на берегъ море, и все выше да выше поднимается сверкающій шаръ луны...

Танцовальные вечера въ шалэ бывали по субботамъ. Возвращаясь отъ обѣда, я издали уже слышала „звукъ унылыхъ фортепьянъ“, т. е. разбитаго піанино, по которому отчаянно откалачивалъ или кто либо изъ любителей, или нанятый тапёръ, если вечеръ предполагался болѣе наряднымъ, что не мѣшало танцующей публикѣ появляться въ самыхъ скромныхъ костюмахъ. Вотъ по залѣ завертѣлась въ вальсѣ первая пара. Это непремѣнно одна изъ сестеръ Норини, страстныхъ любительницъ танцевъ, являвшихся на такіе вечера всегда самыми первыми, всегда очень нарядныя, въ эфирныхъ, хотя и скромно-сшитыхъ, платьяхъ, розовыхъ или голубыхъ,—„couleur malade“. Вотъ и хорошенькій Лурсо подхватилъ даму выше его цѣлой головой, и на лету сталкивается съ однимъ изъ самыхъ отчаянныхъ и самыхъ неумѣлыхъ танцоровъ, вертящимся, съ видомъ испуганной птицы, на одномъ мѣстѣ, съ котораго его тщетно старается сдвинуть другая Норини. Добродушный Тости мчится вихремъ, съ прямой, будто боящейся сломаться, молодой банкиршей; тогда какъ ревнивецъ Цопирни бродитъ, какъ голодный шакалъ, сзади кружка, образовавшагося около хорошенькой Нелли, сегодня капризно отказывающей всѣмъ танцорамъ. Вальсъ—это излюбленный танецъ итальянцевъ; иногда онъ продолжается часами, рѣдко уступая мѣсто полькѣ или кадрили, которая бóльшею частью, составляется подъ конецъ вечера. Болѣе оживленными вечерами отличалось время стоянки въ бухтѣ С. Маргариты итальянскаго флотâ, пришедшаго съ маневровъ изъ Специи и затѣмъ ушедшаго въ Геную. Появившіеся на вечерахъ моряки сразу овладѣли вниманіемъ дамъ, произведя полную революцію среди мѣстной молодежи, отодвинувшейся на задній планъ. Прибытіе флота оживило мирную идиллію маленькаго городка. Всѣ кафе и рестораны наполнялись моряками, бравшими столы и столики чуть не съ бою. Нашъ Анджело совсѣмъ съ ногъ сбился, не успѣвая заготовлять пива и сельтерской воды, которыя требовались по вечерамъ чуть не ушатами. Уличные мальчишки отбили себѣ ноги, провожая матросовъ, маршировавшихъ съ му-

зыкой по городу. Весь день по морю, сверкавшему отъ яркихъ лучей солнца, между берегомъ и флотиліей, сновали катеры и лодки, подвозившіе публику, желавшую осмотрѣть нарядныя суда, днемъ расцвѣченныя флагами, а вечеромъ освѣщаемыя разноцвѣтными огнями. Дѣло, конечно, не обошлось безъ маленькихъ флиртовъ; и когда, въ одно раннее утро, флотъ снялся съ мѣста и медленно отплывая въ открытое море, скрылся, наконецъ, въ блѣдно-голубой дали,—не одно дамское сердечко забилось болѣзненнымъ трепетомъ, не одни грустные глазки, еще долго вонзались взглядами въ ту голубую даль, въ которой потонули ихъ, быть можетъ, затаенныя мечты...

Не малое оживленіе вносили въ жизнь городка и церковные праздннки, съ ихъ процессіями, тянущимися длинной вереницей: съ многочисленнымъ духовенствомъ, пѣвцами, музыкантами и толпами народа. Празднество всегда кончалось фейерверкомъ и иллюминацiей. Подъ конецъ появлялся новый видъ иллюминацій: это пусканіе зажженныхъ шкаликовъ въ море, съ береговъ бухты. Эти плывущіе въ тихихъ водахъ, разноцвѣтные огоньки очень оригинальны и не лишены поэзіи. Иногда они далеко уплываютъ въ открытое море, будто пловцы моря житейскаго, отважно отправляющіеся на борьбу съ его пучиной, пока ихъ не захлеснетъ прихотливой волной...

Въ С. Маргаритѣ я прожила два мѣсяца, среди милыхъ людей, къ которымъ присоединилась, проживавшая въ моемъ пансіонѣ рядомъ со мной, очень милая особа, подруга Мери,—M-elle Вейсъ. Затѣмъ я поѣхала поближе ознакомиться съ Римомъ, остановившись тамъ, по рекомендаціи тоже одной подруги Мери,—Marie Gareau,—въ одномъ съ ней домѣ, въ маленькомъ пансіонѣ, гдѣ была пока одна, и прожила тамъ мѣсяцъ, изучая Римъ вдоль и поперекъ, на ногахъ и въ трамваяхъ, которые, тогда еще конные, всѣ отправлялись съ piazza Venezia. Время мое шло очень хорошо! Съ утра, послѣ кофе, я отправлялась въ путь и возвращалась только къ обѣду, завтракая,—чѣмъ Богъ послалъ,—гдѣ нибудь почти что на ходу, въ какомъ нибудь скромномъ кафе. Обѣды меня тоже не стѣсняли, такъ какъ, будучи въ пансіонѣ одна, я могла приходить когда хочу: въ 6—7, что мнѣ вполнѣ предоставила моя хозяйка, Розина,—изъ простенькихъ, но очень симпатичная и разумная, воспылавшая ко мнѣ нѣжностью съ перваго же нашего знакомства, узнавъ, что мы русскіе чтимъ „Мадонну“:—„не такъ какъ эти Inglese!“ (Англичане). Это признаніе породило между нами

дружескія отношенія, выражавшіяся и въ ея за мной нѣжныхъ ухаживаньяхъ и предоставленной мнѣ свободѣ дѣйствій, а тоже въ нашихъ интимныхъ бесѣдахъ, во время моихъ обѣдовъ, преимущественно религіознаго свойства, въ ея разспросахъ о различіи нашихъ исповѣданій. Слѣдствіемъ этого было то, что желая, при разставаніи сдѣлать ей пріятный подарочекъ, я чуть не дошла до самого Папы! Купивъ небольшой образокъ Мадонны и кромѣ того чётки, отъ Св. Доминика, я рѣшила,—по совѣту Мари Гару,—пойти въ Ватиканъ, чтобы получить на нихъ благословеніе Папы. Вздумано—сдѣлано.

Какъ разъ въ это время я читала вторую часть трилогіи Золя: „Римъ“, гдѣ,—помимо романа, отвратительнаго по содержанію,—такъ поразительно живы всѣ описанія „Вѣчнаго Города“, со включеніемъ и самого Ватикана, залы котораго представляютъ тоже цѣлый городъ. И вотъ я пустилась по этимъ переходамъ; лѣстницамъ вверхъ, лѣстницамъ внизъ верхнимъ дворамъ и безконечнымъ, расписнымъ и раззолоченнымъ заламъ и галлереямъ, всюду встрѣчая часовыхъ папской гвардіи, тотчасъ же пропускавшихъ меня далѣе, вслѣдъ за словами, показывая на взятые мною, образокъ и четки: „Per benedezione di San' Padre“... (Для благословенія Святого Отца).

Такимъ образомъ добралась я до изящной, расписной залы, передъ входомъ въ кабинетъ Св. Отца, куда входили и выходили разноцвѣтные кардиналы. Расшитый служитель взялъ отъ меня вещи и положивъ ихъ на серебряное блюдо, понесъ въ завѣтный кабинетъ. Получивъ ихъ обратно, я тѣмъ же путемъ вышла на чистый воздухъ изъ расписныхъ стѣнъ зданія; стѣнъ, которыя заговоривъ, могли бы разсказать о томъ, сколько грѣха и ужаса пришлось имъ видѣть и слышать!...

Нечего говорить о томъ, сколько радости принесъ мой подарокъ благочестивой Розинѣ! Знакомство съ Мари Гару, было мнѣ очень пріятно. Очень умная, интересная дѣвушка, дочь человѣка, бывшаго близкимъ Гарибальди,—она жила съ матерью, женщиной тоже очень образованной. Мари была рьяной католичкой, и мы иногда посѣщали съ ней храмы и монастыри, которые она изучила и служила отличной путеводительницей. Много мы съ ней говорили во время нашихъ прогулокъ; говорили иногда и дома, больше у меня или на нашихъ балкончикахъ выходившихъ оба на такой узенькій дворъ, что мы могли почти протянуть руки, съ одного на другой. Разставшись, мы потомъ долго переписы-

вались, при чемъ она часто, уже въ Петербургѣ, присылала мнѣ прекрасные гравюры, духовнаго содержанія.

Изъ Рима я опять вернулась во Флоренцію и прожила въ ней болѣе мѣсяца, остановясь, конечно, у моихъ друзей, на Viale Margherita 42. Здѣсь въ сентябрѣ я познакомилась, съ жившей тоже въ ихъ пансіонѣ и давно съ ними знакомой,—Надеждой Владиміровной Сукачевой, которая вскорѣ же заняла большое мѣсто въ моемъ сердцѣ, всегда чувствовавшаго что то мягкое и нѣжное подлѣ этого изящнаго, тонкаго созданія, обвѣвавшаго васъ какой то мягкой, ласкающей волной весенняго аромата. Съ ней было трое дѣтей: старшій сынъ, студентъ, и двое малышей: сынъ и дочь.

Этой осенью я тоже еще болѣе сошлась съ милой Мери, этой чудной душой, какимъ то совсѣмъ неземнымъ существомъ, напоминавшимъ мнѣ маленькаго эльфа, питающагося ароматомъ цвѣтовъ. Моя комната была рядомъ съ мастерской Мери, и мы часто сходились съ ней и на почвѣ искусства, дѣлясь и нашими впечатлѣніями и рисовальнымъ матерьяломъ.

Въ этотъ же мой пріѣздъ во Флоренцію, я познакомилась съ Теософіей, съ ея доктриной: перевоплощенія и кармы. Доктриной, а не религіей, какъ, не зная сути, совершенно ошибочно думаютъ нѣкоторые, придавая этой высокой философіи, или „божественной мудрости“ (Тео Софія)—совсѣмъ другое значеніе, вводя въ заблужденіе и даже отталкивая.

XVIII.

Я упомянула выше объ основаніи въ Петербургѣ „Русскаго Женскаго Взаимно-благотворительнаго Общества“, 25 мая 1895 года. Учредительницами Общества былъ кружокъ интеллигентныхъ женщинъ,—числомъ 41,—среди которыхъ были такія, уже извѣстныя по своей прежней дѣятельности, лица, какъ: Надежда Васильевна Стасова и Анна Павловна Философова. Общества это было первымъ оффиціально-признаннымъ женскимъ союзомъ въ Россіи.

Узаконенный, съ программой отъ Министерства, Общество составило свое „министерство“, съ Совѣтомъ, предсѣдательницей котораго была избрана Анна Николаевна Шабанова, докторъ, особа очень умная, энергичная, что было необходимо для новаго дѣла, имѣя подлѣ себя такихъ лицъ, какъ А. П. Фи-

лософова—(Н. В. Стасова, къ сожалѣнію, вскорѣ умерла)—и другихъ, уже искушенныхъ опытомъ на поприщѣ благотворительной и общественной дѣятельности. Сначала Общество было не болѣе, какъ собраніемъ его членовъ, съ обсужденіями о предстоящихъ учрежденіяхъ, почему и именовалось „Женскимъ Клубомъ“, и, Боже мой, какъ издѣвались надъ этимъ клубомъ зоилы не прекраснаго пола, доступъ которымъ былъ закрытъ въ этотъ заповѣдный клубъ!! А клубъ, между тѣмъ, работалъ да работалъ, создавая одно учрежденіе за другимъ, идя на помощь интеллигентнымъ женщинамъ, не въ видѣ „даровой“ благотворительности, а „взаимопомощи“, поддержкѣ матеріальной и моральной.

Не преслѣдуя хронологическаго порядка, приведу, изъ отчета, коснувшагося всей дѣятельности Общества, за 15 лѣтъ его существованія, бывшаго въ 1910 г.—слѣдующія данныя:

а) Взаимопомощь членовъ, выразившаяся преимущественно и особенно сильно въ духовномъ общеніи членовъ, въ преслѣдованіи просвѣтительныхъ цѣлей, въ организаціи лекцій, докладовъ, вечеровъ, въ пользованіи библіотекой и читальней, а также, хотя и въ менѣе сильной степени, въ матеріальной товарищеской взаимопомощи въ смыслѣ предоставленія одинокимъ членамъ дешеваго, удобнаго помѣщенія и возможности дѣлать сбереженія и пользоваться ссудами. (Библіотека и читальня, Совѣтъ, Отдѣлъ избирательныхъ правъ женщинъ, Музыкально-литературный кружокъ, Хозяйственная комиссія, Этическій кружокъ).

б) Матеріальная помощь женщинамъ, живущимъ въ Петербургѣ, но не принадлежащимъ къ составу Общества. (Благотворительный отдѣлъ, Дѣтскій очагъ, Кружокъ на помощь дѣтямъ, Бюро для пріисканія мѣстъ и занятій).

в) Работа по улучшенію общаго правового и матеріальнаго положенія русскихъ женщинъ, въ смыслѣ возбужденія различныхъ ходатайствъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, касающихся законодательства о женщинахъ. (Совѣтъ, Отдѣлъ избирательныхъ правъ).

Нечего говорить о томъ, что въ первое время были нѣкоторые расколы, что неминуемо среди, не десятковъ, а сотенъ, членовъ; что практикуется, не только, въ только что возникшихъ, еще не установившихся, обществахъ, а даже въ старыхъ рейхстагахъ, гдѣ пускаются въ ходъ и палки,—до чего у насъ никогда не доходило; гдѣ даже и громкія оспариванія не уснащались площадной бранью знаменитаго Пуришкевича... Все кончилось выхо-

домъ изъ числа членовъ возставшихъ противъ нѣкоторыхъ пунктовъ устава Общества и далѣе, если были протесты, то все улаживалось, со взаимными съ обѣихъ сторонъ, уступками. Такъ сначала былъ положенъ полнѣйшій остракизмъ мужчинъ. Первыя, положившія гнѣвъ на милость, были члены Комитета „Музыкально-Литературнаго“ кружка, главное: „музыкальнаго“, пѣвицы котораго стали въ тупикъ отъ невозможности, въ дуэтахъ и тріо, пѣть за теноровъ и баритоновъ; что, при всемъ рвеніи женщинъ стать вполнѣ самостоятельными, бросивъ за бортъ,—выражаясь попросту,—„козлиную породу“, представляло нѣкоторое неудобство, лишая слушателей возможности насладиться красивыми нумерами музыкальныхъ произведеній, не разсчитанныхъ на полную женскую самостоятельность!.. Вопросъ возбудилъ довольно громкія пренія въ Совѣтѣ, — въ которомъ тогда возсѣдала и я,—и даже рѣшился не сразу, какъ особую важность имѣющій! Я, съ самаго начала, избранная въ Комитетъ, „Муз. Литературнаго“ кружка, присоединилась къ возставшимъ за „козлиную“ породу, а затѣмъ поддержала его и какъ членъ Совѣта. И, вопреки ропоту нѣкоторыхъ завзятыхъ феминистокъ,—рѣшили допустить мужчинъ, въ лицѣ пѣвцовъ и музыкантовъ, а тоже и профессоровъ, для чтенія лекцій. Далѣе допустили еще одну вольность пускать вообще на эти платные мужчинъ и какъ слушателей, но по рекомендаціи женщинъ-членовъ. И, Боже мой, какъ робко, чуть не держась за платья своихъ поручительницъ, входили они въ нашъ залъ, за дверьми котораго оставляли свое главенство!.. Хотя я,—какъ писала о томъ и раньше, поступила членомъ общества съ Января 1896 г., когда квартира его была на Пушкинской, но послѣ моей весенней болѣзни, почти полгода проведя за границей, начала посѣщать его чаще съ 1897 г.

Тогда помѣщеніе его было уже на углу Знаменской и Спасской, въ большой квартирѣ, съ большими залами и прекрасной библіотекой, обязанной своимъ устройствомъ Н. В. Стасовой и А. П. Философовой. Я тотчасъ же вошла въ комитетъ кружка „На помощь бѣднымъ дѣтямъ“, въ еженедѣльныхъ собраніяхъ котораго шили для бѣдныхъ дѣтей, раздавая нашитое къ Рождеству и къ Пасхѣ. Во время шитья происходило чье либо, заранѣе назначенное—чтеніе. Вошла я, какъ писала выше—и въ „Муз.-Литературный“ кружокъ, завѣдующей котораго была В. П. Билибина, большой мастеръ своего дѣла; умница, энергичная, знакомая съ кружкомъ многихъ артистовъ и потому умѣвшая всегда

устраивать вечера, бывавшіе черезъ двѣ недѣли, по пятницамъ, сама прекрасная декламаторша и чтица. Кружокъ работалъ такъ, что любо было и принадлежать къ нему! Силъ у насъ было много по разнымъ отраслямъ. Были такія блестящія піанистки, какъ: М. Д. Кетрицъ, М. Л. Лучинская; такія прелестныя пѣвицы, какъ: Лозинская, Коссинская, Мгеброва; а чтицы съ такими свѣтилами, какъ: Стрепетова, Читау, Петрова. Что за душа-человѣкъ была М. М. Читау, съ ея веселыми черными глазками! Живая, привѣтливая, что, бывало, за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, а ввернетъ, что нибудь такое, что рублемъ подаритъ; а какъ выступитъ на эстраду,—такъ заранѣе по жилкамъ, что-то, искристое побѣжитъ! Какіе это тогда хорошіе у насъ были вечера! Какія интересныя составлялись программы, подъ руководствомъ нашей энергичной завѣдующей, которая бывало чуть не изъ земли выкопаетъ нужнаго музыканта, пѣвицу, чтицу; и идетъ все съ ней въ унисонъ, въ гармоніи: умѣла она все сливать въ одинъ общій тонъ!

Симпатичныя были и наши засѣданія, по понедѣльникамъ, и сходились охотно и сговаривались дружно. Сидитъ въ гостиной, подлѣ стола крытаго зеленымъ сукномъ, и милая Анна Николаевна Энгельгардъ, съ ея привѣтливой улыбкой, обнимавшей весь Комитетъ, который любила и засѣданій нашихъ не пропускала. Степенная Красильникова, неизмѣнный секретарь кружка, являвшаяся раньше всѣхъ, уже разложила передъ собой листъ бумаги, для составленія программы. Торопливой походкой входитъ Билибина и привѣтствуетъ всѣхъ, блестя хорошенькими глазками. Кажется всѣ въ сборѣ?

— Маріи Дмитріевны нѣтъ! (восклицаетъ про Кетрицъ Билибина).

А, вотъ и она! Вѣчно чѣмъ то, какъ будто, озабоченная, но сразу вносящая къ намъ что то освѣжающее, даже задорное; милая, талантливая, готовая на всѣ уступки, безъ тѣни вздорнаго самомнѣнія; согласная и сыграть на вечерѣ блестящую вещь Листа,—своего учителя,—и аккомпанировать пѣвицамъ, если не достанутъ аккомпаніаторшу.

Наши вечера почти постоянно посвящались въ память или въ честь, по какому либо случаю,—литератору или музыканту, русскому или иностранному. Такимъ образомъ въ 1899 г. столѣтній юбилей А. С. Пушкина чествовали мы три вечера, и я была такъ счастлива, что мнѣ пришлось участвовать во всѣхъ.

Въ первый,—который былъ ему посвященъ, какъ „лирику“—я говорила мои сочиненные на него стихи (которые потомъ были напечатаны въ журналѣ „Женское дѣло“); во вторый, гдѣ его чествовали, какъ „эпика“, я прочла мой о немъ рефератъ какъ объ эпикѣ, что было мнѣ интересно составлять по его содержанію. Въ третьемъ,—какъ „драматургъ“ я не должна была участвовать по программѣ, но заболѣла одна изъ тѣхъ, кто должна была читать въ его сочиненіи „Пиръ во время чумы“ и, за два часа до начала вечера, Билибина бросилась ко мнѣ уговорить меня замѣнить заболѣвшую, что и пришлось взять безъ всякаго приготовленія. Я у нихъ въ кружкѣ была, какъ я называла „приказнымъ поэтомъ“, что заставляло ихъ, надѣясь на ту легкость, съ которой мнѣ давались стихи, иногда составляя программу безъ меня прямо означать въ ней мое стихотвореніе, въ честь того или другаго чествуемаго, не соглашаясь потомъ со мной, что ко мнѣ можетъ и не придти вдохновеніе, которое и точно всегда приходило. Часто писала я для этихъ вечеровъ и біографіи чествуемыхъ лицъ, какъ то приноровившись къ формѣ такихъ біографій, въ которыхъ нужно было сказать главное, не растягивая и, по возможности — не сухо, а повѣствовательно и не затягивая программы.

Эти годы: 1897—1898 и 1899—я съ большимъ рвеніемъ отдавалась Женскому Обществу; лѣто 1897 и 1899 годовъ, проводя съ своими въ Крыму, въ Наташинѣ, а лѣто 1898 г. я все время оставалась въ Петербургѣ, по слѣдующей причинѣ. Предыдущей зимой было рѣшено при Женскомъ Обществѣ открыть „Общежитіе“, для интеллигентныхъ женщинъ,—въ которое, кромѣ членовъ, могли бы попадать и не члены, но по рекомендаціи двухъ членовъ Общества. Комнаты предполагалось устроить по разнымъ цѣнамъ,—дешевыя для тѣхъ, кто имѣлъ очень скромныя средства и болѣе дорогія, для болѣе обезпеченныхъ, но желавшихъ жить подъ охраной учрежденія и среди приличнаго общества. Инициаторшей этого благого дѣла была Анна Павловна Философова, чье имя было извѣстно всюду, гдѣ упоминалось о благотворительныхъ дѣятельницахъ, по разнымъ учрежденіямъ, начиная съ дешевыхъ квартиръ, продолжая ревностнымъ участіемъ въ созданіи „Высшихъ женскихъ курсовъ“,—однимъ словомъ, всюду, гдѣ были нужны сердце, умъ и энергія. Коснувшись дѣятельности этой удивительной женщины, можно было бы написать цѣлые тома, и имя ея впишется неизгладимыми буквами на скрижаляхъ исторіи рус-

ской женщины, которыхъ она была одною изъ блестящихъ піонерокъ!

Она всю жизнь ратовала за правду; не изъ любви къ брани, не изъ самолюбія стать во главѣ движенія: она была слишкомъ скромна для этого; она боязливо сторонилась отъ власти, какъ бы страшась его уколоться, а главное уколоть, особенно подвластныхъ. Она ратовала изъ любви къ угнетеннымъ, но не умѣла ненавидѣть и угнетателей: она много любила и много прощала!.. Вотъ она стоитъ передо мной, какъ живая, съ ея милой, доброй улыбкой и мягкимъ взглядомъ выразительныхъ, немного усталыхъ глазъ, на этомъ изящномъ лицѣ, не утратившимъ до старости своей красоты! Эта красота была ей присуща во всемъ. Она гармонично сливалась съ ея энергіей и силой, не лишая ее той милой женственности, что очаровывала и влекла къ ней сердца. Я ей удивлялась, ею восхищалась и любила ее, искренно любила; и была счастлива, что мнѣ пришлось съ нею поработать, а позднѣе слиться дружбой, продолжавшейся до ея смерти.

И вотъ главная наша совмѣстная работа произошла при учрежденіи I-го Общежитія, когда я тотчасъ же вошла въ комиссію по его разработкѣ, во главѣ чего и встала Анна Павловна, взявшись за дѣло съ тѣмъ рвеніемъ и горячностью, что были такъ присущи ея чуткой душѣ.

— Вы намъ подкладываете огонекъ!—не разъ говорила я ей на собраніяхъ нашей комиссіи; а она, съ своей обычной скромностью, дѣтски-конфузливо отнѣкивалась отъ своей инициативы, выставляя впередъ заслуги другихъ. Какъ поэтически мила и трогательна была въ ней эта скромность, это умаленіе своихъ заслугъ.

Помимо нашихъ сходокъ въ Обществѣ, предстояло пріискать подходящую квартиру, въ чемъ было не малое содѣйствіе и самой Анны Павловны и такихъ дѣятельницъ, сразу горячо принявшихся за дѣло, какъ М. А. Ольхина, Лешернъ, Костычева, Пистолькорсъ, Авилова (позже Юзефовичъ и Михневичъ); и вотъ, закипѣло дѣло и уже въ самомъ помѣщеніи, занимавшемъ 52 комнаты, въ двухъ зданіяхъ на одномъ большомъ дворѣ, въ домѣ, на Калашниковской набережной, противъ церви Св. Бориса и Глѣба. Отказавшись отъ поѣздки въ Крымъ, я тоже по цѣлымъ днямъ, съ другими,—изъ которыхъ самыми ревностными были Ольхина и Лешернъ,—пребывала тамъ. Мы шили и гардины на окна, и сами клеили до подклеивали, до кое что красили. Прихожу разъ—М. А. Ольхина въ отчаяніи: заказала металлическіе ярлычки

съ номерами, для помѣщенія надъ дверями комнатъ. Малярь хотѣлъ помудрить и выкрасилъ ихъ въ синюю краску, на которой красныя цифры едва были видны, сливаясь съ фономъ. Экономя елико-возможно, не хотѣлось входить въ новый расходъ, отдавъ ихъ перекрасить. Успокоила я милѣйшую, всю будто созданную изъ желанія добра, Марію Александровну, и на утро вооружившись кистью, всѣ 50 ярлычковъ преобразила, ярко, на бѣлоснѣжномъ фонѣ, выставивъ черныя цифры!

Осенью Общежитіе было открыто и быстро замѣщено; а въ составившемся комитетѣ,—завѣдующей была избрана А. П. Философова, а я—ея помощницей. Любила я наши тамъ засѣданія, происходившія черезъ недѣлю, по вторникамъ днемъ. Пріѣдешь пораньше, чтобы еще до начала кое кого навѣстить изъ живущихъ, среди которыхъ были очень милыя, образованныя особы, нѣкоторыя изъ которыхъ тоже засѣдали въ нашемъ Комитетѣ. Вотъ является и наша дорогая Анна Павловна. Входитъ своей немного торопливой походкой, съ привѣтливой улыбкой, озарившей всѣхъ, будто яснымъ солнышкомъ; ласковая, красивая! Такъ какъ будто все кругомъ и повеселѣетъ, и даже самыя истягающіяся жалобы при ней теряютъ свою печальную сторону, иногда даже принимая комическій характеръ въ ея резолюціи! Никто, конечно, и не усомнится въ томъ, чтобы среди такого количества женщинъ, (признаюсь, — несмотря на все мое къ нимъ уваженіе, и весь мой феминизмъ,—отъ природы одаренныхъ нѣкоторой мелочностью),— не возникали тѣ или другія препирательства между собой, или не довольства распоряженіями начальства, чаще обрушивающееся на злосчастную экономку; хотя нужно при томъ сказать, что столъ (который былъ не обязательнымъ, не стѣсняя тѣхъ, кто занимался внѣ дома, а только заказывался наканунѣ)—былъ, по такой незначительной цѣнѣ, какъ 40 к. въ три блюда обѣда,—прекрасный, такъ что мы, съ Анной Павловной, иногда тамъ оставались и обѣдать, по окончаніи засѣданія. Желающія могли брать и по одному блюду. Такъ одно блюдо завтрака, состоя изъ картофеля съ масломъ или каши — стоило пять коп. И вотъ,—говорю—возникали иногда комическія жалобы и юмористическія о нихъ пренія. Такъ одно наше засѣданіе на половину было посвящено тому, по поводу жалобы одной жилицы, что данная имъ передъ тѣмъ, на обѣдъ— индѣйка (это при 40-кномъ то обѣдѣ!) была раздѣлена такъ, что однѣмъ попались мягкіе куски, а другимъ съ костями—какъ поступить, чтобы всѣ остались безобидны?? Вопросъ становился, по

своей важности почти равномѣренъ вопросу, столь намъ всѣмъ, съ дѣтства извѣстномъ о Гордіевомъ узлѣ Александра Македонскаго, который Анна Павловна разрубила такъ же энергично, прихвативъ при томъ и мудрости Царя Соломона: „на обѣдъ всѣмъ раздать только одни мягкіе ломтики, а изъ оставшихся костей, на другой день на завтракъ, сдѣлать рагу.“ Засѣданіе же сіе было именовано, той же мудрой Анной Павловной: „Засѣданіемъ костей индѣйки“...

Кромѣ Женскаго Общества, я въ это время сдѣлалась членомъ нѣкоторыхъ другихъ. Первымъ было „Общество попеченія о безпріютныхъ дѣтяхъ“, возникшее самымъ неожиданнымъ образомъ, почти что изъ ничего. Не помню теперь, кто познакомилъ меня съ нѣкой г-жей Лебедевой, женой доктора, особой еще молодой и чрезвычайно симпатичной, основавшей небольшой дѣтскій пріютъ для приходящихъ, начавъ это дѣло съ того, что бывшую у нея швейную машинку предоставила одной бѣдной женщинѣ, швеѣ, мужъ которой пропилъ ея собственную. Къ этой женщинѣ, приходившей къ ней по утрамъ, присоединилась ея подруга, тоже швея, а затѣмъ и третья, а съ ними приходили и ихъ дѣти, которыхъ добрая Лебедева не имѣла духа прогнать, не смотря на то, что они стѣсняли и ее и мѣшали своимъ матерямъ. Она избрала лучшее: этихъ дѣтей отдѣлила въ другую комнату, стала немного заниматься ими сама, и такъ заинтересовалась дѣломъ, что скоро къ этимъ дѣтямъ присоединила другихъ что и было началомъ того пріюта, что я нашла у нея, сама заинтересовавшись этимъ дѣломъ, поступивъ тотчасъ же членомъ, образовавшагося комитета. Одной изъ главныхъ дѣятельницъ была тамъ Ольга Морицовна Михельсонъ, дочь бывшаго городского—думскаго дѣятеля, добрѣйшее существо, вся жившая только для другихъ, съ полнымъ самозабвеніемъ! Я начала посѣщать этотъ пріютъ, кое что работая для дѣтишекъ, дружески встрѣчаясь тамъ съ О. М., вложившей въ него душу.

Затосковала ея любвеобильная душа, когда она увидѣла передъ собой возможность полнѣйшаго разрушенія, только что оперившагося пріюта, поддерживаемаго энергіей Лебедевой, когда мужъ послѣдней получилъ другое назначеніе въ провинціи, куда ѣхала за нимъ и жена, обязанная покинуть свое созданіе! Богъ внушилъ О. М. Михельсонъ заинтересовать пріютомъ своего отца, человѣка богатаго, очень властнаго и самолюбиваго, который,—захваченный дочерью въ моментъ благаго настроенія,—пріѣхавъ

въ пріютъ, былъ такъ сердечно встрѣченъ дѣтьми, растаялъ и рѣшилъ взять пріютъ подъ свое покровительно, что и было началомъ его полнѣйшаго благосостоянія! Тогда же онъ и переименовался въ „Общество“ съ комитетомъ, съ перемѣщеніемъ въ обширное помѣщеніе, съ цѣлымъ штатомъ прислуги и всего прочаго, все болѣе расширяясь и въ настоящее время имѣя даже свои дома. Но въ періодъ такого ихъ благополучія я отъ нихъ уже отстала.

Другимъ Обществамъ, тоже образовавшимся „изъ ничего“, куда членомъ вступила я почти въ одно и то же время,—былъ „Народный дѣтскій садъ“, созданіе Елизаветы Петровны Калачевой. Членъ Женскаго Общества, она вскорѣ же послѣ его возникновенія, скромно появилась на одномъ собраніи кружка „на помощь дѣтямъ“, и заявила о своемъ намѣреніи образовать подобіе тѣхъ дѣтскихъ садовъ, которые существуютъ для дѣтей интеллигентныхъ родителей, но которыхъ нѣтъ совсѣмъ для простыхъ дѣтей. Не имѣя ничего, кромѣ доброй воли и энергіи, она хотѣла начать съ того, чтобы хоть разъ въ недѣлю, въ воскресенье, дать просвѣтъ въ темной подвальной жизни бѣдныхъ дѣтокъ; а не имѣя еще для этого помѣщенія, заручилась разрѣшеніемъ знакомаго ей полковника, начальника военной школы на островѣ Голодаѣ, пользоваться помѣщеніемъ школы, въ свободный отъ занятій день, т. е. воскресенье. Предполагалось въ этотъ день принимать тамъ бѣдныхъ дѣтишекъ, ближайшихъ мѣстъ Васильевскаго острова, гдѣ жила и сама Калачева, ихъ покормить, ихъ позабавить, за что взялись нѣкоторыя курсистки, подруги ея двухъ дочерей. Но и на такое предпріятіе требовались хотя бы крошечныя средства, почему она и обратилась къ тѣмъ, кто бы захотѣлъ ей помочь, ставъ его членомъ. Я тотчасъ же изъявила согласіе поработать на такой почвѣ и первое же воскресенье, по возникновенію, была на островѣ Голодаѣ, гдѣ, хотя собравшіяся дѣти и не голодали, а наслаждались во-всю, такъ что пріятно было на нихъ смотрѣть,—но Е. П. шепнула мнѣ: „Знаете ли, С. И., что у насъ капиталу всего шесть рублей!“ Но—„голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ!“ Въ будущее воскресенье, сверхъ ожиданія, нахлынуло 40 человѣкъ, такъ что приходилось за-ново бѣгать въ лавочку за студенемъ. Но, Богъ напитавшій пятью хлѣбами пять тысячъ—напиталъ и „малыхъ сихъ“... Членовъ и жертвователей прибывало и, къ осени слѣдующаго года, можно уже было нанять отдѣльную квартиру на Васильевскомъ островѣ, куда дѣти, число которыхъ тоже прибывало,—могли приходить уже каждый

день, съ утра и до трехъ часовъ, при чемъ ихъ не только кормили но и немного учили и развивали. Сначала думали ограничится дѣтьми Вас. острова, но потомъ стали приходить даже съ Песковъ. Помню я картину одного осенняго ненастья, когда бурная Нева наводнила злосчастную Галерную гавань, и Калачева, со своей помощницей, отправилась туда ночью, въ телѣгѣ, когда вода доходила до ступицы колесъ, хватая по дорогѣ дѣтей и, нагруженная ими, всѣхъ притащила къ себѣ, кое какъ размѣстивъ; и всю остальную часть ночи, съ помощью прибѣжавшихъ къ ней курсистокъ и студентовъ, возилась съ этой, разболѣвшейся со страху и простуды мелюзгой. На утро она прислала сказать мнѣ о случившемся. Я тотчасъ къ ней пріѣхала. Тутъ то я и увидѣла картину, которая заразъ наполняетъ сердце и состраданіемъ къ обездоленнымъ и умиленіемъ къ сострадающимъ!

Начну съ того, что всѣ ступени лѣстницы были унизаны бабьемъ, пришедшимъ навѣстить забранныхъ ночью, дѣтей. Далѣе небольшая квартира была такъ набита этой дѣтворой, что едва можно было пробраться межъ гудѣвшей и жужжавшей радостью согрѣтой и накормленной ихъ толпы. Нѣкоторыя ребятишки съ почтенными кусками мягкаго хлѣба въ крошечныхъ рученкахъ можетъ быть давно не державшихъ такой благодати. И, какъ аккомпанементъ къ этому,—безпрестанное появленіе: пѣшкомъ, на извозчикахъ, въ собственныхъ экипажахъ, людей разныхъ званій и возрастовъ, несущихъ свою лепту и натурой, въ видѣ одежды и деньгами, въ пользу пострадавшихъ, не говоря даже своего имени, которое уже ангелы записывали на небесахъ! А я, принимая вещи и устраивая ихъ вмѣстѣ съ Е. П., думала: „Нѣтъ, сильна еще въ людяхъ любовь, и крѣпокъ ею міръ!“

Послѣ наводненія Е. П. устроила у себя столовую для приходящихъ, помимо ея постоянныхъ пансіонеровъ—дѣтей; и число ихъ, все возрастая, дошло до 300—400 въ день. На такое же число стала, позднѣе, устраиваться къ Рождеству—ёлка, въ какомъ нибудь, изъ даваемыхъ на эти дни, большихъ помѣщеній; съ подарками въ видѣ одежды, книгъ, игрушекъ и всякихъ сладостей, всегда, при томъ, сопровождаемая маленькимъ дивертисментомъ. Разъ дѣтки „Народнаго сада“ премило сыграли и спѣли пьеску, мною для нихъ написанную, съ музыкой одного изъ сыновей Е. П., студента, большого музыканта.

Позднѣе хлопотами Е. П. была устроена небольшая сельская школа для постоянно-живущихъ въ ней дѣвочекъ, пригото-

вляемыхъ для сельскаго хозяйства. Для этого ей была подарена отъ министерства земля на Охтѣ, за Пороховыми, на которой съ помощю жертвователей строительнымъ матерьяломъ, было выстроено помѣщеніе и заведено хозяйство, въ видѣ домашнихъ животныхъ. Школа получила значеніе „Хозяйственной школы 2-го разряда". Неутомимая въ своей дѣятельности Е. П. зачислилась и въ комитетъ только что открывшагося „Россійскаго Общества защиты женщинъ (борьба противъ проституціи), куда поступила членомъ и я,—именно въ отдѣлъ, стоявшій подъ вѣдомствомъ Е. П.; отдѣлъ: „защиты матерей", для которыхъ, на подаренной тамъ же, на Охтѣ, землѣ тоже было выстроено маленькое общежитіе, куда могли поступать падшія дѣвушки—матери съ ребенкомъ, котораго могли тамъ и выкармливать (не бросая въ помойную яму), а сами обучаться башмачному мастерству. Въ первый же годъ помѣщенія, одна изъ нихъ вышла замужъ за отца своего ребенка.

Еще одно изъ обществъ, въ которое, приблизительно въ тѣ же годы я поступила членомъ, было „Общество призрѣнія слѣпыхъ", главный Институтъ которыхъ былъ на Аптекарскомъ островѣ, по Песочной улицѣ. Вскорѣ послѣ того я узнала отъ большого пріятеля моего брата, генерала Ф. А. Фельдмана, одного изъ попечителей Общества, что тамъ очень дорожатъ тѣми, кто печатаетъ выпуклыми буквами книги для слѣпыхъ, страстныхъ любителей чтенія, составляющихъ для себя даже отдѣльныя библіотечки. Узнавъ къ кому обратиться за изученіемъ процедуры печатанья, я въ назначенный день пошла къ г-жѣ Шамшиной, гдѣ дежурная дама тотчасъ же показала мнѣ этотъ легкій способъ; дала азбуку, гдѣ обозначены всѣ, замѣняющія буквы—точки; особую для того бумагу, рубчатую металлическую доску и маленькій штифтикъ, которымъ по бумагѣ, положенной на рубчатую доску, намѣчаютъ точки—буквы. На мой вопросъ: „что печатать?" Она,— узнавъ мою фамилію, сказала, что въ ихъ каталогъ вошли нѣкоторые изъ моихъ дѣтскихъ разсказовъ и попросила меня печатать для нихъ мои же произведенія, что я и дѣлала, впродолженіи многихъ годовъ, такъ навострившись, что подъ конецъ, могла печатать даже въ то время, когда моя belle soeur читала мнѣ вслухъ газету. При этомъ я поражалась, до чего у слѣпыхъ развито чувство осязанія, позволявшаго имъ такъ быстро,—что я слышала, посѣщая ихъ институтъ,—читать по этимъ, такъ слабо выпуклымъ словамъ! Очень было интересно пройтись по ихъ клас-

самъ и мастерскимъ слышать ихъ чтеніе, видѣть ровное вязанье дѣвушекъ и аккуратное плетеніе изъ соломы и работы щетокъ—мальчиковъ, такъ осторожно справляющихся съ горячимъ варомъ; видѣть даже лѣпку изъ глины! Трудно было повѣрить, что только осязаніемъ оригинала, въ видѣ головы бюста, лѣпившагося изъ глины, достигалось такое сходство съ оригиналомъ, что вы могли провѣрить зрячими глазами! Интересно было тоже посѣтить дѣлавшуюся и очень любимую ими, на Рождество, ёлку. Какъ весело толпились они вокругъ дерева, вдыхая знакомый его ароматъ, снимая потомъ съ него повѣшанныя сладости. Съ какимъ интересомъ искали они, среди разложенныхъ, на большомъ столѣ, назначенные имъ подарки, узнавая свои по фамиліи, написанной выпуклыми буквами на бумажкѣ у каждаго подарка, къ мѣсту котораго ихъ подводили. Послѣ того было еще ихъ пѣніе и игра на фортепіано и скрипкѣ, поразительныя по стройности и чистотѣ. И невольно думалось, смотря на эту веселую, оживленную толпу, что поистинѣ: „Богъ слѣпца умудряетъ!"

Къ учрежденіямъ Женскаго Общества тутъ же, не соблюдая хронологическаго порядка, отнесу созданіе „Дѣтскаго Очага" въ 1902 г. Инціатива его принадлежитъ предсѣдательницѣ Совѣта Общества, Аннѣ Наколаевнѣ Шабановой. Остановясь теперь на этой особѣ, вотъ уже 16 лѣтъ существованія Общества, пребывающей неизмѣнно предсѣдательницей, выражу свое мнѣніе, что эта женщина большого ума, большой энергіи и замѣчательной работоспособности,—совершенно была на своемъ мѣстѣ. Были нѣкоторыя, находившія ее „властною"; но, въ общественныхъ дѣлахъ, при многолюдномъ Обществѣ, неизбѣжно, чтобы за кѣмъ нибудь осталось послѣднее слово, какъ бы до того не варьировался вопросъ; и всего необходимѣе, чтобы это слово осталось за тѣмъ, кто, кромѣ того, что знаетъ болѣе другихъ тѣ правила, на которыхъ его утверждаетъ,—но и отвѣтственно за него, какъ стоящій во главѣ! Скажу про себя, что пребывая членомъ Совѣта, и потому имѣя непосредственное отношеніе къ предсѣдательницѣ, я не имѣла причинъ на нее жаловаться; хотя не разъ случалось: „смѣть свое сужденіе имѣть!..." Помимо Совѣта засѣдала я съ ней и въ комитетѣ, когда мы работали на помощь голодающимъ и на помощь раненымъ, во время японской войны. Оставаясь долго въ Петербургѣ и лѣтомъ я, взявъ на себя, въ комитетѣ „на помощь голодающимъ", по отъѣздѣ казначея и секретаря,—ихъ обязанности, должна была часто сноситься съ А. Н. Шабано-

вой, безпрестанно пріѣзжавшей, изъ Финляндіи, въ больницу Принца Ольденбургскаго, гдѣ она занимала одну изъ высшихъ должностей; и я иногда заходила за ея распоряженіями къ ней въ больницу. И вотъ тутъ я видѣла ее съ другой стороны; видѣла, какъ на 30-мъ ребенкѣ изъ осмотрѣнныхъ ею съ утра, она, все такая же энергичная, не поддающаяся нервности,—неминуемой въ такой передѣлкѣ,—терпѣливо и сердечно разспрашивала мать и осматривала ребенка; и я поставила ей это на счетъ!

Боже мой, какъ такія совмѣстныя работы связываютъ людей и заставляютъ любить людей! Съ какой симпатіей и уваженіемъ смотрѣла я на нашихъ труженицъ, душой отдававшихся дѣлу милосердія! Какъ часто слабы казались мнѣ мои труды, труды человѣка все же свободнаго, не обязаннаго зарабатывать свой кусокъ хлѣба; я шла въ подвалъ отъ готоваго хлѣба и возвращалась опять къ готовому; наполняла работой для бѣдныхъ мое свободное, вполнѣ принадлежавшее мнѣ время... А рядомъ со мной были труженицы, которыя это время отрывали отъ времени отдыха, послѣ бѣганья по урокамъ, или корпѣнья въ конторахъ и редакціяхъ, да скуднаго, домашняго хозяйства! А сколько у насъ было такихъ! Усталая,—смотришь,—только бы ей объ отдыхѣ подумать, коли выберется часокъ; а она услышитъ, что туда нужно бы заглянуть, для той—справку навести, объ этой похлопотать; и видишь, что она ужъ сорвалась съ мѣста и мчится; и вѣдь не въ „экипажѣ, съ ливрейнымъ лакеемъ", какъ приказныя благодѣтельницы,—а „на своихъ—на двоихъ", иногда еще въ манто, подбитомъ вѣтеркомъ да съ вѣтеркомъ на морозѣ! И какъ просто онѣ относились къ этимъ, добровольно и безкорыстно, принятымъ на себя обязанностямъ; и какъ было, смотря на нихъ, не выработать въ себѣ взгляда: если мнѣ дана возможность, матеріальная и моральная обязана не зарывать въ землю „таланта", какъ бы малъ онъ ни былъ, а эксплуатировать этотъ талантъ на пользу другихъ; ибо: что д а н о, то должно быть и в о з в р а щ е н о...

Однако я отклонилась отъ „Дѣтскаго очага", созданнаго по иниціативѣ А. Н. Шабановой. Этимъ именемъ обозначилось нѣчто въ родѣ „Ясель", для дѣтей интеллигентныхъ труженицъ, которыя могли бы, отправляясь на свои занятія, пристроить своихъ дѣтей, возрастомъ отъ трехъ до восьми лѣтъ,—приводя ихъ въ 9 часовъ утра и оставляя до шести въ этомъ пріютѣ, гдѣ ихъ кормятъ, съ ними занимаются, для чего нанимается фребеличка,—и если нужно

лѣчатъ; а если есть надобность и одѣваютъ; съ платой за одного ребенка 5 р. въ мѣсяцъ, а если въ семьѣ двое—то за двухъ 8 и даже 7 р. Матери-труженицы сразу поняли всю важность для нихъ такого устройства; и было нѣсколько случаевъ, онѣ говорили, что могли бы внести бо́льшую плату, такъ какъ, работающія въ конторахъ и редакціяхъ стали больше зарабатывать, оставаясь дольше за работой, вполнѣ спокойныя за своихъ дѣтей, подъ такимъ присмотромъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, одна изъ членовъ Общества, Е. П. Чеканская, съ помощью нѣкоторыхъ отозвавшихся на доброе дѣло, положила начало кружку „Капля молока", начавъ дѣло въ комнатѣ, принадлежавшей къ ея квартирѣ. Дѣло состояло въ раздачѣ молока женщинамъ, приносившимъ съ собою младенцевъ которыхъ осматривали, содержатъ ли ихъ матери въ чистотѣ, нѣтъ ли у нихъ какихъ болѣзней,—для чего приходилъ докторъ; и, время отъ времени взвѣшивали, чтобы слѣдить за ихъ питаніемъ. Дѣло понемногу расширилось и составило комитетъ и кружокъ членовъ благотворителей.

Закончу упоминаніемъ о „Благотворительномъ отдѣлѣ" при Женскомъ Обществѣ, находящемся при немъ „Общежитіи". Это Общежитіе называется „временнымъ", принимая на помѣщеніе, какъ членовъ Общества, такъ и не членовъ, пріѣхавшихъ въ Петербургъ искать занятій, или потерявшихъ занятія,—„временно" помогая имъ и въ пріисканіи занятій. Для нихъ нѣтъ отдѣльныхъ комнатъ: онѣ живутъ по двѣ, по три и даже по четыре вмѣстѣ, въ большихъ комнатахъ, по очень дешевой цѣнѣ, и очень дешевымъ—по желанію,— столомъ. Члены этого Комитета завѣдуютъ и работой, которую получаютъ отъ общественныхъ и частныхъ учрежденій, и отъ себя раздаютъ бѣднымъ, извѣстнымъ имъ женщинамъ; иногда и нуждающимся въ заработкѣ жилицамъ Общежитія. Изъ заработанной платы вычитается стоимость матеріала и небольшой процентъ въ пользу Общежитія. Послѣдніе годы много выгоды приносили имъ обѣды для приходящихъ, особенно вблизи живущихъ курсистокъ.

XIX.

Несмотря на то, что я была теперь главное поглощена взятыми мною на себя обязанностями, при моихъ разнообразныхъ Обществахъ, я все же удѣляла,—хотя несравненно меньше преж-

няго,—вечера для посѣщенія театровъ; имѣя абонементъ (конечно только одинъ) въ русской оперѣ, пришедшей въ лучшее состояніе. Тогда былъ еще въ полномъ расцвѣтѣ баритонъ Яковлевъ, хотя не могшій замѣнить Мельникова, но все же, не смотря на причастную ему манерность пѣнія,—доставлявшій удовольствіе. Былъ хорошій, хотя и суховатый въ пѣніи, но музыкальный артистъ, баритонъ Прянишниковъ. Хорошій басъ и умный артистъ—Стравинскій. Фигнеръ, хотя далеко не стоялъ на такой высотѣ, какъ многіе его превозносили,—со своимъ жидкимъ, плоскимъ, сухимъ теноромъ,—но понималъ, что пѣлъ и хорошо игралъ, недостатокъ природнаго огонька возмѣщая тѣмъ, что ему подкладывала, несравненно выше его стоявшая по всему,—артистка Медея-Мей (впослѣдствіи ставшая его женой); красивая женщина, съ красивымъ голосомъ и большимъ темпераментомъ, который и поддавалъ жару его напускной горячности. Милыми пѣвицами являлись: красавица Мравина,—легендарная Эльза-Лоэнгрина и прелестная Людмила,—немного холодная, но всегда на мѣстѣ и музыкальнымъ пѣніемъ и благородствомъ игры; также какъ двѣ,—mezzo-soprano—Фриде и Каменская. За неимѣніемъ настоящаго контральто, послѣ ухода несравненной, во всѣхъ отношеніяхъ, чудесной Лавровской, такъ безвременно стертой со сцены,—на эту должность опредѣлили Долину. А лучшими украшеніями сцены служили—высокая артистка по всему—Литвинъ, чудесная „Юдифь“ и „Изольда“, съ такимъ прекраснымъ „Тристаномъ“, какъ пріѣзжавшій на гастроли, Решке; и прелестная, всегда и вездѣ поэтичная—Больска. Началъ появляться на русской сценѣ Вагнеръ, прежде, какъ то, на ней не признаваемый, находившій мѣсто только у итальянцевъ, несмотря на то, что онъ несравненно сроднѣе и понятнѣе русскимъ.

Большимъ событіемъ въ театральномъ мірѣ были гастроли, въ „Маломъ театрѣ“ труппы московскаго „Художественнаго театра“ съ Станиславскимъ во главѣ. Репертуаръ ихъ почти исключительно состоялъ изъ пьесъ Чехова, котораго при ихъ реальности исполненія они передавали безукоризненно! Помню, что когда я передъ ихъ спектаклями (на которыя абонировалась) прочла, только что появившуюся въ книжкѣ „Русская Мысль“, его комедію „Три сестры“,—я съ трудомъ одолѣла эту лѣтопись о трехъ „пыльныхъ“ барышняхъ, все несчастіе которыхъ, вся эта длинная, скучная до невозможности, канитель страданій,—состоитъ въ томъ, что онѣ не живутъ въ Москвѣ!!! Но когда я эту кани-

тель увидѣла въ исполненіи актеровъ „Художественнаго театра", когда я буквально жила съ ними, переживала всю эту „пыльную" эпопею,—я такъ ихъ понимала, такъ имъ сострадала, что подъ конецъ—просто измучилась! Помню, какъ выходя изъ театра, я встрѣтила одну знакомую. „Нѣтъ,—я не могу больше! Я такъ измучилась, такъ устала!.." — говорила она, измученнымъ видомъ.

Что это? Гипнозъ какой то или сила таланта? Или эта сѣрая, будничная жизнь, такъ сродная, вообще, жизни, скорѣе воплощается въ насъ и больше говоритъ намъ? Многіе обвиняли ихъ въ тѣхъ мелочахъ, что они окружаютъ, въ обстановкѣ, дѣйствователей;—но мелочи много помогаютъ въ дѣйствіи; часто воскрешая многое трагическое въ какой нибудь, кажущейся, бездѣлкѣ! Исполненіе было замѣчательно жизненное. Станиславскій былъ хорошъ, особенно въ „Дядѣ Вани".. Вотъ тоже эта вещь... Ея конецъ, этотъ монологъ „мы отдохнемъ",—какая эта у нихъ была драма! Хороша была изъ женщинъ Книперъ (тогда уже невѣста Чехова). Я потомъ познакомилась съ ней, когда она, съ другими артистками ихъ труппы, — читала на одномъ изъ нашихъ музыкально-литературныхъ вечеровъ, и потомъ она была у меня. Мила была Андреева и хорошъ Качаловъ; но главное все дѣло было въ общемъ: очень ужъ они спѣлись! Но гдѣ Станиславскій былъ безукоризненно хорошъ, это въ комедіи „Докторъ Штокманъ",—интересной и по содержанію болѣе всѣхъ комедій Чехова!

Въ одинъ изъ слѣдующихъ пріѣздовъ труппы въ Петербургъ, я ихъ видѣла,—о чемъ уже писала выше,—въ „Юліи Цезарѣ",—котораго они убили вмѣстѣ съ Брутомъ;—а тоже въ комедіи Чехова „Вишневый садъ", тоже произведшій на меня, противуположное съ прежними, впечатлѣніе; давъ и какую то сумбурную, натянутую вещь въ самомъ созданіи и еще болѣе сумбурную въ исполненіи, начиная сначала, когда въ старый домъ, вмѣсто порядочной, хотя и немного легкомысленной помѣщичей семьи,—врывается ватага, только что откутившей съ цыганками неприличной молодежи.

Лѣтомъ 1900 г. я вначалѣ,—по отъѣздѣ Мальвины съ Машенькой въ Крымъ, оставалась поработать въ Петербургѣ, а въ августѣ поѣхала опять въ Италію; и, такъ какъ семья Высоцкихъ проводила это лѣто на берегу моря, близъ Пизы, въ мѣстечкѣ именуемомъ „Марина ди Пиза", то я направилась туда, до-

рогой еще остановившись на ночлегъ въ Пистойѣ, гдѣ нашла чудесный соборъ. „Марина ди Пиза“ была тогда еще мало обстроена и потому болѣе пріятна—идиллична. Такъ какъ мѣста въ томъ домѣ, гдѣ квартировали Высоцкіе, для меня не было, то они помѣстили меня въ другомъ, не далеко отъ нихъ, и я цѣлый день проводила у нихъ. Тамъ я познакомилась и съ женихомъ Нелли, итальянскимъ офицеромъ, Грилли, покорившимъ сердце неприступной красавицы, этой любовью превращенной изъ холодной сирены въ простое, любящее существо женскаго пола, съ мелкими заботами и работами. Пробыла я тогда въ „Маринѣ“ недолго, больше проводя время компаніей на берегу моря съ прекраснымъ, песчанымъ пляжемъ.

Осень во Флоренціи была очень пріятна той атмосферой счастія, что разливалась отъ влюбленной парочки, прозванной мною „Ромео и Джульета“, такъ нѣжно ворковавшей по вечерамъ въ маленькомъ садикѣ, при нашемъ пансіонѣ, куда выходило окно моей комнаты, бывшей внизу, такъ какъ тогда пансіонъ помѣщался въ двухъ этажахъ. Молодой женихъ, приходившій только вечеромъ, конечно, забывалъ о часахъ подлѣ своей невѣсты, въ ихъ укромномъ боскетѣ, и я брала на себя роль „Времени“, въ видѣ кормилицы Капулети, напоминавшей Джульетѣ о безпощадномъ полетѣ часовъ. Былъ положенъ предѣлъ свиданію въ 11 часовъ. И вотъ я, войдя въ свою комнату, быстро пускала электрическій свѣтъ, озарявшій таинственный боскетъ и, широко раскрывъ окно, кричала, старушечьимъ голосомъ: „Giullieta, sono le undici!“ (11 часовъ),-что сейчасъ же и дѣйствовало, и влюбленные прощались и расходились.

Кто бы подумалъ, что это счастіе будетъ такъ непродолжительно!.. Не прошло года послѣ брака, какъ давъ жизнь дѣвочкѣ, молодая мать черезъ три недѣли умерла!..

Слѣдующая наша поѣздка за границу, 1901 г.—съ Мальвиной и Машенькой—была очень интересна, главное посѣщеніемъ въ Баваріи замковъ покойнаго короля Людвига II.

Направились мы сначала въ Висбаденъ, гдѣ въ то время проживали наши друзья Шварценбергъ, приготовившіе намъ и помѣщеніе въ очень уютномъ пансіонѣ. Весна тамъ,—въ апрѣлѣ,—стояла въ полномъ разгарѣ, благоухая сиренью. Самый городъ очень симпатиченъ и нарядeнъ, съ милыми прогулками въ окрестностяхъ и хорошей музыкой въ казино; даже съ хорошимъ театромъ, гдѣ я слушала чудную музыку моего любимаго „Оберона“,

хотя пѣвцы не всѣ были на высотѣ. Выдержали затѣмъ курсъ леченія въ Маріенбадѣ, въ чемъ этотъ,—единственный въ моей жизни,—разъ, приняла участіе и я, надѣясь спустить нѣкоторую лишнюю округлость моей персоны. Но, увы, надежды мои не сбылись еще разъ доказавъ—моимъ сомнѣніямъ къ докторскимъ назиданіямъ,—насколько эти сомнѣнія вѣрны, и насколько я бываю мудра, когда онымъ не измѣняю!.. Въ началѣ іюня мы были въ Мюнхенѣ, снова принявшись обозрѣвать его художества, въ образѣ его „Пинакотекъ“ и Глиптотекъ“ съ прибавкой этотъ разъ его прекрасныхъ храмовъ, какъ „Basilica“, а кромѣ того-спеціальной художественной выставки. Тутъ же мы прослушали на „Residez“ театрѣ двѣ оперы: „Мейстерзингеровъ“—Вагнера, шедшей превосходно, безъ купюровъ, какъ передъ тѣмъ, зимой слышали въ Петербургѣ; и „Barbir der Bagdad“—не помню какого композитора. Въ Мюнхенѣ же тотъ разъ мы два вечера подъ-рядъ смотрѣли обѣ части драмы Бьернсонъ „Ueber unsere Kraft“, первая часть которой произвела на меня такое потрясающее впечатлѣніе, что я долго была подъ ея вліяніемъ! Это было что-то такое и мистическое и глубокое своею жизненностью, и такъ совпадало съ моимъ настроеніемъ, съ готовностью моей души воспринять все высшее, духовное... Моей душѣ уже не были чужды эти явленія. Всегда, съ дѣтства, по природѣ чуткая, расположенная къ мистицизму; познакомясь съ духовно-философскимъ ученіемъ теософіи, я, врагъ спиритическихъ сеансовъ, съ верченіемъ столовъ, стуковъ и прочей нелѣпицы, отвергаемой,—какъ профанизмъ,—и теософіей, всегда вѣрила въ непосредственное сліяніе нашей души съ отшедшими въ міръ духовный; для меня многое духовное стало понятно и мнѣ близко!..

Отъ Мюнхена около часа ѣзды по жел. дорогѣ до города Штарнберга, расположеннаго на берегу Штарнберскаго озера, берега котораго очень живописны, расположенными на нихъ мѣстечками, виллами, зȁмками, по всѣмъ станціямъ которыхъ пристаютъ, безпрестанно бороздящіе озеро, пароходы. Рѣшивъ нѣкоторое время отдохнуть здѣсь, мы намѣтили себѣ мѣстечко Туцингъ, почти противъ зȁмка „Бергъ“ (Schloss Berg), съ которымъ связано воспоминаніе, не только о жизни въ немъ короля Людвига II, но и — въ 1886 г. — трагической кончинѣ, въ волнахъ озера, короля-мученика, жертвы интригъ клерикальной партіи, не простившей ему изгнанія изъ Баваріи Іезуитовъ, и прусскихъ происковъ, съ Бисмаркомъ во главѣ.

Кто изъ насъ, во время оно, не интересовался, хотя мимолетно, этой идеальной личностью Людвига II, съ его заоблачными мечтами, спасшаго Вагнера, въ самое тяжелое для него время, строившаго фантастическіе зáмки,—все это подернутое туманомъ недоброжелательства, старавшагося набросить побольше тѣней на этотъ поэтическій образъ, толкуя въ дурную сторону всѣ его дѣйствія и, наконецъ,—(когда, какъ писала одна австрійская газета, вслѣдъ за кончиной короля): „Въ Берлинѣ рѣшили, что настало время объявить Людвига сумасшедшимъ“... А нашъ журналъ „Русскій вѣстникъ“, въ то же время, намекаетъ на странность того, что это совпало съ тѣмъ временемъ когда „самъ Бисмаркъ заигрывалъ съ Ватиканомъ“)—объявили короля сумасшедшимъ? Нечего и говорить о томъ, что всѣ мы, далеко стоявшіе отъ сути дѣла, могли только жалѣть о несчастномъ королѣ, послѣ трехдневнаго плѣна въ зáмкѣ Бергъ, погибшемъ въ волнахъ Штарнбергскаго озера, смертью тоже совсѣмъ таинственной, которой тоже нѣмецкія газеты,—подъ давленіемъ принца-регента, далеко не чуждаго всѣхъ возмутительныхъ интригъ, стоявшаго тайно во главѣ клерикальной партіи,—придавали свое значеніе, выливая на покойнаго короля цѣлые ушаты грязи, въ которой было невозможно не увязнуть, а потому и предали все забвенію.

Но тѣ, что стояли къ дѣлу ближе и не были причастны интригамъ,—если молчали, то писали; а что писали, понемногу издавали, если не въ Баваріи, гдѣ властвовалъ принцъ-регентъ (нынѣ только что умершій) то въ Германіи и Швейцаріи,—и многое всплыло наружу. Я не говорю уже о народѣ, который до сихъ поръ,—болѣе чѣмъ черезъ 25 лѣтъ послѣ кончины Людвига II,—его положительно обожаетъ! Одинъ мой знакомый, тоже хорошо изучившій баварскій народъ, говорилъ мнѣ: „Они говорятъ о Людвигѣ съ такимъ чувствомъ, съ какимъ нашъ народъ подходитъ къ чудотворнымъ иконамъ или мощамъ!“—И точно: это положительно культъ! А ужъ если только заикнуться о томъ, что: „какъ же его считали сумасшедшимъ?“—Такъ всѣ, изъ разнаго класса (а я много вездѣ потолкалась, о чемъ скажу позднѣе)—говорятъ: „Да кто же изъ насъ этому вѣритъ?“—А люди изъ народа добавляютъ: „только мы не можемъ о томъ говорить!...“ Помню, какъ одинъ простой рабочій, въ Мюнхенѣ, у котораго я заказывала нужную мнѣ бахрому, разговаривая со мной, съ присущимъ имъ всѣмъ благоговѣніемъ, о королѣ Людвигѣ II, прибавилъ: „Да, какъ „Дворъ“ ни старается о томъ, чтобы народъ

забылъ короля Людвига,—а народъ его все болѣе любитъ и цѣнитъ!..“

Туцингъ, гдѣ мы остановились, было очень милое мѣстечко. Садъ нашего отеля доходилъ до самаго озера, вдоль котораго были прогулки во всѣ стороны; уходя и въ глубь, ведя къ другимъ мѣстечкамъ и вилламъ. Это было именно спокойное, идиллическое мѣсто отдохновенія; при желаніи же дальнѣйшихъ прогулокъ,—по озеру безпрестанно ходили пароходы, на которыхъ вы могли дѣлать самыя разнообразныя поѣздки. Вотъ на такомъ пароходѣ мы въ одинъ день почти что только переѣхали,—такъ это близко,—къ за̀мку Бергъ, одному изъ за́мковъ Людвига II, выстроеннаго не имъ, но которому онъ, какъ прирожденный художникъ, придалъ болѣе изящный и типичный характеръ, пристройкой входной башни, а внутренность украсилъ массой прекрасныхъ картинъ, въ которыхъ проходятъ всѣ са̀ги Вагнеровскихъ оперъ. За̀мокъ стоитъ среди парка, раскинутаго на самомъ берегу озера.

Это совершенно уютный семейный домъ, съ старинной мебелью, въ которомъ Людвигъ II жилъ со своей матерью,—помѣщавшейся въ нижнемъ этажѣ, первое время своего царствованія,—вступивъ на престолъ 18-ти лѣтъ, полный свѣтлыхъ надеждъ на будущее; этотъ чистый юноша: „не отъ міра сего“, почему на него и обрушились со своей грязью грязные люди „міра сего“, вызвавъ во французскомъ писателѣ Edmont Fazy, въ его книгѣ: „Louis II et R. Wagner“—такія слова: „Тѣ, кто распускалъ разныя гнусныя клеветы про того „неуязвимаго дѣвственника“, какимъ былъ Людвигъ II, были такъ низки, что даже не заслуживаютъ презрѣнія!“ „Никогда не зная разврата,—писа̀лъ про него французскій историкъ Bainville,—оставляющаго неизгладимое пятно, слишкомъ уважая себя, чтобы растрачивать свой идеалъ на мелкія интрижки, Людвигъ II, при своей красотѣ, молодости, положенію, способныхъ очаровать самыя возвышенныя, несдававшіяся сердца,—остался лучезарно-чистымъ и одинокимъ на своемъ тронѣ!“

Тутъ, въ этихъ мѣстахъ, вспоминаются двѣ идеальныя привязанности Людвига II; одна, къ его кузинѣ, австрійской императрицѣ Елисаветѣ, обожа̀ніе къ которой началось съ его дѣтскихъ лѣтъ, когда Елизавета была уже замужемъ, и дружба и сходство идеальныхъ идей, съ которой соединяла его до смерти, сводя ихъ, въ поэтическихъ бесѣдахъ, на свиданіяхъ на „Rosen Insel“, тутъ же, на озерѣ, противъ за̀мка „Rosen-Hafen“, принадлежавшемъ родите-

лямъ Елизаветы, гдѣ она часто гостила. Другое идеальное расположеніе возбудила въ идеальномъ юношѣ наша императрица Марія Александровна, жена Императора Александра II, которымъ, по вступленіи на престолъ, Людвигъ представился въ Киссенгенѣ. Царственный юноша сразу, своей чуткой душой, разгадалъ идеальную душу Императрицы и, съ восторгомъ принималъ ее затѣмъ у себя, въ зáмкѣ Бергъ, воспоминаніемъ чего остался небольшой портретъ Императрицы, висящій въ спальнѣ короля; въ той спальнѣ, на кровати которой сохраняется подушка, съ той наволочкой, на которой до сихъ поръ видны потоки воды отъ волосъ, положеннаго на нее уже бездыханнаго тѣла короля...

Поотдохнувъ въ идиллическомъ Туцингѣ, откуда сдѣлали нѣсколько пріятныхъ поѣздокъ вдоль озера, мы отправились, снова черезъ Мюнхенъ, въ старый городъ Фюсcенъ, а оттуда въ экипажѣ, въ Гогеншвангау, главное, имѣя цѣлью осмотрѣть лучшій изъ построенныхъ Людвигомъ II, зáмокъ Нейшванштейнъ (Neuschwanstein). Когда, отправившись отъ Фюссена вы съ большой дороги вдругъ увидите этотъ зáмокъ, будто парящій надъ суровыми скалами и темной чащей лѣса,—онъ покажется вамъ чуднымъ видѣніемъ, слившимся и съ суровыми скалами и съ воздушнымъ эфиромъ; чѣмъ то гармоническимъ, что, какъ стройный аккордъ торжественно прозвучалъ въ таинственно-тихую лунную ночь и слилось съ луннымъ сіяніемъ...

Остановившись въ одномъ изъ отелей мѣстечка, мы на другое же утро отправились къ зáмку, стоявшему на одномъ изъ скалистыхъ утесовъ, покрытыхъ чащей лѣса, среди котораго продѣлана прекрасная дорога и пѣшеходная и экипажная. Съ этой дороги, вы понемногу воспринимаете въ себя чарующее впечатлѣніе, производимое видомъ зáмка. То, при одномъ поворотѣ, изъ густой зелени лѣса, глянутъ его стѣны, съ стройными башнями и ихъ остроконечными крышами, будто выплывшими изъ темной чащи; то, скрывшись, за новымъ поворотомъ, встанутъ вдругъ, будто по волшебному приказу, прямо передъ вами, во всей стройной и могучей красотѣ своихъ твердынь, какимъ то чудомъ поднявшихся изъ дикихъ, скалистыхъ громадъ, среди хаоса перепутанной зелени бѣшенно мчащагося водопада Pöllatschlucht!

„То, что представляетъ теперь этотъ зáмокъ,—пишетъ Меннель, въ своей книгѣ „Königsphantasien",—можетъ быть названо лучшимъ, что создано въ новѣйшее время, представляя Валгалу для всѣхъ любителей искусства!".

И вотъ мы стоимъ передъ грандіозными, обитыми желѣзомъ, воротами зàмка, на платформѣ, съ которой дивный видъ на широкую даль. Переступаемъ порогъ—и сразу переносимся въ иной міръ: „міръ сладкихъ грезъ и чудныхъ сновъ!...“ Поднявшись, со двора, по грандіозной мраморной лѣстницѣ, вы входите въ длинную галлерею, съ пестро-раскрашенными сводами, съ которыхъ спускаются оригинальныя люстры-свѣточи, украшенныя лебедями, а стѣны сплошь расписаны сценами изъ древне-скандинавской Эдды о „Зигурдѣ“, давшей начало,—подъ именемъ поэмы „Нифлунгахъ“,—пѣснѣ о „Нибелунгахъ“. Переходя затѣмъ изъ залы въ залъ, вы бродите, какъ очарованные, среди ихъ стройныхъ колоннъ, охваченныхъ золоченными браслетами; среди замѣчательной рѣзьбы изъ дерева и удивительной вышивки серебромъ и золотомъ, по тяжелой матеріи, въ рисункахъ которыхъ наибольшую роль играютъ цвѣты лиліи, львы и мистическіе лебеди, а иногда павлины. Среди легендарныхъ героевъ и таинственныхъ символовъ; гдѣ все, до послѣднихъ мелочей, поражаетъ своей стильностью, звуча унисономъ, дополняя одно-другимъ и сливаясь въ одну чудную мелодію. Васъ охватываетъ чувство сознанія красоты и присутствія духа, создавшаго эту красоту; не даромъ одинъ нѣмецкій писатель сказалъ: „Тѣло короля Людвига II покоится въ Мюнхенѣ, въ Михаэль-кирхѣ; но духъ его остался въ зàмкѣ Neuschwanstein!“

Каждая изъ этихъ чудныхъ залъ посвящена какой нибудь изъ древне-германскихъ сагъ, которыя и украшаютъ ея стѣны въ картинахъ лучшихъ мюнхенскихъ художниковъ. Такъ исторію „Тангейзера“ мы находимъ на стѣнахъ зеленаго кабинета короля. Картины поэтичной легенды о „Лоэнгринѣ“, украшаютъ прелестную голубую гостиную (Wohnzimmer), съ лебедями повсюду: въ вышивкѣ мебели и занавѣсъ, въ рѣзьбѣ и гербахъ потолка. Въ туалетной комнатѣ, стѣны которой сплошь покрыты картинами о „Вальтерѣ-Птицеловѣ“, на фіолетовой матеріи, вмѣсто лебедя мы находимъ павлина. Одна изъ лучшихъ комнатъ зàмка—спальня, въ чисто-готическомъ стилѣ, вся рѣзная изъ темнаго дуба. Особенно отличается рѣзьбой кровать, въ альковѣ которой виситъ образъ Богоматери съ Младенцемъ, копія—художника Франка—съ иконы храма Св. Софіи въ Константинополѣ. Синій шелкъ мебели расшитъ лиліями въ золотѣ и серебрѣ. На стѣнахъ—картины саги „Тристанъ и Изольда.“ Маленькій балконъ прямо смотритъ на бурный водопадъ.

Изъ спальни крошечная молельня, съ живописью надъ алтаремъ, съ чудеснымъ распятіемъ изъ слоновой кости prie-Dieu передъ алтаремъ, обитое фіолетовымъ бархатомъ, очень потерто отъ колѣнопреклоненій короля, несшаго сюда, въ часы скорби и разочарованій, никѣмъ не подслушанные стоны своей больной души!.. „Взглядъ на подушку prie-Dieu,—пишетъ C. Heigel: покажетъ вамъ, какъ часто вѣрующій человѣкъ преклонялъ свои колѣна въ молитвѣ, передъ образами своихъ заступниковъ".

Когда въ первое мое посѣщеніе зàмка, я подошла къ кровати, въ спальнѣ короля, сопровождавшій насъ почтенный старикъ (который въ послѣдствіи много разсказывалъ мнѣ о королѣ, котораго зналъ ребенкомъ)—проговорилъ грустнымъ голосомъ: „На этой кровати Его Величество спалъ за три дня до своей смерти; на другой день онъ уѣхалъ въ зàмокъ Бергъ, а черезъ два дня его не стало!.."

Страшная трагедія, разгадка которой далеко не выяснена, да и будетъ ли еще когда нибудь выяснена?..

За спальней слѣдуетъ прелестная пунцовая столовая. На стѣнахъ сцены изъ жизни „Миннезингеровъ" и портреты поэтовъ, излагавшихъ въ поэзіи древнія саги. Удивительное впечатлѣніе производитъ „Тронная зала". Это скорѣе храмъ, въ стилѣ Византійской Базилики, въ то же время, воспроизводя легенду о храмѣ Святого Грааля. Зала въ два свѣта. Высокій куполъ представляетъ лазурный сводъ неба, съ золотыми изображеніями солнца и прочихъ свѣтилъ; тогда какъ въ мозаикѣ пола видны растенія и животныя. Въ одномъ концѣ залы, надъ площадкой, на которой долженъ былъ стоять тронъ,—изображенія во весь ростъ королей, вводившихъ въ своихъ странахъ христіанство: К а з и м і р ъ—польскій, С т е ф а н ъ—венгерскій, Г е н р и х ъ—германскій, Л ю д о в и к ъ—французскій, Ф е р д и н а н д ъ—испанскій и Э д у а р д ъ—англійскій. А выше.—„Христосъ во славѣ", окруженный вѣнкомъ изъ херувимовъ. Стѣны залы, какъ нижняго, такъ и верхняго этажей, покрыты изображеніями апостоловъ и картинъ религіознаго содержанія, и символами.

Замѣчательна, находящаяся этажемъ выше, „Концертная зала", стѣны которой украшены большими картинами легенды „П а р с и в а л ь". Зала громадна и въ высшей степени грандіозна и интересна, представляя массу изящныхъ деталей въ живописи и рѣзьбѣ потолка, представляющаго всѣ знаки зодіака. Въ одномъ концѣ залы эстрада, подобіе той, на которой, въ Вартбургѣ, состязались

въ пѣніи миннезингеры. На другомъ—вверху—рисунокъ храма Св. Грааля, съ мистической чашей, несомой ангелами и спускающимся надъ ней, голубемъ.

Чтобы имѣть полное понятіе о наружной красотѣ зàмка Нейшванштейнъ, нужно видѣть его съ „Marien-Brücke“, этого ажурнаго мостика, смѣло перекинутаго съ одной скалы на другую, надъ шумливымъ потокомъ Pöllatschlucht, съ котораго онъ вамъ покажется какимъ-то волшебнымъ видѣніемъ, незримой силой поднявшимся изъ дикой, глубоко лежащей, скалы; чудно рисуясь на широкомъ пейзажѣ горъ, долинъ и озеръ.

Оставляя этотъ дивный, ни съ чѣмъ не сравнимый, по красотѣ и стильности,—зàмокъ, который мнѣ пришлось въ послѣдствіи посѣтить многое-множество разъ и изучить его въ мельчайшихъ подробностяхъ; разскажу, какъ разъ, насмѣшили меня тамъ горцы, пришедшіе цѣлой гурьбой для его осмотра. Двое изъ нихъ отправились въ кассу, для полученія записки на даровой входъ, а другіе, въ своихъ потертыхъ горныхъ костюмахъ, съ порыжѣвшими шляпами, обвитыми цвѣтами альпійской розы,—съ любопытствомъ разсматривали, очень инскустно, горельефомъ, высѣченнаго изъ камня, надъ дверями кассы, ощетинившагося пса,—толкуя между собой о значеніи этой фигуры.

— А, это Бисмаркъ!—утвердительно сказалъ, наконецъ, молодой, быстроглазый горецъ. Онъ все лаялъ на нашего короля!

И это замѣчаніе было принято всѣми очень сочувственно.

Теперь намъ предстояло посмотрѣть два другіе, тоже построенные Людвигомъ II, дворцы Линдергофъ и „Херенхіемзее“.

Дорога къ первому лежитъ отъ Фюссека, въ прелестнѣй мѣстности, не перестающей очаровывать взоры красотою горъ, съ ихъ снѣжными вершинами, съ журчащими, бурными рѣчками и ручьями; съ темными ущельями, веселыми долинами и задумчивыми лѣсами.

Дворецъ Линдергофъ, построенный въ стилѣ „Рококó“ (маленькій Тріанонъ)—воздвигнутъ на мѣстѣ охотничьяго дома короля Максимиліана II и получилъ свое названіе отъ старой липы (Linde) до сихъ поръ красующейся передъ нимъ. Зàмокъ заключаетъ въ себѣ всего десять, чрезвычайно изящныхъ комнатъ. Это очаровательная игрушка; феерическій чертогъ „d'un Prince charmant,“ полный прелестныхъ вещей: фарфора, бронзы, гобеленовъ, мозаики и большихъ картинъ, въ чудесныхъ копіяхъ съ Ватто, Буше и Фрагонара; тоже поражающій своею стильностью во

всѣхъ мелочахъ. Онъ стоитъ среди парка, разбитаго въ чисто французскомъ стилѣ, съ фонтанами и статуями, съ „Мавританскимъ павильономъ“ и „Лазоревымъ гротомъ“ изъ искусственныхъ сталактитовъ; съ ладьей Лоэнгрина на крошечномъ озеркѣ.

Осмотрѣвъ Линдергофъ, мы объѣхали еще прелестныя мѣстечки, представляющія идиллическія лѣтнія убѣжища, со всѣмъ комфортомъ ихъ отелей: Partenkirche и Garmisch, вблизи двухъ озеръ: Ebensee и Badensee. Посѣтили милое мѣстечко Murnau, между двумя озерами: Kochelsee и Schtafelsee; съ превосходнымъ мраморнымъ памятникомъ-бюстомъ Людвига II, первымъ памятникомъ воздвигнутымъ ему народомъ.

Во вторичный мой пріѣздъ въ эти мѣста, я еще посѣтила въ Oberammergau извѣстную Passiones-Dorf, гдѣ каждыя 10 лѣтъ бываютъ знаменитыя представленія „Мистерій“. Въ этотъ годъ представленій не было, но я осмотрѣла тотъ оригинальный театръ, на которомъ онѣ происходятъ, съ раздвижнымъ потолкомъ и стѣнами, за которыми, какъ натуральная декорація, виднѣются зеленыя долины и горы. Интересна и самая деревня, съ расписными, во всю вышину и ширину, наружными стѣнами домовъ, бо́льшею частью картинами религіознаго содержанія.

Для осмотра третьяго построеннаго Людвигомъ за̀мка, Херенхіемзее, ѣдутъ до озера Хіемъ,—почти на границѣ Австріи, на которомъ, на островѣ Хернъ и находится этотъ за̀мокъ: „Маленькій Версаль“, въ стилѣ „Renaissance“. Онъ стиленъ какъ и другіе, такъ же полонъ художественныхъ произведеній, въ живописи и скульптурѣ, въ изображеніи героевъ и боговъ, какъ древне-греческой, такъ и римской имперіи. Залы его—повторенія залъ парижскаго Версаля, съ историческими картинами французской исторіи. Заглянувъ въ залу „L'œil de bœuf“, съ конной статуей Людовика XIV, припомню разсказъ про удивительную лошадь, служившею моделью извѣстному скульптору Перрону. „Эта лошадь имѣетъ свою исторію,—говорилъ Перронъ: „Вначалѣ она весело скакала съ юнымъ королемъ Людвигомъ II по горамъ, лѣсамъ и лугамъ. Затѣмъ король подарилъ ее знаменитой пѣвицѣ, Фогль, и она стала часто, вмѣстѣ съ воинственной Брунгильдой, безстрашно проходить сквозь огонь, въ Вагнеровской оперѣ „Гибель боговъ“, всегда восторженно встрѣчаемая публикой. Эта лошадь была замѣчательной моделью; она сразу поняла, что отъ нея требовалось. Уже послѣ перваго сеанса, она знала дорогу въ мастерскую и охотно туда шла. Въ мастерской она сама становилась на

каменный постаментъ, въ своей позѣ, поднятой на дыбы, какъ было нужно и оставалась въ такомъ положеніи, пока мнѣ это было надо“.

Говоря о четырехъ зàмкахъ, полныхъ воспоминаніями о Людвигѣ II, изъ которыхъ три выстроены имъ самимъ, скажу еще о пятомъ, хотя тоже, какъ зàмокъ Бергъ построенный не имъ,— именно о старомъ зàмкѣ Хохеншвангау, XII столѣтія,—въ которомъ Людвигъ провелъ свое дѣтство и много жилъ въ то время, какъ строилъ зàмокъ Нейшванштейнъ. Трудно себѣ представить что нибудь оригинальнѣе этого приземистаго и снаружи желтаго зàмка, съ неуклюже сидящимъ на немъ посеребреннымъ лебедемъ; и внутри, съ низкими потолками и сплошь росписными стѣнами; съ тяжелой массивной мебелью; и такимъ множествомъ лебедей, изъ всевозможныхъ металловъ и минераловъ, всѣхъ величинъ и позъ; на вазахъ, прессъ-папье, кувшинахъ и цѣлыхъ сервизовъ и принадлежностей письменнаго стола,—что вашъ глазъ не перестаетъ ихъ встрѣчать повсюду, въ безконечномъ разнообразіи. Наиболѣе интересные комнаты самаго Людвига II. Нельзя не остановиться на крошечной молельнѣ короля, съ превосходной головой изъ мрамора, Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, работы Торвальдсена и крошечнымъ престоломъ, на которомъ по сторонамъ художественнаго распятія, стоятъ двѣ иконы въ золотыхъ ризахъ: Казанской Богоматери и Св. Николая Чудотворца, подарокъ Людвигу II Императора Александра II. И Людвигъ II, католикъ, при его широкомъ взглядѣ на христіанство, преклонялъ на своемъ prie-Dieu, въ молитвѣ, колѣни передъ иконами другой религіи!

Свой широкій взглядъ на христіанство Людвигъ выказалъ въ первое же время по вступленіи на престолъ, на собраніи членовъ ордена Св. Георгія. Прежнимъ статутомъ ордена признавалась защита только католиковъ. Людвигъ выразилъ желаніе, чтобы помимо защиты католиковъ, цѣлью ордена было „обще-христіанское милосердіе“, безъ различія вѣроисповѣданія и національности, что и было утверждено.

„Король Людвигъ II,—пишетъ профессоръ Бейеръ, въ своей книгѣ „Ludwig II. König v. Bayern“,—былъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозно-философскомъ значеніи, вполнѣ сознающій свои цѣли правитель, время котораго исторія должна ясно понять. Онъ былъ свободомыслящій геній и вдохновенно - прозрѣвшій будущее Германіи горячій патріотъ“.

Людвигъ ненавидѣлъ войну и во время начала франко-прусской стоялъ за нейтралитетъ. Но народъ желалъ войны. Приказъ о мобилизаціи былъ тяжелымъ для Людвига гнётомъ. Онъ долго колебался, окруженный видѣніями тѣхъ кровавыхъ жертвъ, которыхъ осудитъ на смерть одна подпись его пера... Каждый разъ, когда Людвигъ долженъ былъ подписывать смертный приговоръ, эта минута была для него очень мучительна; боясь несправедливымъ рѣшеніемъ отнять жизнь, надъ которой властенъ одинъ Богъ... Людвигъ питалъ глубокое уваженіе ко всему живущему въ природѣ; потому всякое уничтоженіе и разрушеніе вселяло въ него отвращеніе и возстановляло противъ всякаго кроваваго спорта и всякой жестокости. Самобытный, самостоятельный по натурѣ, онъ не допускалъ ничего грубаго и насильственнаго.

Посѣщая зимою лѣсъ близъ Линдергофа, Людвигъ часто, собственноручно кормилъ хлѣбомъ бѣжавшихъ къ нему голодныхъ дикихъ козъ, или, не встрѣтивъ ихъ, клалъ имъ кормъ на дорожку... Это припомнилось мнѣ въ одинъ вечеръ, во время моей прогулки въ лѣсу Хохеншвангау, благодатная тишина котораго этотъ разъ нарушалась лаемъ собакъ и гикомъ и трубами охотниковъ, сгонявшихъ дикихъ козъ на потѣху 80-лѣтнему принцу-регенту, пріѣхавшему съ гостями въ старый зåмокъ на охоту.

На дорогѣ я наткнулась на ручную телѣжку, на которой лежали двѣ убитыя козы, свѣсивъ свои окровавленныя головы, съ пугливо-застывшими глазами... Около нихъ собралась кучка соболѣзновавшихъ прохожихъ, бранившихъ жестокость охоты.

— Король Людвигъ не любилъ охоты; онъ не сдѣлалъ по звѣрю ни одного выстрѣла!—съ гордостью проговорилъ кто-то.

Не удивительно, что люди изъ породы принца-регента, Люитпольда, этого хитраго интригана исподтишка, — могли признать сумашедшимъ идеалиста Людвига, свободное время отъ государственныхъ дѣлъ отдававшаго природѣ и искусству, а не кровавому спорту или разврату!

„Дѣятельность Людвига II была поразительна!“ писалъ Хейгель: „онъ вездѣ успѣвалъ, просматривая всѣ дѣла государства, слѣдя за всѣми работами по постройкѣ; самъ набрасывая планы; самъ изучая, научая и размѣряя, не пропуская ни одной мелочи. Давая серьезные совѣты въ серьезныхъ вопросахъ и въ планировкѣ сада“.

Впослѣдствіи, когда—какъ я писала вначалѣ этой главы—

„въ Берлинѣ рѣшили, что пора признать Людвига сумашедшимъ,— то въ возмутительно-нелѣпомъ актѣ объ его сумашествіи,—эта поразительная его дѣятельность и столь же поразительная память были признаны тоже за симптомы душевной болѣзни!!...

Но окончательно придрались къ тѣмъ тратамъ, что Людвигъ дѣлалъ на постройки своихъ дворцовъ, обвиняя его даже въ раззореніи страны. Между тѣмъ вотъ отзывы людей здраво смотрѣвшихъ на дѣло, не заинтересованныхъ въ постыдныхъ интригахъ.

„Правда, расходы на эти зàмки были велики,—пишетъ Меннель, въ своей книгѣ „Königsphantasien",—но если ихъ сравнить съ громадными суммами, которыя расходовались другими королями на женщинъ и на позорныя удовольствія, за что платили голодающіе подданные, то безумные капризы Людвига II вполнѣ простительны!"

„Мюнхенцы,—писалъ другой лѣтописецъ,—никогда не считалъ короля сумашедшимъ. Они знали объ его экцентричностяхъ и странностяхъ, но знали, что это не мѣшаетъ дѣламъ; и даже его расходы по постройкамъ зàмковъ не возбуждали ничьего негодованія, такъ какъ они не увеличивали налоговъ".

„Людвигъ II,—пишетъ Крёмеръ,—былъ въ полномъ смыслѣ слова „Majestät!" Его 22-лѣтнее царствованіе, съ твердостью его характера, съ его дѣятельностью и творчествомъ, должно быть такъ освѣщено, чтобы исторія и народъ видѣли, что въ эпохѣ его управленія не было ничего безполезнаго; и что всѣ памятники искусства, имъ созданные, должны прогремѣть по всѣмъ концамъ свѣта и стать гордостью Баваріи!"—„Въ этихъ зàмкахъ, замѣчательныхъ своею стильностью, видѣнъ тріумфъ художественнаго техническаго искусства,—говорилъ одинъ изъ близкихъ Людвигу людей:—и притомъ въ нихъ все, до мелочей просмотрѣно и провѣрено королемъ, задавшимся цѣлью воплотить идею красоты. Вездѣ былъ видѣнъ его изумительный художественный вкусъ и серьезное знаніе дѣла. Притомъ, по разсчету знающихъ людей, его феноменальные зàмки обошлись въ сущности недорого. Вы скажете: а тѣ долги, что король оставилъ? А развѣ эти 14 милліоновъ (марокъ), что король вложилъ въ искусство Баваріи, поднявъ его на высоту, не стоитъ ничего? Король постройками этихъ зàмковъ, полныхъ замѣчательными произведеніями искусства, далъ случай своимъ художникамъ на нихъ учиться и развивать свой вкусъ. Онъ вложилъ въ нихъ всѣ тѣ деньги, что ему оставались

отъ его скромной жизни. Одинъ серьезно образованный художникъ—ремесленникъ, говорилъ: „Если мы имѣемъ теперь художественное образованіе, если мы имѣли случай развить себя, и если баварское искусство достигло той степени совершенства, на которой оно стоитъ теперь,—то этимъ мы обязаны Людвигу II, этому идеальному королю, поднявшему насъ!“

Надо притомъ прибавить, что всѣ матерьялы, мраморы и прочее были туземные; рабочіе, мастеровые и художники—баварскіе, значитъ всѣ расходуемыя деньги оставались въ странѣ. Оставшіеся долги всѣ уже давно уплачены, и не пóтомъ баварскаго народа, а деньгами любителей искусства, несущихъ свою лепту за ихъ осмотръ. Теперь это уже стало доходной статьей государства. По разсчету, четыре зáмка, впродолженіи пяти, доступныхъ для осмотра ихъ, мѣсяцевъ,—выручаютъ около ста тысячъ марокъ; при чемъ баварскія жел. дороги, исключительно привозящія къ нимъ путешественниковъ, въ эти мѣсяцы выручаютъ полмилліона марокъ.

Коснувшись интересной личности короля Людвига II, можно говорить безъ конца; особенно по тѣмъ даннымъ, что мнѣ удалось собрать впродолженіи моихъ дальнѣйшихъ поѣздокъ въ Баварію. Но это все послужитъ содержаніемъ моей особой книги, долженствующей появиться въ свѣтъ; а пока я закончу наше путешествіе 1901 года поѣздкой изъ Баваріи на Вѣну—въ Крымъ, черезъ Кіевъ, который мнѣ пришлось видѣть въ первый разъ, гдѣ мы остановились на нѣсколько дней. Впечатлѣніе было въ высшей степени грандіозное, какъ въ отношеніи чудной мѣстности города, съ его величавой рѣкой, такъ и той священной старины, что онъ вмѣщаетъ. Поразилъ меня своей красотой и новый Владимірскій Соборъ; помимо чудесной его живописи, замѣчательный своей стильностью, которая далеко превосходитъ храмъ Спасителя въ Москвѣ, замѣчательный именно нестильностью.

XX.

Вернувшись осенью изъ Крыма въ Петербургъ, я всю слѣдующую зиму, помимо моихъ обычныхъ занятій въ моихъ обществахъ, преимущественно въ Женскомъ Обществѣ, которое процвѣтало, когда такъ пріятно было и писать для нашихъ литературно-музыкальныхъ вечеровъ, на которыхъ это и прочитывалось и читать во время работъ „Кружка на помощь дѣтямъ“, задавшись

цѣлью поближе познакомиться съ тѣми источниками, что касались Людвига II, обратила на то особенное вниманіе. Я много занималась въ Публичной Библіотекѣ, просматривая наши газеты и журналы 1886 г.—года кончины короля; я выписала много французскихъ историческихъ книгъ, вышедшихъ въ эту знаменательную эпоху, заранѣе запасшись въ Мюнхенѣ—нѣмецкими; а въ Маѣ мѣсяцѣ я уже одна поѣхала въ Баварію, въ которой въ сложности прожила три мѣсяца, изъ которыхъ шесть недѣль прожила въ Хохеншванау (Hochenschwangau), изучая особенно зàмокъ Neuschwanstein.

Я остановилась въ уютномъ отелѣ „Zum Zies'l", пріютившагося у самаго подъема по лѣсной дорогѣ къ зàмку, котораго я достигала въ полчаса тихой ходьбы. Лѣса кругомъ были чудные, да и вообще прогулки на всѣ вкусы и силы: и вокругъ озеръ, и въ долины, и въ горы. Я любила утреннія прогулки и рано выходила изъ дома. Встанешь въ шесть часовъ и широко распахнешь окно комнаты, выходившее прямо на зàмокъ Neuschwanstein. Солнце только что показалось изъ-за скалистой вершины Салинга, брызнувъ золотомъ на темную сосновую чащу, надъ которой паритъ чудный зàмокъ, смѣло уткнувъ въ блѣдное небо острыя крыши башенъ. Другое окно моей комнаты выходило на старый зàмокъ Hohenschwangau. Косые лучи солнца уже освѣщаютъ желтыя стѣны зàмка, подъ которыми онѣ, казалось, грѣлись, какъ старыя кости. По улицѣ мчатся экипажи туристовъ, отправляющихся на дальнія экскурсіи. Бодрыми шагами движутся, дружной толпой или парами, смѣлые горцы. Я выхожу изъ дому. Въ воздухѣ бодрящая свѣжесть. На травѣ еще сверкаетъ роса. Лѣсъ встрѣчаетъ меня ароматомъ. Тишина прерывается только щебетаньемъ птицъ... Иной разъ, пронесется и раскатится въ горахъ звонкая альпійская перекличка, — и вдругъ оборвется заметъ. И снова тишь, и ароматъ и свѣжесть; и яркая голубизна неба надъ вершинами горъ, въ расщелинахъ которыхъ бѣлѣется снѣгъ; зеленая гладь озера внизу, таинственный шопотъ лѣса и алый цвѣтокъ альпійской розы на обрывѣ...

По пословицѣ „на ловца и звѣрь бѣжитъ", мнѣ безпрестанно въ моихъ прогулкахъ приходилось встрѣчаться съ людьми и изъ народа и изъ общества, которые все болѣе и болѣе дополняли мои свѣдѣнія о Людвигѣ II; такъ что къ свѣдѣніямъ историческимъ я прибавляла устныя, часто болѣе вѣрно и мѣтко обрисовывавшія эту интересную личность. Нечего говорить о томъ, что я во-

шла въ дружескія сношенія съ управляющими зàмковъ, изъ которыхъ одинъ,—именно зàмка Бергъ, очень образованный господинъ, отецъ котораго былъ придворнымъ художникомъ при королѣ Максимиліанѣ, отцѣ Людвига, а онъ самъ—при самомъ Людвигѣ II и, зная его близко, преклонялся передъ его идеальной личностью, понимая всѣ происки и интриги его враговъ. Самая прислуга при зàмкахъ, эти ветераны, тоже знавшіе близко Людвига,—приисполнились ко мнѣ,—узнавъ мое благовѣніе къ памяти обожаемаго ими короля—такого вниманія и расположенія, что каждый разъ тоже дружески привѣтствовали мой приходъ въ зàмокъ, оставляя даже меня одну въ какой нибудь изъ излюбленныхъ мною комнатъ, неотстанно слѣдуя за другими посѣтителями; а при встрѣчахъ внѣ зàмка тоже очень многое могли поразсказать мнѣ, вполнѣ мнѣ довѣряя. Мнѣ пришлось даже сдѣлать очень интересное знакомство съ особой высшаго класса, занимавшей званіе статсъ-дамы при покойной королевѣ-матери Людвига II, которая, при своемъ обожаніи Людвига, будучи оставлена въ такомъ высокомъ положеніи и при новомъ дворѣ принца-регента, заставлявшемъ ее нѣсколько сдерживать свои порывы на большую откровенность,—все же могла кое что уяснить или подтвердить мнѣ... И вездѣ и среди всѣхъ, противовѣсомъ обожанія къ Людвигу—стояли ненависть къ Бисмарку и доктору Гудену и не совсѣмъ пріязненнымъ флеромъ была подернута личность принца-регента, напоминая мнѣ слова историка Bainville, въ его книгѣ: „Louis II de Bavière“: „Этотъ старикъ, со своими маленькими, блестящими хитростью, глазами подвижными ноздрями и съ иронической улыбкой на тонкихъ губахъ,—казалось съ самаго 1864 г. (годъ вступленія Людвига II на престолъ)—предугадывалъ, какая роль выпадетъ на его долю и употреблялъ все стараніе, чтобы его не забыли, стараясь, какъ можно болѣе быть на виду, вѣчно въ движеніи; подписывая иногда, на случай чего либо, нѣкоторыя бумаги даже раньше своего племянника и производившій всегда впечатлѣніе неизмѣнно старающагося сохранить мѣсто регента или короля“.

Страшно честолюбивый, всюду искавшій популярности, выставлявшій свое имя повсюду, гдѣ тому быть и не слѣдовало,—онъ жилъ мечтою получить это завидное „Majestät“,—но, не дождавшись его, предсталъ теперь передъ нелицемѣрнымъ Судіей, къ престолу котораго принесъ весь многолѣтній скарбъ своихъ подпольныхъ интригъ!..

Я очень люблю въ нѣкоторыхъ католическихъ странахъ, какъ Австрія, Тироль, Баварія эти „Via Crusis“,—крестный путь, Кальваріи, съ часовнями по всему пути и распятіемъ на верху этой Kalwarienberg. Очень хороша также Kalwarienberg со стороны стараго Фюссена, проложенная въ очень красивой мѣстности и съ которой можно было спуститься другой стороной къ Хохеншвангау, къ Schwan-see. Я, въ бытность свою въ этихъ мѣстахъ, не разъ побывала на этомъ пути, поднявшись до послѣдней высоты, на которой возвышается не распятіе, а три креста, съ которыхъ уже сняты тѣла. Видъ оттуда дивный; на всю мѣстность и на оба зáмка: Hohenschwangau и Neuschwanstein, тонущихъ въ зелени.

Здѣсь я тоже сдѣлала одно интересное знакомство, съ старикомъ, смотрѣвшимъ за чистотою дорожекъ; и, отдыхая, послѣ одного труднаго восхожденія, я усѣлась рядомъ съ нимъ на скамейкѣ. Само собою разумѣется, что разговорившись, дѣло коснулось короля Людвига II.

— Это былъ великій умъ и великое сердце!—торжественно проговорилъ старикъ. И онъ былъ большой философъ, потому что жилъ среди природы. Я видѣлъ его, какъ онъ здѣсь молился, въ Великую Пятницу, придя пѣшкомъ изъ Хохеншвангау. Молился на колѣняхъ у всѣхъ 14 станцій! Это онъ молился за насъ; и я всегда молюсь за него, потому что онъ былъ добрый!

И какъ такой отзывъ этой простой души, разнился отъ отзыва, найденнаго мной въ полной фальши книгѣ пастора Ламперта (Konig Ludwig v. Bayern—Pastor Lampert),—писавшаго о Людвигѣ II, что „по мѣрѣ того, какъ въ немъ развивалось его человѣконенавистничество (Menschenfeind), онъ рѣдко причащался въ торжественной процессіи въ придворной капеллѣ, но чаще всего въ какой нибудь деревенской церкви, неузнаваемый, въ скромной черной одеждѣ, среди другихъ прихожанъ...“ Мой придорожный сторожъ, старикъ, лучше оцѣнилъ молитву короля, вѣрнѣе понялъ ее, не даромъ тоже простой кучеръ, разъ везшій меня въ Байрейтѣ, съ экстазомъ заговоря о Людвигѣ, воскликнулъ:—Народъ любилъ его и понималъ, какъ и онъ любилъ и понималъ народъ. Только народъ его и понималъ!...

Коснувшись Байрейта, разскажу о моей туда поѣздкѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ на „Парсиваля“, что было замѣчательнымъ и незабвеннымъ событіемъ! Понемногу воспринимая въ себя музыку Вагнера, я тогда была уже завзятой вагнеристкой и, прослушавъ

уже всѣ—за исключеніемъ „Ріенци“,—даваемыя въ Европѣ его оперы, я мечтала теперь о возможности прослушать „Парсиваля“, дававшагося, какъ извѣстно въ одномъ Байрейтѣ, заручаться на что билетами нужно почти что за годъ до сезона, исполнявшагося тамъ черезъ годъ. Но судьба помогла мнѣ и здѣсь. Одна моя большая пріятельница, знавшая лицъ стоявшихъ близко къ администраціи театра, достала мнѣ билетъ, а другія знакомыя, бывшія передъ тѣмъ въ Байрейтѣ, направили меня туда, гдѣ я могла тамъ остановиться на два или три дня, что тоже не всегда достижимо, при огромномъ съѣздѣ.

Передъ тѣмъ я еще побывала въ старомъ городѣ Альтётингъ, баварскомъ „Лурдѣ“, куда стекается масса богомольцевъ къ чудотворному изображенію Богородицы, статуя которой была принесена туда первымъ крестильцемъ языческихъ франковъ, помѣщенная въ храмѣ, преобразованномъ изъ языческаго капища въ христіанскій. По изрѣченію Евангелиста Луки: „гдѣ наше сокровище, тамъ и наше сердце“,—этотъ храмъ, вмѣстившій въ себя чудотворное изображеніе Богоматери, сталъ непремѣннымъ вмѣстилищемъ сердецъ почившихъ властителей Баваріи. Тамъ же, въ золотой, изящной урнѣ, нашло покой и столько страдавшее сердце Людвига II, тѣло котораго погребено въ Мюнхенѣ...

Когда вы подъѣзжаете къ Байрейту, вамъ прежде всего бросается въ глаза его театръ, стоящій на самомъ высокомъ мѣстѣ, будто царя надъ городомъ, который пріютилъ его тогда, когда враждебные Людвигу члены парламента, будто задавшіеся цѣлью идти во всемъ наперекоръ его воли, не хотѣли его постройки въ стѣнахъ Мюнхена. Людвигъ могъ только вложить собственные 300 тысячъ марокъ въ постройку, для которой Байрейтъ отвелъ мѣсто, а жители, складчиной дополнили сумму. И этотъ театръ сталъ богатствомъ города, привлекая туда массу посѣтителей со всѣхъ концовъ міра; а впослѣдствіи принцъ-регентъ сумѣлъ найти деньги для постройки въ Мюнхенѣ того театра, для котораго при Людвигѣ, якобы, денегъ не оказалось, — буквально съобезьянничавъ съ Байрейтскаго театра и, какъ и во многомъ другомъ,—присвоивъ себѣ его имя. Пройдоха-старикъ извернулся и тутъ!

Мое помѣщеніе было не далеко отъ театра, къ которому, постепенно поднимаясь, вела широкая экипажная дорога, обсаженная густой аллеей, по сторонамъ которой или пѣшеходныя дорожки. Въ вечера представленій все это было унизано стройно двигавшимися экипажами и толпами пѣшеходовъ. Циклъ пред-

ставленій состоялъ всегда изъ четырехъ оперъ „Нибелунговъ",— „Парсиваля" и еще какой нибудь оперы. Начинался спектакль въ 4 часа пополудни, только „Золото Рейна", которое короче другихъ и притомъ идетъ цѣликомъ, безъ одного антракта,—начиналось въ 5 часовъ. Я, какъ и писала раньше,— имѣла билетъ на одного „Парсиваля", пріѣхавъ въ Байрейтъ днемъ раньше, чтобы не утомиться и прослушать его съ свѣжими силами. Театръ стоитъ на широкой площадкѣ; прямо раскинутъ цвѣтникъ съ фонтаномъ и съ красивымъ видомъ на весь старый, лежащій внизу, городъ. Тутъ же, въ сторонѣ два большихъ ресторана для желающихъ въ антрактахъ, которые довольно длинны, совершать свое питаніе. Начало представленія превозглашается не звонками, а фанфарами, громко трубящими, на каждомъ углу театра—лейбъ-мотивъ исполняемой оперы. Внутри театральная зала представляетъ сильно-приподнятый амфитеатръ, съ разгороженными мѣстами, цѣна которыхъ съ 1-го до послѣдняго ряда,—одна и та же (нынче 25 марокъ за каждое представленіе). Сзади одинъ рядъ ложъ. Боковыхъ мѣстъ нѣтъ совсѣмъ. Вмѣсто нихъ стройныя колонны, съ которыми гармонируютъ темныя полосы раздвижного занавѣса. Оркестра не видно,—онъ подъ сценой. За двѣ минуты до начала всѣ должны быть уже на своихъ мѣстахъ: позже не впустятъ никого до слѣдующаго антракта.

Часть свѣта спущена. Все затихло. Кажется могъ быть слышенъ полетъ мухи. Еще минута. Спущенъ и остальной свѣтъ. Откуда то, изъ какой то таинственной дали, прозвучали первые звуки оркестра, понемногу расширяясь, понемногу охватывая пространство, вскорѣ все заполнялось этими могучими звуками, уносящими васъ за собой въ невѣдомый міръ чудесныхъ грёзъ... занавѣсъ медленно раздвигается... Льются звуки не оперы, а дивной ораторіи, уносящіе духъ ввысь, въ міръ чуждый всего земного! Не буду разсказывать ни содержаніе этой чудной изъ легендъ, ни исполненія... Да исполненія и нѣтъ! Передъ вами, что-то совсѣмъ не отъ міра сего", какое-то священнодѣйствіе; тутъ нѣтъ ни театра, ни пѣвцовъ—вы не слушаете только, а молитесь всѣми фибрами вашего сердца.

Ни аплодисментовъ, ни повтореній, ни вызововъ... Герои и боги не расшаркиваются передъ публикой, сливающейся съ ихъ жизнью, ненарушаемой ни какой профанаціей. Очарованіе идетъ crescendo. Третій актъ—это одинъ восторгъ! Это расцвѣтаніе весны, съ расцвѣтаніемъ духа, проходящая дивной музыкальной

гармоніей,—это все одинъ божественный гимнъ, переполняющій душу умиленіемъ, невольно изливающимся слезами... И, наконецъ, послѣдняя сцена... Эти заключительные аккорды прямо льющіеся съ неба, вмѣстѣ съ потоками свѣта и бѣлоснѣжнымъ, тихо спускающимся голубемъ... Занавѣсъ тихо задвигается... Тутъ взрывъ аплодисментовъ, за которыми сцена опять открывается живой картиной послѣдняго дѣйствія и только! Очарованіе ничѣмъ не нарушимо...

На другой день еще оставшись въ Байрейтѣ, я прежде всего посѣтила могилу Вагнера, въ укромномъ мѣстѣ королевскаго сада, подлѣ его виллы, Wahnfried. Это простая каменная плита, вся покрытая плющемъ и вѣнками. На кладбище я посѣтила капелу съ могилой Листа, среди вѣнковъ которой, видѣла ленты и съ русскими именами его учениц.

Затѣмъ, вернувшись снова въ Хохеншвангау къ милому замку и милымъ мѣстамъ,—немного пожила тамъ и, черезъ Берлинъ проѣхала въ Крымъ, гдѣ закончила свое лѣто; а на слѣдующее я снова была въ Баваріи, заканчивая изысканія своихъ какъ историческихъ, такъ и устныхъ свѣдѣній о Людвигѣ II; къ которымъ, въ историческомъ отношеніи, прибавились двѣ, очень многое уяснившее,—записки его современниковъ, только что напечатанныя: одна въ Лейпцигѣ, а другая въ Цюрихѣ.

1) Die letzten Tage König Ludwig II.

2) Endlich völlige Klarheit über den Tod des König Ludwig II v. Bayern,—что тоже дополнило мои записки.

Въ этомъ, 1903, году я не долго прожила въ Баваріи, закончивъ лѣто въ Davoсѣ ди Пиза, а осенью во Флоренціи. Вернувшись въ Петербургъ, я надолго кинула тамъ якорь. Лѣто 1904 г.—годъ нашей несчастной японской войны, было такъ горько, что не тянуло никуда; и я провела его цѣликомъ въ Петербургѣ, отдавшись вполнѣ нашимъ усиленнымъ, совмѣстнымъ работамъ въ Женскомъ Обществѣ. Я въ то время была и членомъ Совѣта, и участвовала во всѣхъ Комитетахъ, и по работамъ для раненыхъ, которымъ мы отправляли цѣлые тюки, съ людьми полными довѣрія, какъ, напримѣръ, нашъ первый транспортъ, посланный съ почтеннымъ іереемъ церкви Св. Косьмы и Даміана; а затѣмъ съ нашими, отправлявшимися на мѣсто дѣйствія,—членами, вполнѣ отстранивъ отъ себя, не заслужившія довѣрія, заботы „Краснаго креста“.

Мы очень часто собирались на засѣданія, получая цѣлыми кипами благодарныя письма къ намъ солдатиковъ; нѣкоторыя

изъ которыхъ были въ высшей степени интересны содержаніемъ и изложеніемъ. Нашъ Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ А. Н. Шабановой, и съ такими дѣятельницами, какъ А. П. Философова,— работалъ такъ энергично, что работать съ ними было чистымъ наслажденіемъ! Чувствовалось, какъ у тебя крылья окрѣпали; и, въ этой совмѣстной работѣ, съ этими честными русскими женщинами, услаждалась та горечь, что разъѣдала русское сердце горькой обидой!..

А что за картины возставали иногда въ разсказахъ тѣхъ членовъ, что во время голодухи, забравъ наши, собранныя, по грошамъ,—крохи; именно: „съ міру по ниткѣ, голому рубашка“,— отправлялись на мѣсто особенно вопіющее, чтобы передать эти крохи стоящимъ въ „курсѣ дѣла“, лицамъ „власть имѣющимъ“, въ видѣ гвардейскихъ офицеровъ, получавшихъ за ихъ труды праведные, по десяти рублей въ день,—т. е. сумму могущую накормить цѣлую голодную семью, чуть не мѣсяцъ! И какъ эти, власть имѣвшіе люди, безцеремонно заявляли нашимъ честнымъ труженицамъ, что они поговорятъ съ ними на „пикникѣ“, куда отправлялись съ порядочнымъ запасомъ шампанскаго, на которое пошли, вѣроятно, не одни собранные съ міра грошики; также, какъ подъ благословеніемъ „Краснаго креста“, далеко не туда попадали всѣ тѣ громадные запасы, что сердечнымъ усердіемъ и чуть не послѣднимъ грошикомъ собирались на раненыхъ!..

Въ такихъ работахъ и съ скорьбью сердечной, прошла и зима и только лѣтомъ 1905 г. я поѣхала въ Крымъ, чтобы послѣднее лѣто провести со своими въ Наташинѣ, которое моя belle sœur, въ виду разныхъ возникавшихъ безпорядковъ и трудовъ управленія, — рѣшилась продать, — тѣмъ болѣе, что покупщикъ явился вполнѣ порядочный и притомъ богатый человѣкъ, пріобрѣтавшій имѣніе не для спекуляцій. Я не была привязана къ Крыму, очень скоро мнѣ, такъ сказать—пріѣвшемуся. Но я любила Наташино; послѣдніе годы нашего тамъ пребыванія, во все время выѣзжая за его ворота, только тогда, когда мы ѣхали къ Милютинымъ. Особенно опротивѣла мнѣ Ялта, — главное тонъ ея „наѣздной“ публики: эти дамы - авантюристки съ нахальными рожами ихъ спутниковъ,—татаръ въ расшитыхъ серебромъ курткахъ; какой то провинціальной мелюзги, съ претензіей на „бонтонность“ и ухарскими ухватками; съ новороссійскимъ жаргономъ и жидовскими физіономіями. Но всего болѣе мнѣ жаль было разставаться со стариками Милютиными.

Не теряя надежды встрѣтиться еще съ болѣе молодыми членами милой семьи, особенно съ Ольгой Димитріевной, часто пребывавшей въ Москвѣ и иногда заглядывавшей и въ Петербургъ я, не намѣреваясь болѣе посѣтить Крыма, прощалась съ ними навсегда. Грустно было наше послѣднее къ нимъ посѣщеніе и прощаніе. Димитрій Алексѣевичъ, по обыкновенію вышелъ проводить насъ на крыльцо. Послѣднее прощальное рукопожатіе, садясь въ экипажъ. Онъ взялъ мою руку въ обѣ свои руки и взволнованнымъ, дружескимъ голосомъ проговорилъ:

— Софья Ивановна, не говорите „прощайте!“ Скажите „до свиданья!“

Но свиданья больше не было. Я не была послѣ того въ Крыму, хотя постоянно имѣла свѣдѣнія о милыхъ жильцахъ Симеиза и изъ писемъ Ольги Димитріевны, и отъ, навѣщавшей Симеизъ, племянницы ихъ, Прасковьи Николаевны Милютиной, съ которой видалась зимою въ Римѣ. Зимой 1911 года, которую я приводила въ Петербургѣ, мнѣ пришлось увидѣться и съ Ольгой Димитріевной. Только-что вернувшись изъ Симеиза въ Москву, она пріѣхала въ Петербургъ на похороны своего двоюроднаго брата, Юрія Николаевича Милютина, и навѣстила насъ. Это было ровно за двѣ недѣли до кончины Димитрія Алексѣевича, котораго она оставила совсѣмъ молодцомъ, поражавшимъ всѣхъ, его навѣщавшихъ, бодростью и неослабѣвающимъ ко всему интересомъ; только жаловавшимся на то, что слабѣетъ зрѣніе и измѣняетъ слухъ; отказываясь завести очки, но читавшій и писавшій съ увеличительнымъ стекломъ. Про мать же она говорила, что та значительно ослабѣла. И вслѣдъ затѣмъ эта трогательная кончина обоихъ, не разлученныхъ и смертью!..

Такой мирной кончиной завершилась свѣтлая жизнь этого „рыцаря безъ страха и упрека“, не измѣнявшаго себѣ ни въ чемъ до конца своей долголѣтней жизни, лучшей эпитафіей которому служатъ слова: „Человѣкъ онъ былъ!“

XXI.

Эту зиму въ Петербургѣ, кромѣ моихъ прежнихъ занятій и посѣщеній засѣданій, собраній и лекцій, я посѣщала очень интересныя собранія Анны Александровны Каменской, знакомившія насъ, въ ея прекрасномъ чтеніи, съ различными статьями по Теософіи, большею частію, въ изложенію Mistress Энни Безантъ,

одной изъ представительницъ всемірной теософской ложи, а позднѣе и ея президента. Иногда эти собранія бывали на квартирѣ Анны Павловны Философовой, съ которой я, вообще, и помимо нашихъ общественныхъ дѣлъ, видалась довольно часто, посѣщая ее и вечеромъ, когда мы, уютно усѣвшись въ уголкѣ ея красной гостиной, много бесѣдовали по душѣ; иногда я ей читала кое что, мною написанное, что она очень любила; своей чуткой душой сочувствуя и полету моей фантазіи и моимъ воспоминаніямъ. Позднѣе, въ Петербургѣ, опредѣлился особый, независимый отъ всемірной ложи,—теософскій кружокъ, предсѣдательницей котораго была избрана А. А. Каменская, а А. П. Философова, вице-предсѣдательницей, и тогда собранія образовались уже на квартирѣ предсѣдательницы, въ опредѣленные для того дни.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ я снова уѣхала во Флоренцію; и заинтересованная уже теософіей, начала посѣщать, находившуюся тамъ теософскую ложу, подъ предсѣдательствомъ Кавалини, почтенной личности, страстно-преданной дѣлу, но не владѣвшей ни краснорѣчіемъ, ни чѣмъ либо выдающимися членами, посѣщавшими собраніе и не могшими внести въ нихъ интереса и оживленія. Интересъ проявился только во время посѣщенія Флоренціи Миссисъ Оклей-Куперей, одной изъ выдающихся членовъ всемірной ложи, пріѣхавшей во Флоренцію ко дню „бѣлаго Лотоса“ (дня смерти первой учредительницы, въ Америки, теософской ложи, нашей соотечественницы, Блаватской)—день (8/25 Мая Апрѣля), который празднуется всѣми теософскими ложами, посвященный памяти Блаватской. Собраніе было многолюдно и очень интересно докладомъ Миссисъ Оклей, говорившей очень краснорѣчиво и прочувствовано, хотя и не безукоризненнымъ итальянскимъ языкомъ. Сама докладчица, на рукахъ которой Блаватская въ Лондонѣ и „перешла въ лучшій міръ“,—была чрезвычайно симпатична! Въ ней было что то мягкое, обаятельное. Кромѣ своего доклада въ день „бѣлаго Лотоса“, въ этой залѣ, украшенной цвѣтами, окружавшими портретъ Блаватской, она дала еще пять очень интересныхъ конференцій, и кромѣ того, все время, что пробыла во Флоренціи, каждый день, часа два, можно было видѣть ее и поговорить съ ней о кое-какихъ интересовавшихъ васъ и требующихъ разъясненія предметахъ, въ цвѣтущемъ садикѣ Кавалини, въ домѣ котораго она остановилась; и эти бесѣды были очень пріятны и поучительны.

Пробывъ во Флоренціи почти до конца Мая и намѣреваясь,—

послѣ намѣченныхъ плановъ на лѣто,—остаться во Флоренціи и зиму, я, желая и тутъ внести свою „активную“ лепту, на пользу обездоленнымъ, присоединилась къ моему другу В. А. Высоцкой, посвятившей себя добрымъ дѣламъ. Тутъ я познакомилась съ итальянской бѣднотой въ разныхъ ея видахъ и съ разными учрежденіями—частной благотворительности,—пришедшими ей на помощь. Всѣ тѣ учрежденія, въ которыхъ мы работали, были подъ началомъ иностранокъ, — преимущественно — англичанокъ, всей душой отдавшихся дѣлу, служа ему и личнымъ трудомъ и матерьяльными средствами, какъ собственными, такъ и ревностно, черезъ ихъ посредство, добываемыми отъ сочувствующихъ дѣлу людей. Къ первому изъ такихъ я отнесу „Missione Medica“—Амбулаторія, учрежденіе которой всецѣло принадлежитъ Миссъ Теодорѣ Робертсъ, англичанкѣ, родители которой, люди съ хорошими средствами, переѣхали для здоровья во Флоренцію, еще во время дѣтства Теодоры, считающей Италію своей родной страной. Мать ея, женщина очень религіозная, по пріѣздѣ въ Италію, задалась цѣлью знакомить народъ съ Евангеліемъ, тогда еще, по запрету католическаго духовенства, не доступнаго совсѣмъ народу и, проповѣдывала его повсюду, гдѣ могла. Воспитанная въ такомъ же духѣ, Теодора съ 22 лѣтъ тоже отдалась пропагандѣ и въ 1879 г. открыла воскресную школу, а въ слѣдующемъ „Missione Medica“. Ея воскресная школа совершенно отличается отъ другихъ, раздѣленная на группы: дѣтей, взрослыхъ, даже стариковъ, опять таки раздѣленныхъ по поламъ. Каждой отдѣльной группой завѣдуетъ отдѣльный учитель или учительница.

Пріемъ больныхъ въ „Missione Medica“ бываетъ два раза въ недѣлю. Передъ началомъ каждаго пріема, также какъ и каждой бесѣды воскресной школы,—происходитъ „культъ“, состоящій въ чтеніи Евангелія и его толкованія, и пѣнія псалмовъ, подъ аккомпанементъ фисъ-гармоники. Ничего не можетъ быть трогательнѣй чтенія и толкованія самой миссъ Робертсъ! Когда она своимъ мягкимъ, кажется тамъ и созданнымъ для божественнаго слова, или слова утѣшенія,—голосомъ начинаетъ читать Евангеліе, а затѣмъ такъ просто и сердечно толковать прочитанное, съ особеннымъ чувствомъ произнося „Синьоръ Джезу“ (Іисусъ—„Signor Dezù“)—вамъ такъ и видѣться этотъ кроткій, весь исполненный любви и милосердія „Signor Dezù“, пришедшій главное именно для этихъ несчастныхъ тружениковъ, изможженныхъ нуждой и болѣзнями, что теперь впились глазами въ доброе лицо миссъ

Робертсъ. Что именно ихъ то язвы и должны уврачеваться Его словами! Медицинскія лекарства больные, которыхъ бываетъ до полутораста, взрослыхъ и дѣтей, получаютъ даромъ; но доктора и лекарства въ аптекѣ—оплачиваются изъ средствъ миссъ Робертсъ, или изъ взносовъ сочувствующихъ дѣлу лицъ; нѣкоторыя изъ которыхъ вносятъ и свой личный трудъ,—уча въ воскресной школѣ, дежуря при пріемѣ больныхъ и при раздачи пищи,—о чемъ буду говорить позже.

Чтобы закончить съ „Missione Medica“ прибавлю, что дѣти, освидѣтельствованныя докторами и признанныя нуждающимися въ лѣтнемъ морскомъ купаніи, въ продолженіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, въ числѣ 120, группами по 40 человѣкъ на каждый мѣсяцъ, отсылаются въ Viareggio, на берегъ Средиземнаго моря, подъ надзоромъ помощницы миссъ Робертсъ.

Столовая открыта при Амбулаторіи съ декабря и до Пасхи, два раза въ недѣлю. Ею каждый разъ пользуются отъ 60 до 80 человѣкъ. Она не безплатна. За обѣдъ, состоящій изъ прекраснаго супа, мѣрой въ двѣ кружки, большой порціи макаронъ и мяса, и цѣлаго круглаго бѣлаго хлѣба,—платятъ 10 сантимовъ ($3^1/_2$ коп.); полпорціи—5. Нечего говорить о томъ, что такой обильный обѣдъ не можетъ оплачиваться таки грошами, а доплачивается изъ средствъ Миссъ Робертсъ; но главная цѣль платы за него,—не дѣлать изъ рабочихъ тунеядцевъ, а заставлять, хоть что либо платить за свою ѣду. Передъ началомъ раздачи тоже происходитъ въ залѣ, гдѣ собрались бѣдняки,—культъ, состоящій изъ чтенія Евангелія, этотъ разъ не продолжительный, имѣя въ виду разгорѣвшійся къ 12 часамъ аппетитъ голодныхъ тружениковъ. Затѣмъ двери въ сосѣднюю комнату, гдѣ уже дымятся громадные котлы, съ бульономъ и макаронами,—растворяется и старая Эстире,—замѣчательно типичная итальянка, — начинаетъ зычнымъ голосомъ выкликать номера, на которые быстро появляются, со своими билетами и разнообразной посудиной, голодные субъекты. Одна изъ дамъ разливаетъ супъ, другая кладетъ макароны и мясо, третья раздаетъ приготовленное; четвертая выдаетъ хлѣбъ. Я состояла при разливаніи супа; и, признаюсь, старалась, какъ можно полнѣй наливать кружки, видя эти, жадно-устремленные, голодные глаза, на худомъ, иззябшемъ лицѣ! Иногда съ посудой посылали дѣтей, почти крошекъ; и больно было смотрѣть на эти худыя рученки, храбро хватавшія горячіе края металлической посуды! Нѣкоторые съѣдаютъ свой обѣдъ тутъ-же; и

тѣ, кто не имѣетъ своей посуды, получалъ пищу положенную въ каменные судки, принадлежащіе столовой, вмѣстѣ съ металлической ложкой, и все это, послѣ каждаго ѣдока, тотчасъ же въ кухнѣ перемывалось. По окончаніи раздачи по билетамъ, остатки пищи отдавались безплатно нѣкоторымъ приходившимъ бѣднякамъ. Больнымъ дома посылался бульонъ въ бутылкахъ.

Достойно замѣчанія, что всѣ эти, посѣщающіе то или другое учрежденіе, бѣдняки, католики, которые, слыша толкованіе Евангелія, преподаваемое имъ въ воскресной школѣ и на различныхъ „Культахъ", что они не слышатъ въ своихъ, католическихъ церквахъ,—понемногу перестаютъ ходить къ мессѣ, а нѣкоторые даже переходятъ въ протестанство. Католическое духовенство, конечно, не можетъ не знать о томъ; но, повидимому, при нынѣшней свободѣ вѣрованій въ Италіи, относится къ этому индиферентно; тѣмъ болѣе, что и въ городскихъ, государственныхъ школахъ, дѣтямъ совсѣмъ не преподаютъ Закона Божія, предоставляя заботы о религіи дѣтей—родителямъ, которые должны сами позаботиться о томъ, чтобы ихъ дѣти, посѣщая того или другого патера, были во время подготовлены къ конфирмаціи, а затѣмъ—причастію. Въ настоящее время въ Италіи церкви всѣхъ религій. Во Флоренціи я посѣщала церкви: методистовъ, баптистовъ, реформаторовъ, кальвинистовъ, къ которымъ относится и Вальдейская церковь,—„итальянскихъ кальвинистовъ".

Вотъ, въ помѣщеніи, принадлежащемъ къ церкви баптистовъ, собирается общество, подъ вѣдѣніемъ г-жи Fontanieux,—полу-француженки, полу-итальянки изъ Вальдезе, и ея комитета, имѣющее два отдѣла: 1) „Les amies des pauvres",—раздающее каждую недѣлю работу бѣднымъ женщинамъ и потомъ продающую ее по дешевой цѣнѣ преимущественно бѣднымъ работницамъ и 2) „Béthesda" (получившая свое имя отъ Евангельской Виѳезды), состоящее въ обмываніи каждую субботу бѣдныхъ дѣтей, уже отмѣченныхъ членами общества. Преимущество дается сиротамъ, или полу-сиротамъ; а также тѣмъ, чьи матери такъ заняты работой, что не могутъ слѣдить за чистотой дѣтей, или одинъ изъ родителей неспособенъ къ работѣ. Дѣти, обоего пола, принимаются туда до 12-и лѣтняго возраста. Мальчики, съ 10 лѣтъ обмываются за ширмами, находящейся при заведеніи, для стирки и топки, служанкой; остальныя дѣти—дамами членами. Крошки лѣтъ двухъ, приносятся матерями. Слово „обмывается" надо замѣнить словомъ „отскабливаются", отъ недѣльной грязи, каждый

ребенокъ въ отдѣльной ванночкѣ; при чемъ имъ смазываютъ мазью и бинтуютъ ихъ изъязвленныя ножки, явленіе худосочія, отъ дурного питанія главное отъ недостатка соли, даже въ хлѣбѣ, необходимаго продукта, слишкомъ для бѣдняковъ дорогого,—по причинѣ большой на соль пошлины. Это явленіе такъ обусловлено, что дѣтскіе доктора, въ больницахъ, всего чаще прописываютъ дѣтямъ просто поваренную соль, для пріема съ водой, какъ восполненіе ея недостатка въ крови ребенка. Жалость брала видѣть эти грязныя ноженки, съ язвами, еще болѣе разъѣдаемыми грязью, на худыхъ пальчикахъ! Бывало такъ осторожно берешь ихъ въ руки при обмываніи и потомъ передаешь въ нѣжныя, молодыя руки какой нибудь миссъ, накладывающей на нихъ мазь и бинты. Для мытья, на каждаго ребенка раздавались кусокъ мыла и грубо вязанная перчатка для намыливанія.

По выходѣ изъ ванны, дѣтей одѣвали во все чистое, грязную же ихъ одежду оставляли для стирки, къ слѣдующему купанью; при чемъ, наканунѣ, желающія изъ дамъ,—въ чемъ особенно нуждались и что я наиболѣе практиковала,—приходятъ чинить и штопать вымытую одежду, что представляло не малый трудъ; а совершенно не годная къ употребленію, замѣнялась новой, пожертвованной. Вымытыя дѣтки, собравшись вмѣстѣ, присутствуютъ при краткомъ культѣ и поютъ псаломъ, а затѣмъ имъ раздаютъ по большой чашкѣ горячаго бульона, изъ кухни миссъ Робертсъ, и по большому ломтю бѣлаго хлѣба.

Въ 20-хъ числахъ Мая 1906 г. я поѣхала опять въ Баварію, прямо въ Мюнхенъ, а 13 Іюня (нов. стиля) день смерти Людовика II была на торжественной заупокойной, обѣднѣ въ „Wotu-kirche“, на Штарнбергскомъ озерѣ, близъ зàмка Бергъ, гдѣ провела нѣкоторое время въ знакомомъ пансіонѣ; а затѣмъ снова пожила въ Хохеншвангау, опять таки въ уютномъ пансіонѣ „Zum Liesl“, часто навѣщая зàмокъ Neuschwanstein.

Между тѣмъ, имѣя билеты на весь циклъ Вагнеровскихъ оперъ, въ Байрейтѣ, которые мнѣ,—вмѣстѣ со своими,—еще зимой достала моя большая пріятельница Э. Г. Колпычева, я этотъ разъ была спокойна и тѣмъ, что она, бывъ на водахъ недалеко отъ Байрейта, обѣщала мнѣ, пріѣхавъ туда раньше, устроить съ помѣщеніемъ, что всегда представляетъ большія затрудненія. И точно,—въ концѣ іюля я могла выѣхать туда, прибывъ на все готовое, съ обширнымъ помѣщеніемъ и услугами дочери хозяйки, массивной Fraülein Elisé, угощавшей насъ по утрамъ кофе, а по

вечерамъ чаемъ, съ ветчиной и яйцами, но не могшей кормить насъ чѣмъ нибудь болѣе солиднымъ, что мы должны были доставать въ кое какихъ ресторанахъ, всегда переполненныхъ, откуда мы прямо ѣхали къ 4-мъ часамъ въ театръ. Впрочемъ Fraülein Elisè предложила намъ два раза обѣдъ изъ какихъ то несчастныхъ пѣтуховъ, чуть не временъ самого Вагнера, съ приправой изъ рисоваго клейстера, что не разожгло нашего аппетита на продолженіе такихъ обѣдовъ. Иногда мы заходили вечеромъ, въ кафѐ „Sammet“, -стѣны котораго были всѣ увѣшаны, портретами разныхъ знаменитыхъ артистовъ Вагнеровскихъ оперъ и ихъ трофеями; а тоже прекрасными портретами Людвига II, Вагнера и Листа. Тамъ собирались иногда артисты; играли, пѣли. Вообще остановка была симпатична. Прожили мы въ Байрейтѣ почти двѣ недѣли; въ свободные отъ спектаклей дни дѣлая поѣздки и за городъ: во дворецъ „Эрмитажъ“, съ огромнымъ паркомъ, въ старинномъ французскомъ стилѣ, съ фонтанами и разными причудами; загородное мѣсто „Fantaisie“. Была я на самой виллѣ „Wahnfried“, гдѣ на рояль, принадлежавшій Вагнеру положила,—по желанію M-e Wagner—пышный букетъ красныхъ розъ любимыхъ цвѣтовъ Вагнера, перевязанный лентами на одномъ концѣ, нарисовавъ сцену изъ „Парсиваля“ а на другомъ „Лоэнгрина“.

Надо сказать, что этотъ букетъ я думала положить на надгробную плиту Вагнера, но большая пріятельница M-e Вагнеръ, Глазенапъ, хорошая знакомая моей пріятельницы, посѣтивъ ее и познакомясь со мной, очень плѣнилась моей работой на лентахъ, выразивъ сожалѣніе, что ленты съ ней будутъ совсѣмъ испорчены подъ открытымъ небомъ. Ту же мысль раздѣлила и M-e Вагнеръ, когда Глазенапъ разсказала ей о моей работѣ и прислала просить меня, лучше положить мою работу въ сохраненномъ неприкосновенно кабинетѣ великаго композитора, что я и исполнила, получивъ благодарное письмо M-e Вагнеръ. Позднѣе я слышала, что ленты эти, снятыя съ завядшаго букета, сохраняются у портрета Вагнера.

Упомянувъ объ этой работѣ, прибавлю, что работы съ моими рисунками на атласѣ, находятся—въ формѣ „пелены“,—во всѣхъ молельняхъ дворцовъ Людвига II на его prie-Dieu, также, какъ на алтаряхъ тѣхъ церквей, съ которыми связано его имя, какъ и на лентахъ вѣнковъ, положенныхъ на его гробницу въ склепѣ „Michael Kirche“ въ Мюнхенѣ, куда я имѣла постоянный доступъ.

Эти рисунки даже заслужили громкое одобреніе въ Мюнхенскихъ нѣмецкихъ газетахъ.

Перейдя къ нашимъ спектаклямъ, скажу, что они принесли намъ массу наслажденія! „Нибелунги“ шли четыре дня подъ рядъ. „Золото Рейна“ началось въ 5 часовъ пополудни и шло цѣликомъ, безъ антракта, болѣе двухъ часовъ; но мы забыли не только усталость, но готовы были по окончаніи—начать сначала! Съ перваго звука, подводнаго звука, протяжно и гулко, дрожавшаго въ холодныхъ, зеленыхъ волнахъ,—вы какъ-бы сами окунались въ эти волны, пронизанныя страннымъ, мрачно-сверкавшимъ, свѣтомъ, въ эти волны, въ которыхъ до поразительной обманчивости, граціозно извиваясь легкими одеждами,—не снабженныя неуклюжими рыбьими хвостами,—скользили игривыя дочери Рейна. А далѣе—моя любимая, изъ оперъ трилогіи, „Валькирія, съ ея дивнымъ, любовнымъ дуэтомъ 1-го акта, этой чудной поэмой любви, озаренной луннымъ сіяніемъ... Съ геройскимъ Зигмундомъ и нѣжной Зиглиндой, съ величавой Брунгильдой и могучимъ Вотаномъ, прекраснымъ басомъ—Bertram. Этотъ драматичный дуэтъ, отца и дочери, затѣмъ вся могучая эпопея воинственныхъ Валькирій и чудесное усыпленіе среди огня, согрѣшившей Валькиріи... А тамъ—„Зигфридъ“—(сильный теноръ Krauss) этотъ наивный герой, съ его орлинымъ полетомъ; „рыцарь безъ страха и упрека“, не знавшій препонъ своей отваги; а потомъ,—„Гибель боговъ“,—(невѣрный переводъ „Götterdämmerung“: не погибшихъ, а затемнѣнныхъ „сумерками“—боговъ), эта дивная, музыкальная эпопея,—какъ это все переносило насъ изъ однаго упоительнаго сна въ другой, чудесный, чуждый всего земного, въ какой то міръ чудесъ, населенный существами, сотканными изъ могучихъ, какъ фантазія,—звуковъ, далеко отъ нашей сѣренькой, будничной жизни, въ которой мы копаемся, какъ въ болотной тинѣ, по словамъ сказки: „хвостъ вытащитъ—носъ увязнетъ; носъ вытащитъ—хвостъ увязнетъ...“ Кичась своимъ насильно притянутымъ реализмомъ, боясь отрезвленія, какъ всего уносящаго въ небо!

Послѣ спектаклей „Нибелунговъ“, одинъ день давался отдыхъ для исполнителей и слушателей, а затѣмъ два дня подъ рядъ шли сначала „Тристанъ и Изольда“, а затѣмъ—„Парсиваль“. Нечего и говорить о превосходномъ исполненіи обѣихъ оперъ, въ первый изъ которыхъ чудесной Изольдой была Witig, которой я первый мой пріѣздъ въ Байрейтъ, восхищалась въ ролѣ Кундри

въ „Парсивалѣ“. Парсиваломъ этотъ разъ предсталъ совсѣмъ молодой артистъ Alois Hadwiger, своимъ молодымъ порывомъ, свѣжестью и страстной чуткостью,—вполнѣ олицетворявшій „святого простеца“. Прослушанная и прочувствованная вторично, опера произвела на меня еще болѣе сильное впечатлѣніе; и когда занавѣсъ въ послѣдній разъ закрылъ сцену, съ которой на насъ, впродолженіи этихъ шести, прослушанныхъ нами оперъ, излилось столько музыкальныхъ звуковъ, воплотилось передъ нами, столько не будничныхъ, мелкихъ героевъ,—стало и грустно, и обидно снова залѣзть въ наше, лишь временно покинутое, болото!

Простившись съ моей милой сожительницей Э. Г. Колпычевой, съ которой вмѣстѣ пережили столько хорошаго,—я вернулась къ замку Бергъ и пробыла тамъ, въ этой идилліи, дня три, отдавшись снова воспоминаніямъ о королѣ—идеалистѣ, прекраснымъ бюстомъ котораго я любовалась въ Байрейтѣ и въ цвѣтникѣ виллы Вагнера—Wahnfried,—и въ гротѣ, обвитомъ зеленью, салонѣ при театрѣ. Тутъ, около зàмка Бергъ, въ этой идиллической, хотя и проникнутой драматизмомъ, тишинѣ, гуляя по тропинкѣ, вдоль озера, я все прислушивалась: „о чемъ шепталъ надъ озеромъ тростникъ“, мечтая подслушать разгадку неразгаданнаго... И разъ, именно вечеромъ дня, посвященнаго памяти идеалиста страдальца, наткнулась на сцену, полную поэтической и трогательной красоты. Еще издали, я замѣтила лодку у того мѣста, на которомъ,—по предположенію,—утонулъ король, что и обозначено надписью на шестѣ, запрещая это мѣсто для купанья. Подвигаясь ближе, я разсмотрѣла, что въ лодкѣ сидѣла дама, подъ голубымъ вуалемъ, а другая, вмѣстѣ съ лодочникомъ, что то устраивали, низко слонившись къ водѣ.

Не желая имъ мѣшать, я, въ нѣкоторомъ разстояніи, остановилась. Замѣтила ли меня дама, сидѣвшая въ лодкѣ, или работа была окончена, но, работавшіе усѣлись на мѣста, весла дрогнули и лодка двинулась по озеру, освѣщенному послѣдними лучами, готовою юркнуть за холмомъ,—солнца. Давъ имъ время немного отъѣхать, я подошла къ берегу... На томъ мѣстѣ, гдѣ работали, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега, на тихой глади озера, лежалъ большой крестъ изъ зелени, розъ и эдельвейса; лежалъ, едва колыхаясь на поверхности, должно быть, легкій по своему составу, вѣроятно изъ пробки, но твердо утвержденный на якорѣ... Via crussis!.. Крестный путь страдальца-короля... Крестъ, донесенный имъ до могилы! Кто была эта дама, подъ голубой вуалью, украд-

кой пріѣхавшая къ скорбному мѣсту, со своимъ даромъ? Кругомъ теперь не было никого. Тишь. Только гдѣ-то щелкнулъ соловей...

Скрылось солнце... Подъ легкою мглою
Вдаль таинственно лодка спѣшитъ...
Лишь надъ темной, холодной струею.
Алый крестъ неподвижно лежитъ...

Пріѣхавъ сюда, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отсутствія, я нашла крестъ на томъ же мѣстѣ, не поврежденнымъ, не оторваннымъ, несмотря на бываемыя на озерѣ сильныя волненія. Розы облетѣли, но неувядаемая зелень держалась также крѣпко, какъ память о дорогихъ людяхъ!... Я случайно, въ самомъ городѣ Штарнбергѣ, гдѣ остановилась передъ поѣздкой въ Мюнхенъ, узнала объ этой дамѣ, такъ и извѣстной подъ именемъ „дамы подъ голубой вуалью", часто отправляйшейся въ лодкѣ, со своей компаньонкой, къ зàмку Бергъ, аристократка, когда то придворная дама, тоже любившая красавца-короля при жизни и не измѣнившая своей любви и послѣ его смерти...

Въ половинѣ августа я пріѣхала въ Марину-ди-Пиза, заранѣе списавшись съ друзьями, уже построившими себѣ тамъ небольшой домъ (впослѣдствіи разросшійся, съ присоединеніемъ другого отдѣльно), вмѣщавшій пока немногихъ; такъ что для меня помѣщеніе было въ другомъ, очень хорошемъ пансіонѣ, „Minerva",—подлѣ. Очень я была рада найти и мою любимицу Мери, которая оставалась на зиму во Флоренціи, гдѣ и я рѣшила провести зиму. Туда я и отправилась раньше всѣхъ, именно въ началѣ сентября съ Альбини и пріѣхавшей belle soeur В. А. Высоцкой. Въ половинѣ сентября въ пансіонъ пріѣхали Князья Волконскіе, отецъ и сынъ. Отецъ, Михаилъ Сергѣевичъ (бывшій товарищъ министра народнаго просвѣщенія), сынъ декабриста, связаннаго большой дружбой съ декабристомъ Поджіо, отцомъ В. А. Высоцкой, что соединило дружески и ее съ семействомъ Волконскихъ, особенно съ Михаиломъ Сергѣевичемъ, каждую весну и осень, передъ поѣздкой на зиму въ Римъ, навѣщавшій В. А. во Флоренціи. Старшій сынъ М. С.,—Сергѣй Михайловичъ, былъ (если не ошибаюсь, въ концѣ девяностыхъ годовъ)—Директоромъ Императорскихъ театровъ. Человѣкъ очень культурный, любившій и понимавшій искусство, онъ сразу внесъ свѣжую струю въ затхлый воздухъ театральной сферы и могъ бы быть иниціаторомъ новой

эры, подчистивъ театральное болото отъ расплодившихся въ немъ вредныхъ бактерій. Но человѣку имѣвшему цѣлью только искусство, а не личную выгоду, а при томъ не умѣвшему и не хотѣвшему ходить на заднихъ лапкахъ, такая борьба оказалась не подъ силу. Его порядки равномѣрной справедливости, оказались не у мѣста тамъ, гдѣ царило полное безправіе для лицъ, имѣвшихъ сильныя зацѣпки: оставалось уступить или уйти... Князь Волконскій сдѣлалъ послѣднее и черезъ два года взялъ отставку... Объ исторіи его ухода,—что огорчило людей любившихъ искусство и сочувствовавшихъ его успѣхамъ,—ходили слухи и тогда; позднѣе, я слышала всѣ подробности этого ухода отъ лицъ, очень близко стоявшихъ къ дѣлу. Прошлую зиму, во время нахожденія князя С. М. Волконскаго въ Петербургѣ, гдѣ онъ являлся блестящимъ ораторомъ, въ стѣнахъ Академіи Художествъ, на ея съѣздѣ,—и какъ докладчикъ и какъ товарищъ предсѣдателя, графа Сюзора,—о немъ вспомнили, заговорили и принялись писать. И вотъ между прочимъ, очень мѣтко объ этомъ уходѣ, напомнила статья газеты „Голосъ Земли“. Коснувшись нѣкоторыхъ весьма полезныхъ для искусства и артистовъ распоряженій князя Волконскаго, во время его директорства,—артистовъ привыкшихъ къ полной, во всѣхъ отношеніяхъ,—„нонгалантности“,—авторъ прибавляетъ: „Артисты такія указанія считали дерзостью, полагаясь болѣе на силу „глотки“, чѣмъ на интеллигентность игры... „Нутро“ актеровъ, глотка пѣвцовъ и пируэтъ балерины побѣдили Князя Волконскаго. Онъ пробовалъ бороться, пируэты не сдавались—Волконскій проявилъ настойчивость и ушелъ по своей волѣ. Вотъ та лучшая, почетнѣйшая страница изъ жизни С. М. Волконскаго“.

Оба Волконскіе, отецъ и сынъ, чрезвычайно „породистые“. Оба очень красивые, въ высшей степени воспитанные, съ чисто аристократическимъ пошибомъ. Старикъ очень любезный и разговорчивый; сынъ—очень сдержанный. Я не умѣла точно объяснить въ немъ эту сдержанность, то казавшаяся скромностью, то гордостью. Очень культурный, многосторонне образованный, онъ въ противоположность людямъ, старавшимся при знаніи A—b—c,—увѣрить, что они знаютъ не только v, но даже w, не только не старался показать, что его знанія простираются чуть не до z, но бросалъ ихъ, будто насильственно проскользнувши,—что и имѣло видъ гордости. Очень, вообще, талантливый, прославившійся своими актерскими способностями на домашнихъ спектакляхъ трило-

гіи Алексѣя Толстого; превосходный ораторъ и чтецъ, онъ въ то время много занимался музыкой, какъ піанистъ, при силѣ виртуозности, много вкладывая въ свою игру, изящества и вкуса. Было очень пріятно, впродолженіи этихъ трехъ, проведенныхъ ими въ пансіонѣ, недѣль, слышать его прекрасную игру, которой онъ посвящалъ много часовъ, начиная съ утра, когда я, сидя въ своей комнатѣ, рядомъ съ салономъ, гдѣ стоялъ его инструментъ, могла рисовать подъ эту игру.

Наступившая осень, а затѣмъ и зима, проведенная мною во Флоренціи, были переполнены разнообразными занятіями и свиданіями, и съ пріѣзжавшими на время, изъ Петербурга, моими знакомыми и проводившими зиму во Флоренціи. Познакомилась я съ нѣсколькими очень милыми особами: княжной Трубецкой, А. Н. Иваненко, А. А. Венкстернъ, писательница, много помѣщавшая въ жуналѣ „Нива“, подъ псевдонимомъ „Стернъ“. Часто возникало мое имъ чтеніе, къ которому присоединялась и дорогая Мери.

Надо сказать, что въ моей литературѣ проявился тогда новый, еще не практиковавшійся мною, стиль. Послѣднее время я, вообще позабросила свою литературу. Изъ дѣтской, ужъ бывшей въ печати, я составляла только сборники, которые сталъ мнѣ издавать московскій издатель—Сытинъ. Писала я новое только для вечеровъ „Музыкально-Литературнаго“ кружка при Женскомъ Обществѣ, въ видѣ біографій великихъ міра сего, да для чтенія въ кружкѣ „на помощь дѣтямъ“. А этой осенью, фантазія моя пробудилась, создавъ рядъ небольшихъ разсказовъ,—какъ бы „Новеллъ“—бо́льшею частью съ поэтическимъ или фантастическимъ оттѣнкомъ; написанныхъ прозой, но, въ мѣстахъ требующихъ подъема,—переходящихъ въ бѣлые стихи, что придавало особенный характеръ. Иногда эти новеллы и легенды уступали мѣсто „былинамъ“, которыя я писала особеннымъ слогомъ старинныхъ русскихъ былинъ.

Но, помимо полета фантазіи, я много работала на совершенно реальной почвѣ, продолжая „отскабливать“ грязь съ итальянскихъ чернышей въ кружкѣ Веѳезды и раздачи супа въ „Missione-Medica“, къ которымъ еще присоединилось посѣщеніе съ В. А. Высоцкой одной частной богадѣльни старухъ и убѣжища „исправляющихся преступниковъ“. Ничто не могло быть оригинальнѣе этого убѣжища, созданнаго молодой и очень красивой дѣвушкой, французской швейцаркой, André, дочерью умершаго пастора,

взявшую на себя непосильную,—какъ оказалось впослѣдстіи,—ношу! Она задалась цѣлью брать на поруки изъ тюрьмъ, и малолѣтнихъ, и взрослыхъ преступниковъ, пойманныхъ на кражѣ. Поддержанная нѣсколькими лицами, она, взявъ ихъ на поруки, до срока ихъ содержанія въ тюрьмѣ, помѣщала у себя, давая имъ пристанище и пищу, и доставая кое какой заработокъ и внѣ дома, послѣ котораго они въ 8 ч. вечера должны были возвращаться домой. Вліяніе на нихъ этой дѣвушки было таково, что эти,—какъ мы ихъ называли „вагабоны", привыкшіе къ безшабашной, уличной жизни, не разъ сидѣвшіе въ тюрьмѣ,—вполнѣ ей покорялись, скромно возвращаясь въ назначенный часъ, не заводя дома межъ собой ссоръ; и она жила одной съ ними жизнью, дѣля съ ними ихъ грубую пищу и не запирая на ночь дверь своей спальни, показывая на сколько она довѣряла этимъ, уже сильно искупленнымъ жизнью, „вагабонамъ"... Но, увы, это вліяніе было только палліативомъ, пока прелестная дѣвушка жила съ ними; пока она, уже имѣвшая зародышъ тяжкой болѣзни, развившейся при этой непосильной жизни, не умерла, и всѣ добрыя сѣмена посѣянныя ею и казавшіяся готовыми къ добрымъ плодамъ, не заглушились плевелами, сильнѣе ихъ уже укрѣпившимися въ этихъ испорченныхъ натурахъ!...

Вотъ къ этимъ то „вагобонамъ", мы съ В. А. и Мери ходили разъ въ недѣлю, по вечерамъ, чтобы давать имъ часокъ пріятнаго развлеченія послѣ работы, читая имъ вслухъ и играя съ ними въ разныя, купленныя нами игры, какъ: гусекъ, лото и пр., къ которымъ, кромѣ мальчиковъ, охотно присоединялись и взрослые.

Очень заинтересовали ихъ тоже посѣщенія „Салютистовъ"—членовъ „Арміи спасенія", посылаемые изъ Лондона, гдѣ находится ихъ главное управленіе, по разнымъ государствамъ; преимущественно въ Швейцарію и Италію, къ бѣднякамъ, требующимъ матеріальной или нравственной помощи. Они ходили и въ богадѣльню, къ старухамъ, присоединяясь къ ихъ молитвенному культу, съ чтеніемъ Евангелія и пѣніемъ псалмовъ; и особенно много вносили они освѣженія въ кружокъ темныхъ „вагобоновъ", быть можетъ впервые, въ словахъ ихъ псалмовъ, слышавшихъ имя Бога!

Мы, на Рождествѣ, принимали участіе въ шести, устраиваемыхъ для разныхъ учрежденій, ёлокъ; перенося съ одной на другую, скромныя, самодѣльныя украшенія, приготовляя разные подарочки и одѣвая простыя куклы; и какъ много радости прино-

сили эти ёлки и старухамъ и дѣтямъ, которыхъ, послѣ того кормили, давая или кофе со сдобными булками, или макароны и мясо „Вагабоны“ тоже имѣли ёлку, большинство изъ которыхъ видѣло ее въ первый разъ. Послѣ раздачи подарковъ, ихъ еще накормили просто царскимъ ужиномъ! Но самой интересной была ёлка въ маленькой школѣ самотистовъ, помѣщавшейся въ одной изъ захолустныхъ улицъ-щелокъ, близъ Порте-Романо, куда мы отправились съ В. А. Высоцкой, конечно—днемъ. Дойдя до чего то невообразимо-чернаго, носящаго имя дома, и до черной дыры называвшейся входомъ,—мы, сначала куда то провалились, а затѣмъ, по совсѣмъ темной лѣстницѣ, взобрались въ полу-темную кухню, изъ которой прошли въ небольшую классную комнату, въ одномъ изъ двухъ оконъ которой не доставало стекла и декабрскій вѣтеръ свободно разгуливалъ по комнатѣ.

Когда вся школьная мелюзга разсѣлась на скамьи, поставленныя передъ ёлкой, торжество началось пѣніемъ псалмовъ, сначала хоромъ, а потомъ solo; при чемъ solo исполнила дѣвочка трехъ лѣтъ, поставленная для того на стулъ. Вполнѣ безукоризненно исполнивъ свое solo, она, поощряемая одобрѣніемъ, принялась пѣть одно за другимъ все, что знала, не стѣсняясь содержаніемъ пѣсенъ, часто не имѣвшихъ ничего общаго съ псалмами!

Такъ прошла зима, и съ февраля подуло весной; завязались почки на бѣлой акаціи и павлоніи; въ зеленой травѣ парка „Кашинэ“ появились блѣдно-лиловые крокусы, уступивъ затѣмъ мѣсто фіалкамъ, скромно благоухавшимъ вамъ навстрѣчу. Въ половинѣ марта, мы съ В. А. Высоцкой, Мери и одной знакомой—поѣхали въ Римъ, воспользовавшись, по случаю какой то выставки, неимовѣрно дешевымъ проѣздомъ и пробыли тамъ недѣли двѣ. Я въ первый разъ остановилась въ пансіонѣ, управляемомъ Альбини, большемъ чѣмъ во Флоренціи, на площади Кавуръ, съ широкимъ видомъ но зàмокъ Св. Ангела, Храмъ Св. Петра и съ цѣпью горъ на заднемъ планѣ, съ зеленью Ватиканскихъ садовъ на ближайшихъ склонахъ. Большимъ удобствомъ была и находившаяся въ томъ же домѣ, внизу, русская церковь.

Коснувшись этой убогой церкви, пріютившейся въ частномъ домѣ, внизу, значитъ имѣя надъ собой нѣсколько этажей жилыхъ помѣщеній, съ могущими быть тамъ и балами, и пирами,—что не представляетъ достойнаго для храма, положенія, она служитъ образцомъ той неумѣлости и безтактности, что такъ свойственна нашей апатичной, часто „приниженной“, славянской натурѣ! Гдѣ

бы какъ ни въ Римѣ, главномъ гнѣздѣ католичества, слѣдовало намъ, „схизматикамъ", которыхъ оно всегда готово принизить,— имѣть достойный нашей религіи храмъ; отдѣльный, богатый храмъ, на бойкомъ мѣстѣ, съ внутреннимъ благолѣпіемъ и превосходнымъ хоромъ пѣвчихъ, какимъ, вообще, обладаетъ Флоренція, привлекая много интересующихся и видомъ храма и прекраснымъ въ немъ пѣніемъ,—итальянцевъ? И никому, изъ засѣдающихъ въ Святѣйшемъ Синодѣ Отцовъ, начиная съ Святѣйшаго Оберъ-Прокурора,—не придетъ въ голову такая простая мысль; и въ папскомъ Римѣ, наша убогая церковь, приниженно жмется, въ уголочкѣ, на ряду съ кофейными и пивными, въ чаяніи движенія, уже слишкомъ застоявшейся и даже подернутой тиной,—воды!..

За то, какъ хороши римскіе храмы, даже вновь воздвигаемые, какъ напримѣръ, недавно построенная рвеніемъ Кардинала Раммоли маленькая церковь Св. Цициліи, въ захолустьѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ ея домъ, теперь слегка реставрированный, свято сохраняя нѣкоторыя изъ хорошо уцѣлѣвшихъ комнатъ. Что за прелесть эта церковь! Съ ея дивными мозаиками, легкими, будто воздушными, колонками и чудной гробницей самой святой! Я пріѣхала какъ разъ къ ихъ страстной недѣлѣ, этотъ годъ на нѣсколько недѣль раньше нашей, и я посѣщала ихъ храмы, съ прекраснымъ пѣніемъ, которое было особенно хорошо за вечерней, въ пятницу, въ храмѣ Св. Петра, гдѣ пѣли знаменитые папскіе пѣвчіе „Miserere", съ музыкой Палестрины, въ таинственномъ полу мракѣ, съ поочереди даже гасимыми свѣчами на престолѣ Св. Петра, гдѣ остается лишь одна свѣча семисвѣчника...

Весна стояла въ полномъ расцвѣтѣ и я дѣлала дальнія прогулки, особенно отдаваясь Риму античному, съ его неувядаемой и не пріѣдаемой—красотой! Сколько опять высокихъ духъ проносилось въ головѣ, на святыхъ развалинахъ Колизея; сколько вставало картинъ прошлаго, среди оплетенныхъ весенней зеленью стѣнъ дворцовъ Цезарей, надъ которыми томно треллилъ соловей...

Вернувшись во Флоренцію, я вскорѣ же поѣхала въ Баденъ-Баденъ, гдѣ уже была моя belle soeur Мальвина, съ племянницей Машей,—чтобы съ ними провести нашу Пасху. Простившись на станціи, съ провожавшей меня Мери, я и не предчувствовала, что прощаюсь навсегда съ этой чудной душой, вскорѣ отлетѣвшей туда, гдѣ и была ея настоящая отчизна!.. Безъ меня она уѣхала въ Бернъ, гдѣ „знаменитый" Кохеръ произвелъ надъ ней ту неудачную операцію, которая свела ее тамъ, въ могилу...

Баденъ-Баденъ лежитъ весь въ зелени, на фонѣ тоже лѣсистыхъ горъ, въ которыхъ всюду стелются прекрасно отдѣланныя дорожки, приводящія къ разнообразнымъ прогулкамъ. Отель, въ которомъ остановилась Мельвина и гдѣ остановилась, по пріѣздѣ, и я, былъ очень комфортабельный, хотя и дорогой. Мы дѣлали вмѣстѣ интересныя поѣздки въ экипажѣ: къ развалинамъ стараго зàмка; къ Neu-Schloss, къ Wasserfall, къ Fischkultur; въ лѣсъ, къ озеру. Дѣлали большія горныя прогулки вдвоемъ съ Машей, отыскавъ и Виллу Тургенева, теперь хотя и проданную, но еще хранящую на рѣзныхъ воротахъ его имя. Справили Пасху, даже найдя тамъ всѣ ея съѣстные продукты, а затѣмъ я снова вернулась во Флоренцію.

Вскорѣ туда пріѣхали Волконскіе, теперь уже втроемъ, съ дочерью стараго князя, княжной Маріей Мих., такой же породистой, красивой и обаятельной. Въ половинѣ іюня мы пріѣхали въ Марину, и я поселилась уже на дачѣ Высоцкихъ. Этотъ разъ я болѣе познакомилась съ Мариной, особенно съ ея прекраснымъ лѣсомъ (Пинетой), обдававшимъ бальзамическимъ, запахомъ хвои и нѣжнымъ ароматомъ цвѣтовъ „джинестромъ“ (испанскій дрокъ), сплошь покрывшихъ, будто золотомъ, желтыми цвѣтами, кусты. Особенно изучила я лѣсъ благодаря моему знакомству, съ жившей у насъ въ пансіонѣ, молодой, русской дамой, Розоновой и ея дѣтямъ: Юрѣ и Манѣ, съ которыми скоро сошлась. Мы навѣщали всѣ эти укромныя мѣстечки, окрещенныя дѣтьми названіемъ: „Бабы-Яги“, „Лѣшаго“, гдѣ мы уютно усаживались послѣ ходьбы, при чемъ не обходилось безъ моихъ сказокъ, въ которыхъ всего болѣе фигурировали гномики эльфы. Особенно намъ нравился,— напоминая русскую деревню, бережокъ очень узкаго здѣсь притока Арно, густо поросшій кустами, прилегавшій къ домику, занимаемому старымъ рыбакомъ (который собственно и получилъ наименованіе „Лѣшаго“). Красивый старикъ охотно пускался въ бесѣду, говоря чудеснымъ итальянскимъ языкомъ, съ краснорѣчіемъ оратора. Пріятное знакомство представилъ и жившій у насъ въ пансіонѣ отставной генералъ Альбедиль, однокашникъ по корпусу, моего брата, хорошо его знавшій и достойно цѣнившій, человѣкъ очень умный, начитанный, съ юморомъ; вообще пріятный собесѣдникъ и въ прогулкахъ, совершая ихъ съ нами и въ пинетѣ, охотно вступая въ разговоры и съ нашимъ „Лѣшимъ“, когда тотъ любезно приносилъ на берегъ скамейку и тоже присаживался, попыхивая, полученной отъ генерала, сигарой.

Къ сожалѣнію, пребываніе въ Маринѣ омрачилось получен-

ными неблагопріятными вѣстями изъ Берна, о здоровьи Мери, съ которой тамъ была мать, а затѣмъ и Альбини; и наконецъ, въ началѣ іюля, пришла вѣсть объ ея кончинѣ. Нечего и говорить о нашемъ общемъ горѣ! Я искренне любила эту чудную личность, съ перваго знакомства вошедшую въ мое сердце, которое находило въ ней столько теплаго сочувствія, которое такъ чутко откликалось на многое мнѣ дорогое! Особенно насъ сблизила та зима, которую я провела во Флоренціи, когда мы такъ уютно сходились въ моей комнатѣ по вечерамъ, или когда я навѣщала ея отдѣльную мастерскую на набережной Муньоне...

Чтобы немного разсѣяться я, давно имѣя въ виду посѣтить еще не видѣнную мною, Сіену, рѣшила сдѣлать небольшое путешествіе, начавъ съ Лукки и окончивъ Ассизи, полнаго воспоминаніями моего любимаго Франциска Ассизскаго. Я выѣхала 18 іюля, на Пизу, изъ которой всего часъ пути до Лукки. Прибыла я туда вечеромъ и остановилась въ старомъ, совсѣмъ допотопномъ, отелѣ: „Кампана"; гдѣ все было оригинально—и при томъ грязновато,—начиная съ въѣзда въ него; расположеніе комнатъ, ихъ меблировка, съ высоко стоявшими кроватями, отъ которыхъ, по стѣнамъ, тянулись узкіе диваны; и прислугой, смахивавшей и на бандитовъ и на заклятыхъ, межъ собою, враговъ, готовыхъ перегрызть другъ другу горло. Но всѣ 4 дня, что я провела въ мирномъ городѣ, все кругомъ меня оставалось мирнымъ; и, при томъ я возбудила такую трогательную любовь ко мнѣ пожилой горничной, по имени Ракелла, что ея имя,—при томъ очень оригинальное,—я внесла въ написаную мной затѣмъ новеллу „Серебряное сердечко", хотя и отвела ей не симпатичную роль.

Послѣдующіе дни были посвящены мною осмотру города,—не имѣющаго даже „плана", какъ объявили мнѣ въ первомъ книжномъ магазинѣ; но вмѣщавшему въ себѣ столько превосходныхъ храмовъ, съ превосходной живописью, мозаиками и мраморами, что ихъ хватило бы на любой большой городъ! Осмотрѣла я и небольшую, но замѣчательную картинами Bartolomeo,—Пинакотеку; а вечера посвящала прекрасной прогулкѣ по валу,—когда-то представлявшему древнее укрѣпленіе,—шедшему кругомъ всего города, по тѣнистой аллеѣ, съ которой раскрывался широкій видъ на безконечную, увѣнчанную на горизонтѣ, холмами- долину.

Отъ Лукки до „Bagni di Lucca",—часъ ѣзды. Это очень живописное мѣсто, раскинутое и по берегу рѣки, и въ долинѣ, и на высотахъ, гдѣ главное и находятся заведенія водъ. Я помѣсти-

лась въ прекрасномъ пансіонѣ „Hôtel de Ville", очень чистомъ, комфортабельномъ и съ прекраснымъ, тѣнистымъ садомъ, стоявшемъ въ нижней части городка; и восемь проведенныхъ мною тамъ дней, прелестной погоды, были вполнѣ отдохновеніемъ въ природѣ, которой я и отдавалась съ увлеченіемъ, дѣлая длинныя прогулки и въ долинѣ и въ горахъ, гдѣ, по большей части не встрѣчала никого, кромѣ навьюченныхъ осликовъ, да ихъ провожатыхъ, дѣвушекъ, звонко постукивавшихъ по скалистой тропинкѣ деревянными сабо̀.

Направясь затѣмъ въ Сіену, я изъ тишины мирнаго мѣстечка попала въ довольно шумную обстановку ежегодныхъ празднествъ въ городѣ, называемыми праздниками „il Palio"—(знамени), носящему средне-историческій характеръ, въ костюмахъ той эпохи, соединяющій эту изящную, разнообразную игру „знаменами", съ скачками, въ которыхъ участвуютъ 17,—какъ бы „уѣздовъ", прилежащихъ Сіенѣ,—каждый изъ которыхъ, имѣя своихъ представителей, старается встать во главѣ другихъ притязателей на первенство. Городъ былъ переполненъ пріѣзжими и весь изукрашенъ флагами и гербами, при чемъ все это время,—репетицій и самаго дня празднества,—всѣ музеи и достопримѣчательности города были открыты для всѣхъ безвозмездно. Но что это за городъ! Увидавъ его я рѣшила, что быть въ Италіи и не видѣть Сіену--это не только стыдно, но даже грѣшно! Что за красота, что за величіе! Я, какъ очарованная, бродила по ея улицамъ, цѣликомъ переносясь въ средніе вѣка; среди цѣлаго ряда дивныхъ вѣковыхъ палаццо, между которыми не замѣшалось, нахально, ни однаго безвкуснаго, современнаго дома! Я только и дѣлала, что, какъ окаменѣлая, останавливалась, и по-долгу простаивала передъ чудными фасадами, съ ихъ полетомъ ввысь и древними гербами надъ воротами, за которыми часто была только мерзость запустѣнія... Но когда я, отъ дивнаго храма „S. Giovanni Batista", съ его чудными фресками внутри и художественной, скульптурной отдѣлкой снаружи, по грандіозной лѣстницѣ, поднялась на соборную площадь, окруженную, какими-то, не только живописными, но фантастически-прекрасными развалинами, очутилась передъ самымъ соборомъ, парившимъ своей, неописуемо—дивной, бѣло—мраморной рѣзьбой, на яркомъ, ослѣпительно—лазурнымъ небѣ,—я готова была и плакать, и кричать отъ восторга; готова была пасть ницъ передъ этой красотой и пѣть благодарный гимнъ Творцу, вдохновившему на такую красоту ея создателя, давшему

мнѣ случай увидѣть эту красоту и давшему способность ее понять и оцѣнить!... Очарованіе продолжалось и дальше, когда я вошла въ самый храмъ и передо мной возстала эта стройная колоннада бѣло-чернаго мрамора,—величавая, уносившая въ небо, вслѣдъ за этими грандіозными сводами! Не говоря о красотѣ алтарей, съ чудными образами кисти великихъ мастеровъ и чудной живописи оконныхъ стеколъ, съ фантастически-скользящими сквозь нихъ, потоками свѣта,—остановишься съ восторгомъ и передъ чудесной мозаикой пола, изъ бѣлаго и чернаго мрамора, изображающей огромныя картины, съ фигурами въ натуральную величину, величавыхъ Сибиллъ, или историческія битвы, окруженныя рамами изящныхъ арабесокъ; все полное поразительной гармоніи и красоты!

Замѣчательно грандіозенъ и храмъ Св. Доменико, самое положеніе котораго, съ чудеснымъ открывающимся, на далекое пространство,—видомъ, гармонируетъ съ его внутренностью, украшенной прекрасными образами,—особенно въ одномъ, отдѣльномъ предѣлѣ,—кисти Бодота, который царитъ въ Сіенѣ и въ храмахъ и въ музеяхъ; главныя сокровища котораго находятся въ Академіи Художествъ, а тоже и въ скромномъ убѣжище, прежняго дома (въ улицѣ кожевниковъ) св. Екатерины Сіенской,—обращенной въ молитвенный домъ. Замѣчательны старинныя фрески въ часовнѣ и залахъ „Палаццо Публико", находящагося на большой площади, гдѣ и предполагались игралища „Il. Palio".

Вся площадь была окружена построенными, на этотъ случай, мѣстами, въ нѣсколько рядовъ, амѳитеатромъ. Мѣста же были отведены и на балконахъ, окружавшихъ площадь, домовъ, разукрашенныхъ коврами и флагами всѣхъ цвѣтовъ. Самая средина площади, оставляя широкую дорогу кругомъ, для шествія и скачекъ,—была назначена для народа, представляя даровыя, стоячія мѣста. Я взяла себѣ мѣсто дорогое, въ нижнихъ мѣстахъ амфитеатра и, кромѣ дня празднества, имѣла право бывать и на репетиціяхъ, что мало практиковала, много посвящая времени художественнымъ осмотрамъ.

Но самое празднество было въ высшей степени интересно; и я была очень благодарна С. М. Волконскому, посовѣтывавшему мнѣ побывать въ Сіенѣ именно на этомъ торжествѣ, еще болѣе перенесшимъ меня въ средніе вѣка, представивъ полную гармонію во всемъ. Очень была оригинальна и характерна уже эту церемонія, въ утро самаго торжества, когда одну изъ лошадей,

назначенныхъ для скачекъ, въ ея нарядномъ уборѣ, въ сопровожденіи ликующей толпы, привели для благословенія, въ ея личности, всѣхъ остальныхъ,—къ церкви Св. Доменика, даже въ самую церковь, до придѣла Св. Екатерины, гдѣ священникъ окропилъ ее святой водой.

Все празднество было очень интересно; 17 представителей округовъ изображали, одѣтыя въ соотвѣтствующій каждому округу костюмъ, съ его девизами и гербами,—балерины, очень стройныя въ мужскомъ костюмѣ, очень граціозно игравшія, въ всевозможныхъ, разнообразныхъ эволюціяхъ, несомыми каждой знаменемъ, съ его девизомъ, во все продолженіе движенія, по площади, процессіи; завершившійся разукрашенной огромной колесницей съ главнымъ „Palio". Послѣ этого начались скачки, и тутъ разыгрались пылкія, итальянскія страсти народа вообще, и представителей каждаго округа въ особенности. Тутъ уже играло роль и самолюбіе: чей округъ побѣдитъ? На одной изъ репетицій дошло, говорили, до того, что видя, что тотъ, за кѣмъ всѣ уже видѣли побѣду, сталъ ослабѣвать, уступая пальму первенства другому, — стоявшіе за перваго, бросились на перерывъ послѣднему и въ возникшей схваткѣ,—гдѣ пошли въ дѣло и ножи, — вступившійся полицейскій, былъ серьезно раненъ.

Изъ Сіены я поѣхала въ Перуджію, гдѣ въ то время была очень интересная выставка разныхъ, преимущественно церковныхъ,—древностей и потому было тоже многолюдно. Не имѣя рекомендаціи ни къ какому отелю, я остановилась въ одномъ изъ первыхъ (Brufani), очень нарядномъ и дорогомъ, но комфортабельномъ и съ превосходнымъ видомъ, съ прилегавшей къ нему террасѣ. Перуджія представила мнѣ немало художественныхъ интересовъ и помимо выставки и Пинакотеки, съ лучшими произведеніями Перуджино, котораго я считаю послѣднимъ изъ представителей тѣхъ вдохновенныхъ, старыхъ мастеровъ, которые вкладывали душу въ свои произведенія, почему они и говорили непосредственно душѣ, заставляя забывать и о присущихъ еще техническихъ недостаткахъ; которымъ была недоступна граціозная „конфектность" послѣдующихъ мастеровъ, начиная съ Рафаэля Санціо, Мадонны котораго, часто и очаровательныя, — не заставляютъ забывать Форнарину.—Интересна, въ одной старой часовнѣ, близъ Академіи, фреска, низъ которой былъ послѣдней работой Перуджино, а верхъ—первой большой работой его ученика, Рафаэля, еще не вышедшаго изъ-подъ вліянія своего учителя и по-

тому болѣе духовнаго, чѣмъ впослѣдствіи. Очень заинтересовало меня, показанная мнѣ,—встрѣченнымъ тутъ проводникомъ,—при чемъ мы, чуть не съ опасностью жизни, пролѣзали черезъ какія то щели,—только что открытая часовня, въ подземельи, подъ упраздненнымъ и совсѣмъ заброшеннымъ монастыремъ Св. Франциска, съ стѣнными фресками Джіото. Проводникъ, убѣленный сѣдинами, очень толковый, старикъ разсказалъ мнѣ притомъ, что, передъ тѣмъ, нѣсколько лѣтъ подъ рядъ пріѣзжалъ въ Перуджіо одинъ нѣмецкій ученый, толковавшій о томъ, что по его ученымъ изслѣдованіямъ, здѣсь должны быть замѣчательныя фрески Джіото; о чемъ онъ не разъ серьезно говорилъ со старикомъ. И какова была радость ученаго,—говорилъ мнѣ старикъ,—когда, прошлый годъ пріѣхавъ сюда, онъ уже нашелъ начало раскопокъ, завалившагося подземелья и встрѣтилъ, прекрасно сохранившіяся фрески великаго мастера! Замѣчательны зданія и снаружи и внутри: „Municipió“ и „Collegio Cambiano“, съ чудесными фресками Перуджино; но соборъ,—не представилъ мнѣ ничего особенно поражающаго, сравнительно съ другими.

Направляясь къ Ассизи, я поѣхала не по жел. дорогѣ, что взяло бы и менѣе времени и стоило бы несравненно дешевле,—а въ экипажѣ, чтобы насладиться и прекрасной прогулкой, въ милой мѣстности и осмотрѣть,—находящіяся на половинѣ дороги, Этрускія могилы—Волюмніи—V вѣка, къ которымъ нужно было спускаться глубоко внизъ. Сохранились они особенно нѣкоторыя, прекрасно, въ ихъ грандіозныхъ саргофагахъ.

Не доѣзжая до воротъ самаго города, заѣзжаютъ въ храмъ Santa Maria dei Angeli, огромный храмъ, построенный на томъ мѣстѣ, гдѣ при св. Францискѣ былъ первый монастырь его и его братіи. Странное впечатлѣніе производитъ, при входѣ въ этотъ громадный храмъ, съ высоко парящимъ куполомъ,—видѣть помѣщающуюся среди него, какъ дѣтскую игрушку—крошечную церковку, построенную изъ дикихъ камней, церковку, которая и была храмомъ самого святого Франциска; такая же скромная, какъ былъ самъ святой, смиреннѣйшій изъ смиренныхъ, надъ которой грандіозный храмъ служитъ какъ бы громаднѣйшимъ колпакомъ. Къ этому же храму примыкаетъ далѣе миніатюрная часовня, въ которой прежде была келья при больницѣ, гдѣ и скончался святой. А вотъ и крошечный садикъ, съ „розами безъ шиповъ“; и вы, сквозь прозрачную металлическую сѣтку, видите эти кусты розъ, лишенныхъ шиповъ, и передъ вами возстаетъ эта трогатель-

ная исторія искушенія святого и его борьба съ этимъ искушеніемъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ храма при которомъ теперь образовался и новый монастырь и другія зданія прилежащія и къ станціи ж. дороги,—поворотъ къ тяжелымъ зубчатымъ воротамъ самаго города Ассизи, лежащаго на горѣ, съ царящимъ надъ нимъ храмомъ нынѣшняго монастыря, храмомъ въ два этажа, или вѣрнѣе: съ двумя храмами, одинъ надъ другимъ, въ нижнемъ изъ которыхъ и находится гробница святого. На самой же вершинѣ города—древняя крѣпость. За воротами, лѣпятся вверхъ да вверхъ, одинъ надъ другимъ, старые-престарые дома, облупившіеся, полуобломанные, съ торчащей, въ расщелинахъ,—зеленью. Старина такъ и глядитъ повсюду, куда не обернешься; а улицы лѣзутъ во всѣ стороны, все вверхъ, крутыя, крупно-мощенныя. Окна домовъ разбросаны, какъ ни попало; а въ окнахъ кое гдѣ торчатъ цвѣты, рядомъ съ кудрявыми головенками ребятишекъ. Еле тащутся въ гору, круторогіе волы, впряженные въ неуклюжія телѣги; еле перебираютъ ногами худые ослики, тянется стадо черныхъ козъ,— а солнце такъ и бьетъ лучемъ съ яркаго неба... Мнѣ рекомендовали два отеля: одинъ „Subasio“ самый большой, во дворѣ монастыря; другой—„Giotto“ внѣ, немного дальше. Я избрала послѣдній, какъ болѣе скромный и притомъ носящій имя одного изъ моихъ любимыхъ мастеровъ, и попала на чрезвычайно, вообще, симпатичный, чистый, тихій, съ хорошимъ столомъ и уютной комнатой, изъ двухъ оконъ которой открывался широкій видъ на долину, съ лежащимъ внизу городомъ и на высоты Перуджіи, по вечерамъ таинственно блестѣвшей огнями. Впрочемъ, огни эти тонули въ мягкомъ серебрѣ лунныхъ ночей. Мой отель былъ тоже очень близко отъ монастыря, и я утромъ, въ 8 часовъ, ходила туда, каждый изъ шести проведенныхъ мною въ Ассизи дней, къ ранней обѣднѣ, въ часовнѣ у гробницы св. Франциска. Я входила въ нижнюю церковь, очень темную, отъ низко-нависшихъ круглыхъ сводовъ, которые, какъ и стѣны, сплошь расписаны кистью Джіотто, темными ликами святыхъ аскетовъ и сценами изъ жизни св. Франциска. Чтобы ихъ лучше разсмотрѣть я заходила туда передъ вечерней, когда предзакатные лучи солнца свободно пробирались сквозь чудно расписныя стекла. Утромъ я прямо направлялась къ рѣшеткѣ, посреди церкви, за которой спускалась внизъ лѣстница, ступеней въ 20, къ часовнѣ, поддерживаемой свѣтлыми колонами, къ небольшому престолу, ярко-

освѣщенному массой лампадъ. Этотъ престолъ и возвышался надъ гробницей святого, грубыя камни которой виднѣлись сбоку. Онъ былъ такъ смирененъ, что завѣщалъ похоронить его тамъ, гдѣ хоронили непрощенныхъ преступниковъ: и его гробъ зарыли въ одномъ изъ углубленій горы, гдѣ и хоронили тѣхъ, къ которымъ онъ, въ своемъ самоуниженіи, причислялъ себя. Позднѣе это углубленіе и вошло въ подземную часть храма, въ эту крошечную часовню, надъ которой и воздвигли два большихъ храма.

Посѣщала я и другія мѣста, освященныя памятью святого. Дѣлала прогулки въ горы и въ долину, отдыхая душой въ этой благодатной тишинѣ, въ которой, казалось, еще витало смиренное спокойствіе того, кто умѣлъ любить и прощать! Возвратилась я во Флоренцію въ половинѣ августа, а вскорѣ туда пріѣхала моя belle soeur, съ племянницей и прожила въ нашемъ пансіонѣ недѣли три. Здоровье ея тогда уже сильно пошатнулось. Въ октябрѣ, не задолго до моего отъѣзда въ Петербургъ, пріѣхала Энни Безантъ, и мнѣ пришлось быть на конференціи—(въ залѣ Кавалини)—этой вдохновенной женщины, съ ея неподражаемымъ краснорѣчіемъ и проникновеннымъ взглядомъ удивительныхъ лучистыхъ глазъ. Къ сожалѣнію суть лекцій была очень суха; да и французскій языкъ талантливой ораторши заставлялъ желать лучшаго выговора...

XXII.

Пять мѣсяцевъ осени и зимы, проведенныхъ затѣмъ мною въ Петербугѣ, прошли въ самой разнообразной дѣятельности! Я возобновила свои занятія и въ Женскомъ Обществѣ и другихъ, гдѣ могла вносить свой активный трудъ. Посѣщала собранія „Теософскаго кружка“, теперь уже утвержденнаго, гдѣ были очень интересные доклады и очень уютныя собесѣдованія, въ уютномъ салончикѣ А. А. Каменской, со стѣнъ которой на насъ кротко взиралъ,—въ разныхъ картинахъ,—нашъ божественный Учитель-Христосъ; а мягкій, проникновенный голосъ А. А. Каменской, съ задушевностью и трогательнымъ краснорѣчіемъ, передавалъ намъ вдохновенныя страницы религіозно-философскаго ученія. Я еще болѣе сблизилась съ А. П. Философовой, часто посѣщая ее и по вечерамъ, что она любила, особенно, когда была одна. Усаживались мы съ ней уютненько, въ уголкѣ ея красной гостиной; и она выливала въ мою, сочувствующую ей во всемъ,—душу, всѣ накопившіяся и волновавшія ея тревоги, какъ частныя, такъ и обще-

ственныя, всегда живя чужимъ горемъ, будто своимъ собственнымъ; всегда чуткая, полная любви, всѣхъ готовая пріютить и защитить! Поговоримъ по душѣ о разныхъ „вызывавшихъ на разсужденія“ вопросахъ, а потомъ я примусь ей читать, что либо свое, всегда, по ея желанію, приносимое; и я такъ любила ей читать, видя ея интересъ, проявлявшійся иногда и въ разныхъ восклицаніяхъ: или „ай, страсти какія!“—или сопровождаемый милымъ смѣхомъ, звучавшимъ такъ дѣтски-забористо; или умильнымъ восклицаніемъ, уже обращеннымъ лично ко мнѣ: „Матушка моя“!—сопровождаемымъ нѣжнымъ, мягкимъ взглядомъ. Иногда къ моему чтенію приходилъ ея родственникъ Протекинскій, очень умный, симпатичный; иногда, если мы продолжали наше чтеніе и въ столовой, за чайнымъ столомъ,—я выбирала одну изъ моихъ былинъ, чтобы доставить (какъ оказалось) великое удовольствіе наливавшей чай старушкѣ экономкѣ,—Дуду—старинной преданной особѣ, какъ членъ семьи—пылавшей къ нимъ большой любовью. И, провожая меня, при моемъ уходѣ, дорогая Анна Павловна всегда прибавляла, съ ласковымъ взглядомъ:

— Приходите, дорогая, поскорѣе; да захватите, что нибудь свое почитать!

У меня за послѣднее время пребыванія, особенно во Флоренціи и Маринѣ, накопилось много новеллъ и былинъ. Эти произведенія производили большую сенсацію во всѣхъ моихъ кружкахъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, у знакомыхъ; и мы смѣялись, что тѣ, въ домѣ которыхъ я обѣщалась читать, приглашали уже своихъ знакомыхъ „на меня!“

Для вечеровъ „Музыкально-литературнаго“ кружка, теперь приходилось мнѣ писать рѣже, такъ какъ и самые вечера, съ уходомъ изъ кружка Билибиной, стали рѣже и устраивались труднѣе, и часто вспоминалась наша живая, энергичная Вѣра Павловна! Съ ея уходомъ, какъ то многое стушевалось; стушевались и наши ежегодные „завтраки“, чаще всего на масляницѣ, праздновавшіе день образованія нашего кружка, происходившіе въ залѣ квартиры Женскаго Общества, не носившіе характера Луккуловскихъ пировъ, не блиставшіе гастрономическими рѣдкостями, но дружескимъ весельемъ и всегда сопровождаемыми моими юмористическими стихами.

Кромѣ членовъ комитета и вообще членовъ кружка, собирались тутъ и тѣ артистки, что участвовали на нашихъ вечерахъ. Тутъ блистала своими черными глазками и искристымъ юморомъ

милая М. М. Читау; появлялась симпатичная, душа на распашку Полина Стрепетова; и милая Петрова, что такъ чаровала на вечерахъ мелодичной декламаціей—и бесѣда искрилась шампанскимъ—которое тутъ не присутствовало!

На одномъ изъ такихъ собраній, мы праздновали 10-лѣтній юбилей Билибиной, съ подношеніемъ ей подарка, сопровождаемаго моими стихами; а Билибина, узнавъ, какъ то, что наступаетъ 30-лѣтній срокъ моей литературной и общественной дѣятельности,—вздумала было отпраздновать его. Но я, придравшись къ тому, что это время совпало съ нашей послѣдней войной,—рѣшительно отказалась, прося отложить до другого, болѣе благопріятнаго, времени. Такъ прошло пять лѣтъ; и вотъ въ 1908 г. черезъ кого то дошелъ слухъ до А. Н. Шабановой и А. П. Философовой, что это годъ уже 35-лѣтней моей дѣятельности, и онѣ рѣшили, не отлагая отпраздновать мой юбилей, къ чему,—спасибо имъ,—очень сочувственно отнеслись всѣ члены Общества. Я между тѣмъ весной собралась за границу и, узнавъ о готовившемся торжествѣ такъ испугалась, что рѣшила уѣхать раньше. Но, когда у меня уже былъ взятъ паспортъ, меня накрыли и, не внимая тому, что торжество въ Мартѣ будетъ преждевременнымъ, такъ какъ срокъ (когда вышелъ въ свѣтъ первый мой дѣтскій разсказъ, въ „Дѣтскомъ Чтеніи") былъ въ Апрѣлѣ,—рѣшили отпраздновать его 25 Марта.

Прошло это торжество очень трогательно и симпатично. Вечеромъ А. Н. Шабанова заѣхала за мной и повезла меня въ Общество. Всѣ собрались въ залѣ, куда А. Н. и ввела меня, и я, стоя на эстрадѣ, принимала всѣ рѣчи и депутаціи отъ разныхъ нашихъ кружковъ, съ цвѣтами и подношеніями. Отъ Общества былъ,—по подпискѣ,—поднесенъ изящный бюваръ, съ адресомъ въ самыхъ лестныхъ словахъ, со множествомъ подписей и прелестнымъ рисункомъ Е. М. Бемъ. Все завершилось небольшимъ концертомъ, веселымъ чаемъ и общимъ полонезомъ.

По поводу моего юбилея,—я, желая исполнить просьбу моихъ милыхъ сотоварищей по Обществу, написала мою краткую „автобіографію", касавшуюся только моей дѣятельности,—и возобновила мое сотрудничество съ „Русской стариной", гдѣ эта „автобіографія" была напечатана.

Совсѣмъ уже готовая, я, черезъ три дня послѣ моего юбилея уѣхала прямо въ Римъ; и, пріѣхавъ къ Страстной недѣлѣ, прямо начала говѣть. Этотъ разъ я познакомилась съ Еленой Сергѣевной

Рахмановой, дочерью декабриста Волконскаго и сестрою Михаила Сергѣевича. Когда то красавица, блиставшая въ свѣтѣ, съ длинной свитой обожателей,—Е. С. теперь была параличной старушкой, совсѣмъ безъ владѣнія ногами и одной рукой, но очень бодрая, разговорчивая и любезная, не охладѣвшая съ свѣту и любившая и теперь быть окруженной, если не толпой обожателей, то почти не прекращавшимися цѣлый дѣнь посѣтителями. Очень гостепріимная,—домъ на распашку, съ непремѣннымъ самоваромъ,—она принимала и днемъ и вечеромъ, когда у нея и читали, и пѣли, и играли,—(въ томъ числѣ и ея племянникъ, князь Сергѣй);—передвигали ее изъ комнаты въ комнату, на креслѣ на колесахъ, къ чему была приставлена цѣлая свита, начиная съ ея дочери, Елены (Аленушки)—прелестной дочери и дѣвушки, дебелой русской красавицы;—продолжая: ея секретаремъ, ея чтецомъ и двумя хохлушками, ходившими по Риму въ своихъ малороссійскихъ костюмахъ. Нечего и говорить о томъ, что, при своемъ широкомъ, русскомъ гостепріимствѣ, Е. С. приглашала всѣхъ живущихъ въ пансіонѣ къ себѣ разговѣться; при чемъ „Аленушка" принимала въ свое вѣдѣніе молочные продукты, вслѣдствіе чего получалась пасха изъ „всамомдѣльскаго",—какъ говорятъ дѣти,—творога, а не той сѣрой известки, что въ Италіи именуютъ творогомъ и такой сметаны, о которой итальянцы не имѣютъ и понятія! Большое удобство дало теперь, въ эту свѣтлую великую ночь, заутрени помѣщеніе пансіона въ домѣ, гдѣ находилась церковь, куда мы и забрались пораньше; а послѣ заутрени прямо отправились къ Рахмановой, гдѣ была порядочная толпа и своихъ и чужихъ и обильно уснащенный разными яствами,—столъ.

Въ среду на Пасхѣ я въ первый разъ была въ „русской читальнѣ", на ея пасхальномъ чаѣ. Первая мысль о созданіи этой читальни,—носящій имя Гоголя, нынѣ процвѣтающей и богато снабженной книгами и журналами,—возникла въ 1902 году, среди общества, собравшагося почтить память Гоголя, по случаю 50-ти лѣтія со дня его кончины, что произошла на виллѣ княгини Волконской. Въ то же время домъ, гдѣ болѣе продолжительное время проживалъ въ Римѣ великій писатель (Via Sistina 126) былъ обозначенъ мраморной доской, съ его барельефомъ и надписью на русскомъ и итальянскомъ языкахъ, о времени его жительства тутъ и мѣстѣ, гдѣ были написаны „Мертвыя души". Русская читальня нынѣ помѣщается на Via delle Colonnette 27, въ бывшей мастерской знаменитаго скульптора Кановы, послѣ смерти кото-

раго, въ 1822 г., мастерская эта, занятая однимъ скульпторомъ, была сохранена неприкосновенно въ той обстановкѣ, какая была при Кановѣ; и нѣтъ никакого сомнѣнія, что, пріѣхавъ въ Римъ въ 1837 г. Гоголь, ревностно посѣщая всѣ художественныя мастерскія, бывалъ и въ этихъ стѣнахъ, какъ бы освященныхъ его присутствіемъ. Домъ небольшой, въ два этажа, на красно-оранжевомъ фонѣ котораго рядами прикрѣплены къ стѣнѣ, полуобломанные барельефы и фигурки зеленой глины, прямо гласящіе о присутствіи когда то здѣсь студіи скульптора. Помѣщеніе читальни очень приличное, изъ трехъ комнатъ. Первая зала на столько велика, что въ ней можетъ собраться большое общество на устраиваемыя, въ пользу читальни, концерты и лекціи; и въ ней же, каждую среду, лица русской колоніи собираются, къ пяти часамъ „на чай“ съ платою 50 сантимовъ. Членскій годовой взносъ для постояннаго въ ней чтенія—15 франковъ въ годъ; за разовое чтеніе не членовъ—20 сантимовъ. Лекціи и концерты, съ платою отъ 5-ти франковъ до одного,—происходятъ тоже днемъ въ 4 часа. Для чтенія читальня открыта съ 10 до 12 и съ 4-хъ до 10—вечера.

Въ числѣ живущихъ въ пансіонѣ Альбини, въ то время тамъ находилась очень милая особа, Кузнецова, сибирячка, съ которой мы сразу сошлись, много бесѣдовали, а тоже странствовали по Риму. Съ ней мы сдѣлали и очень интересную поѣздку въ Villa Adriana, гдѣ, съ проводникомъ, обошли наиболѣе замѣчательныя развалины, расбросанныя въ разныхъ мѣстахъ громаднаго парка, съ его тѣнистыми аллеями, среди ликующей весенней зелени и торжествующихъ раскатовъ соловьиной пѣсни, звучавшей такъ же торжественно надъ этими почернѣлыми камнями разлагающейся жизни, какъ звучала когда то надъ этими вмѣстилищами роскоши и разврата...

Затѣмъ проѣхали мы въ Tivoli, гдѣ завтракали у подножія хорошо сохранившихся развалинъ храма Весты, въ виду разнообразныхъ каскадовъ и закончили нашу поѣздку посѣщеніемъ знаменитой Villa d' Este, сначала посѣтивъ внутренность самой виллы, съ изящными фресками и какой-то особенно грустной пустотой, особенно жутко шептавшей о tempo passati; а послѣ, долго бродили по тѣнистому парку, съ его столѣтними кипарисами, едва журчавшими фонтанами, подернутыми зеленой тиной бассейнами и еще болѣе, чѣмъ самый домъ, печатью полнаго отчужденія отъ той, когда-то прошедшей здѣсь, жизни.

Весна неслась на всѣхъ порахъ; ликующая, вся расцвѣтшая,

благоуханная, что я нашла и во Флоренціи, куда вернулась въ концѣ апрѣля. Вернулась я туда и осенью, проведя опять очень пріятное и уютное лѣто въ Мартѣ, гдѣ, кромѣ моихъ прежнихъ знакомыхъ нѣкоторое время, провели мои петербургскіе друзья Е. Л. Мерцъ съ дочерью; а осенью во Флоренціи, въ нашемъ же пансіонѣ поселилась моя милая пріятельница Э. Г. Колпычева. Гдѣ бы я ни была, я всегда съ большимъ удовольствіемъ возвращалась во Флоренцію. Этотъ милый, уютный городъ, съ граціозно извивающейся въ долинѣ Арно и съ его, такъ уютно его обрамляющими, холмами, крытыми сѣдой оливой, сталъ мнѣ такимъ близкимъ, будто роднымъ! Была я порадована и посѣщеніемъ моего милаго друга Е. М. Бемъ и ея милой сестры, подъ кистью которой благоухали розы. Очень было только жаль, что пребываніе этихъ чуткихъ, художественныхъ душъ, умѣвшихъ цѣнить и понимать все изящное, было такъ не продолжительно въ такомъ художественномъ городѣ, какъ Флоренція! За то пріятно было имѣть на болѣе длинное время и имѣть подлѣ себя, въ нашемъ пансіонѣ, моихъ милыхъ знакомыхъ, Старицкихъ, пріѣхавшихъ цѣлой семьей: отецъ, мать и дочь и ихъ другъ, маркиза де-Траверсе, симпатичная сама по себѣ и большая художница, и мы много были вмѣстѣ и бесѣдуя и дѣлая прогулки. Но прогулки чисто-идиллическаго характера дѣлали мы съ Э. Г. Колпычевой, отправляясь, забравъ съ собой завтракъ, и въ уединенный, кипарисный лѣсокъ, на Фьезоле и въ глушь милаго мѣстечка Сетиньяно, гдѣ, забравшись въ запущенный виноградникъ, разсаживались на зеленой травкѣ, забывъ о томъ, что уже конецъ октября, что у насъ въ Петербургѣ ужъ шубы надѣваютъ, и, закусивъ, принимались за чтеніе моихъ, только что испеченныхъ— „новеллъ“. Иногда мы доставляли себѣ роскошь зайти въ Сетиньяно, въ знакомый намъ трактирчикъ „Гарибальди“, гдѣ заказывали Луккуловскій завтракъ изъ сыра, полъ-курицы, хлѣба и фіаски краснаго вина, и важно разсаживались на террасѣ, подъ перголой, съ чудеснымъ видомъ на горы, съ царящей надъ ними невозмутимой тишиной; при чемъ къ нашему обществу присоединялись: нѣсколько кошекъ, собака и пѣтухъ, не гнушавшіеся нашими дарами, уничтожая всѣ куриныя косточки до тла!

Осень тотъ годъ стояла чудесная! Въ концѣ сентября было жарко. Такъ же хорошъ былъ и октябрь, такъ что совсѣмъ и не думалось о возможности худшей погоды, о чемъ либо похожемъ на зиму. Но съ ноября стало хмуриться, и перелетныя птицы

призадумались объ отлетѣ. Призадумалась и я. Старицкіе стали уговаривать меня ѣхать съ ними въ Петербургъ. Я колебалась, не рѣшивъ еще, гдѣ прозимую? Но почти уже собравшись съ ними, рѣшила иначе, и 15 ноября, проводивъ ихъ, 17-го поѣхала зимовать въ Римъ.

Я выѣхала изъ Флоренціи въ сырой, туманный день, такъ что подвигалась со своимъ поѣздомъ будто среди стѣнъ густого, непроницаемаго тумана, который сталъ понемногу разсѣиваться только предъ Орвіето. Поѣздъ, какъ и слѣдовало ожидать,— опоздалъ болѣе, чѣмъ на часъ. Затѣмъ все пошло̀, какъ по маслу.

Зима эта была очень интересна и удачна по всему. Погода стояла дивная, и я совсѣмъ забывала о далекой зимѣ, разгуливая въ одномъ суконномъ пальто, и видя кругомъ себя не только массу неувядаемой зелени, но и золотые шары на апельсинныхъ деревьяхъ, рядомъ съ бѣлыми ихъ цвѣтами. Я очень любила прогулки на Пинчіо, теперь,—послѣ покупки государствомъ громаднаго парка виллы Боргезе,—соединеннаго съ нимъ насыпной дорогой, представившей широкую аллею, засаженную деревьями магнолій. Иногда я отправлялась дальше, по „Джениколе“ (Genicole), этой чудной прогулкѣ по холмамъ, съ тѣнистыми аллеями цвѣтниками и чудеснымъ видомъ на Римъ, съ площадки чудеснаго памятника Гарибальди, одного изъ лучшихъ въ Италіи. Иногда я поднималась со стороны монастыря св. Онуфрія, мѣста заключенія несчастнаго Торквато Тассо, посѣтивъ тамъ и его келью и могилу и подолгу сидя подъ остаткомъ его дуба, размышляя о несчастной судьбѣ великаго поэта... Любовалась я Римомъ и съ крыльца церкви „St. Pietro in Montorio“, воздвигнутымъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, былъ распятъ Апостолъ Петръ. Посѣщала древнія Термы, съ ихъ живописными развалинами и снова по часамъ сидѣла на моей любимой террасѣ у Капитолія, съ которой глазъ обнималъ, на гаризонтѣ, снѣжныя вершины холмовъ, что не производило дисгармоніи съ перистыми пальмами на высотахъ Палатина, да къ гиганту Колизею, погруженному въ непробудный сонъ, подъ мягкими лучами предзакатнаго солнца.

А современная жизнь била ключемъ и шла своей дорогой, принося развлеченія другого рода. Къ прежнимъ моимъ римскимъ знакомымъ, довольно часто навѣщавшихъ меня, прибавились новые. Въ числѣ ихъ была живая, гостепріимная старушка Тулинова, занимавшая уютную квартиру внизу на Via Sistina, расположенную такъ, благодаря постройкѣ римскихъ домовъ на уступахъ гори-

стыхъ улицъ, что изъ ея изящнаго солона вы, внутренней лѣстницей, спускались внизъ, въ столовую, изъ которой былъ выходъ въ садъ, принадлежавшій квартирѣ. И въ этой столовой хлѣбосольная старушка непременно наровила угостить васъ за завтракомъ русскими битками, придавая имъ особенное значеніе!

Познакомилась я и съ очень милыми, образованными сестрами Москвитиными; особенно сойдясь со старшей, большой умницей, пытливой душой, съ высокими философскими воззрѣніями.—Познакомилась я у нихъ съ очень интересной личностью, скульпторомъ Изакіиль, римскимъ ветераномъ, занимавшимъ и мастерскую и помѣщеніе въ развалинахъ Термъ Діоклиціана. Это чудное зданіе вообще было однимъ изъ моихъ любимыхъ, среди историческихъ, высоко-художественныхъ развалинъ Рима, среди своихъ громадныхъ пространствъ, вмѣщая и дивный „Національный Музей“, съ его несравненной скульптурой, и, непобѣдимыми временемъ и стихіями, стѣнными фресками, вѣками пролежавшими на днѣ Тибра и извлеченными оттуда въ ихъ неизмѣненной, дивной красотѣ, и чудесный храмъ „Dei Angeli“ и другія помѣщенія.

Въ одномъ изъ такихъ помѣщеній,—остатковъ древности, съ куполомъ, казалось касавшихся облаковъ,—и была скульптурная студія Изакіиля, которую однажды я и посѣтила вмѣстѣ съ В. Ф. Москвитиновой. Много прекрасныхъ вещей явилось тутъ передъ нами, вышедшихъ изъ подъ артистическаго рѣзца талантливаго артиста, къ лучшимъ изъ которыхъ можно причислить фигуру въ натуральную величину Христа во гробѣ, изъ мрамора. Замѣчательна тоже, особенно по выраженію, тоже въ натуральную величину,—еще въ глинѣ,—сидячая фигура Наполеона I, на лицѣ котораго, въ этотъ моментъ одиночества на островѣ Св. Елены, вы читаете всю драму жизни этого геніальнаго, но черстваго честолюбца, для котораго не было ничего святого, начиная съ его отчизны и семьи, чего бы онъ не принесъ въ жертву личному честолюбію. Осмотрѣвъ всѣ интересныя работы мастерской, мы, по приглашенію хозяина, отправились за нимъ въ его помѣщеніе напиться чаю; и сразу, только подойдя къ входу, въ другой отдѣльный уголокъ живописныхъ развалинъ,—попали въ полную идиллію и поэзію! За рѣшетчатой дверью входа, намъ представилась пологая, древняя лѣстница, скорѣе похожая на пологій подъемъ вверхъ, и стѣны которой, такъ же какъ и дверь входа были обвиты вьющейся зеленью, среди которой, свободно порхая и надъ лѣстницей, летало множество птицъ, сопровождавшихъ

васъ до верха, кончавшагося древнимъ водоемомъ съ красивыми горельефами, въ который медленно сочилась вода изъ поломанныхъ раковинъ, поросшей папортничками стѣны. Вы переступали порогъ,—и изъ одного очарованія попадали въ другое! Передъ вами являлся Музей, въ которомъ съ чудными украшеніями древности, въ барельефомъ потолка и стѣнъ,—перемѣшивались ряды современныхъ картинъ, рисунковъ, орнаментовъ, и комфортабельная мягкая мебель манила къ отдыху подлѣ громаднаго стола изъ желтаго порфира, съ львиными ножками, переносившаго васъ въ эпоху Цезарей,—теперь уставленнаго изящнымъ французскимъ фарфоромъ и всевозможными принадлежностями, созданными для удовлетворенія современныхъ гастрономовъ!

У Москвитиныхъ же я познакомилась съ президентомъ теософской римской ложи, Bulatore, очень сочувственно отнесшимся къ моему интересу къ теософіи и тотчасъ же пригласившимъ, а затѣмъ и пославшимъ мнѣ приглашеніе на ея посѣщенія, гдѣ я иногда и бывала. Зала была хорошенькая, хотя небольшая, а народу собиралось много. Первый прослушанный мною тамъ докладъ вышелъ „первымъ блиномъ комомъ", что очень сконфузило, именно въ отношеніи меня,—президента. Только что пріѣхавшій изъ Америки субъектъ, обѣщавъ познакомить слушателей съ распространеніемъ и дѣятельностью теософовъ въ Америкѣ, всю лекцію посвятилъ описанію американскихъ городовъ, съ ихъ многоэтажными домами, что казалось бы самой сути не касалось?

Лучшими ораторами ложи были супруги Кальвари; особенно она, уже заранѣе подкупавшая своей симпатичной личностью и довершавшей обаяніе мягкимъ голосомъ, чувствомъ и краснорѣчіемъ.

Очень много интереса представляла и „Русская читальня", въ которую я тотчасъ же записалась членомъ и посѣщала ее каждую среду, „на чаѣ", всегда встрѣчая тамъ знакомыхъ. Изъ числа дамъ комитета, я познакомилась съ двумя очень милыми особами, дѣйствующими именно „при чаѣ"—В. К. Бѣленъ (русской, замужемъ за французомъ) и П. А. Вагнеръ. Вскорѣ, вслѣдствіе полученія прежнимъ президентомъ читальни другого назначенія по его службѣ и отбытія въ Россію, президентомъ былъ избранъ князь С. М. Волконскій, и это избраніе внесло много оживленія, устраиваніемъ имъ въ залѣ читальни лекціи и концертовъ, въ которыхъ принималъ участіе и самъ талантливый, по всѣмъ отраслямъ президентъ; иногда и помимо концертовъ, въ простыя

среды, доставлявшій собравшимся чаепійцамъ большое удовольствіе своей артистической игрой. Постоянной посѣтительницей читальни, въ ея назначенные дни, была и Е. С. Рахманова, бодро появлявшаяся на своемъ торжественномъ креслѣ, раньше ее привозимымъ хохлушками къ дверямъ читальни, куда она ловко пересаженная изъ экипажа, и водворялась, окруженная толпой знакомыхъ. У нея, на дому, попрежнему собиралось много народа. Собирались и молодые пѣвцы, которые, въ чаяніи движенія воды,—въ видѣ какого-нибудь ангажемента,—подвизались въ церковномъ хорѣ русской церкви, которымъ руководилъ старый знакомый Котони, бывалый нашъ—„Кòтушка“, у котораго нѣкоторые изъ этихъ пѣвцовъ брали и частные уроки.

Стараго Кòтушку я какъ то встрѣтила въ одномъ изъ симфоническихъ концертовъ и чуть, отъ радости, не бросились другъ другу въ объятья; а потомъ я побывала у него, и много хорошаго вспоминали мы съ нимъ изъ нашего хорошаго прошлаго, хорошей итальянской оперы!

Коснувшись симфоническихъ концертовъ, скажу, что Римъ въ этомъ случаѣ представляетъ громадное преимущество передъ немузыкальной Флоренціей! Эти концерты,—числомъ 20, на которые я была абонирована, происходили въ огромной, овальной залѣ, съ высочайшимъ куполомъ и чуднымъ резонансомъ, въ бывшей, когда то,—Sic transit gloria mundi—гробницей императора Августа. Они представляютъ большой интересъ, съ прекраснымъ оркестромъ консерваторіи „Santa Cicilia“, которымъ дирижируютъ, по концертамъ, лучшіе, какъ итальянскіе, такъ и знаменитые иностранные дирижеры, и съ прекрасной программой, какъ классической, такъ и новѣйшей музыки. Мѣста очень удобныя и чрезвычайно дешевыя; при томъ концерты происходятъ днемъ,—въ 4 и 4½ часа пополудни, кончаясь въ 7 часовъ, значитъ до обѣда. Особенно это было удобно мнѣ, такъ какъ Via Pontefice была очень близко отъ нашего пансіона, и я, въ видѣ прогулки, отправлялась туда и назадъ пѣшкомъ.

Нѣкоторые изъ дирижеровъ, особенно нѣмецкихъ и венгерскихъ, были совершенно на высотѣ своей задачи; не то можно сказать объ итальянскихъ, какъ напр. Масканьо,—создатель „Cavalleria rusticana“,—сдѣлавшій что-то невозможное изъ одной изъ симфоній Бетховена, вѣроятно заставивъ геніальнаго композитора перевернуться отъ ужаса въ своемъ гробу! Смѣшонъ онъ былъ, помимо внутренняго содержанія, и своей наружной мане-

рой дирижировать даже собственныя произведенія, что мы могли во-очію засвидѣтельствовать, отправившись компаніей нашихъ пансіонеровъ въ театръ „Adriana", находящійся на нашей площади Кавуръ, послушать его новую оперу „Le maschere". Опера оказалась легкая, но не дурная, особенно второй актъ, и исполнена была не дурно; но композиторъ дирижировалъ оркестромъ въ потѣ лица, продѣлывая всей своей фигурой такую эквилибристику, что становилось „за человѣка страшно!" Но итальянская публика, привыкшая къ жестикуляціи, ликовала.

Надо сказать правду, что много поѣздивъ по свѣту и присмотрѣвшись и ко всякой публикѣ, я нигдѣ не видѣла такой безобразной, такой безтактной, публики, какъ въ Италіи! Ей нѣтъ никакого дѣла до общаго интереса, до того, что она своими безтактными выходками мѣшаетъ, нарушаетъ общее цѣлое; ей не угодили, и она, какъ вздорный, капризный ребенокъ, рветъ и мечетъ и топаетъ ногами и уже не останавливается ни передъ чѣмъ! Помню, какъ разъ во Флоренціи, въ пріѣздъ туда Батистини, дали съ нимъ безсмертнаго „Донъ-Жуана". Персоналъ на этотъ разъ (что бываетъ въ Италіи рѣдко) былъ совсѣмъ не дурной, и даже теноръ, исполнявшій роль Донъ-Оттавіо былъ слабоватъ, но переносимъ. Но вотъ его то и не взлюбила публика сразу и затѣмъ не прощала ни одной его ноты, разражаясь смѣхомъ и свистомъ съ самого того момента, какъ онъ раскрывалъ ротъ, не только не давая слушать музыку, каждая нота которой перлъ въ этой сокровищницѣ,—но мѣшая слушать и другихъ, пѣніе которыхъ съ нимъ соприкасалось. И вотъ такой же безтактностью разразилась и римская публика, во время одного драматическаго спектакля, на который мы тоже собрались, именно на драму Губернатиса: „Будда", исполненную молодежью высшихъ учебныхъ заведеній, въ пользу одного благотворительнаго заведенія.

Исполненіе было не дурно; но молодежь—товарищи исполнителей, забравшись наверхъ, начали съ того, что принялись усердно,—вѣроятно для подбодренія артистовъ, аплодировать чуть не каждой фразѣ каждаго изъ нихъ, что очень мѣшало слушателямъ. Но такого рвенія достало не на долго, а вниманія къ серьезнымъ монологамъ не хватило, и соскучившись немного,—надо признаться,—излишними длиннотами, прежніе ревнители стали развлекать себя тѣмъ, что раздѣлившись на партіи, какъ и ученики Будды и ихъ противники, стали во весь голосъ оспаривать другъ друга, возбуждая хохотъ въ партерѣ, а подъ конецъ, на-

скучивъ и тѣмъ, принялись кричать: „Ну, Будда! умирай скорѣй, надоѣлъ!“

Въ пансіонѣ у насъ было очень пріятное общество. Пріѣхала моя милая А. Н. Иваненко; очень интересными собесѣдниками были Хомяковы; Дмитрій Алексѣевичъ, большая умница, съ саркастическимъ оттѣнкомъ, замѣнявшій намъ всѣ газеты, прочитывая ихъ съ достодолжнымъ долгомъ, и, съ такимъ же толкомъ и краснорѣчіемъ, излагавшій ихъ намъ за завтракомъ; и его сестра, Екатерина Алексѣевна, премилое „жовіальное“ существо, съ долей сарказма брата и собственнаго добродушія. Много сарказма съ примѣсью ядовитости было и въ отставномъ профессорѣ Ярошѣ, противовѣсомъ ядовитости которому служила мягкость его милой, добродушной жены. Недостатку въ шумныхъ разговорахъ, спорахъ, разсужденіяхъ и обсужденіяхъ,—съ примѣсью соли, перцу и склоненіемъ съ правой стороны на лѣвую,—недостатка не было! Такъ встрѣтили и новый, 1909, годъ, опять таки въ гостепріимномъ салонѣ Е. С. Рахмановой.

Январь и февраль пролетѣли на всѣхъ парахъ! Было особенное оживленіе въ „Русской читальнѣ“, гдѣ новый Президентъ устраивалъ концертъ за концертомъ, съ пѣвицами и пѣвцами, среди которыхъ появился старый пріятель М а р к о н и, голосъ котораго еще очень пріятно звучалъ въ небольшой залѣ, а умѣнье дополняло остальное. Составлялись тріо инструментальныя, въ которыхъ участвовалъ и самъ президентъ. Въ февралѣ отпраздновали и день памяти Гоголя, начавъ съ прекраснаго хора пѣвчихъ русской церкви; прекрасной рѣчи президента читальни и чтенія отрывковъ изъ сочиненій великаго писателя, самымъ лучшимъ изъ которыхъ было чтеніе, опять таки самого президента, отрывковъ изъ „Ревизора“, а самымъ комичнымъ (въ смыслѣ неполной, высокаго комизма, прелестной сцены) и комическимъ по „исполненію“, двумя дамами изъ высшаго общества, извѣстной сцены разговора „двухъ дамъ“. Свѣтскія барыни, вѣроятно, благодаря своимъ большимъ занятіямъ, не нашли времени или не сочли достойнымъ своего вниманія, выучить эту короткую сцену наизустъ, и въ результатѣ вышло, что эти,—по Гоголю,—живыя болтушки, провинціальныя сплетницы, жестами добавляющія эти характерныя фразы: „фестончики-фестончики-фестончики“... или эти: „лапки-глазки... лапки-глазки“ и пр. все это, н е п р е м ѣ н н о требующее надлежащей жестикуляціи и великосвѣтскія барыни, чуть не по складамъ, „п р о ч и т ы в а л и“,—одна, по бумажкѣ, тщетно прятавшейся въ

ладони, а другая—по большой книгѣ, внушительно торчавшей передъ ея лицомъ!!

А весна между тѣмъ не дремала, и природа встряхнувшись принялась распускаться на перебой, спѣша, будто перегоняя другъ друга, не давая вдоволь насмотрѣться на одно, мѣняя его на другое. Все лѣзло за-разъ, унизывая массой красно-лиловыхъ цвѣтовъ, еще не опушенныя листьями вѣтки Іудина дерева, поднимая крупными подсвѣчниками, нѣжно-фіолетовые цвѣты павлоніи, пуская по рѣшеткамъ балкона лиловые гроздья душистой Глициніи; тогда какъ, почти у васъ подъ ногами, прямо изъ земли, вылѣзали неуклюжія лепешки кактусовъ и мясистые листья агавъ. Я дѣлала длинныя прогулки и за Porte del Popolo, ко дворцу „Папы Юлія", съ ея заброшенными мраморными купальнями, всей этой, минувшей роскошью изнѣженныхъ пастырей церкви; и въ поле, за Ponte Molle, къ источнику прекрасной минеральной воды „Aqua Acetosa". Очень были живописны, въ сторонѣ за мостомъ, полуразвалины за̀мка, въ уцѣлѣвшей части котораго было устроено какое то, повидимому, уютное помѣщеніе, тогда какъ другая была предоставлена алчности всесокрушаемаго времени. Но меня то и заманивала эта часть, и я долго просиживала на полу открытой террасѣ, съ еще уцѣлѣвшими, стройными колоннами за изящныя капитали которыхъ, граціозными гирляндами, прицѣпились розы, откуда цѣлымъ потокомъ, ниспадали, въ какую то бездонную пропасть спутанной зелени;—и откуда открывался широкій видъ, завершенный куполами церквей города.

А какъ было хорошо на Палатинѣ въ одно раннее утро этой ранней весны начала апрѣля! Какъ живописны были эти черныя развалины, густо обвитыя цѣлымъ потокомъ розъ,—алыхъ палевыхъ, бѣлыхъ,—цѣпкими гирляндами захватившихъ, гдѣ фигуристый выступъ, гдѣ причудливой рамой обвивъ высокое окно и, перекинувшись аркой, граціозно взбѣжавъ подъ крутой, черный сводъ. Яркіе пучки разнови̇дныхъ папоротничковъ, любопытно выглядывали изъ всѣхъ щелей; легкіе стебли краснаго мака тихо колыхались въ густой травѣ, у подножія стройной, бѣлой мраморной колонны, одиноко высившейся среди широкаго пространства бывшаго атріума...

Я все углублялась, желая дойти до бывшаго женскаго монастыря, который, какъ я слышала, теперь упразднили, и стѣны его осудили на сломку, узнавъ, по разнымъ изысканіямъ, что онъ былъ построенъ на наносной землѣ, подъ которой таились замѣ-

чательныя зданія Палатина, теперь назначенныя къ раскопкамъ. Мѣстность, по удаленію отъ уже открытыхъ остатковъ дворцовъ,—становилась все глуше; тропинка едва виднѣлась, извиваясь въ густой травѣ, въ которой кое гдѣ еще встрѣчались небольшія груды мраморныхъ обломковъ. Вдали показались стѣны, по мѣрѣ приближенія яснѣе обозначая красивый, чисто-готическій стиль. Стали попадаться кусты, глохнувшихъ среди дикаго бурьяна, розъ, густо покрытыхъ цвѣтами и запущенныхъ куртинъ сада. Стройный кипарисъ выглянулъ надъ крышей траурной вершиной; и вотъ все зданіе открылось сразу, съ его высокими готическими окнами и входами, подъ ажурными карнизами и фризами колоннадъ, за которыми виднѣлась кудрявая зелень сада, съ полу-заросшими дорожками. Странно было видѣть это совсѣмъ покинутое и между тѣмъ, будто еще не тронутое ни временемъ, ни ло̀момъ,—красивое жилище; не обитаемое, но не отжившее, какъ тѣ, только что видѣнныя мною почернѣлыя развалины! Казалось, вотъ сейчасъ изъ этихъ дубовыхъ дверей, съ библейскимъ изрѣченіемъ надъ входомъ,—выйдетъ монахиня и степенной походкой пройдетъ черезъ садъ. Вотъ стукнетъ, и распахнется окно, и изъ него выглянетъ молодая послушница, жадно вдыхая ароматъ розъ и бѣлоснѣжныхъ цвѣтовъ померанца, что молодымъ деревцомъ совсѣмъ склонилось къ окну. Одно окно, наверху, было даже полураскрыто и глаза невольно останавливались на немъ, ожидая, что вотъ-вотъ, сейчасъ, покажется въ немъ хотъ одно живое существо... Но все было безмолвно кругомъ; ни жизни, ни движенія, ни звука... Только гдѣ то вблизи рѣзко отчеканила птичка и смолкла, и снова тишь; и не для кого алѣть розамъ и лить свой ароматъ цвѣтамъ померанца!.. А Римъ теперь весь тонулъ въ розахъ. Розы оплетали балконы, стѣны домовъ, цѣлыми потоками ниспадая внизъ. Продавались на улицахъ душистыми, до одурѣнія, букетами за такую цѣну, что становилось совѣстно покупать и, полу-завядшими обрывками и лепестками устилали мостовую...

Цвѣты густо унизывали могилы живописнаго кладбища Тестачіо (Testacio)—протестанскаго, а тоже и русскаго; раскинутаго по косогору, граничащему съ древней черной стѣной, прислонясь къ которой, на верху, красивый памятникъ поэта Шелли, а внизу,—памятникъ нашего Карла Брюллова, творца когда то такъ прославленной картины „Помпеи". Устилали цвѣты и другое громаднѣйшее изъ всѣхъ, когда либо мною видѣнныхъ, кладбищъ, Кампо Верано (Campo Verano)—представляющаго цѣлый го-

родъ, раскинутый по горѣ, съ красивыми извилистыми, межъ памятниковъ, улицами, отдѣленіемъ для сожиганія труповъ и чудесными видами, съ высотъ. Подлѣ кладбища старинная церковь „S. Sorenzo", съ чудесными древними мозаиками и удивительными мозаиками новыми, въ пристроенномъ придѣлѣ гробницы папы Пія IX. Все теперь нарядно убиралось весеннимъ уборомъ и ликовало и пѣло.

Хорошо было и въ Frascati, которое я посѣтила на цѣлый день навѣстивъ, проводившихъ тамъ весну, моихъ знакомыхъ.

Тамъ мы обошли парки нѣкоторыхъ старинныхъ виллъ, съ поросшими мхомъ фонтанами и глубоко-призадумавшимися вѣковыми аллеями. Съ высотъ Frascati очень красивые виды и на Римъ и на Кампанью, съ ея безконечной ширью и, то тамъ, то тутъ, одиноко, будто забытые смертью, искалѣченные старики,—торчащими остатками развалинъ...

Я оставалась въ Римѣ почти до конца мая. Затѣмъ короткое пребываніе во Флоренціи; опять всѣ вмѣстѣ въ Марину; тамъ: нѣкоторыя прежнія и нѣкоторыя новыя, болѣе или менѣе пріятныя, знакомыя; идиллическія прогулки въ лѣсу и долгія сидѣнья на берегу вѣчно-новаго моря; новыя сказанія изъ-подъ моего пера, чтенія которыхъ интересовало нашъ кружокъ. Въ сентябрѣ снова Флоренція—а въ октябрѣ отъѣздъ въ Петербургъ.

XXIII.

Между тѣмъ недомоганье моей belle soeur Мальвины шло къ худшему, особенно отражаясь на прогрессивномъ параличѣ мозга, что представляло очень грустныи явленія и тяжело ложилось на нервы и сердце! Она все еще любила мое чтеніе и еще понимала его, а потому я много читала ей и своего и чужого. Много читала я вообще и въ обществахъ. Много и работала, въ чемъ и гдѣ могла, хотя въ нашемъ Женскомъ Обществѣ не приходилось, какъ прежде работать для музыкально-литературныхъ вечеровъ, совсѣмъ, со времени ухода Билибиной, утратившихъ свое прежнее значеніе и прежній порядокъ, что было очень грустно, тогда, какъ все другое въ Обществѣ шло своимъ порядкомъ, съ разными нововведеніями, въ видѣ читаемыхъ по всѣмъ предметамъ регулярныхъ лекцій и пр. Общество оставалось мнѣ все такъ же дорого и близко, будто родное! Зайдемъ иногда такъ, почти безъ дѣла; ну, книги обмѣнять, на которыя я была абони-

рована; всегда кого нибудь встрѣтишь, поговоришь; иногда, за компанію, чайку выпьешь; уютно, какъ то. Да и вообще, пріѣдешь, эдакъ, опять на родное болото... Хоть плохо оно, какъ болото то: не зима, не осень—а Богъ знаетъ что то такое, не казистое, сумрачное. Небо сѣро, будто солдатскимъ сукномъ обтянуто; сыплетъ съ него гадость какая то, и еще большей гадостью лежитъ на острыхъ булыжникахъ. Солнце торжественно отсутствуетъ; чуть не съ утра зажигай электричество: благо оно проведено! А взглянешь туда-сюда: все то люди близкіе, ко всѣмъ десятки лѣтъ знакомства подкидывай; какъ многихъ знала дѣтьми,— а теперь, смотришь они ужъ не только своихъ дѣтей воспитываютъ, а ужъ и на-ноги поставили. А товарищи-то твои старѣютъ, вмѣстѣ съ тобой, и понемного уходятъ... Вотъ это горе длинной жизни: много могилъ кругомъ!.. Ну, а пока живутъ, какъ они то близки, дороги, помимо всего и тѣмъ, что съ ними вмѣстѣ сколько жизни прожито, сколько впечатлѣній пережито! Вотъ моя дорогая М. А. Шумилина... Смотримъ мы другъ на друга, старушки; а какъ, при случаѣ, вспомнимъ наши театральные экстазы... Блеснутъ передъ нами „лучезарные" глаза Николини, встанетъ во весь гигантскій ростъ своего гигантскаго таланта—Росси... Блеснутъ и наши старые глаза, выпрямится и нашъ уже горбившійся станъ... А тутъ моя милая Е. М. Бемъ своимъ неувядаемымъ талантомъ перенесетъ въ стѣны любимой рисовальной школы, тѣсно связавшей меня и съ любимой литературой, которой интересуется и она; а у нея сойдешься иногда еще съ милымъ, душевнымъ человѣкомъ, К. В. Лукашевичъ, нашей извѣстной дѣтской писательницей: точно милымъ человѣкомъ, что читаешь и на ея цвѣтущемъ, миломъ лицѣ! Такъ вотъ, среди нихъ и примиришься и съ сѣрымъ небомъ, и съ гнилой почвой родного болота и какъ то далеко отойдетъ краса далекихъ странъ, „гдѣ зрѣетъ апельсинъ!.."

Но пришелъ май. Для Мальвины была нанята дача въ Царскомъ Селѣ, такъ какъ дальше ее везти было уже неудобно... Я чувствовала, что мнѣ необходимо отдохнуть отъ этихъ тяжелыхъ впечатлѣній, уѣхать подальше; и я снова уѣхала... И опять пошла та же цвѣтущая канитель: Флоренція — Марина — Флоренція... Осенью я долго оставалась во Флоренціи, а осень была, т.-е. ноябрь—дурной, съ туманами и дождями и тревожными извѣстіями о Л. Н. Толстомъ: объ его бѣгствѣ, обо всей этой ночной драмѣ бѣднаго старика, не выдержавшаго болѣе того гнета душевной муки, съ которымъ такъ долго боролся!

А далѣе извѣстія объ его болѣзни. Я каждый день покупала нѣсколько итальянскихъ газетъ, которыя всѣ были полны извѣстіями объ этомъ міровомъ геніи, который столько лѣтъ до того занималъ умы людей стараго и новаго свѣта, что при всякомъ, мало-мальски выдающемся гдѣ либо, событіи—всѣ восклицали: „Что объ этомъ скажетъ Толстой? Какъ на это взглянетъ Толстой?“ Такъ же были напряжены всѣ умы и тогда. Помню, какъ разъ, когда я брала итальянскую газету у обтрепанной старухи-торговки, она спросила меня: „Вѣрно вы хотите знать о Толстомъ? Да, великій это человѣкъ!“

И, наконецъ, великій человѣкъ почилъ... Замолкли его, такъ много изрекавшія, уста! Весь свѣтъ горько отозвался на эту кончину; но, увы... послѣ этихъ словъ всеобщаго восхваленія, этихъ гимновъ, достойныхъ великаго усопшаго,—какимъ горькимъ диссонансомъ, на его родинѣ, среди близкихъ ему людей и по крови, въ томъ лагерѣ, что подпалъ подъ ярмо людей хлопотавшихъ о томъ, чтобы свѣтъ отъ его лучезарнаго вѣнца, отразился на честолюбивомъ, по тускломъ челѣ людей этого лагеря,—раздались отзвуки мѣщанской меркантильности и пошлости!..

Оплакавъ кончину великаго человѣка и высокаго христіанина, я изъ туманной Флоренціи, 15-го Декабря, поѣхала въ Римъ; а 17-го туда же, въ нашъ пансіонъ, пріѣхали Сухотины: Михаилъ Петровичъ, Татьяна Львовна (дочь Л. Н. Толстого) и ихъ дочка, Таня, которой наканунѣ кончины дѣдушки,—6-го Ноября,—исполнилось пять лѣтъ. Свидѣлись мы за завтракомъ, а послѣ завтрака, сойдясь въ салонѣ, гдѣ Т. Л. разсказывала что то Танѣ,—разговорились, и черезъ нѣсколько минутъ, Таня уже сидѣла у меня на колѣняхъ и жадно слушала мою сказочку; а къ вечеру этого дня, мы съ Т. Л. были точно давно знакомыя, а Таня рѣшительно заявила:

— У насъ, съ Софьей Ивановной, такой уговоръ: по сказкѣ въ день!

Иногда число ихъ превышалось, но никогда не сходило на нѣтъ; и тихій стукъ въ мою дверь,—безъ стука, милая дѣвчурочка никогда не входила,—превозглашалъ ея появленіе; и мы уютно усаживались на широкомъ диванѣ (въ виду храма Св. Петра, прямо смотрѣвшаго въ мое окно, изъ за крышъ домовъ, окружавшихъ площадь Кавура, съ его пальмовымъ скверомъ), и сказка, тутъ же сочиняемая, закипала. Да какъ было ей и не литься? Какъ было не развиваться фантазіи, когда въ мои глаза были устрем-

лены пристальные взоры глубокихъ, темныхъ глазъ,—совсѣмъ глазъ дѣдушки? Не даромъ Т. Л. иногда при этомъ присутствуя, говорила:—Ну, С. И. ужъ вы не можете сказать, чтобы у васъ была невнимательная слушательница!

Что за прелесть эта Таня, эта „Татьяна Татьяновна", какъ называлъ ее дѣдушка, питавшій особо нѣжное чувство къ этой внучкѣ, дочери его любимой дочери! Онъ мечталъ, вѣрно, милый старичокъ, что эта дочь, такъ много съ нимъ работавшая, такъ подходившая къ нему по уму, такъ его понимавшая, и притомъ такая энергичная, такъ здраво смотрящая на жизнь,—останется всегда при немъ, повидимому не собираясь выходить замужъ... Но судьба распорядилась по своему! М. С. Сухотинъ,—къ которому еще дѣвочкой-подросткомъ Т. Л. питала большую симпатію,—позднѣе женившійся на баронессѣ Боде,—овдовѣлъ, и Т. Л. стала его женой и матерью его шестерыхъ дѣтей: дочери и пяти сыновей, изъ которыхъ меньшому было три года. Я слышала, что этотъ бракъ былъ большимъ огорченіемъ для Л. Н., лишивъ его привычной близости Т. Л.; и онъ сначала даже немного косился на зятя, похитившаго его любимицу. Но потомъ, все обошлось; возстановились и дружескія отношенія съ зятемъ, съ которымъ онъ любилъ и бесѣдовать, довѣряя его мнѣнію и частенько гостя въ его имѣніи, Кочетахъ. Это расположеніе еще возрасло, когда у Т. Л., послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ родовъ, родилась Таня,—это, по правдѣ „сокровище",—какъ ее называетъ, обожающій ее, отецъ! Да и точно сокровище, эта дѣвочка, въ ея пять лѣтъ, говорившая твердымъ, чистымъ языкомъ, совсѣмъ какъ большая, не повторяя только фразъ другихъ, взрослыхъ,—но продуманныхъ ею самой, въ чемъ мнѣ не разъ приходилось убѣдиться. Моя комната была рядомъ съ комнатой, гдѣ спала Таня съ няней, и я, по утрамъ съ удовольствіемъ слушала ея голосокъ, иногда даже перекликиваясь съ ней. Но самыя наши интимныя съ ней бесѣды были по вечерамъ, когда она просила, чтобы я зашла къ ней, къ ея постелькѣ и, тамъ, чтобы подольше удержать меня при себѣ, она крѣпко держала меня за руку, пока няня насъ не разлучала. Тутъ были разныя воспоминанія и о „Кочетахъ", и объ „Ясной Полянѣ"; и о томъ, какія куклы ей дѣлала бабушка; и о томъ, какъ зовутъ собакъ и лошадей въ Кочетахъ; и о томъ, какой былъ кабинетъ у дѣдушки въ „Ясной Полянѣ". И какъ она тамъ сидѣла у него на колѣняхъ, и онъ ей показывалъ все, что у него было на столѣ. А она вдругъ и сказала ему, что скоро ея рож-

денье и спросила, что онъ ей подаритъ? А дѣдушка взялъ со стола карандашикъ и сказалъ, что у него нѣтъ другого подарка, и подарилъ ей этотъ карандашикъ.

— Что же, Танюша, ты его не потеряла?—прервала я ее.

— Ахъ, конечно!—вскрикнула Таня, вся проникнутая мыслью о цѣнѣ дѣдушкина карандашика: Мама спрятала его для меня! Я такъ была довольна этимъ карандашикомъ!

— Дѣдушка былъ такой добрый, такой добрый,—говорила она разъ мнѣ, въ такой интимной, вечерней бесѣдѣ,—и я буквально привожу всѣ ея слова:—Его всѣ, всѣ любили! Кажется никого не было, кто бы не любилъ дѣдушку! Онъ былъ почти такой же добрый, какъ Христосъ... Я говорю почти, потому что Христосъ былъ еще добрѣе... А я знаю, какъ родился Христосъ отъ Богородицы!

О, она знала даже сколько было сыновей у Авраама и какъ ихъ звали. Я помню, какъ она бойко отвѣчала на экзаменѣ, державшаго ее на рукахъ архіепископа Владиміра (русской римской церкви), въ салонѣ нашего пансіона, который онъ не рѣдко посѣщалъ. У него она и причащалась, въ одинъ день со мною, во время моего говѣнья, на первой недѣлѣ великаго поста.

Любила я по вечерамъ присутствовать при вечерней молитвѣ Тани, въ ея кроваткѣ, на колѣняхъ. Нужно было слышать, какъ внятно и проникновенно произносила она слова „Отче нашъ“ и, помолившись за всѣхъ своихъ, прибавляла молитву собственнаго сочиненія: „Господи, помилуй всѣхъ людей, всѣхъ звѣрей и птицъ“... И кончала молитвой:

— „Упокой, Господи, дѣдушку!“

Вся зима сложилась этотъ разъ особенно хорошо и дома и внѣ дома. Знакомство и, можно сказать,—дружба съ Т. Л.—этимъ славнымъ человѣкомъ, умницей, сильной, энергичной! Сколько, бывало, хорошихъ, задушевныхъ разговоровъ вели мы съ ней по вечерамъ, какъ уляжется Таня, у меня въ комнатѣ, на широкомъ диванѣ! А подъ конецъ, она скажетъ: „а не пойти ли намъ къ Рахмановымъ, чайку попить?“ И пойдемъ, зная, что примутъ съ радушіемъ. По дорогѣ еще заглянемъ въ салонъ, гдѣ Михаилъ Сер. сражается въ шахматы съ Болотниковой. Вотъ, тоже милыя люди у насъ жили: мать, бывшая смолянка,—моего поля ягода,—хоть и помоложе меня; милая очень; а дочь ея, Софья Петровна,—умница, живая, что столько оживленія вносила всегда въ общество. Иногда къ Рахмановой придетъ князь Сергѣй и

доставитъ большое удовольствіе своей игрой; иногда съ нимъ придетъ Модестъ Ильичъ Чайковскій, всегда очень любезный; съ какими нибудь животрепещущими новостями или восторженными разсказами объ его другѣ, Максимѣ Горькомъ, котораго онъ безпрестанно навѣщалъ на его великолѣпной виллѣ, на островѣ Капри.

Были у меня нѣкоторыя пріѣзжія знакомыя, съ которыми я часто видалась, больше у меня; съ которыми и каталась, или встрѣчалась въ читальнѣ, по средамъ: Ильина, Колпычева, Бѣляева-Скарятина; все личности симпатичныя. Часто эту зиму я видѣлась съ Прасковьей Николаевной Милютиной, переѣхавшей къ намъ поближе, въ квартиру, окруженную балконами, съ которыхъ открывался чудный видъ на всѣ стороны, чаруя въ часъ заката такими красками, какія увидишь только въ Римѣ! Но, не смотря на всю прелесть римскаго климата, выдался у насъ въ декабрѣ день, когда вдругъ повалилъ снѣгъ, такими солидными хлопьми, что сразу напомнилъ родной сѣверъ! Повалилъ прямо на ярко-зеленую траву; но скоро пересталъ, и я до полудня уже вышла изъ дому и отправилась на Пинчіо. Тамъ снѣгъ еще лежалъ на травѣ и даже на розовыхъ кустахъ; и дѣти жадно подхватывали его съ травы, комкая въ шары и бросая другъ въ друга. На, къ полудню снѣга не осталась и слѣда.

При воспоминаніи о дѣтяхъ, вдругъ представила я ихъ себѣ въ совсѣмъ своеобразной обстановкѣ: именно въ декабрскіе праздники Рождества Христова, когда они пародируютъ въ образѣ проповѣдниковъ въ церкви „Santa Maria in Aracoeli“, старинной церкви, рядомъ съ Капитоліемъ, прежнемъ храмѣ Юпитера на Капитолійскомъ холмѣ. Въ эти рождественскіе дни, вдоль до Крещенья, грандіозная лѣстница храма (болѣе чѣмъ въ 100 ступеней), унизана торговцами игрушекъ и всякаго мелкаго товара, который раскупается дѣтьми, поднимающимися до главныхъ дверей храма, отворенныхъ только въ это время. Первый на лѣво предѣлъ внутри, превращенъ въ великолѣпно-украшенный и ярко-освѣщенный огнями,—вертепъ, въ ясляхъ сотораго покоится Святой Младенецъ (Santo Bambino), въ видѣ раскрашенной статуи, въ дорогихъ пеленкахъ и золотой, украшенной драгоцѣнными камнями, коронѣ. Этотъ Santo Bambino и есть святыня,—имѣющая чудотворную силу, — храма, которая въ другое время года хранится въ особомъ кіотѣ, подъ стекломъ. Въ рождественскіе дни, отъ 4-хъ до 6-ти часовъ по полудни, всѣ желающія дѣти, безъ различія званія и пола, могутъ, на маленькой, поставленной передъ верте-

помъ, каѳедрѣ, говорить рѣчи, стихи, все что они приготовили и заучили для восхваленія Святаго Младенца. Иногда бывали сцены и комичныя, когда поставленная на каѳедрѣ разодѣтая въ бархатъ крошка, со страху или конфузу, забывъ то, что заучила, сосчитала за лучшее разреветься; и бывала матерью прямо черезъ перилы каѳедры выпровождаема прочь. Но бывали и премилыя сцены, прекрасно, даже съ чувствомъ произнесенныхъ стиховъ, или даже разыгранныя двумя крошками , изъ которыхъ старшая, съ паѳосомъ, указывая младшей драматическимъ жестомъ на возлежащаго въ ясляхъ Святаго Бамбино, приглашала малютку пасть низъ передъ этимъ, рожденнымъ для ихъ спасенія, Бамбино; а малютка, въ это время барабанила ноженками, въ стоптанныхъ башмаченкахъ, по рѣшеткѣ каѳедры, что не мѣшало ей затѣмъ, по приглашенію сестры, картинно пасть на колѣни и что-то пробормотать въ честь Святаго Бомбино. Бывали же настоящія проповѣдницы; какъ одна скромно одѣтая дѣвочка, лѣтъ 12-ти, произносившая цѣлыя рѣчи съ такимъ паѳосомъ и жестами, что обѣщалъ въ будущемъ новую Элеонору Дузе!

Непріятнымъ финаломъ всего этого, было дозволеніе дѣтямъ, по окончаніи часовъ для проповѣдей, начать, тутъ же въ храмѣ, мѣшая начавшейся вечернѣ,—дудить въ свои трубы, стрѣлять изъ глупыхъ пистолетиковъ и пускать воздушные шары, что ужъ совсѣмъ не ладилось съ прекраснымъ пѣніемъ хора и облаками ѳиміама, въ которыхъ скользили, пущенные на веревочкахъ, шары!

Среди произведеній, высоко-талантливой, современной шведской писательницы, Зельмы Лагерлефъ, есть прекрасный романъ „Чудеса Антихриста“; въ которомъ такую интересную роль играетъ эта статуя „Санто Бамбино“, хотя и подмѣненная, но все же творившая чудеса, являя свое дѣйствіе, какъ дѣйствія—Вѣры.

Я уже говорила раньше, что эта зима была очень разнобразна и въ различныхъ посѣщеніяхъ. Такъ въ Февралѣ, появился на Римскомъ горизонтѣ,—Станиславскій, болѣвшій передъ тѣмъ воспаленіемъ легкихъ и посланный на поправку на югъ. Знакомый раньше съ Сухотиными, онъ вскорѣ былъ у нихъ, гдѣ я возобновила съ нимъ знакомство, нечаяннымъ образомъ завязавшееся 15 лѣтъ передъ тѣмъ, въ Москвѣ, у Росси (о чемъ уже писала въ своемъ мѣстѣ). Онъ тотчасъ же припомнилъ эту встрѣчу, и мы много говорили съ нимъ о Росси, котораго онъ не переcталъ уважать; но въ своемъ, иногда уже излишнемъ реализмѣ, попирающемъ все, мало мальски касающееся идеализма, уже слишкомъ

отклонился отъ классическаго репертуара, увѣряя, на мое о томъ замѣчаніе, что публика отъ него отошла. Но я бы могла замѣтить ему, что публику могло отучить отъ классическаго репертуара такое не-классическое исполненіе, какимъ его „художники" явили передъ публикой того „Юлія Цезаря", котораго я зрѣла,—о чемъ уже и писала; не думая о томъ, что Шекспира нельзя играть только „нутрòмъ"; и если обѣщанный тогда Станиславскимъ—„Гамлетъ" явится въ такомъ же видѣ, какъ „ломали" „Юлія Цезаря", то я и не поздравляю публику!

Въ одинъ вечеръ Станиславскій читалъ, при многочисленномъ обществѣ, у Рахмановой; реплики же ему давалъ А. А. Стаховичъ и давалъ прекрасно. Противъ ожиданія, въ сценѣ изъ „Горе отъ ума", Станиславскій въ роли Фамусова былъ чрезвычайно блѣденъ и холоденъ; быть можетъ тоже не попавъ въ тонъ въ пьесѣ классическаго оттѣнка; но въ сценѣ Островскаго „На всякаго мудреца довольно простоты", былъ неподражаемъ! Отъ чтенія въ „Русской читальнѣ", Станиславскій отказался, боясь раздражить усиленнымъ чтеніемъ свое горло.

Но въ читальнѣ, благодаря энергіи президента, и самыя средовыя „чаепитія" были очень оживлены и пѣніемъ, и музыкой посѣщавшихъ дни среды, въ чемъ принималъ участіе своей прекрасной игрой и самъ президентъ и тѣ артисты, которыхъ онъ приглашалъ на свои домашніе вечера. Такимъ образомъ тамъ игралъ прекрасный віолончелистъ Боржанскій, пѣла петербургская артистка Петренко, съ ея сочнымъ контральто. Изъ концертовъ читальни былъ особенно замѣчателенъ тотъ, гдѣ знаменитый квартетъ папскихъ пѣвчихъ, Сикстинской капеллы, исполнилъ чудесное „Stabat Mater"—Россини. Мнѣ пришлось слышать этотъ квартетъ на генеральной репетиціи, происходившей на квартирѣ князя Сергѣя, куда я была имъ любезно приглашена. Помимо музыкальнаго интереса, я очень интересовалась, съ артистической точки зрѣнія, видѣть эту, прославленную видѣвшими ее,—„студію" эстетика князя Сергѣя, переселившагося туда послѣ смерти отца, съ которымъ до того постоянно жилъ.

И точно, это былъ совершенно пріютъ человѣка любящаго и понимающаго искусство; даже самый входъ подготовлялъ къ тому, начиная со стараго, темнаго палаццо и его дворика, колоннада котораго, съ древними каріатидами, была густо-обвита ползучей зеленью. Старая лѣстница была порядочно крута, что и вызвало у меня, при обращеніи къ князю, замѣчаніе, что поистинѣ:

„Парнасъ гора высокая, и дорога къ ней не гладкая!“ И Парнасъ оправдалъ свое названіе, явившись вполнѣ пріютомъ музъ, въ ихъ разныхъ проявленіяхъ. Этотъ салонъ, или „студія“, съ ея высокимъ плафономъ, откуда тоже бьетъ свѣтъ, среди его окраски на подобіе неба,—соединяетъ въ себѣ массу вкуса и изящества, вмѣстѣ съ строгимъ стилемъ Empire, съ этими чудесными гобеленами, обтягивающими стѣны. Въ промежуткахъ висятъ прекрасныя старыя картины, между которыми царитъ превосходное „Моленіе о чашѣ“—Г а р о ф а н о. Стиличныя лампы, мраморы, бронза, миніатюры; рояль и органъ. Репетиція прошла прекрасно; общество было знакомое, тоже все артистическое.

Тутъ я впервые познакомилась съ И. Е. Рѣпинымъ, пріѣхавшимъ въ Римъ, по поводу его выставки, какъ „жюри“ для выбора картинъ изъ мастерскихъ нашихъ русскихъ художниковъ, живущихъ въ Римѣ; но, какъ оказалось потомъ, „жюри“ это было слишкомъ придирчиво и не отличалось справедливостью; при томъ, исключивъ изъ своей среды такихъ римскихъ сторожиловъ, какъ талантливый и во всѣхъ отношеніяхъ порядочный человѣкъ,—Бакаловичъ, и почтенный Реймерсъ, посвятившій много лѣтъ на работы въ катакомбахъ, срисовывая еще уцѣлѣвшія на стѣнахъ фрески, описывая ихъ въ своемъ большомъ, готовомъ для изданія, сочиненіи, работая въ катакомбахъ въ такой сырости, что подмостки, на которыхъ онъ лѣпился, при тускломъ свѣтѣ лампадъ,—подгнили отъ сырости. Вообще, про Рѣпинское „жюри“ приводились аксесуарчики весьма не казистые; имѣвшіе нѣчто общее съ подобными же аксесуарчиками на далекой родинѣ, подъ кровлей Академіи Художествъ...

Упомянувъ о выставкѣ, бывшей интернаціональной,—я и остановлюсь на ней, конечно не вдаваясь въ подробности. Первою была открыта „А р х е о л о г и ч е с к а я и т о п о г р а ф и ч е с к а я“, вмѣщавшая массу предметовъ, въ видѣ: древнихъ плановъ, костюмовъ, оружія и пр., относившихся къ быту города Рима, съ древнѣйшихъ временъ. Интересъ еще удваивался тѣмъ, что выставка была помѣщена въ комнатахъ зàмка Св. Ангела; этого колоссальнаго зданія, предназначеннаго служить Мавзолеемъ Императору Адріану, а затѣмъ служившаго крѣпостью не столько Риму, сколько ютившимся тамъ, подъ охраною его стѣнъ,—папамъ; такъ что, обозрѣвая выставку, вы можете обойти, разными извилистыми переходами и крутыми лѣстницами, темными закоулками и внутренними двориками,—и роскошныя помѣщенія папъ, со всей ихъ

обстановкой, и ужасныя тюрьмы, томившихся тамъ заключенныхъ. Что за ужасъ представляютъ эти историческія тюрьмы, едва освѣщенныя крошечнымъ отверстіемъ сверху, что то въ родѣ каменнаго мѣшка, иногда до того узкаго, что,—какъ въ тюрьмѣ, гдѣ девять мѣсяцевъ, передъ его сожженіемъ, провелъ Джіордано Бруно,—онъ, на каменномъ полу не могъ вытянуться лежа, бывъ принужденъ спать только въ сидячемъ положеніи! Немного шире, но еще мрачнѣе и ужасная тюрьма, болѣе похожая на грязную яму,—прелестной Беатриче Ченчи, проведшей въ ней два года и послѣ того казненной. Возмутительная исторія сладострастнаго отца и несправедливый судъ надъ несчастной дочерью, такъ же извѣстна, какъ извѣстны по копіямъ, съ картины Гвидо Рени (находящейся въ Римѣ, въ Музеи Барберини) чудная головка несчастной дѣвушки,—убійствомъ отца оградившей свою невинность. Нужно при томъ прибавить, что ни одна, ни фотографія съ картины, ни художественная копія, не можетъ передать дивнаго выраженія, особенно глубоко-грустныхъ глазъ,—оригинальной картины. Третьей исторической тюрьмой (не считая другихъ, въ томъ числѣ „чародѣя" графа Каліостро), представляетъ тюрьма знаменитаго скульптора—ювелира Бенвенуто Челлини, по протекціи кого-то изъ сильныхъ друзей его, помѣщеннаго такъ, что изъ довольно низкаго и болѣе широкаго окна, онъ, при помощи тѣхъ же друзей,—могъ бѣжать.

Вслѣдъ за этой выставкой, открылась „скульптурная", въ Термахъ Діоклиціана; для чего подновили и укрѣпили тѣ части Термъ, которыя были близки къ окончательному разрушенію и были недоступны, заваленныя всякимъ мусоромъ, теперь открывъ чудесные, еще уцѣлѣвшіе остатки. Выставленные въ нихъ гипсовые слѣпки съ древнихъ произведеній геніальныхъ мастеровъ, представляютъ интересную коллекцію, указывающую на развитіе древняго искусства, вліявшаго на всю послѣдующую скульптуру, могущей ей только подражать.

Художественная интернаціональная выставка занимала павильоны, построенные на огромномъ пространствѣ, называемомъ „Valle Giulia", прилегающемъ къ парку виллы Боргезе. Всѣхъ павильоновъ 12. Конечно, я буду только вскользь говорить о нихъ. Прямо, противъ широкой входной лѣстницы, со стороны парка, возвышалось грандіозное зданіе павильона „Итальянскаго". Въ немъ, кромѣ произведеній итальянскихъ, многочисленныхъ, но очень слабыхъ по содержанію и по исполненію, помѣстилась:

Швейцарія, съ произведеніями,—за немногими исключеніями— очень грубыми и красочными; Швеція, Норвегія и Данія, гдѣ среди массы грубой декаденщины и отталкивающихъ грубыхъ, голыхъ тѣлъ,—какъ оазисы мелькаютъ истинно-художественныя вещи! Глазъ отдыхаетъ на милыхъ вещахъ Голландіи и недурныхъ вещахъ Болгаріи. Влѣво отъ Итальянскаго павильона, грандіозный—Англіи, по истинѣ заслужившій первую премію прекраснымъ выборомъ произведеній, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, особенно, какъ всегда, щеголяя своими акварелями. Соперницей Англіи явилась Испанія. Самый павильонъ, весь рѣзной, ажурный, съ изящными колонками, построенный на высокомъ мѣстѣ, красиво рисуется на лазурномъ небѣ. Красивъ и самый входъ; а живопись чаруетъ той силой кисти и сочностью красокъ, чѣмъ особенно отличается современная испанская живопись; придавая необыкновенную жизненность, цѣликомъ перенося васъ подъ ея горячее небо, въ среду ея дѣтей, такъ характерныхъ, въ ихъ обыденной жизни, въ жанрахъ въ натуральную величину! Пройдя красивый,—не знаю почему, въ египетскомъ стилѣ,—вестибюль павильона Германіи, вы приходите въ недоумѣніе, вмѣсто, такъ знакомыхъ, милыхъ нѣмецкихъ жанровъ, съ ихъ теплой уютностью,—встрѣчая цѣлые ряды безсмысленной декаденщины! Но эта же декаденщина, уже не ужасаетъ и не возмущаетъ даже васъ, а просто смѣшитъ въ павильонѣ Австріи, наполнившей цѣлыя залы такими необъяснимыми, безобразными чудищами,— что, послѣ смѣху, становится и горько, и обидно и за художниковъ, потерявшихъ здравый смыслъ и искру пониманія красоты, и за публику, надъ которой, кажется, издѣваются эти одурѣвшіе художники!

Такой же, часто даже совсѣмъ неприличной декаденщиной, отличается, особенно въ скульптурѣ,—Сербія; въ живописи давшая нѣсколько не дурныхъ, по замыслу, но грубыхъ по исполненію,—полотенъ. Много хорошаго встрѣтила я въ Бельгіи, Венгріи и Америкѣ. Современныя силы Франціи совсѣмъ не явились на выставкѣ; и живопись ея была плоха, но природный вкусъ и изящество французовъ проявилось въ медальерномъ искусствѣ. Японія главное показала свое искусство, отличающееся поразительной тонкостью и неимовѣрнымъ терпѣніемъ, въ картинахъ на картонѣ и шелковой матеріи; но дала нѣсколько хорошихъ вещей и въ большихъ картинахъ масляной живописи, а тоже милыя, полныя жизненности, статуэтки изъ терракоты.

Теперь мнѣ остается сказать о павильонѣ России, на очень хорошемъ мѣстѣ, рядомъ съ входной лѣстницей, водрузившей свой, якобы старинный помѣщичій домъ, съ желтыми стѣнами, бѣлыми колоннами и зелеными куполами... Зачѣмъ понадобилось эти куполы, числомъ два—размѣстить одинъ за другимъ? (Зеленые на желтыхъ стѣнахъ: „яичница съ лукомъ“)... Зачѣмъ понадобилась желтая окраска стѣнъ, напоминающая окраску нашихъ казармъ и сумашедшихъ домовъ?.. Впрочемъ посѣтители выставки, долго-долго послѣ того, какъ были открыты другіе павильоны,—могли любоваться грудами деревянныхъ ящиковъ у стѣнъ русскаго павильона, ждавшихъ ихъ распаковки и размѣщенія, запрятанныхъ въ нихъ картинъ; такъ долго, что самъ павильонъ успѣлъ еще до его открытія значительно откачнуться назадъ, что сразу бросалось въ глаза. („Злые языки“ говорили, будто на другой день по открытіи, сверху отвалился большой кусокъ карниза, чуть не убившій одну итальянку). Но какъ бы то ни было, въ концѣ концовъ, ящики разобрали и даже убрали и публику пустили. Я начала съ нижняго этажа, войдя въ темный вестибюль, съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ: не былъ ли то подвалъ, куда сложили распакованные ящики? Тѣмъ болѣе, что глазамъ моимъ, прежде всего предстали сѣрыя стѣны, слѣдующія затѣмъ комнаты, съ выступившими на нихъ черными пятнами сырости, что все же можно было замѣтить, не смотря на скудное освѣщеніе, рѣдко-продѣланныхъ, низкихъ оконъ. Но этотъ подвалъ... то есть „зала“, вмѣщала на своихъ сырыхъ стѣнахъ тонкія гравюры, рисунки и изящныя акварели нашихъ первоклассныхъ аквалеристовъ, съ братьями Бенуа во главѣ, въ чемъ мнѣ и пришлось убѣдиться, напрягая свое зрѣніе въ этомъ полумракѣ...

Безпорядочность каталога напомнила мнѣ каталоги нашихъ выставокъ въ Петроградѣ; превзойдя ихъ еще тѣмъ, что многіе рисунки, отмѣченные въ каталогѣ, не имѣли нумеровъ у самихъ картинъ; что произошло и съ прекраснымъ портретомъ, карандашемъ, Л. Н. Толстого, работы его дочери Т. Л. Сухотиной. Выборъ картинъ былъ, вообще, далеко не блестящъ; чѣмъ вообще отличаются наши заграничныя выставки, показывая или апатію самихъ художниковъ, или кумовство распорядителей, что проявилось и нынѣ!.. Въ верхнемъ этажѣ царилъ Рѣпинъ (если не качествомъ, то количествомъ)—занявшій не одну залу; протянувъ длинный рядъ, болѣе или менѣе удачныхъ портретовъ, бо́льшею частію карандашемъ. Къ удачнымъ ужъ никакъ нельзя причислить

портретъ „Л. Н. Толстого съ женой!..“ Изъ большихъ картинъ Рѣпинъ выставилъ свою нелѣпую картину „Какой просторъ!“—на которой отважный юноша-студентъ и столь же отважная дама, тепленько пріодѣвшись, благополучно шествуютъ „по морю, яко по суху“, при чемъ дама благоразумно запаслась муфтой... Приведу одно изъ комичныхъ замѣчаній зрителей—итальянцевъ, недоумѣвшихъ передъ этой мудреной картиной: „Что это изображаетъ?“ спросила недоумѣвавшая дама своего кавалера. „Да вѣдь въ Россіи такъ холодно,—отвѣтилъ не потерявшійся итальянецъ:—„что они и купаются одѣтыми!!.“ Другой большой картиной Рѣпина на выставкѣ было огромное полотно, говорятъ, прошедшее черезъ разныя измѣненія, и теперь имѣющее какое то непонятное содержаніе, не то патріотическаго, не то революціоннаго характера; съ разорванными цѣпями и съ громаднымъ яркимъ—какъ и вся картина, сильно красочная,—флагомъ, съ аршинной надписью „17 Октября“; но должно быть, съ очень рьяными участниками шествія, судя по слишкомъ широко раскрытымъ ртамъ и раскраснѣвшимся лицамъ.

За Рѣпинымъ наибольшое пространство было отведено Сѣрову съ массой декаденскихъ портретовъ, послѣднее слово котораго сказалъ портретъ танцовщицы „Иды Рубинштейнъ“, представившей публикѣ голое тѣло, полу-высохшей и сильно попорченной муміи. К. Маковскій далъ большую, довольно мглистую вещь „Свадьба XVII ст.“ В. Маковскій—нѣсколько небольшихъ очень ужъ унылыхъ и убого-представившихъ русскую жизнь, жанровъ... Выдѣлился изъ другихъ всѣхъ слабыхъ вещей нашихъ жанристовъ, Богдановъ-Бѣльскій, особенно удачнымъ освѣщеніемъ картины „Имянины учительницы“. Лучшая картина выставки, самаго талантливаго изъ нашихъ художниковъ—мыслителей Виктора Васнецова „Баянъ“,—для которой порядочнаго мѣста „не хватило“—была почтенными распорядителями, была помѣщена надъ боковой лѣстницей, въ сторонкѣ, гдѣ ее трудно было и найти!.. Спасибо, что теперь для нея отыскали мѣсто въ Музеѣ Александра III! Укажу еще на одинъ варіантъ. Нашъ пейзажъ, въ настояще время лучшій въ Европѣ, явился тутъ, въ ничтожнымъ количествѣ и, по странной случайности, почти всѣ пейзажи были зимнія; что могло еще болѣе утвердить въ иностранцахъ и то мало свѣдующихъ о Россіи,—мнѣнія, что Россія вѣчно покрыта снѣгомъ!

Во время своего пребыванія въ Римѣ, Рѣпинъ каждую среду

бывалъ на „чаяхъ“ въ „Русской читальнѣ“, также какъ и прибывшая съ нимъ г-жа Нордманъ („сѣноѣдка“,—какъ ее прозвали въ Петербургѣ, за ея лекціи). Страстная вегетеріанка, она фанатично проповѣдуетъ единую спасительную для жизни пищу,—это сѣно; простое сѣно, что кушаютъ наши лошадки; изъ котораго вываривается чудесный бульонъ; а оставшаяся отъ бульона гуща, съ какой нибудь приправой, служитъ вторымъ блюдомъ обѣда. Кромѣ сѣна, г-жа Нордманъ рекомендуетъ всѣ тѣ зеленые отбросы, что безжалостно осуждены кухарками для помойнаго ведра: какъ придаточные листья капусты, древянисто-зеленые стволы рѣпы, моркови, а также шелуху картофеля и плодовъ; и въ своей, ею написанной и изданной книгѣ, приводитъ длинное меню обѣдовъ, стоющихъ 12 коп. Кромѣ этой брошюрки, есть у нея другая, о необходимости нами „раскрѣпощенія прислуги“, главное послабленіе которой состоитъ въ томъ, чтобы ее непремѣнно на-ночь отпускать домой; но тутъ не достаточно выясненъ вопросъ: какъ поступить съ такой, у которой этого дома нѣтъ?

Пишетъ г-жа Нордманъ подъ именемъ „Сѣверовой“ и о другихъ предметахъ и воспоминаніяхъ; и нѣкоторыя, напр.—посѣщенія ею „Ясной поляны“, очень живо и образно... Но меня сильно покоробило, съ самаго начала, отъ видѣнныхъ ею на небѣ „шикарныхъ“ звѣздъ!!. Должна признаться: коробитъ меня вообще отъ этого, безсмысленно-навязываемаго прилагательнаго; а ужъ если это еще „шикарныя звѣзды“... Такъ вотъ и припомнится одинъ изъ Тургеневскихъ героевъ, изъ „Записокъ Охотника“,—„чувствительно“ распѣвавшій романсъ: „Е я фа-пустыни удаляюсь ото-прикарасныхъ седѣшныхъ мѣстъ...“ Г-жа Нордманъ собиралась въ Римѣ, въ Русской читальнѣ, прочесть лекцію о „сѣнѣ“, но благоразумно ретировалась, угадавъ, что охотниковъ смаковать его не найдется!

Отъ этой несостоявшейся лекціи я перейду къ тремъ тамъ состоявшимся очень интереснымъ лекціямъ князя С. М. Волконскаго, носившимъ общее названіе: „Человѣкъ на сценѣ“, изъ которыхъ первая называлась „Въ защиту актерской техники“; вторая—„Красота и правда на сценѣ“, а третья „Человѣкъ и ритмъ“. Тогда какъ двѣ первыя лекціи имѣютъ преимущественно значеніе для людей, подвигающихся на сценѣ, третья имѣетъ громадное значеніе для всѣхъ. Признавая важность значенія обыкновенной гимнастики, познакомясь, въ этой третьей

лекціи, съ методой Далькроза „Ритмической гимнастикой“, становится ясно все ея значеніе! Мнѣ пришлось впослѣдствіи, въ слѣдующую же зиму, въ Петербургѣ, нѣсколько разъ въ разныхъ воспитательныхъ обществахъ слышать посвященныя „Ритмической гимнастикѣ“ лекціи князя Волконскаго, слышать и съ дебатами, въ которыхъ участвовали и серіозные педагоги и доктора, въ томъ числѣ и психіаторы,—заявленіями „pro“ у „contra“; видѣла я и демонстрацію въ Михайловскомъ театрѣ учениць Далькроза, подъ его непосредственнымъ управленіемъ; эту демонстрацію, приведшую въ восторгъ и профессоровъ нашей консерваторіи и всю публику—удивительнымъ развитіемъ ритма, и музыкальности и отъ души пожелала, чтобы и у насъ эта система пустила такіе же глубокіе корни, какъ въ Германіи, гдѣ уже теперь,—въ такое короткое время,—она введена въ консерваторіяхъ всѣхъ большихъ городовъ, и въ 25 школахъ. Я не буду, конечно, знакомить въ моихъ запискахъ съ этой системой, такъ какъ вѣроятно многіе могли и слышать лекціи князя Волконскаго и читать его книгу „Человѣкъ на сценѣ“,—въ которой она подробно изложена, я позволю себѣ только привести оттуда нѣкоторые отрывки.

„Что можетъ быть важнѣе,—пишетъ князь Волконскій,—въ строительствѣ нашей земной жизни, какъ воспитаніе человѣка? А въ человѣкѣ самомъ, что можетъ быть важнѣе, какъ способность воспитанія и средства выразительности? И это воспитывается „ритмической гимнастикой“. Само имя уже указываетъ: ритмъ воспитываетъ воспріимчивость, гимнастика воспитываетъ выразительность. И удивительнѣе всего при этомъ то, что выразительность дѣйствуетъ на воспріимчивость, что движеніе, точно выражающее музыку и тѣмъ самымъ являющееся правдивою картиною чувства,—пробуждаетъ и самое чувство. Школа Далькроза, это школа нравственнаго здоровья: все, что они чувствуютъ глубже, все что они выражаютъ, они выражаютъ правдивѣе. Въ нихъ проникаетъ искусство, они проникаютъ въ природу. Одному изъ дѣятелей Галлерауской колоніи я выражалъ свой восторгъ по поводу видѣннаго. Съ тою вѣрою, которая отличаетъ всѣхъ этихъ людей, работающихъ надъ дѣтскимъ безсознательнымъ матеріаломъ ради будущихъ сознательныхъ поколѣній, онъ сказалъ: „Какой новый родъ людской отъ этихъ поколѣній пойдетъ!“ Если я упоминаю отзывъ рабочаго, то какъ примѣръ, что если въ этихъ слояхъ понято психическое воздѣйствіе системы, то во сколько

больше должно оно быть оцѣнено въ болѣе культурныхъ слояхъ!“

Мнѣ бы хотѣлось остановиться на одной фразѣ князя Волконскаго, именно о работѣ „надъ дѣтскимъ безсознательнымъ матеріаломъ“!

Вотъ, при его упоминаніи объ этомъ дѣтскомъ безсознательномъ матеріалѣ я крѣпко призадумалась!.. Да, въ какія руки попадаетъ этотъ безсознательный матеріалъ? Въ какія формы выливается онъ, чистый, нетронутый, ожидающій мастера достойнаго этого матеріала! Много ли мы думаемъ объ этихъ маленькихъ душахъ, объ развитіи ихъ духа, ихъ высшаго „Ego?“ Какими мастерами являются эти родители и воспитатели,— имъ же имя легіонъ,—которые лѣпятъ изъ этого „безсознательнаго матеріала“, рутинныхъ маріонетокъ или грубыхъ матеріалистовъ? Многіе ли подходятъ съ чувствомъ, почти святости къ этимъ крошечнымъ душамъ, такъ безсознательно отдающимся ихъ любви,—главное любви! Вѣдь ничего тутъ и не нужно, кромѣ любви; не безсознательной, вздорной любви полной родительскаго эгоизма,—а той любви, которая не только грѣетъ, но и свѣтитъ! Многіе ли понимаютъ эти крошечныя души, которыя глядятъ такимъ яснымъ, пронизывающимъ васъ взоромъ, сквозь дѣтскіе глаза? Случалось ли вамъ долгимъ взглядомъ обмѣниваться со взглядомъ ребенка? Я не знаю ничего чище этого взгляда, у меня никогда не хватило бы смѣлости сказать неправду ребенку, прямо смотря въ его глаза: одинъ этотъ взглядъ уличилъ бы меня; а они такъ безсознательно довѣрчивы! Многіе говорятъ о дѣтской хитрости, даже злости, о наслѣдственности. Но, не отвергая доли наслѣдственности, остальное зависитъ отъ мастера, въ руки котораго попадаетъ „безсознательный дѣтскій матеріалъ“. Передо мной прошла длинная вереница этого дѣтскаго матеріала, не даромъ я 40 лѣтъ посвятила свое скромное перо дѣтской литературѣ; У меня было много маленькихъ друзей; много чуткихъ душъ отвѣчавшихъ на мою любовь. О какъ онѣ чутки эти маленькія души; чутки на любовь и правду! а вѣдь правда есть красота, какъ ложь все минутное. И вотъ, какъ же, кромѣ любви, не вводить этимъ маленькимъ душамъ въ воспитаніе, культа красоты? Какъ не вѣрить, что красота, — истинная красота (не красивость, что за отчужденіемъ отъ истинной красоты, замѣняетъ красоту) — въ чемъ бы она не проявлялась: въ живописи, скульптурѣ, поэзіи, музыкѣ, природѣ, въ красотѣ тѣла, — должна непремѣнно вліять

на подъемъ духа ребенка, на развитіе его разума, на самую красоту его тѣла.

„Когда человѣкъ въ жизни чтитъ красоту, — говоритъ Рихардъ Вагнеръ,—то предметомъ и художественнымъ матеріаломъ для воплощенія этой красоты и источникомъ радостей о ней становится, безъ сомнѣнія, самъ человѣкъ, — совершенный, горячій, живой человѣкъ. Пробужденіе въ немъ пластики подобно волшебному превращенію камня въ плоть и кровь: изъ неподвижности въ движенія, изъ монументальности — въ текучесть“.

„Пусть тѣло человѣка и его члены будутъ такъ расположены, чтобы ими обозначалось намѣреніе его духа“, — говоритъ Леонардо да Винчи въ своемъ „Трактатѣ о живописи“;—и этотъ совѣтъ примѣнимъ не къ однимъ живописцамъ. Сліяніе духа и тѣла: чтобы мысль проникла въ наши члены, чтобы сознаніе руководило нашими движеніями.

„Если никто не сомнѣвается въ важности обыкновенной гимнастики для жизни, — говоритъ князь Волконскій, — то какъ же подвергать сомнѣнію цѣнность такой гимнастики, которая одновременно воспитываетъ и тѣло и духъ и связывающую ихъ волю: умъ рѣшаетъ, нервный центръ передаетъ приказаніе, мускулъ исполняетъ. Такимъ образомъ весь человѣкъ участвуетъ и ежеминутно ощущаетъ радостное сознаніе, что онъ осуществляетъ то, что захотѣлъ. „Въ наше время (говоритъ князь Волконскій въ другой своей статьѣ), когда свирѣпствуетъ такой ужасъ, какъ эпидемія дѣтскаго самоубійства, всякій долженъ встрѣтить не съ усмѣшкой, а съ довѣріемъ такую систему воспитанія, которое даетъ самочувствіе радости и воспитываетъ за разъ духъ приказывающій и тѣло исполняющее“.

Я закончу эти выписки словами Платона, которыя,—увы,— звучатъ такимъ диссонансомъ съ современнымъ воспитаніемъ, — или, точнѣе выразиться: невоспитаніемъ нашихъ современныхъ „мальчиковъ“ и „дѣвочекъ“:

„Ритмъ и гармонія должны наполнять человѣческія души и проникать собою всю жизнь, такъ какъ они дѣлаютъ способными къ рѣчи и дѣйствію. Какъ ритмъ, такъ и гармонія заставляютъ усваивать мальчиковъ, чтобы они были болѣе кроткими и, дѣлаясь болѣе приличными и ровными, соблюдающими тактъ, были бы полезны, какъ словомъ, такъ и дѣломъ, потому что жизнь человѣка нуждается въ гармоніи и согласіи“.

XXIV.

Среди концертовъ сезона въ залѣ „Augusteo“—я не могу отмѣтить концертъ, въ которомъ исполнялась прекраснаяораторія Перози „Воскресеніе Лазаря“ (которую раньше я слышала въ Петербургѣ)—главное встрѣтивъ въ ней стараго знакомца Кашмана. Хотя время положило очень суровый отпечатокъ на наружности чудеснаго артиста,—но пѣніе его было такъ артистично, что не давало замѣтить нѣкоторыхъ пробѣловъ голоса, въ энергичныхъ мѣстахъ звучавшаго съ прежней силой и блескомъ.

Заговоривъ о концертахъ, перейду къ концертамъ, исполнявшимся въ залѣ Augusteo по поводу выставки и предоставленнымъ хоромъ разныхъ національностей. Изъ нихъ хороши были: „Швейцарскіе“, „Австрійскіе и особенно оригинальные, по напѣвамъ—„Венгерскіе“. Но, подъ конецъ, надъ ними взялъ верхъ замѣчательный хоръ нашихъ Московскихъ „Синодальныхъ“ пѣвчихъ, давшихъ три концерта. Хоръ состоялъ изъ 80 человѣкъ, въ своихъ обычныхъ малиновыхъ бархатныхъ кафтанахъ. Пѣніе въ трехъ концертахъ было расположено въ хронологическомъ порядкѣ, отъ стараго церковнаго пѣнія, перейдя къ сочиненіямъ современныхъ композиторовъ нашего церковнаго пѣнія; поражая стройностью, удивляя басами, чаруя дискантами, чуть не крошечныхъ мальчиковъ и приводя въ экстазъ неподражаемымъ „piano“! Это piano достигаетъ до высшаго совершенства въ извѣстномъ „Господи помилуй“ — исполняющимся у насъ за всенощной, наканунѣ праздника „Воздвиженія Креста“, когда это „Господи помилуй“, постепенно, отъ forte спускается до едва слышнаго piano, держась затѣмъ на этомъ piano, подобномъ дуновенію зефира,—въ продолженіе повторенія „Господи помилуй“—40 разъ, и затѣмъ снова, поднимаясь по этой музыкальной „scalla“,—заканчиваетъ могучимъ fortissimo, съ возгласомъ экстаза! Не удивителенъ былъ экстазъ, охватившій всю публику залы! Въ каждомъ концертѣ это „Господи помилуй“ непремѣнно, съ восторгомъ, требовалось снова и снова; и снова всѣ, со включеніемъ католическихъ священниковъ, во множествѣ посѣщавшихъ всѣ три концерта,—неистово отхлопывавшихъ себѣ ладони, и просто подпрыгивавшихъ на мѣстѣ, отъ восторга! Мой знакомый аббатъ въ первомъ концертѣ, придя ко мнѣ въ антрактѣ, просто захлебывался отъ восторга, повторяя „Да, у насъ, въ нашемъ церковномъ пѣніи, нѣтъ ничего подобнаго этому

piano!“ Говорятъ, что папа былъ очень заинтересованъ этимъ пѣніемъ, и послалъ отъ Грегоріанскаго общества духовныхъ лицъ послушать наше пѣніе и поучиться, выразивъ сожалѣніе, что по причинѣ того, что онъ не принимаетъ участія въ празднествахъ объединенія Италіи (т. е. порабощенія его власти папы-короля)—онъ не могъ ихъ послушать.

А между тѣмъ весна все расцвѣтала, и среди разныхъ эстетическихъ удовольствій мы упивались и ароматомъ фіалокъ, которыя, съ Таней, рвали горстями, забравшись съ Т. Л. съ ней, и съ няней, на старинную виллу за „Porte del Popolo“. Вмѣстѣ, въ чудное утро, взобрались на вершину св. Петра, при чемъ я, благоразумно, добралась, послѣ широкой террасы крыши, откуда чудный видъ на городъ,—только до первой галлереи въ самомъ куполѣ, съ которой можно хорошо осмотрѣть внутренность собора, кажущагося бездонной пропастью, и чудесныя фрески по стѣнамъ самой галлереи; они же всѣ забрались и въ самый верхъ купола. Первую пѣснь жаворонка надъ зелеными полями, усѣянными крупными маргаритками, я услышала какъ разъ въ тотъ день, когда у насъ полагается начало весны, но когда эти жаворонки въ Петербургѣ являются только испеченными въ булочныхъ. Бѣляевы заѣхали за мной, и мы сдѣлали длинную поѣздку по Via Appia; далеко за церковь „Quo vadis“ и древніе памятники; и затѣмъ, выйдя изъ экипажа, рвали полевые цвѣты и слушали, какъ жаворонки звенѣли высоко-высоко въ ясномъ небѣ...

Сухотины уѣхали 19 марта, взявъ съ меня слово лѣто провести у нихъ, въ Кочетахъ; что мнѣ улыбалось, какъ удовольствіе и побыть съ ними и познакомиться съ русской деревней. Этотъ годъ наша Пасха совпадала со здѣшней. Отговѣвъ на первой недѣли, я Страстную, кромѣ нашихъ службъ, посвящала обходу церквей католическихъ, которыя всѣ блистали убранствомъ и превосходнымъ пѣніемъ. Въ храмѣ св. Петра я видѣла и церемонію омовенія престоловъ и раздачи вербъ. Тутъ, кромѣ вѣтокъ оливы (что практикуется и въ нашей русской церкви), раздаютъ и сухія вѣтки пальмы; для чего въ Бордигерѣ ихъ разводятъ нарочно и тамъ приготовляютъ къ отправкѣ въ Римъ. Видѣла церемонію „омовенія ногъ“; была опять на чудномъ вечернемъ пѣніи Великой пятницы—„Miserere“, и пр. Въ то же время составъ нашихъ пансіонеровъ измѣнился, за отъѣздомъ Рахмановыхъ и Болотниковыхъ. Нѣсколько дней провели Зинаида Сергѣевна Свербеева со своей племянницей Екатериной Николаевной Ребиндеръ.

Дочь декабриста князя Трубецкого, дочь одной изъ замѣчательныхъ „Русскихъ женщинъ“ (Некрасова), З. С. представляетъ прелестный образецъ этихъ истыхъ „породистыхъ“ аристократокъ, не одного только происхожденія! Трудно представить себѣ что либо изящнѣе этой прелестной старушки, съ ея интересомъ ко всему выдающемуся и сердечнымъ взоромъ глазъ, такъ много плакавшимъ надъ тяжелыми сердечными потерями, что не помѣшало ей сохранить мягкость и теплоту. Мнѣ очень пріятно было слѣдующимъ лѣтомъ видѣть ее и въ Кочетахъ у Сухотиныхъ, и у нея, въ ея прекрасномъ имѣніи. Милая, умная Е. Н. Ребиндеръ,—о деревенской дѣятельности которой я поговорю въ своемъ мѣстѣ,—представила тоже очень пріятное знакомство, (къ сожалѣнію, въ Римѣ слишкомъ короткое), также какъ остановившаяся на болѣе продолжительное время, очень симпатичная молодая дѣвушка Людмила Васильевна Глинка, съ которой мы вели длинныя бесѣды, прерываемыя моимъ полюбившимся ею чтеніемъ; а затѣмъ очень любезная барынька, графиня Апраксина, художница, перемѣнившая нашъ пансіонъ на обширную „студію“, гдѣ я ее и навѣщала.

Подъ конецъ водворился у насъ артистическій міръ, что я называла „мой народъ“: танцовщица Ѳедорова 3-ья, славная такая, прямая, съ ея подругой, Эрарской, пѣвицей оперы Зимина, въ Москвѣ; двѣ сестры Остроградскія,—одна изъ которыхъ тоже пѣвица оперы Зимина, обѣ очень милыя, образованныя молодыя дѣвушки. Обѣ пѣвицы (у Эрарской прекрасное контральто, у Остроградской красивое mezzo-soprano), дали мнѣ случай послушать у насъ ихъ пѣніе; Ѳедорову же я видѣла на сценѣ, любуясь ея очень характеристичнымъ талантомъ,—посѣтивъ разъ нашъ русскій балетъ, производившій въ Римѣ фуроръ. Кромѣ того, у насъ же останавливались трое изъ „русскаго квартета“ (Чупрынниковъ и два брата Кедровы: Сафоновъ—не у насъ); славные, добродушные,—душа на распашку! Ихъ мнѣ пришлось слышать у князя Сергѣя, опять любезно пригласившаго меня къ себѣ на музыкальное утро.

Этотъ разъ общество, собравшееся въ изящномъ салонѣ князя, было болѣе многочисленное, чѣмъ первый разъ, но было много знакомыхъ, музыкальное же исполненіе было превосходно! Послѣ, какъ и на концертѣ въ „Русской читальнѣ“, отлично исполненныхъ нѣсколько нумеровъ изъ „Stabat Mater“ Россини, тѣми же пѣвцами Сикстинской капеллы, нѣсколько нумеровъ à cappella,

„русскаго квартета“, не только не потеряли, но привели еще въ бо́льшій восторгъ; такъ было безукоризненно стройно и прочувствованно это пѣніе, завершившееся, такъ и хватившей за русское сердце, „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ!“ На другой день это привело въ восторгъ и королеву Маргариту, во дворецъ къ которой квартетъ былъ приглашенъ. Жаль было, что, торопясь, по приглашенію, къ сроку въ Парижъ, квартетъ не могъ дать общественнаго концерта въ Римѣ.

Теперь мнѣ остается сказать еще о выставкѣ „Этнографической“, удержавшей меня въ Римѣ дольше обыкновеннаго. Она была расположена на громадной площади „Piazza d'Armi“, принявшей видъ городка, съ продѣланными, въ разныхъ направленіяхъ, улицами, представляя характерные уголки различныхъ городовъ Италіи. Попавъ на выставку со стороны Тибра, по новосдѣланному мосту, вы проѣзжаете грандіозныя тріумфальныя ворота и сначала попадаете въ помѣщеніе со множествомъ, очень искусно сдѣланныхъ манекеновъ, въ костюмахъ разныхъ эпохъ и сословій, расположенныхъ въ одиночку и группами. Затѣмъ, вы попадаете въ грязный уголокъ Неаполя, съ его почернѣлыми, высокими, узкими домами и принадлежащими имъ лавченками и тавернами, съ подобающей обстановкой и торговцами, въ надлежащихъ костюмахъ. Далѣе, чудныя палаццо, съ живописными двориками—Ломбардіи, древней Папской области, Тосканы. Тамъ—ютится приземистое зданіе фабрики деревяныхъ издѣлій изъ оливы,—спеціальность Сорренто; тутъ—царитъ чудный дворецъ, цѣликомъ переносящій васъ въ Венецію, какъ своимъ наружнымъ видомъ, такъ и длиннымъ рядомъ комнатъ, гдѣ все, до мелочей, начиная съ лѣпныхъ потолковъ и дорогого убранства и кончая кухней, съ старинной утварью,—представляетъ стереотипный снимокъ съ оригинала.

Но Венеція не кончается этимъ дворцомъ; вы видите и ея почернѣвшіе дома, облупленныя ступени которыхъ спускаются прямо въ воду канала, на которомъ тихо качается черная гондола. Если вы не хотите переѣхать на ту сторону въ гондолѣ, вы можете перейти по горбатому мостику; а перейти нужно, какъ нужно осмотрѣть въ одномъ изъ домовъ, находящіяся тамъ всевозможныя издѣлія изъ стекла, спеціальности Венеціи, а въ другомъ—производства другой ея спеціальности,—знаменитыхъ венеціанскихъ кружевъ, которыя тутъ же и плетутъ молодыя и очень болтливыя венеціанки. Когда я уѣхала изъ Рима во Флоренцію,

многіе уголки выставки еще не были готовы; но и то, что я видѣла, представляло большой интересъ.

Уѣзжая, я не преминула бросить „сольди“ (5 сантимовъ) въ фонтанъ Треви (Trevi), чтобъ заручиться возможностью снова вернуться въ Вѣчный городъ. Обычай, освященный вѣками: бросить въ этотъ фонтанъ мелкую монету. Нѣкоторые даже пьютъ при этомъ воду, что небольшими каскадами, среди древнихъ мраморныхъ фигуръ грандіознаго фонтана, падаетъ въ широкій бассейнъ.

Вскорѣ, по пріѣздѣ во Флоренцію, я посѣтила ея выставку „Портретовъ“, находившуюся въ залахъ „Палаццо Веккіо“ (Palazzo Vecchio). Выставка представляла большой интересъ, какъ историческимъ характеромъ, такъ и исполненіемъ великихъ портретистовъ, какъ старинныхъ, такъ и современныхъ, притомъ прекрасно размѣщенныхъ, въ многочисленныхъ залахъ Палаццо, сами по себѣ представляющихъ интересъ живописью ихъ стѣнъ и плафоновъ. Даже рядъ комнатъ Медичисовъ, всегда пустыхъ и только привлекавшихъ этою стѣнною живописью, теперь были обставлены относящейся къ эпохѣ мебелью и другими принадлежностями, цѣликомъ перенося васъ въ давно прошедшія времена.

Въ громадной залѣ „Чинкве-ченто“ (Cinque Cento), имѣющей размѣры громадной площади, среди гигантской, стѣнной живописи, среди которой царитъ и живопись кисти Леонардо да Винчи,—была собрана огромная коллекція портретовъ царственныхъ особъ разныхъ національностей. Здѣсь находился извѣстный, превосходной живописи Лампи, портретъ „Екатерины II“, а также „Великихъ Князей, ея внуковъ“, — доставленныхъ во Флоренцію послѣ долгихъ, какъ говорили, колебаній, напуганные пожаромъ на Брюссельской выставкѣ, гдѣ пострадали нѣкоторые перлы искусства; но каменная громада Palazzo Vecchio и зала Cinque-Cento, не представляющіе ничего, кромѣ несокрушимыхъ мраморовъ,— гарантировали спокойствіе.

Май былъ уже на исходѣ. Стояла дивная, еще не очень жаркая погода и „lucioli“, какъ живыя, ярко сверкавшія звѣздочки, поэтически порхали въ темнотѣ теплыхъ вечеровъ, напоенныхъ густымъ ароматомъ цвѣтущей на нашемъ бульварѣ, упоительно душистой, липы.

Я выѣхала изъ Флоренціи 1-го Іюня, съ остановкой, для свиданія, съ проѣзжавшими за границу, Сукачевыми,—въ Берлинѣ. Я передъ тѣмъ давно не останавливалась въ Берлинѣ, всегда прямо проѣзжая дальше; и нашла его очень принарядившимся массой

зелени въ садахъ и скверахъ, содержимыхъ безукоризненно, съ сниманіемъ, кажется, всякой пушинки съ яркихъ газоновъ.

По пріѣздѣ въ Петербугъ, я нашла мою belle sœur уже переѣхавшей на дачу, въ Царское Село и въ двѣ проведенныя мною въ Петербургѣ недѣли, много ее тамъ навѣщала, оставаясь по нѣсколько дней на ея уютной дачѣ. Тутъ же я опять увидѣла наши прекрасныя бѣлыя ночи, которыя уже давно не видала, послѣдніе годы это время проводя за границей. Люблю я эти странныя ночи съ ихъ задумчивой, полубольной улыбкой, съ ихъ мечтательнымъ взглядомъ въ какую то непроглядную даль, гдѣ свѣтится и догорающій свѣтъ умирающаго дня и блѣдный румянецъ воскресающаго утра; гдѣ скорбь по чему-то утраченному смѣняется надеждою возрожденнаго счастія...

18 Іюня я выѣхала на Москву, направляясь къ Кочетамъ.

XXV.

Поѣздъ, пыхтя и тяжело вздрагивая, не торопясь двигался по Орловско-Курской ж. дорогѣ. Жаръ томительнаго іюньскаго дня начиналъ по немногу спадать. Было около пяти часовъ пополудни.

Вотъ станція „Благодатное". Я зову носильщика. Отдаю ему вещи.

— Вы въ Кочеты? Г-жа Лаврентьева? За вами присланъ экипажъ.

Передъ мною стоитъ небольшого роста коренастый господинъ съ черной бородой и привѣтливой, красноватой физіономіей: кочетовскій докторъ,—какъ онъ отрекомендовался мнѣ, отправляясь куда-то дальше, въ томъ поѣздѣ, который я оставляла. Мы могли только обмѣняться поклонами.

Подкатила коляска, запряженная четверкой въ рядъ чудесныхъ темносѣрыхъ лошадей одной масти (отъ станціи до имѣнія 15 верстъ). Съ козелъ привѣтливо осклабился кучеръ Максимъ. Какъ мнѣ позже была знакома его широкая спина, когда, бывало, катимъ или въ коляскѣ къ сосѣдямъ, или цѣлымъ обществомъ, взрослыхъ и дѣтей, на широкой объемистой долгушкѣ, въ лѣсъ, за грибами, за орѣхами, нагруженныя корзинками, съ русскими пѣснями маленькой Тани! О, Таня знала массу этихъ пѣсенъ, при своей замѣчательной памяти, быстро заучивая слова, но распѣвая ихъ своими собственными мотивами и съ совершенно произволь-

нымъ чувствомъ, что заставляло ее, ухарски подбоченясь, весело распѣвать такую далеко не утѣшительную пѣсню:

Безъ любви шла замужъ я,—
Силой выдали меня!

А бойкая четверня вихремъ мчится по дорогѣ, межъ зрѣющихъ полей. Живительный воздухъ такъ и охватываетъ и освѣжаетъ, послѣ жара тихо засыпавшаго дня. Что за ширь, что за раздолье! Нѣтъ,—за границей этого не увидишь! Это чисто русская ширь, русское раздолье; широкое, какъ ея гостепріимство, какъ ея натура, что ни въ чемъ удержу не знаетъ! Мѣстность слегка холмистая, кое-гдѣ чернѣютъ лѣса. Это переходъ Орловско-Тульской губ. Кочеты болѣе захватываютъ Тульскую.

Вскорѣ миновали большое имѣніе Сетоха,—З. С. Свербеевой. Дальше, дальше. Самое близкое къ нимъ, въ четырехъ верстахъ,—имѣніе, милѣйшей старушки княгини В. П. Голицыной, тетки Т. Л. Вотъ издали показались зданія Кочетовъ. Миновали деревню, домики которой почти всѣ осѣнены деревьями. Вотъ, на красивомъ земномъ откосѣ, высится красный домикъ школы. Ниже, подъ сѣнью нѣсколькихъ деревьевъ крошечнаго садика, уютный домикъ амбулаторіи и аптеки, съ квартирой фельдшерицы. Съ боку давно уже тянется изгородь вѣкового парка. Блеснули его пруды. Далѣе замелькали чистенькіе, подъ зелеными крышами, домики различныхъ службъ усадьбы. Миновали рѣшетку цвѣтника, за которымъ мелькнулъ бѣлый, одноэтажный домъ, густо, какъ и его широкая терраса,—обвитый зеленью; завернули за уголъ и лихо подкатили къ крыльцу, съ котораго уже слышались ласковые привѣты собравшихся меня встрѣтить.

Перецѣловалась я со всѣми, въ томъ числѣ и съ милой дѣвочкой,—10 лѣтъ—Танюшей, родственной М. С. Сухотину, а также, оказавшейся дочерью племянника моей знакомой А. А. Венкстернъ,—о которой я уже упоминала въ моихъ воспоминаніяхъ. Приласкала тутъ же, представленную мнѣ Таней, комнатную собаку, Паньку, при чемъ Таня прибавила, что она такъ много разсказывала обо мнѣ Панькѣ, что та уже успѣла меня полюбить; и прямо съ крыльца, не раздѣваясь, по просьбѣ Тани, сдѣлала короткій визитъ въ конюшню,—тутъ же, напротивъ;—чтобы сразу познакомиться съ ея любимыми лошадками, имена которыхъ я изучила еще въ Римѣ. Затѣмъ, подъ предводительствомъ Тани, отправилась въ назначенную мнѣ комнату. Что за прелесть была эта

комната, такая же комфортабельная, какъ и всѣ 20 комнатъ гостепріимнаго дома; но еще снабженная особымъ балкономъ, выходившимъ прямо въ цвѣтникъ; уютнымъ балкончикомъ, густо обвитымъ зеленью, въ которой весело щебеталъ цѣлый хоръ птицъ, усаживавшихся на покой.

Къ обѣду на широкой террасѣ собрался весь шумный рой молодежи, среди которой было трое младшихъ сыновей Сухотина; двое юношей, только что окончившихъ высшее образованіе и готовившихся къ воинской повинности и меньшой — 15-тилѣтній гимназистъ. Старшій, уже женатый, былъ за границей; второй—на мѣстѣ своего служенія, а дочь,—замужемъ за княземъ Оболенскимъ, первымъ бракомъ женатымъ на дочери Л. Н.—Маріи Львовны,—жила съ мужемъ въ деревнѣ.

Молодые люди прекрасно воспитаны; дѣльные, серьезные, несмотря на свою молодость; что не мѣшаетъ имъ и шумно повеселиться, съ часто навѣщавшими ихъ юношами, внуками З. С. Свербеевой. Старшій изъ нашихъ, Кочетовскихъ, юношей—Сергѣй большой садоводъ, много возился въ саду, съ тачкой и лопатой, а затѣмъ пріятнымъ голосомъ, очень мило распѣвалъ романсы, иногда собственнаго сочиненія, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, украшенной длиннымъ хвостомъ разноцвѣтныхъ лентъ,—даръ барышень, у которыхъ пользуется большимъ успѣхомъ. Второй—весь поглощенъ чтеніемъ книгъ, какъ серьезныхъ, такъ и поэзіи; и все это дѣлаетъ ихъ тѣмъ милымъ явленіемъ: серіознаго знанія, безъ самохвальства,—на чемъ отдыхаешь послѣ грубаго и притомъ заносчиваго типа большинства нашихъ современныхъ юношей! Притомъ производитъ пріятное впечатлѣніе дружеское ихъ отношеніе съ отцомъ и мачихой.

Тутъ же, въ день моего пріѣзда, я увидѣла, гостившаго въ Кочетахъ, доктора Маковицкаго, имя котораго прогремѣло со дня трагическаго „ухода“ Великаго Старца, питавшаго къ нему большую нѣжность, а главное цѣнившаго въ немъ то, что онъ „умѣлъ хорошо молчать“! О, противъ этого качества не встрѣтилось бы оспариванія; въ этомъ я могла убѣдиться въ два пріѣзда пресловутаго Душана Петровича въ Кочеты: молчать онъ умѣлъ неукоснительно! На меня онъ производилъ впечатлѣніе не человѣка, а „астральнаго тѣла“ (терминъ очень понятный теософамъ). Это блѣдное-блѣдное, до прозрачности, вытянутое лицо; этотъ безцвѣтный взглядъ, какъ бы утопавшій въ пространствѣ; эта безучастная молчаливость, рѣдко-рѣдко разражавшаяся лаконическимъ

отвѣтомъ беззвучнаго голоса, съ сильнымъ не русскимъ акцентомъ,—дѣлали изъ него что-то такое, что звучало полнымъ диссонансомъ съ общимъ жизненнымъ строемъ! Говорятъ, что онъ готовитъ большой трудъ, посвященный памяти Л. Н., составляя его по короткимъ записочкамъ, которыя набрасывалъ на клочкахъ бумаги, нося эти клочечки въ карманѣ, и часто, слѣдя за Л. Н., записывалъ на ходу, чуть не ощупью. И что это были за клочечки, и что за гіероглифы на нихъ были начертаны!

Я, въ первый же день нашего съ нимъ знакомства, удостоилась минутой, когда разверзлись молчаливыя уста Душана, и онъ показалъ мнѣ одинъ изъ такихъ набросочковъ, испещренныхъ даже не гіеороглифами, а какими-то крючковатыми значками временъ свайныхъ построекъ! Совсѣмъ другое впечатлѣніе производилъ докторъ Никитинъ, тоже игравшій не малую роль подлѣ Великаго Старца. Это и по виду была широкая, чисто-русская душа, съ открытымъ славнымъ русскимъ лицомъ и яснымъ взглядомъ,—этотъ плотный здоровякъ, въ русской шитой рубашкѣ. Онъ и руку жалъ хорошо и смотрѣлъ хорошо, прямо въ глаза; и говорилъ смачно, какъ говорятъ хорошіе русскіе люди. Опять таки другимъ человѣкомъ былъ М. А. Стаховичъ, элегантный баринъ, красивый господинъ, стрѣляющій словами и глазами. Извѣстный сердцеѣдъ и краснорѣчивый ораторъ, способный приковать вниманіе искристымъ потокомъ красивыхъ рѣчей, и „ради краснаго словца...“ и такъ далѣе!..

Нечего и говорить о томъ, что въ обществѣ людей, близко стоявшихъ ко Льву Николаевичу, безпрестанно возникали о немъ разговоры; и передъ вами такъ живо возставалъ образъ Великаго Старца, въ его домашнемъ быту, съ тѣми и недостатками, что причастны каждому смертному,—даже Безсмертному! Казалось, что мы видимъ его заливающимся чисто-дѣтскимъ смѣхомъ, надъ разсказаннымъ, мало-мальски смѣшнымъ анекдотомъ; часто и надъ собственнымъ, иногда не разъ повторившимся, анекдотомъ, которому онъ первый и смѣялся. Видѣли его, тихо смахивавшимъ слезу, катившуюся изъ глубокихъ, проницательныхъ глазъ, при чтеніи чего либо трогательнаго, или внимая игрѣ талантливаго піаниста, особенно въ исполненіи произведеній его любимца—Шопена. Видѣли его, горячившагося за „винтомъ“, или призадумавшагося надъ шахматной доской... Какъ то я завела разговоръ съ молодежью и дѣвочками,—Таней и Танюшей,—уговаривая ихъ, чтобы всѣ они, знавшіе Великаго Старца, теперь же, на живую память, записали свои впечатлѣнія.

— Ну,—сказала, смѣясь, Т. Л.—Таня только то и запишетъ, какъ она съ дѣдушкой изъ одной тарелки ѣла пирожное!

Очень интересны были нѣкоторыя страницы о Л. Н. изъ дневника М. С. Сухотина, прочитанныя намъ,—во время пребыванія въ Кочетахъ Никитина и Стаховича,—самимъ авторомъ, прекрасно владѣющимъ перомъ, какъ въ прозѣ,—гдѣ такъ óбразны были описанныя имъ личности,—такъ и въ стихахъ. Коснувшись теперь Михаила Сергѣевича, я остановлюсь на немъ сказавъ, что познакомясь съ нимъ въ Римѣ, я могла оцѣнить его, какъ очень тонко-воспитаннаго, прекрасно-образованнаго человѣка, блиставшаго въ свѣтѣ: милаго, любезнаго, пріятнаго собесѣдника,—но вполнѣ оцѣнила его въ Кочетахъ. Оцѣнила, какъ въ высшей степени мягкаго, сердечнаго, гуманнаго человѣка, искренне любимаго всѣми, до послѣдняго рабочаго включительно.

Я уже упомянула выше, что Л. Н. очень любилъ Кочеты и любилъ въ нихъ гостить. Еще прошлый годъ онъ два раза гостилъ тутъ: разъ въ маѣ, проведя три недѣли, остановившись въ той комнатѣ, которую теперь занимала я, а въ другой разъ въ сентябрѣ, значитъ мѣсяца за полтора до своей кончины, прогостилъ мѣсяцъ. Здѣсь, въ Кочетахъ, онъ былъ свободнѣе; ему менѣе досаждали праздные посѣтители. Онъ вставалъ рано-рано и тотчасъ же отправлялся на прогулку, въ которой никто не сопровождалъ его; а вернувшись, занимался у себя; при чемъ, если не успѣвалъ до завтрака кончить, что либо его заинтересовавшее,— завтракъ позднѣе приносили ему въ его комнату. Начиная съ обѣда и вечеръ онъ отдавалъ уже семьѣ и, подъ шумокъ, позднѣе, исчезалъ на покой.

Но эта свободная, независимая жизнь нарушалась временами очень насильственно, какъ мнѣ разсказывалъ кое кто изъ очевидцевъ. Идетъ, напримѣръ, милый старичекъ на прогулку; остановится окинуть взоромъ кругомъ, постоять сколько захочется или, постоявъ, уже готовится повернуть и снова, свободно, тронуться дальше... Вдругъ, слышитъ за собой топотъ и властный приказъ остановиться! (Не достаетъ только возгласа: „руки вверхъ!!) И передъ испуганнымъ старцемъ—экспропріаторъ Чертковъ, не съ револьверомъ, а съ фотографическимъ аппаратомъ; этимъ аппаратомъ снимавшимъ его и такъ и этакъ, не заботясь объ его стѣсненіи! Боже мой, какъ ему, Великому Старцу, я думаю, надоѣли эти Чертковскія преслѣдованія, даже съ фотографическимъ аппаратомъ, не упоминая уже о другихъ!...

Вернувшись къ М. С. Сухотину, я докончу его характеристику, сказавъ, что онъ прекрасный хозяинъ, входящій во всѣ отдѣлы полевого хозяйства, которое замѣчательно. Вездѣ работаютъ машины. Интересно было видѣть на гумнѣ огромную паровую машину, такъ быстро и легко при молотьбѣ, работающую съ незначительнымъ количествомъ людей, отсыпая въ мѣшки чистое, будто вымытое, зерно. Интересна и машина на большомъ каменномъ зданіи скотнаго двора,—отдѣляющая молоко отъ сливокъ (сепаратъ). Славно выхолены и лошади небольшаго конскаго завода. М. С. нѣжно любитъ свои Кочеты. Да, какъ и не любить это чудное имѣніе, съ его благоустройствомъ; съ этимъ уютнымъ, не смотря на 20 комнатъ, домомъ, расположенныхъ удобно, въ разныхъ направленіяхъ, представляя и отдѣльныя помѣщенія. Домомъ солидной постройки, съ громадными изразцовыми печами; фамильными портретами, перемѣшанными съ замѣчательными старинными картинами и миніатюрами; съ рисунками Рѣпина и Ге; массивнымъ фамильнымъ серебромъ и бюстами и статуэтками Л. Н., въ работѣ Гинцбурга и Трубецкого, а затѣмъ, съ этимъ паркомъ, вѣковымъ паркомъ съ деревьями въ три обхвата! Что за красота этотъ паркъ, расположенный наверху и спускавшійся внизъ, къ свѣтлому пруду, окруженному густой зеленью! Онъ весь перерѣзанъ тѣнистыми аллеями и таинственными, прихотливо-извивающимися, дорожками, полный обходъ которыхъ, говорятъ, вмѣщаетъ въ себѣ 17 верстъ. Сюда же входятъ плантаціи фруктовыхъ деревьевъ (огромный яблочный садъ,—особо) и ягодъ. Это относится уже къ хозяйству Т. Л., также какъ и огороды.

Т. Л. часто сама копается въ огородѣ, пріучая къ тому же и Таню, у которой свой огородъ. Разъ и я отправилась съ ними, на особый огородъ Т. Л., засаженный спаржей, корни которой нужно было осыпать известковой землей. Ну, одну грядку удалось засыпать, а потомъ,—ой-ой, какъ спина заболѣла! Т. Л. лихо работаетъ; кромѣ того, что молода еще, и привыкла. При отцѣ онѣ всякую работу испробовали, чтобы узнать силу труда и понимать и цѣнить его въ другихъ. Т. Л. признавалась, что всего труднѣе ей казалась стирка бѣлья; при чемъ всего непріятнѣе стирка носовыхъ платковъ послѣ насморка. „Потому,—говорила она, смѣясь,—какъ теперь у меня сдѣлается насморкъ, да вспомню о прачкѣ, такъ даже придетъ охота, на это время, въ бумажки сморкаться, которыя можно бросать!“ Т. Л. завѣдуетъ у своихъ бабъ кустарнымъ отдѣломъ. Она хлопочетъ о заказахъ, закупаетъ

матеріалъ, сама кроитъ, приспособляетъ, раздаетъ работу женщинамъ трехъ своихъ деревень, и слѣдитъ за работой. Изъ платы за работу вычитается стоимость матеріала и небольшой процентъ который кладется въ кружку, составляя капиталъ на родильный пріютъ въ Кочетахъ,—являющійся мечтой Т. Л. Работаютъ и бѣлье, со строчками и складочками поразительной чистоты! Тонкія кружева не отличаются отъ настоящихъ „валянсьенъ“; очень красивы и вышивки русскимъ шитьемъ, особенно красивыя на балахонахъ изъ разноцвѣтной льняной и бумажной матеріи, удобной для стирки. И вся эта мелкая работа производится при маленькой керосиновой лампочкѣ, въ долгіе зимніе дни, такъ какъ лѣтомъ руки заняты полевой работой. Прилежныя женщины могутъ много заработать. Кромѣ заранѣе заказанныхъ работъ, наготовленныя на случай, хранятся у Т. Л. продаваемыя ею знакомымъ, или выставляются на лѣтнемъ базарѣ въ уѣздномъ городѣ Новосельи. Но, какъ на вѣковую апатію, царящую въ нашемъ славянскомъ племени, надо указать на то, какихъ часто усилій и уговоровъ стоитъ засадить за эту, положительно выгодную для нихъ, уже подготовленную работу,—что называется: „разжевали да въ ротъ положили“,—чему предпочитается полнѣйшее зимнее „ничегонедѣланіе“ у женщинъ; у мужчинъ пополняемое пьянствомъ! Какъ на одинъ изъ самыхъ наглядныхъ примѣровъ такой апатіи могу указать на слѣдующее. Въ имѣніи З. С. Свербеевой, Е. Н. Ребиндеръ,—о которой я уже говорила,—устроила мастерскую издѣлій изъ соломы. Чтобы пріохотить къ мастерству Е. Н. сама, изъ своихъ средствъ, платила ученикамъ и ученицамъ, чтобы только шли учиться! Результаты ученья оказались прекрасными;—способности-то до смѣкалки, русскому человѣку не занимать-стать: всякаго другого за поясъ заткнетъ! Отъ заказовъ, особенно разнообразныхъ корзинъ,—отбою не было; а, между тѣмъ, работающіе, имѣвшіе постоянный, вѣрный заработокъ, стали понемногу небрежничать, не приходить, отставать,—такъ что дѣло приходится прекратить!

Татьяна Львовна очень принимаетъ къ сердцу разныя деревенскія бѣды. Вообще нищая братія и погорѣльцы изъ дальнихъ деревень, не отгоняются безъ помощи отъ дверей бѣлаго Кочетовскаго дома. Узнаетъ Т. Л. о бѣдѣ какой, тотчасъ, часто захвативъ съ собой Таню, чтобы видѣла она нужду людскую,—случалось и меня съ собой прихватывала,—скачетъ на долгушкѣ въ деревню, гдѣ съ кѣмъ горе случилось. Понимала Таня людское

горе: не одинъ умъ, сердце было у нея широкое. Мнѣ рѣдко приходилось видѣть въ ребенкѣ такую сердечность! Она всегда подумаетъ о другихъ; она самый большой изъ предлагаемыхъ фруктовъ возьметъ не себѣ, а для няни. Ея привязанность ко мнѣ была просто трогательна! Пойдетъ ли она гулять,—она несетъ мнѣ цвѣты, ягоды, сливы. Въ моей комнатѣ она осматривалась, какую бы еще работу мнѣ поднести? И всѣ мои подсвѣчники и чернильница красовались на коврикахъ, вырѣзанныхъ ею собственноручно изъ бумаги и разрисованныхъ цвѣтными карандашами, такъ же какъ и масса закладокъ для книгъ.

Не только полная любви къ окружавшимъ ее людямъ, Таня любила и всѣхъ животныхъ. Но особенно подъ ея любовнымъ надзоромъ блаженствовали собаки и суровый на взглядъ но очень добродушный, громадный Аскольдъ; важно, съ чувствомъ собственнаго достоинства и исполняемаго долга, обходящій кругомъ дворъ, мѣрно помахивая пушистыхъ хвостомъ; и грязно-лохматый, немного легкомысленный, но тоже исправный сторожъ—Кудіаръ; но всего болѣе блаженствовала комнатная собака, Панька, обильно получавшая и ласки, и косточки и даже спавшая въ дѣтской, подъ диваномъ, на мягкомъ коврикѣ.

Таня даже жалѣла комнатныхъ мухъ и, видя ихъ осенью меланхолически-двигавшихся по подоконнику, рѣшила, что это отъ холоду и, взявъ въ свои теплыя рученки, старалась ихъ отогрѣть, серьезно повторяя: „ну вотъ, еще одну отогрѣла!“

Это та любовь ко всему живущему, по примѣру, конечно, матери, при возможности, придерживавшейся вегетаріанству, толкнула на то и Таню. Я этому признаться, для ребенка, не сочувствовала; при томъ не разъ уловляя выразительно-грустный взоръ Тани, слѣдовавшій за отказомъ отъ любимаго кушанья. И вотъ, разъ, подмѣтивъ такой взглядъ, я, послѣ обѣда, съ куриными косточками, оставленными мною для Паньки, направилась въ мою комнату, въ сопровожденіи, весело прыгавшихъ подлѣ меня, Тани и Паньки.

— Ну вотъ,—сказала я, подъ смачный хрустъ костей, подъ зубами Паньки:—еслибъ ты не отказалась отъ курочки, у Паньки было бы больше косточекъ!

— Я не могу,—проговорила Таня, грустнымъ голосомъ:—вѣдь я вегетаріанка!

— Ну, Таня, ты еще слишкомъ мала для этого...

— Нѣтъ,—проговорила она, убѣдительно: мнѣ уже пять лѣтъ.

У Горбунова-Посадова мальчикъ четырехъ лѣтъ, а онъ уже вегетаріанецъ!

— Ну, а скажи мнѣ по правдѣ: тебѣ очень хотѣлось курочки, съ этимъ любимымъ тобою соусомъ изъ печеночекъ?

— Очень! проговорила дѣвочка, съ чувствомъ.—Какъ я тутъ должна себя сдерживать?!

И этотъ глубокій, убѣжденный взглядъ былъ взглядомъ дѣдушки!..

Поразительная была у Тани память, налету запоминавшая стихи и цѣлыя пѣсенки. Вздумали мы съ Т. Л. затѣять дѣтскій спектакль изъ моего сборника театральныхъ дѣтскихъ пьесъ, съ дѣтьми ихъ сосѣдей, Мамонтовыхъ. Когда я послѣ читки заставила дѣтей повторять розданныя имъ роли, Таня сразу приняла тотъ тонъ, которымъ я прочла ея роль; а вскорѣ, только слушая роли другихъ на репетиціяхъ, она уже знала наизустъ всѣ роли, не смотря на то, что въ одной пьесѣ ихъ было 7, и произносила ихъ вполнѣ толково. Иногда мы съ ней разыгрывали цѣлыя, тутъ же мной сочиняемыя, сценки изъ домашней жизни, въ которыхъ проводилось нравственное начало, на почвѣ платы добромъ за зло, этой добротой побѣжденное. И тутъ нужно было видѣть просто артистическую, ужъ совсѣмъ природную, не навязанную мимику и тонъ, соотвѣтственно тому, изображала ли Таня дурныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, или добрыхъ! Впрочемъ, нужно замѣтить, что въ этомъ случаѣ, Таня являлась завзятой феминисткой, прося меня, чтобы дурные были мальчики, а хорошіе—дѣвочки; бо́льшей феминисткой, чѣмъ ея мать, а тоже дѣдушка, находившій и средній мужской умъ болѣе зрѣлымъ и цѣльнымъ, чѣмъ женскій высшаго качества! Таня тогда уже начала немного учиться у отца, а писала печатными буквами. Она сама научилась даже писать на пишущей машинкѣ; и нужно было видѣть ея маленькую фигурку, сидящую передъ большимъ ремингтономъ Т. Л. и ударяя крошечнымъ пальчикомъ по намѣченному значку, серьезно-утвердительно произносящей: „пропускъ!“ Но такая работа производилась шутя и рѣдко.

Я встаю въ шесть часовъ и никого не тревожа, выхожу черезъ свой балкончикъ въ садъ, сначала въ цвѣтникъ, весь пахучій, весь еще слегка смоченный росой. Прямо за рѣшеткой, ярко зеленѣетъ лугъ; дальше лѣсъ, а за нимъ, на горизонтѣ, лиловатая цѣпь холмовъ. Тихо. Протянется, слегка громыхая, по дорогѣ телѣга,—и снова тишь. Я поворачиваю налѣво и мимо площадки

тениса, погружаюсь въ вѣковой паркъ, бóльшею частію начиная съ моей любимой аллеи, одна сторона которой засажена березой, другая—лиственницей, которыя почти совсѣмъ склонились другъ къ другу вершинами и задумчиво тянутся въ далекую даль. Я питаю особенную нѣжность къ березѣ. По-моему, она не только представительница родного сѣвера, но вообще представительница родины; въ ней именно, что то русское: и мягкое, и наивное и задумчивое. Съ ней всегда соединяетъ чувства родины; она особенно отчетливо рисуется въ моихъ мысляхъ на чужбинѣ, среди иноземной красоты...

Тишина. Только птички такъ нѣжно перекликаются въ вышинѣ, да иногда раздастся мѣрный, такъ идущій къ этой мирной картинѣ, „стукъ-стукъ“ дятла о древесную кору. Аллея упирается въ рѣшетку, за которой безграничной ширью тянутся поля, и поворачиваетъ вправо. Вотъ другая аллея, въ сторону, вся темная, какъ туннель отъ густо сплетенныхъ надъ ней вѣтокъ темныхъ елей. Миную старую, на колоннахъ, съ круглымъ куполомъ бесѣдку, прозванную „Малаховъ Курганъ“, всю обросшую кустами сирени. Въ ней я любила читать чудесныя письмена Великаго Старца, изъ его книжекъ „Путь жизни“; письмена, полныя такого глубокаго смысла и вмѣстѣ—простоты! И въ этой тишинѣ, подъ кроткимъ, свѣтлымъ небомъ, глазъ-на-глазъ съ этой кроткой природой, передо мной вставалъ образъ Великаго Старца, съ его пытливымъ умомъ и вдумчивымъ взоромъ, старавшимся проникнуть непроницаемое; этотъ глубокій христіанинъ, такъ страстно преклонявшійся передъ ученіемъ Христа: не даромъ такъ истрепалось маленькое евангеліе, которое онъ постоянно носилъ при себѣ... Солнце поднимается выше. Я продолжаю свою прогулку по новымъ аллеямъ; спускаюсь ниже, по таинственнымъ тропинкамъ, разбѣгающимся во всѣ стороны, открывая все новыя, разнообразныя прогулки. Поворачиваю еще и еще, дохожу до скамейки, охватившей три ствола, сросшихся, гигантскихъ дубовъ и спускаюсь къ тихой глади пруда, къ которому съ этой стороны подступила душистая еловая роща. Тутъ тоже хорошо отдохнуть на скамейкѣ, подъ старой елью...

Но пора домой, къ кофе, который съ восьми часовъ гостепріимно появляется, для желающихъ, на широкой террасѣ. Я подхожу къ дому и сажусь за кофе иногда раньше всѣхъ. Если я пью кофе одна, у насъ происходитъ бесѣда съ Егоръ Иванычемъ, стоящимъ близъ меня, въ почтительной позѣ. Егоръ Ив. старый

слуга, когда то искусный охотникъ, егерь; одинъ изъ тѣхъ старыхъ слугъ прежнихъ временъ, типы которыхъ совсѣмъ уже отходятъ и становятся преданіемъ. Маленькій, сухощавый, еще не совсѣмъ сѣдой, съ выраженіемъ на лицѣ той преданности, которая говоритъ безъ словъ: „вы наши отцы, мы—ваши дѣти“, и съ неисчерпаемымъ запасомъ отговорокъ, могущихъ довести отцовъ до „бѣлаго каленья“, на всѣ сдѣланныя ему „отцами“ замѣчанія,—Егоръ Ивановичъ любитъ выражаться высокимъ слогомъ; изъ его отборныхъ фразъ молодежь составила чуть не лексиконъ, и они не предаются забвенію. При томъ Егоръ Ивановичъ большой скептикъ и не любитъ новшествъ. Когда два года передъ тѣмъ, тутъ въ Кочетахъ, у Тани былъ дифтеритъ, послѣ котораго доктора производили сильную дезинфекцію,—Егоръ Ивановичъ не могъ имъ этого простить, возмущенный одной идеей, что: „можно ли было допустить, что въ такой маленькой барышнѣ столько ядовитости?!“ Иногда его скептицизмъ идетъ еще дальше и касается даже толкованій священнаго писанія.

Прочитавъ сказаніе о богатомъ юношѣ, остановившемся передъ рѣшеніемъ пожертвовать своимъ состояніемъ въ пользу нищихъ и тѣмъ закрывшимъ себѣ входъ въ царство небесное, Егоръ Ив. былъ совершенно возмущенъ!

— Какъ же это такъ?—говорилъ онъ, непривычно кипятясь: вотъ возьмемъ хоть бы Его Превосходительство (Михаила Сергѣевича). Ужъ они такъ добры, такъ добры: всякаго то они чумазаго мужика до себя допустятъ и безъ помощи не оставятъ. И вдругъ за то, что Его Превосходительство богаты, ихъ черезъ верблюжье ухо будутъ пхать (толкать) въ адъ?!

— Я нынче, Татьяна Львовна,—докладывалъ онъ въ одно утро:—приготовилъ въ столовой; а то сегодня тамъ воздушное дыханіе изъ-подъ балкона...

Ко мнѣ онъ очень благоволилъ и любилъ со мной побесѣдовать; и въ почтительной позѣ, руки за спину, начиналъ мягкимъ голосомъ такъ:

— Вы простите, Софья Ивановна...

Иногда разговоръ касался и Л. Н., переходя къ нему отъ Сухотиныхъ, которыхъ онъ всѣхъ обожалъ.

— Вотъ тоже, покойный графъ,—начиналъ онъ и голосъ его становился еще болѣе почтительнымъ, граничa съ благоговѣніемъ:

вѣдь что я передъ ними былъ? Уже меньше всякой малости? А бывало, пріѣдутъ, руку протянутъ, пожмутъ; уѣзжаютъ—опять протянутъ, обласкаютъ!

Любилъ иногда Егоръ Ив. и политическій разговоръ завести, болѣе касательно войны; и вопросъ о Триполи задѣлъ его за живое!

Совсѣмъ другимъ типомъ была няня, сравнительно не старая, хотя и выходила почти всѣхъ дѣтей М. С. отъ перваго брака, и теперь ходившая за Таней. Разъѣзды съ ними, съ пребываніемъ много за границей и столкновеніе съ иностранной прислугой, придавали ей совсѣмъ другой лоскъ, далеко оставившій за собой типъ старинныхъ русскихъ нянь. Таня очень къ ней привязана и няня, конечно, обожаетъ ее! Да и кто и среди прислуги не обожаетъ эту милую крошку, такую ко всѣмъ ласковую, внимательную, безъ всякой идеи „барства", готовую и услужить и помочь на столъ накрыть или унести въ буфетъ грязную тарелку; не дѣлающую различія въ играхъ между кучеровой Матрешкой въ Кочетахъ или князьками Урусовыми въ Римѣ. Нужно было видѣть эту компанію ея деревенскихъ друзей, дворовыхъ дѣвочекъ, являвшихся въ воскресенье, когда, набѣгавшись по саду, онѣ всѣ усаживались въ дѣтской, за маленькимъ столикомъ, распивать чай (которой Танѣ,—большой до него охотницы,—давался вмѣсто молока, только въ субботу, послѣ ванны, да въ воскресенье). Какъ она угощала этихъ гостей, степенно сидѣвшихъ на маленькихъ стульчикахъ, въ красныхъ праздничныхъ платкахъ на головахъ, не только не величаясь передъ ними, но, напротивъ, во всемъ имъ уступая, учась съ дѣтства видѣть въ человѣкѣ—человѣка!

Сосѣди чаще всего пріѣжали къ тремъ часамъ, къ чаю, между завтракомъ и обѣдомъ. Молодежь сильно увлекалась тенисомъ. Вечерніе гости устраивались за карточнымъ столомъ, за шахматами. Болѣе дальніе—оставались на ночь, иногда долѣе. Изъ такихъ былъ старшій и, повидимому, любимый братъ Татьяны Львовны,—Сергѣй Львовичъ, очень симпатичный, развитой, прекрасный музыкантъ—піанистъ; который и въ шедшей тогда возмутительной борьбѣ, профанировавшей высокое имя Великаго Старца, стоялъ такъ же въ сторонѣ, какъ и Т. Л. Очень сдержанный и разумный, онъ, какъ и Т. Л., не громилъ безтактно направо и налѣво; какъ и она ставилъ надлежащую грань между „женой" отца, много своей нелѣпой придирчивостью, принесшей

страданій мужу,—и своею матерью, не перестававшей быть вѣрной женой и беззавѣтно и, можетъ быть, такъ же нелѣпо, любящей матерью. Они оба, можетъ быть, и обвиняютъ жену, но не отталкиваютъ мать. Я слышала не разъ, какъ, основываясь только на газетныхъ толкахъ, обвиняли Т. Л. въ томъ, что она, въ бытность въ Астаповѣ, не допустила мать къ отцу. Но точно то, что самъ Л. Н. не хотѣлъ этого: онъ боялся, что ея слезы и тутъ,—какъ это было не разъ,—опять смутятъ его, и онъ не выдержитъ и опять проститъ и вернется. Т. Л. не разъ рѣшалась подробно разсказать о томъ, но при этомъ ей бы пришлось коснуться того, во что она не хотѣла бросить камня... Она слишкомъ благородна для того, чтобы слѣдовать тактикѣ тѣхъ „толстовцевъ", которые бѣгали по избамъ „яснополянскихъ" крестьянъ, распуская дурные слухи о Софьѣ Андреевнѣ и, издавая письма Л. Н., вычеркивали изъ нихъ всѣ добрыя его слова о женѣ, что было очень ужъ не чистоплотно, какъ въ отношеніи правды, такъ и „Толстовскаго" духа братства и любви!..

Летятъ дни за днями—и не видишь ихъ! Чудныя утреннія прогулки. Занятія въ моей уютной комнатѣ. Дружескія бесѣды, съ глаза на глазъ съ Т. Л.; наши сказки съ Таней, въ которыхъ такъ фантастически перемѣшивались легкокрылые эльфы съ долговязымъ Кащеемъ; добродушные гномики съ хитрой Бабой-Ягой. Въ которыхъ такъ чудили всѣ эти, въ самый моментъ разсказа, создававшіеся въ моей фантазіи: Розалинды, Воронихи, Миловиды и Недотроги, за похожденіями которыхъ съ такимъ вниманіемъ слѣдила Таня. Когда я пріѣхала въ Кочеты, Т. Л. просила меня, чтобы я назначила время, когда Таня можетъ приходить ко мнѣ:

— А то она будетъ безпрестанно влетать къ вамъ и вамъ мѣшать!—говорила она.

Но Таня, при всемъ ея интересѣ пребыванія у меня, никогда не злоупотребляла и моимъ желаніемъ побыть съ ней, и являлась только въ назначенный мною часъ, съ рисовальными принадлежностями, разсаживаясь передъ столомъ, принимаясь свою фантазію изливать цвѣтными карандашами на бумагу, тогда какъ я, за своимъ вязаньемъ,—изливала мою,—въ сказкахъ. Ей хотѣлось иногда только крошечку оттянуть время, когда, среди какого нибудь могучаго полета орла, летѣвшаго на помощь плѣненной змѣемъ—Розалинды,—слышались, приближающіеся по коридору

къ моей комнатѣ, шаги шедшей за ней няни, къ которой она, умоляюще, взывала: „Нянечка, еще минуточку!"

Дорогая дѣвурочка,—какъ ей были пріятны эти наши и сказки и сценки и дружескія бесѣды, гдѣ, среди людей, такую большую роль играли животныя, особенно ея любимыя собаки! Помню, какъ разъ, въ одно сѣрое, дождливое утро, послѣ кофе, я говорю ей: „Ну, Танюля, ты вѣрно не пойдешь гулять теперь? Приходи ко мнѣ!" Молніеносно, взглянувъ на меня своими выразительными глазами, она стрѣлой бросилась по направленіи спальни съ крикомъ восторга:

— Мамочка! Софья Ивановна сама пригласила меня къ себѣ!

И какой порывъ былъ въ этомъ: „сама!" Какая это, вообще, чуткая, воспріимчивая натура! Послѣ обѣда мы, обыкновенно, по очереди съ Т. Л.—читали ей что нибудь. Особенно ее заинтересовали „Сказанія о нашихъ русскихъ богатыряхъ", за похожденіями которыхъ она слѣдила съ большимъ интересомъ. Раздавъ намъ роли этихъ богатырей, при чемъ я, по старшинству, стала Ильей Муромцемъ,—Таня взяла на себя роль Алеши Поповича и, молодецки подбоченясь, приняла ухарскій видъ съ откинутой головой и задорнымъ взглядомъ. И вдругъ я, читая дальше, останавливаюсь на какомъ-то очень неблаговидномъ поступкѣ хитраго Алёши, прибавивъ: „Однако твой Алёша-то сплоховалъ!.." Нужно было видѣть, какъ все это напускное молодечество съ нея соскочило! Она была просто уничтожена, точно самъ укоренный Алёша Поповичъ!

А наши общія прогулки въ лѣсъ на долгушкѣ; или дальше, къ сосѣдямъ. Пріѣзды ихъ къ намъ. Полная при томъ свобода оставаться въ обществѣ или уединяться; и день заканчивался общей сходкой за чаемъ, къ которому, кромѣ обычной компаніи, являлась очень милая особа фельдшерица-акушерка, Анна Ивановна. Закипалъ разговоръ, и шумъ и смѣхъ молодежи. Всѣ расходились не поздно. Но еще долго стучалъ ремингтонъ въ кабинетѣ Т. Л., принимавшейся отвѣчать на ту массу писемъ, которыя получала со всѣхъ концовъ, даже изъ Америки, отъ людей, привыкшихъ еще при Великомъ Старцѣ, мысли котораго она раздѣляла, прибѣгать къ ней за совѣтомъ и разъясненіемъ. Принималась и за ту лѣтопись, которая, со временемъ, появившись въ печати, уяснитъ многое, и, можетъ быть, многихъ, ловящихъ теперь рыбу въ мутной водѣ, выведетъ на чистую воду!..

Я прихожу къ себѣ, въ эту комнату, гдѣ годъ тому назадъ жилъ Великій Старецъ; гдѣ онъ мыслилъ и писалъ за тѣмъ же столомъ, на которомъ теперь, подъ подсвѣчниками и чернильницей, красуются бумажные коврики, работы его любимой внучки. Иногда я выхожу на мой балкончикъ, въ густой зелени котораго уже стихли, усѣвшіяся на покой, птички. Цвѣтники благоухаютъ, и темными стражами стоятъ стройныя ели. Иногда пронесется отъ деревни звонкая хоровая пѣсня и замретъ въ тихомъ воздухѣ, слившись съ лиловой далью...

На ясномъ небѣ загораются звѣзды. Въ душѣ встаютъ тихія мысли... Я думаю о Великомъ Старцѣ и о той семьѣ, среди которой я живу; болѣе или менѣе его семьѣ, которая несмотря на различные возрасты, положенія, интересы, живутъ его духомъ; что этотъ духъ царитъ во всемъ, всѣхъ поднимаетъ и оживляетъ. Всѣ они его видѣли, съ нимъ бесѣдовали; во всѣхъ въ нихъ осталось что то его: не заученное, а воспринятое. И между тѣмъ, никто изъ нихъ, начиная съ самой Т. Л. не былъ „толстовцемъ", въ томъ смыслѣ, въ какомъ,—благодаря тѣмъ пустозвонамъ, которые, не уразумѣвъ духа Великаго Старца, схватились за одну форму (тогда какъ онъ былъ вообще врагомъ формы)—принято у насъ понимать „толстовство", состоявшее, якобы, только въ томъ, чтобы скверно пахать, тачать сапоги, мыть полы, ставить самовары и лебезить передъ мужиками!

Мнѣ разсказывала одна дама, родственница жены Черткова, какъ она, однажды, была приглашена на „бесѣду" въ домѣ Черткова, гдѣ она была зрительницей такой картины. Хотя въ комнатѣ находилось нѣсколько стульевъ, но большинство слушателей и слушательницъ (все, конечно, какъ у насъ любятъ говорить: „интеллигентныхъ"...), вѣроятно съ мыслію „опроститься", сидѣло и полулежало на полу, нѣкоторые поближе къ стопамъ учителя, т. е. Черткова... И вдругъ, среди этого, жаждущаго движенія воды, пришедшаго къ источнику истины, т. е. къ Черткову общества, появился мужикъ; простой, настоящій, какъ говорятъ дѣти: „всамомдѣльскій"—мужикъ! Надо было видѣть,—разсказывала моя знакомая,—какъ Чертковъ, даже покинувъ, припавшихъ къ его стопамъ, „интеллигентныхъ" неофитовъ и неофитокъ, бросился къ этому мужику, упрашивая его сдѣлать имъ всѣмъ милость, сѣсть непремѣнно на стулъ, на самый лучшій стулъ!.. И при этомъ надо было видѣть, какъ былъ сконфуженъ бѣдный

мужичокъ, усаживаясь на стулъ и видя у своихъ ногъ этихъ опростившихся „интеллигентовъ!..“ Впрочемъ, какъ кажется, „толстовецъ“ Чертковъ самъ не чуждъ комфорта.

Благодаря этимъ маскараднымъ, нарядившимся въ форму „толстовцамъ“, хватавшимъ верхи, не углубляясь въ духъ,—и прошла молва о Великомъ Старцѣ, что онъ ни въ грошъ не ставитъ ученіе и искусство; не уразумѣвъ: какое ученіе и какое искусство! Не сообразивъ того, можно ли назвать ученіемъ ту массу баласта, которымъ набиваютъ юныя головы, придавливая именно баластомъ малую часть здраваго смысла; и искусствомъ, — уродованіе природы людьми, потерявшими даже чутье истинной красоты! Человѣкъ, отвергавшій совсѣмъ ученіе, поэзію, искусство,—не углублялся бы въ чтеніе философскихъ книгъ, не умилялся бы поэзіей Фета и не плакалъ бы, слушая Шопена.

И вотъ, вернувшись къ той семьѣ, среди которой мнѣ пришлось провести незабвенно-пріятное лѣто,—я не видѣла въ ней ничего „маскарадно-толстовскаго“, ничего напускного. Домъ былъ „полной чашей“ безъ роскоши и излишествъ. Всѣ занимались присущимъ имъ дѣломъ культурныхъ людей, не гнушаясь и физическимъ трудомъ и уважая его въ другихъ, къ нему приставленныхъ, но не создавая культа изъ „сермяги и онучей“. Но главное,—въ нихъ жилъ духъ Великаго Старца; и, живя воспоминаніями о немъ, благоговѣя передъ его геніальнымъ именемъ, они не участвуютъ въ той постыдной травлѣ, что происходитъ въ другомъ лагерѣ, гдѣ, какъ хищные коршуны, набрасываются на всякій, выисканный, во всевозможныхъ щеляхъ, клочокъ, со строчкой, вылившейся, изъ-подъ геніальнаго пера, профанируя эти изысканія самой мѣщанской меркантильностью, самой узкой, полицейской погоней за всякимъ, заподозрѣннымъ въ похищеніи малѣйшаго клочка, и когда я слышала Танину молитву: „Упокой, Господи, дѣдушку!“—я мысленно повторяла: „и избави его имя отъ услугъ тѣхъ маскарадныхъ „толстовцевъ“, которые, прикрываясь своей нелицемѣрной любовью,—жаждутъ свое убожество освѣтить блескомъ ореола его геніальнаго чела!..“

Кругомъ все стихло. Даже Никифоръ перестал̀ъ выбивать дробь на доскѣ. Даже Аскольдъ и Кудеяръ не подаютъ голоса. Смолкли и звуки на деревнѣ. Все спитъ. Только звѣзды все ярче вспыхиваютъ на потемнѣвшемъ небѣ, да цвѣты еще сильнѣе льютъ

свой ароматъ, отъ политыхъ съ вечера куртинъ. Смолкла жизнь дневного труда, и въ этой тишинѣ еще лучше думается и еще яснѣе встаютъ въ умѣ образы и дѣлаются вамъ еще ближе и понятнѣй... И я вижу, что этотъ Великій Старецъ, этотъ всемірный геній,—прежде всего былъ чисто-русскій человѣкъ! Съ его, хотя и великимъ, но тревожнымъ, умомъ, мучительнымъ анализомъ, вѣчной жаждой проникнуть непроницаемое, и вѣчнымъ исканіемъ чего то недостижимаго!..

И при этомъ воспоминаніи о хорошемъ русскомъ человѣкѣ, меня мягкой волной охватываетъ чувство родины... и мягкимъ дуновеніемъ проносится все хорошее пережитое!..

Замѣченныя опечатки см. стр. 328.

Замѣченныя опечатки.

Стр.	(строка сверху):	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
22	12	V	I.
109	34	мужу	сыну.
114	37	Дельвичъ	Дельвигъ.
118	9	начальства	нахальства.
120	25	Tru kirche	Fru kirche.
121	5	Touvière	Fouvière.
127	6	сразу	сряду.
161	1	Бертенгагенъ	Бертенсгагенъ.
184	27	Бертенсъ	Бертенсонъ.
185	7	подъ	надъ.
201	21	Францію	Флоренцію.
206	8	лентами	надписями.
207	7	Duoto	Duomo.
222	6	его	ею.
231	38	„пыльныхъ“	„ныльныхъ“.
232	2	пыльную	ныльную.
246	11	Zum Zies'l	Zum Lies'l.
253	35	Александровны	Алексѣевнѣ.
253	37	Энпи	Энни.
255	37	Dezu	Desu.
256	21	таки	такими.
263	23	нонгалянтности	ноншалантности.
266	6	самотистовъ	салютистовъ.
267	4	Раммоли	Рамполи.
267	29	духъ	думъ.
271	18	Бодота	Сòдома.
280	3	Мартѣ	Маринѣ.
281	32	нальнами	пальмами.
286	30	и	а
289	4	Sorenzo	Lorenzo.
294	21	на	но
304	35	минутное	мишурное.
306	1	не могу отмѣтить	не могу не отмѣтить.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРЕЖИТОЕ

(изъ воспоминаній).

I) Дѣтство. Мои родители и ихъ гуманность. Типъ зажиточной дворянской семьи 40-хъ годовъ, со всѣми семейными традиціями. Г. Тобольскъ и его общество. Переѣздъ оттуда. Смерть отца.

II) Петербургъ. Институтъ. Его воспитаніе. Выпускъ. Русская литература 50-хъ годовъ. Начало „Русскаго Музыкальнаго Общества". А. Г. Рубинштейнъ. Начало „Консерваторіи" и ея первые экзамены, выпуски и спектакли. Александринскій театръ. Ольдриджъ. Концертъ Рубинштейна. Знакомство съ итальянской оперой.

III) 1861 г. Освобожденіе крестьянъ. Женское движеніе. Знакомство съ женскими артелями. Рисовальная школа и составъ учителей. Мои тамъ занятія. Гравюра. Знакомство съ Д. В. Григоровичемъ.

IV) Смерть матери. Жизнь въ семьѣ брата и его кружокъ. Первая поѣздка въ Крымъ. Женскіе курсы (первообразъ „Бестужевскихъ") подъ руководствомъ Н. В. Стасовой. Мои работы гравюрой и рисованіемъ. Блестящее время Императорской итальянской оперы. Мое знакомство съ многими ея артистами. Романъ Патти и Николини.

V) Верхушка Большого театра" и „Послѣдніе Могикане". Частная итальянская опера.

VI) Начало моей литературной дѣятельности (1873 г.) въ журналѣ „Дѣтское чтеніе". Начало моей общественной дѣятельности. Чердаки и подвалы.

VII) Первая поѣздка за границу (1875 г.). Парижъ. Швейцарія. Перевалъ черезъ С. Готардъ. Италія до острова Капри.

VIII) Появленіе Росси; затѣмъ Сальвини. Интересный кружокъ товарищей брата. Наши домашніе спектакли.

IX) Путешествіе (1879 г.) за границу, начиная со Швеціи и Норвегіи и кончая Сѣв. Испаніей.

X) Появленіе журнала „Игрушечка" и Т. П. Пассекъ.

XI) Знакомство съ И. С. Тургеневымъ. Я съ него лѣплю изъ воска его силуэтъ. Наши разговоры, а затѣмъ переписка.

XII) Поѣздка за границу (1881 г.). Гардское озеро. Ривьера. Венеція и ея выставка. Въ Вѣнѣ первое знакомство съ Вагнеромъ оперой „Лоэнгринъ". Дружба съ Е. М. Бёмъ.

27

XIII) 1882 г. въ Крыму знакомство съ графомъ Д. А. Милютинымъ и его семьей. 1884 г. поѣздка за границу по Австріи и Германіи. Соляныя копи Бертенсгагена.

XIV) Поѣздка за границу 1886 г. Голландія. Бельгія. Франція. Историческіе концерты А. Г. Рубинштейна. 1887—Крымъ. 1889—Всемірная выставка въ Парижѣ. Швейцарія и Италія. Во Флоренціи встрѣча съ Д. А. Милютинымъ.

XV) Знакомство съ Росси въ Петербургѣ и затѣмъ съ нимъ переписка. 1891—поѣздка по Германіи и Швейцаріи. Знакомство съ графиней С. А. Толстой, вдовой поэта. 1892—Крымъ. Зима въ Ялтѣ. Смерть брата 1894.

XVI) Пріѣздъ Росси весной 1895 въ Петербургъ и зимой 1896—въ Москву Я ѣду туда. Спектакль въ „Охотничьемъ" клубѣ, съ Алексѣевымъ (Станиславскимъ) въ роли „Отелло". Мое съ нимъ знакомство у Росси.

XVII) Весной 1896 г. ѣду во Флоренцію, гдѣ присутствую при погребеніи Росси. Знакомство съ его семьей. Его домъ и знаменитая вилла „Монтуги". Лѣто въ Santa Margherita. Знакомство съ В. А. Высоцкой, дочерью декабриста Поджіо и ея семьей. Поѣздка въ Римъ.

XVIII) Русское Женское Взаимно-Благотворительное Общество и мои работы въ его кружкахъ. 1-ое Общежитіе и А. П. Философова. Моя дѣятельность въ другихъ благотворительныхъ обществахъ.

XIX) Русская опера. Спектакли Станиславскаго. Поѣздка 1900 въ Италію. Въ 1901—въ Баварію. За̀мки Людвига II.

XX) 1902—ѣду въ Баварію для изученія за̀мковъ Людвига II и собиранія свѣдѣній о его трагической исторіи, въ литературѣ и устно отъ народа и людей изъ общества. Въ Байрейтѣ слушаю „Парсиваля". Въ 1903 снова въ Баваріи, а затѣмъ въ Италіи. 1904—Японская война. 1905 лѣто въ Крыму. Продажа имѣнія.

XXI) 1906—снова Баварія. Байрейтъ. Слушаю „Нибелунги", „Парсиваль", „Тристанъ и Изольда". Зима во Флоренціи. Знакомство съ итальянской бѣднотой и благотворительностью. Весной поѣздка въ Римъ, а затѣмъ въ Баденъ-Баденъ. Лѣтомъ поѣздка: Лукка, Bagni di Lucca, Сіена, Перуджіо, Ассизи.

XXII) Дѣятельность въ Петербургѣ. Въ Мартѣ 1907 г. справляютъ въ Женскомъ Обществѣ юбилей моей 35-тилѣтней литературной и общественной дѣятельности. Римъ и тамъ слѣдующая зима. Интересныя знакомства. Русская читальня. Ея концерты и лекціи. Концерты въ „Augusteo".

XXIII) 1909 г. зима въ Петербургѣ. Болѣзнь моей невѣстки. 1910—часть зимы во Флоренціи остальная въ Римѣ. Слухи о болѣзни Л. Н. Толстого и его кончина. Въ Римѣ мое знакомство съ семьей Сухотиныхъ и дружба съ Татьяной Львовной. Встрѣча съ Станиславскимъ и его чтеніе. Всемірная выставка въ Римѣ. И. Е. Рѣпинъ. Лекція князя С. М. Волконскаго въ русской читальнѣ.

XXIV) Синодальные пѣвчіе. Русскій балетъ. Русскій квартетъ. Выставка во Флоренціи. Петербургъ. Лѣтомъ поѣздка къ Сухотинымъ, въ имѣніе „Кочеты".

XXV) Лѣто въ семьѣ „Великаго Старца".

ИСКЛЮЧЕНА

2007085570